

К.Н. БАТЮШКОВ

ОПЫТЫ

В

СТИХАХ

И

ПРОЗЕ

К. Н. БАТЮШКОВ

ОПЫТЫ

В СТИХАХ И ПРОЗЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

К.Н. БАТЮШКОВ

ОПЫТЫ

В

СТИХАХ

И

ПРОЗЕ

Издание подготовила

И. М. СЕМЕНКО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1977

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

*М. П. Алексеев, Н. И. Балашов,
Д. Д. Благой, И. С. Брагинский, М. Л. Гаспаров,
А. Л. Гришунин, Л. А. Дмитриев, Н. Я. Дьяконова,
Б. Ф. Егоров, Д. С. Лихачев (председатель),
А. Д. Михайлов, Д. В. Ознобишин (ученый секретарь),
Д. А. Ольдеропе, Ф. А. Петровский, Б. И. Пуришев,
А. М. Самсонов (заместитель председателя),
М. И. Стеблин-Каменский, Г. В. Степанов*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
Д. Д. БЛАГОЙ

Б $\frac{70401-159}{042 (02)-77}$ 330-77

© Издательство «Наука»,
1977 г.

Часть I

ПРОЗА

Et quand personne ne me lira, ay je perdu mon temps, de m'estre entretenu tant d'heures oysifves à pensements utiles ou agréables?

Montaigne

И если никто меня не прочитает, потерял ли я мое время, проводя столько праздных часов в полезных или приятных размышлениях?

Монтень (франц.)

В двух сих книжках помещены почти все произведения г. Батюшкова в стихах и прозе, рассеянные по разным периодическим изданиям, и присоединены еще новые, нигде не печатанные. Говорить об них в предисловии я почитаю излишним. Скажу только, что случай, доставивший мне средства предпринять сие издание, я почитаю приятнейшим в жизни, ибо уверен, что удовлетворю желание просвещенных любителей словесности.

Н. Гнедич.

ОПЫТЫ
ВЪ СТИХАХЪ И ПРОЗѢ

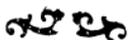
К. Батюшкова

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ
1817.

*Титульный лист первого издания «Опытов»
(1-я часть)*

Рисунок И. А. Иванова по наброскам А. Н. Оленина.
Гравировал И. Ческий.

I

РЕЧЬ О ВЛИЯНИИ ЛЕГКОЙ ПОЭЗИИ НА ЯЗЫК,
читанная при вступлении
в «Общество любителей русской словесности»
в Москве. Июля ... 1816.

Избрание меня в сочлены ваши есть новое свидетельство, милостивые государи, вашей снисходительности. Вы обращаете внимательные взоры не на одно дарование, вы награждаете слабые труды и малейшие успехи; ибо имеете в виду важную цель: будущее богатство языка, столь тесно сопряженное с образованностью гражданской, с просвещением, и следственно — с благоденствием страны, славнейшей и обширнейшей в мире. По заслугам моим я не имею права заседать с вами; но если усердие к словесности есть достоинство, то по пламенному желанию усовершенствования языка нашего, единственно по любви моей к поэзии, я могу смело сказать, что выбор ваш соответствует цели общества. Занятия мои были маловажны, но непрерывны. Они были пред вами красноречивыми свидетелями моего усердия и доставили мне счастье заседать в древнейшем святилище Муз отечественных, которое возрождается из пепла вместе с столицею царства русского и со временем будет достойно ее древнего величия.

Обзревая мысленно обширное поле словесности, необъятные труды и подвиги ума человеческого, драго-

ценные сокровища красноречия и стихотворства, я с горестию познаю и чувствую слабость сил и маловажность занятий моих; но утешаюсь мыслию, что успехи и в малейшей отрасли словесности могут быть полезны языку нашему. Эпопея, драматическое искусство, лирическая поэзия, история, красноречие духовное и гражданское требуют великих усилий ума, высокого и пламенного воображения. Счастливы те, которые похищают пальму первенства в сих родах: имена их становятся бессмертными; ибо счастливые произведения творческого ума не принадлежат одному народу исключительно, но делаются достоянием всего человечества. Особенно великие произведения муз имеют влияние на язык новый и необработанный. Ломоносов тому явный пример. Он преобразовал язык наш, созидавая образцы во всех родах. Он то же учинил на трудном поприще словесности, что Петр Великий на поприще гражданском. Петр Великий пробудил народ, усыпленный в оковах невежества; он создал для него законы, силу военную и славу. Ломоносов пробудил язык усыпленного народа; он создал ему красноречие и стихотворство, он испытал его силу во всех родах и приготовил для грядущих талантов верные орудия к успехам. Он возвел в свое время язык русский до возможной степени совершенства — возможной, говорю, ибо язык идет всегда наравне с успехами оружия и славы народной, с просвещением, с нуждами общества, с гражданской образованностью и людскостию. Но Ломоносов, сей исполин в науках и в искусстве писать, испытуя русский язык в важных родах, желал обогатить его нежнейшими выражениями Анакреоновой музы. Сей великий образователь нашей словесности знал и чувствовал, что язык просвещенного народа должен удовлетворять всем его требованиям и состоять не из одних высокопарных слов и вы-

ражений. Он знал, что у всех народов, и древних и новейших, легкая поэзия, которую можно назвать прелестною роскошью словесности, имела отличное место на Парнасе и давала новую пищу языку стихотворному. Греки восхищались Омером и тремя трагиками¹, веле-речием историков² своих, убедительным и стремительным красноречием Демосфена: но Вион, Мосх,³ Симонид⁴, Феокрит⁵, мудрец Феосский⁶ и пламенная Сафо были увенчаны современниками. Римляне, победители греков оружием, не талантом, подражали им во всех родах: Цицерон, Вергилий, Гораций, Тит Ливий и другие состязались с греками. Важные римляне, потомки суровых Кориоланов⁷, внимали им с удивлением; но эротическую музу Катулла, Тибулла и Проперция не отвергали. По возрождении муз⁸, Петрарка, один из ученейших мужей своего века, светильник богословия и политики, один из первых создателей славы возрождающейся Италии из развалин классического Рима, Петрарка, немедленно шествуя за суровым Дантом⁹, довершил образование великолепного наречия тосканского, подражая Тибуллу, Овидию и поэзии мавров, исполненной воображения и неги. Маро¹⁰, царедворец Франциска I, известный по эротическим стихотворениям, был один из первых образователей языка французского, которого владычество, почти пагубное, распространилось на все народы, достигшие¹¹ высокой степени просвещения. В Англии Валлер, певец Захариссы¹², в Германии Гагедорн¹³ и другие писатели, предшественники творца «Мессиады»¹⁴ и великого Шиллера, спешили жертвовать грациям и говорить языком страсти и любви, любимейшим языком муз, по словам глубокомысленного Монтаня. У нас преемник лиры Ломоносова, Державин, которого одно имя истинный талант произносит с благоговением, — Державин, вдохновенный певец высоких

истин¹⁵, и в зиму дней своих любил отдыхать со старцем Феосским. По следам сих поэтов, множество писателей отличились в этом роде, по видимому столь легком, но в самом деле имеющем великие трудности и преткновения, особенно у нас; ибо язык русский, громкий, сильный и выразительный, сохранил еще некоторую суровость и упрямство¹⁶, не совершенно исчезающие даже под пером опытного таланта, поддержанного наукою и терпением.

Главные достоинства стихотворного слога суть: движение, сила, ясность. В больших родах читатель, увлеченный описанием страстей, ослепленный живейшими красками поэзии, может забыть недостатки и неровности слога, и с жадностью внимает вдохновенному поэту или действующему лицу, им созданному. Во время представления какой холодный зритель¹⁷ будет искать ошибок в слоге, когда Полиник, лишенный венца и внутреннего спокойствия, в слезах, в отчаянии бросается к стопам разгневанного Эдипа? Но сии ошибки, поучительные для дарования, замечает просвещенный критик в тишине своей учебной храмины: каждое слово, каждое выражение он взвешивает на весах строгого вкуса; отвергает слабое, ложно блестящее, неверное и научает наслаждаться истинно прекрасным. В легком роде поэзии читатель требует возможного совершенства, чистоты выражения, стройности в слоге, гибкости, плавности; он требует истины в чувствах и сохранения строжайшего приличия во всех отношениях; он тотчас делается строгим судьбою, ибо внимание его ничем сильно не развлекается. Красивость в слоге здесь нужна необходимо и ничем заменить не может. Она есть тайна, известная одному дарованию и особенно постоянному напряжению внимания к одному предмету: ибо поэзия и в малых родах есть искусство трудное и требующее всей жизни

и всех усилий душевных; надобно родиться для поэзии; этого мало: родясь, надобно сделаться поэтом, в каком бы то ни было роде.

Так называемый эротический и вообще легкий род поэзии восприял у нас начало со времен Ломоносова и Сумарокова¹⁸. Опыты их предшественников были маловажны: язык и общество еще не были образованы. Мы не будем исчислять всех видов, разделений и изменений легкой поэзии, которая менее или более принадлежит к важным родам: но заметим, что на поприще изящных искусств, подобно как и в нравственном мире, ничто прекрасное и доброе не теряется, приносит со временем пользу и действует непосредственно на весь состав языка. Стихотворная повесть Богдановича¹⁹, первый и прелестный цветок легкой поэзии на языке нашем, ознаменованный истинным и великим талантом; остроумные, неподражаемые сказки Дмитриева, в которых поэзия в первый раз украсила разговор лучшего общества; послания и другие произведения сего стихотворца, в которых философия оживилась неувядающими цветами воображения²⁰; басни его, в которых он боролся с Лафонтеном и часто побеждал его; басни Хемницера²¹ и оригинальные басни Крылова, которых остроумные, счастливые стихи сделались пословицами, ибо в них виден и тонкий ум наблюдателя света, и редкий талант; стихотворения Карамзина, исполненные чувства, образец ясности и стройности мыслей; горацянские оды Капниста²²; вдохновенные страстью песни Нелединского²³; прекрасные подражания древним Мерзлякова²⁴; баллады Жуковского, сияющие воображением, часто своим нравным, но всегда пламенным, всегда сильным; стихотворения Востокова²⁵, в которых видно отличное дарование поэта, напитанного чтением древних и германских писателей; наконец стихотворения Муравьева, где изо-

бражается, как в зеркале, прекрасная душа его; послания князя Долгорукова²⁶, исполненные живости; некоторые послания Воейкова²⁷, Пушкина²⁸ и других новейших стихотворцев, писанные слогом чистым и всегда благородным^{1*}: все сии блестящие произведения дарования и остроумия менее или более приближались к желанному совершенству, и все — нет сомнения — принесли пользу языку стихотворному, образовали его, очистили, утвердили. Так светлые ручьи, текущие разными излучинами по одному постоянному наклонению, соединяясь в долине, образуют глубокие и обширные озера: благодетельные воды сии не иссякают от времени; напротив того, они возрастают и увеличиваются с веками, и вечно существуют для блага земли, ими орошаемой!

В первом периоде словесности нашей, со времен Ломоносова, у нас много написано в легком роде; но малое число стихов спаслось от общего забвения. Главною тому причиною можно положить не один недостаток таланта или изменение языка, но изменение самого общества; большую его образованность и, может быть, большее просвещение, требующие от языка и писателей большего знания света и сохранения его приличий: ибо сей род словесности беспрестанно напоминает об обществе; он образован из его явлений, странностей, предразсудков и должен быть ясным и верным его зеркалом. Большая часть писателей, мною названных, провели жизнь свою посреди общества Екатеринина века, столь благоприятного наукам и словесности; там занимались они эту людскость и вежливость, это благородство, которых отпечаток мы видим в их творениях: в лучшем обществе научились они угадывать тайную игру страстей, наблюдать нравы, сохранять все условия

^{1*} Смотри примечание А.

и отношения светские и говорить ясно, легко и приятно. Этого мало: все сии писатели обогатились мыслями в прилежном чтении иностранных авторов, иные древних, другие новейших, и запаслись обильною жатвою слов в наших старинных книгах. Все сии писатели имеют истинный талант, испытанный временем; истинную любовь к лучшему, благороднейшему из искусств, к поэзии, и уважают, смею сказать, боготворят свое искусство, как лучшее достояние человека образованного, истинный дар неба, который доставляет нам чистейшие наслаждения посреди забот и терний жизни, который дает нам то, что мы называем бессмертием на земле — мечту прелестную для душ возвышенных!

Все роды хороши, кроме скучного²⁹. В словесности все роды приносят пользу языку и образованности. Одно невежественное упрямство не любит и старается ограничить наслаждения ума. Истинная, просвещенная любовь к искусствам снисходительна и, так сказать, жадна к новым духовным наслаждениям. Она ничем не ограничивается, ничего не желает исключить и никакой отрасли словесности не презирает. Шекспир и Расин, драма и комедия, древний экзаметр и ямб, давно присвоенный нами, пиндарическая ода и новая баллада, эпопея Омера, Ариоста и Клопштока³⁰, столь различные по изобретению и формам, ей равно известны, равно драгоценны. Она с любопытством замечает успехи языка во всех родах, ничего не чуждается, кроме того, что может вредить нравам, успехам просвещения и здравому вкусу (я беру сие слово в обширном значении). Она с удовольствием замечает дарование в толпе писателей и готова ему подать полезные советы: она, как говорит поэт, готова обнять

В отважном мальчике грядущего поэта!³¹

Ни расколы, ни зависть, ни пристрастие, никакие пред-
рассудки ей не известны. Польза языка, слава отече-
ства: вот благородная ее цель! Вы, милостивые государи,
являете прекрасный пример, созывая дарования со всех
сторон, без лицеприятия, без пристрастия. Вы говорите
каждому из них: несите, несите свои сокровища в оби-
тель муз, отверстую каждому таланту, каждому успеху;
совершите прекрасное, великое, святое дело: обогатите,
образуйте язык славнейшего народа, населяющего почти
половину мира; поравняйте славу языка его со
славою военною, успехи ума с успехами оружия. Важ-
ные музы подают здесь дружественно руку младшим
сестрам своим, и алтарь вкуса обогащается их взаим-
ными дарами.

И когда удобнее совершить желаемый подвиг? в ка-
ком месте приличнее? В Москве, столь красноречивой
и в развалинах своих, близ полей, ознаменованных не-
слыханными доселе победами, в древнем отечестве славы
и нового величия народного!

Так! с давнего времени все благоприятствовало да-
рованию в Университете московском³², в старшем свя-
тилище муз отечественных. Здесь пламенный их люби-
тель с радостью созерцает следы просвещенных и дея-
тельных покровителей. Имя Шувалова³³, первого меце-
ната русского, сливается здесь с громким именем Ло-
моносова. Между знаменитыми покровителями наук мы
облетаем Хераскова: творец «Россияды» посещал сии
мирные убежища³⁴; он покровительствовал сему рас-
саднику наук; он первый ободрял возникающий талант
и славу писателя соединил с другою славою, не менее
лестною для души благородной, не менее прочною, — со
славою покровителя наук. Муравьев³⁵, как человек го-
сударственный, как попечитель, принимал живейшее
участие в успехах Университета, которому в молодости

был обязан своим образованием^{1*}. Под руководством славнейших профессоров московских, в недрах своего отечества он приобрел сии обширные сведения во всех отраслях ума человеческого, которым нередко удивлялись ученые иностранцы: за благодеяния наставников он платил благодеяниями сему святилищу наук; имя его будет любезно сердцам добрым и чувствительным, имя его напоминает все заслуги, все добродетели, — ученость обширную, утвержденную на прочном основании, на знании языков древних; редкое искусство писать он умел соединить с искреннею кротостию, с снисходительностью, великому уму и добрейшему сердцу свойственною. Казалось, в его виде посетил землю один из сих гениев, из сих светильников философии, которые некогда рождались под счастливым небом Аттики для разлития практической и умозрительной мудрости, для утешения и назидания человечества красноречивым словом и красноречивейшим примером. Вы наслаждались его беседою; вы читали в глазах его живое участие, которое он принимал в успехах и славе вашей; вы знаете все заслуги сего редкого человека... и — простите мне несколько слов, в его воспоминание чистейшею благодарностию исторгнутых! — я ему обязан моим образованием и счастьем заседать с вами, которое умею ценить, которым умею гордиться.

И этот человек столь рано похищен смертию с прищипки наук и добродетели! И он не был свидетелем великих подвигов боготворимого им монарха и славы народной! Он не будет свидетелем новых успехов словесности в счастливейшие времена для наук и просвещения: ибо никогда, ни в какое время обстоятельства не были им столько благоприятны. Храм Януса³⁶ за-

^{1*} Смотри примечание В.

крыт рукою Победы, неразлучной спутницы монарха. Великая душа его услаждается успехами ума в стране, вверенной ему святым провидением, и каждый труд, каждый полезный подвиг щедро им награждается. В недавнем времени, в лице славного писателя³⁷, он ободрил все отечественные таланты: и нет сомнения, что все благородные сердца, все патриоты с признательностью благословляют руку, которая столь щедро награждает полезные труды, постоянство и чистую славу писателя, известного и в странах отдаленных, и которым должно гордиться отечество. Правительство благодетельное и прозорливое, пользуясь счастливейшими обстоятельствами — тишиною внешнею и внутреннею государства, — отверзает снова все пути к просвещению. Под его руководством процветут науки, художества и словесность, коснеющие посреди шума военного; процветут все отрасли, все способности ума человеческого, которые только в неразрывном и тесном союзе ведут народы к истинному благоденствию, и славу его делают прочною и незыблемою. Самая поэзия, которая питается учением, возрастает и мужает наравне с образованием общества, поэзия принесет зрелые плоды и доставит новые наслаждения душам возвышенным, рожденным любить и чувствовать изящное. Общество примет живейшее участие в успехах ума — и тогда имя писателя, ученого и отличного стихотворца не будет дико для слуха: оно будет возбуждать в умах все понятия о славе отечества, о достоинстве полезного гражданина. В ожидании сего счастливого времени мы совершим все, что в силах совершить. Деятельное покровительство блюстителей просвещения, которым сие общество обязано существованием; рвение, с которым мы приступаем к важнейшим трудам в словесности; беспристрастие, которое мы желаем сохранить посреди разногласных

мнений, еще не просвещенных здравою критикою: все обещает нам верные успехи; и мы достигнем, по крайней мере приблизимся к желаемой цели, одушевленные именами пользы и славы, руководимые беспристрастием и критикою.

ПРИМЕЧАНИЯ

А. Похвала или порицание частного человека не есть приговор общественного вкуса. Исчисляя стихотворцев, отличившихся в легком роде поэзии, я старался сообразоваться со вкусом общественным. Может быть я во многом и ошибся; но мнение мое сказал чистосердечно, и читатель скорее обличит меня в невежестве, нежели в пристрастии. Надобно иметь некоторую смелость, чтобы порицать дурное в словесности; но едва ли не потребно еще более храбрости тому, кто вздумает хвалить то, что истинно достойно похвалы.

В. Добро никогда не теряется, особливо добро, сделанное Музам: они чувствительны и благодарны. Они записали в скрижалях славы имена Шувалова, графа Строгонова³⁸ и графа Н. П. Румянцева³⁹, который и поныне удостоивает их своего покровительства. Какое доброе сердце не заметит с чистейшею радостью, что они осыпали цветами гробницу Муравьева? Ученый Рихтер⁴⁰, почтенный сочинитель Истории медицины в России, в прекрасной речи своей, говоренной им в Московской медико-хирургической академии, и г. Мерзляков, известный профессор Московского Университета, в предисловии к Вергилиевым Эклогам упоминали о нем с чувством, с жаром. Некоторые стихотворцы, из числа их г. Воейков в послании к Эмилию, и г. Буринский⁴¹, слишком рано похищенный смертью с поприща словесности, говорили о нем в стихах своих. Последний, оплакав кончину храброго генерала Глебова⁴², продолжает:

О Провидение! Роптать я не дерзаю! . .
Но — слабый — не могу не плакать пред тобой:
Там в славе, в счастии злодея созерцаю,
Здесь вянет, как трава, муж кроткий и благой!
Слез горестных поток еще не осушился,

Еще мы... Злобный рок навеки нас лишил
Того, кто счастьем Парнаса веселился.

.
Где ты, о Муравьев! прямое украшенье,
Парнаса русского любитель, нежный друг?
Увы! зачем среди стези благотворенья,
Как в добродетелях мужал твой кроткий дух,
Ты рано похищен от наших ожиданий?
Где страсть твоя к добру? сей душ избранных
дар?

Где рано собранно сокровище познаний?
Где, где усердия в груди горевший жар
Служить Отечеству, сияя среди немногих
Прямых его сынов, творивших честь ему?
Любезность разума и прелесть нравов кротких —
Исчезло все!.. Увы!.. Честь праху твоему!

II

НЕЧТО О ПОЭТЕ И ПОЭЗИИ

Поэзия — сей пламень небесный, который менее или более входит в состав души человеческой — сие сочетание воображения, чувствительности, мечтательности — поэзия нередко составляет и муку и услаждение людей, единственно для нее созданных. *Вдохновением гения тревожится поэт*¹, сказал известный стихотворец. Это совершенно справедливо. Есть минуты деятельной чувствительности: их испытали люди с истинным дарованием; их-то должно ловить на лету живописцу, музыканту и, более всех, поэту: ибо они редки, преходящи и зависят часто от здоровья, от времени, от влияния внешних предметов, которыми по произволу мы управлять не в силах. Но в минуту вдохновения, в сладостную минуту очарования поэтического я никогда не взял бы пера моего, если бы нашел сердце, способное чувствовать вполне то, что я чувствую; если бы мог передать ему все тайные помышления, всю свежесть моего мечтания и заставить в нем трепетать те же струны, которые издали голос в моем сердце. Где сыскать сердце, готовое разделять с нами все чувства и ощущения наши? Нет его с нами — и мы прибегаем к искусству выражать мысли свои, в сладостной надежде, что есть на земле сердца добрые, умы образованные, для которых сильное и благородное чувство, счастливое

выражение, прекрасный стих и страница живой, красноречивой прозы — суть сокровища истинные... «Они не могут читать в моем сердце, но прочитают книгу мою», — говорил Монтань²; и в самые бурные времена Франции³, при звуке оружия, при зареве костров, зажженных суеверием, писал «Опыты» свои и, беседуя с добрыми сердцами всех веков, забывал недостойных современников.

Некто сравнивал душу поэта в минуту вдохновения с расплавленным в горниле металлом: в сильном и постоянном пламени он долго остается в первобытном положении, долго недвижим; но раскаленный — рдеется, закипает и клокочет: снятый с огня, в одну минуту успокаивается и упадет. Вот прекрасное изображение поэта, которого вся жизнь должна готовить несколько плодотворных минут: все предметы, все чувства, все зримое и незримое должно распалать его душу и медленно приближать сии ясные минуты деятельности, в которые столь легко изображать всю историю наших впечатлений, чувств и страстей. Плодотворная минута поэзии! ты быстро исчезаешь, но оставляешь вечные следы у людей, владеющих языком богов.

Люди, счастливо рожденные, которых природа щедро наделила памятью, воображением, огненным сердцем и великим рассудком, умеющим давать верное направление и памяти и воображению, — сии люди имеют без сомнения дар выражаться, прелестный дар, лучшее достояние человека; ибо посредством его он оставляет вернейшие следы в обществе и имеет на него сильное влияние. Без него не было бы ничего продолжительного, верного, определенного; и то, что мы называем бессмертием на земле, не могло бы существовать. Веки мелькают, памятники рук человеческих разрушаются, изустные предания изменяются, исчезают: но Омер и

книги священные говорят о протекшем. На них основана опытность человеческая. Вечные кладези, откуда мы почерпаем истины утешительные или печальные! что дает вам сию прочность? Искусство письма и другое, важнейшее — искусство выражения.

Сей дар выражать и чувства и мысли свои давно подчинен строгой науке. Он подлежит постоянным правилам, проистекшим от опытности и наблюдения. Но самое изучение правил, беспрестанное и упорное наблюдение изящных образцов — недостаточны. Надобно, чтобы вся жизнь, все тайные помышления, все страстия клонились к одному предмету, и сей предмет должен быть — Искусство. Поэзия, осмелюсь сказать, требует *всего человека*.

Я желаю — пускай назовут странным мое желание! — желаю, чтобы поэту предписали особенный образ жизни, пиитическую *диэтику*; одним словом, чтобы сделали науку из жизни стихотворца. Эта наука была бы для многих едва ли не полезнее всех Аристотелевых правил⁴, по которым научаемся избегать ошибок; но как творить изящное — никогда не научимся!

Первое правило сей науки должно быть: живи как пишешь, и пиши как живешь. *Talis hominibus fuit oratio, qualis vita* *. Иначе все отголоски лиры твоей будут фальшивы. К чему произвела тебя природа? Что вложила в сердце твое? Чем пленяется воображение, часто против воли твоей? При чтении какого писателя трепетал твой гений с неизъяснимою радостью, и глас, громкий глас твоей пиитической совести восклицал: проснись, и ты поэт! — При чтении творцов эпических? Итак, удались от общества, окружи себя природою: в тишине сельской, посреди грубых, неиспорчен-

* Речь людей такова, какой была их жизнь⁵ (лат.),

ных нравов читай историю времен протекших, поучайся в печальных летописях мира, узнавай человека и страсти его, но исполнись любви и благоволения ко всему человечеству: да будут мысли твои важны и величественны, движения души твоей нежны и страстны, но всегда покорены рассудку, спокойному властелину их. Этого мало! Эпическому стихотворцу надобно все испытать, обе фортуны⁶. Подобно Тассу, любить и страдать всем сердцем⁷; подобно Камоэнсу, сражаться за отечество⁸, обтекать все страны, вопрошать все народы, дикие и просвещенные, вопрошать все памятники искусства, всю природу, которая говорит всегда красноречиво и внятно уму возвышенному, обогащенному опытами, воспоминаниями. Одним словом, надобно, забыв все ничтожные выгоды жизни и самолюбия, пожертвовать всем — славе; и тогда только погрузиться (не с дерзости кичливого ума, но с решимостью человека, носящего в груди своей внутреннее сознание собственной силы), тогда только погрузиться в бурное и пространное море эпопей. . .

Жить в обществе, носить на себе тяжелое ярмо должностей, часто ничтожных и суетных, и хотеть согласовать выгоды самолюбия с желанием славы — есть требование истинно суетное. Что образ жизни действует сильно⁹ и постоянно на талант, в том нет сомнения. Пример тому французы: их словесность, столь богатая во всех родах, не имеет ни эпопей, ни истории. Их писатели по большей части жили посреди шумного города, посреди всех обольщений двора и праздности; а история и эпопея требуют внимания постоянного, и сей важности и сей душевной силы, которую общество не только что отнимает у человека рассеянного, но уничтожает совершенно. «Хотите ли быть красноречивыми писателями?» — говорит красноречивая женщина нашего времени¹⁰:

будьте добродетельны и свободны, почитайте предмет любви вашей, ищите бессмертия в любви, божества в природе; освятите душу, как освящают храм, и ангел возвышенных мыслей предстанет вам во всем велелепии!» Прелестные строки, исполненные истины! вас рассеянные умы или не поймут или прочитают с гордым презрением.

Взглянем на жизнь некоторых стихотворцев, которых имена столь любезны сердцу нашему. Гораций, Катулл и Овидий так жили, как писали. Тибулл не обманывал ни себя, ни других¹¹, говоря покровителю своему, Мес-сале, что его не обрадуют ни триумфы, ни пышный Рим¹²; но спокойствие полей, здоровый воздух лесов, мягкие луга, родимый ручеек и эта хижина с простым, соломенным кровом — ветхая хижина, в которой Делия ожидает его с распущенными власами по высокой груди. Петрарка точно стоял, опершись на скалу Воклюзскую¹³, погруженный в глубокую задумчивость, когда вылетали из уст его гармонические стихи:

Sott' un gran sasso
In una chiusa valle, ond' esce Sorga,
Si stà: nè chi lo scorga
V'è, se no Amor, che mai no'l lascia un passo
E l' imagine d' una che lo strugge*.

Счастливей Шолье¹⁵ мечтал под ветхими и тенистыми древами Фонтенейского убежища; там сожалел он об

* Под большой скалой

В замкнутой долине, откуда вытекает Сорга.

Стоит он: и того, кто бы видел его, там нет,

Кроме Амура, который никогда не оставляет его ни на шаг,

И образа той, которая его сокрушает¹⁴ (итал.).

утрате юности, об утрате неверных наслаждений любви. Богданович жил в мире фантазии¹⁶, им созданном, когда рука его рисовала пленительное изображение Душеньки^{1*}. Державин на диких берегах Суны, орошенный кипящею ее пеною, воспевал водопад и бога в пророческом исступлении¹⁷. И в наши времена, более обильные славою, нежели благоприятные музам, Жуковский, оторванный Беллоною от милых полей своих, Жуковский, одаренный пламенным воображением и редкою способностью передавать другим глубокие ощущения души сильной и благородной — в стане воинов, при громе пушек, при зареве пылающей столицы писал вдохновенные стихи, исполненные огня, движения и силы¹⁸.

Если образ жизни имеет столь сильное влияние на произведения поэта, то воспитание действует на него еще сильнее. Ничто не может изгладить из памяти сердца нашего первых, сладостных впечатлений юности!¹⁹ Время украшает их и дает им восхитительную прелесть. В среднем возрасте зримые предметы слабо врезаются в память, и душа, утомленная ощущениями, пренебрегает ими: ее занимают одни страсти; в преклонных годах человек не приобретает, и последним его сокровищем остается то единственно, чем он запас себя в молодости. Таким образом природа соединяет вечер с утром жизни, как вечерняя заря сливается с утреннею в долгие дни лета под нашим северным небом.

Если первые впечатления столь сильны в сердце каждого человека, если не изглаживаются во все течение

^{1*} Богданович жил в совершенном уединении. У него были два товарища, достойные добродушного Лафонтена: кот и петух. Об них он говорил, как о друзьях своих, рассказывал чудеса, беспокоился об их здоровье и долго оплакивал их кончину.

его жизни; то тем более они должны быть сильны и сохранять неувядаемую свежесть в душе писателя, одаренного глубокою чувствительностью.

Утешно вспоминать под старость детски леты,
Забавы, резвости, различные предметы,
Которые тогда увеселяли нас! ²⁰

Если бы мы знали подробно обстоятельства жизни великих писателей, то без сомнения могли бы найти в их творениях следы первых, всегда сильных ощущений. Сердце имеет свою особенную память. Руссо помнил начало песни, которую ему напевала его добродушная тетка ²¹. Молодой Ариост, в бытность свою во Флоренции, влюбился в прелестную женщину. Он часто посещал ее; целые часы в глубоком безмолвии просиживал, любясь красавицею, которая вышивала по серебру пурпурным шелком. Впечатление прелестных рук навсегда осталось в памяти любовника, и столь сильно, что в последствии времени, рассказывая битву Мандрикара с злополучным Сербином, он сравнивает алую кровь, текущую из глубокой раны юноши, с пурпурными начертаниями, которые вышивала по серебру белоснежная рука незабвенной флорентинки ²². Нежные сердца помнят те места в Вергилии, где поэт говорит о своей милой Мантуе ²³; стихи римского Омера исполнены воспоминаний о юности; они исполнены сих глубоких, неизгладимых впечатлений, которые погружают читателя в сладкую задумчивость, напоминая ему его собственную жизнь и ясную зарю молодости.

Климат, вид неба, воды и земли — все действует на душу поэта, отверстую для впечатлений. Мы видим в песнях северных скальдов и эрских бардов ²⁴ нечто суровое, мрачное, дикое и всегда мечтательное, напоми-

нающее и пасмурное небо севера, и туманы морские, и всю природу, скудную дарами жизни, но всегда величественную, прелестную и в ужасах. Мы видим неизгладимый отпечаток климата в стихотворцах полуденных: некоторую негу, роскошь воображения, свежесть чувств и ясность мыслей, напоминающих и небо, и всю благотворную природу стран южных, где человек наслаждается двойною жизнью, в сравнении с нами, где все питает и нежит его чувства, где все говорит его воображению. Напрасно уроженец Сицилии или Неаполя желал бы состязаться в песнях своих с бардом Морвена²⁵ и описывать, подобно ему, мрачную природу севера: напрасно северный поэт желал бы изображать роскошные долины, прохладные пещеры, плодоносные рощи, тихие заливы и небо Сицилии, высокое, прозрачное и вечно ясное. Один Тасс, рожденный под раскаленным солнцем Неаполя, мог описать столь верными и свежими красками ужасную засуху, гибельную для крестовых воинов²⁶. По сему описанию, говорит ученый Женгене²⁷, можно узнать полуденного жителя, который неоднократно подвергался смертному влиянию ветров африканских, неоднократно изнемогал под бременем зноя. — У нас Ломоносов, рожденный на берегу шумного моря, воспитанный в трудах промысла, сопряженного с опасностью, сей удивительный человек в первых годах юношества был сильно поражен явлениями природы: солнцем, которое в должайшие дни лета, дошед до края горизонта, снова восстает и снова течет по тверди небесной; северным сиянием, которое в полуночном краю заменяет солнце и проливает холодный и дрожащий свет на природу, спящую под глубокими снегами, — Ломоносов с каким-то особенным удовольствием описывает сии явления природы, величественные и прекрасные, и повторяет их в великолепных стихах своих:

Закрылись крайние с пучиною леса
Лишь с морем видны вокруг слиянны небеса.
...
... Сквозь воздух в юге чистый
Открылись два холма и берега лесисты.
Меж ними кораблям в залив отверзся вход,
Убежище пловцам от беспокойных вод,
Где, в влажных берегах крутятся, печальна Уна
Медлительно течет в объятия Нептуна...
Достигло дневное до полночи светило,
Но в глубине лица горящего не скрыло;
Как пламенна гора казалось средь валов
И простирало блеск багровый из-за льдов.
Среди пречудных при ясном солнце ночи
Верхи золотых зыбей пловцам сверкают в очи²⁸.

Мы не остановимся на красоте стихов. Здесь все выражения великолепны: горящее лицо солнца, противопоставленное холодным водам океана; солнце, остановившееся на горизонте, и, подобно пламенной горе, простирающее блеск из-за льдов, — суть первоклассные красоты описательной поэзии. Два последние стиха, заключающие картину, восхитительны:

Среди пречудных при ясном солнце ночи
Верхи золотых зыбей пловцам сверкают в очи.

Но мы заметим, что поэт не мог бы написать их, если бы он не был свидетелем сего чудесного явления, которое поразило огненное воображение вдохновенного отрока и оставило в нем глубокое, неизгладимое впечатление.

III

О ХАРАКТЕРЕ ЛОМОНОСОВА

По слогу можно узнать человека¹, сказал Бюффон: характер писателя весь в его творениях. Это с одной стороны справедливо. — Без сомнения, по стихам и прозе Ломоносова мы можем заключить, что он имел возвышенную душу, ясный и пронизательный ум, характер необыкновенно предприимчивый и сильный. Но любителю словесности, скажу более, наблюдателю-философу приятно было бы узнать некоторые подробности частной жизни великого человека; познакомиться с ним, узнать его страсти, его заботы, его печали, наслаждения, привычки, странности, слабости и самые пороки, неразлучные спутники человека. «Разум, услаждавшийся величественными понятиями всеобщего порядка, не может быть соединен с сердцем холодным», — говорил о Ломоносове писатель, которого имя равно любезно музам и добродетели². Сия истина утверждена жизнью Ломоносова. Воображение и сердце часто увлекали его в молодости: они были источниками его наслаждений и мучений, не известных, не изъяснимых обыкновенным людям. — Конечно, не одна страсть к учению, которая не могла еще вполне овладеть душою отрока, воспитанного среди болот холмогорских, не одна сия страсть, столь благородная и бескорыстная, принудила его оставить родину. Семейственные огорчения и некоторое тай-

ное беспокойство души было к тому важнейшим побуждением. Но сие беспокойство, сие тусклое желание чего-то нового и лучшего, сия предприимчивость, удивительная в столь нежном возрасте, не означали ли великую душу и нечто необыкновенное?

Пламенное рвение к учению, неутомимая жажда познаний, постоянство в преодолении преград, поставленных неприязненным роком, дерзость в предприятиях, увенчанная сияющим успехом, — все сии качества соединены были с сильными страстями, с пламенным сердцем; или, лучше сказать, проистекали из оных, и потому должно ли удивляться, что Ломоносов в молодости своей пожертвовал всеми выгодами любви? В Марбурге он женился тайно на дочери бедного ремесленника, и в скором времени обстоятельства принудили его разлучиться с супругою. Музы любят провождать любимцев своих по тернистой тропе несчастья в храм славы и успехов. Бедствия не всегда убивают талант: напротив того, они пробуждают в душе множество прекрасных свойств и знакомят ее с собственными силами. Ломоносов, гонимый судьбою, скитался по Германии, переходил из земли в землю, без пристанища, часто без насущного хлеба: он боролся со всеми нуждами и горестями и никогда, нигде не преступил законов чести, никогда не забывал оставленной супруги. С какою чувствительностию (возвратясь в Петербург) прочитал он письмо ее и воскликнул пред посланным от г. Бестужева³: «Боже мой! могу ли ее оставить!» — Слезы прерывали беспрестанно слова его. Сладостно видеть наблюдателю человечества соединение столь глубокой чувствительности с умом обширным, верным и прозорливым! Чувствительность и сильное, пламенное воображение часто владели нашим поэтом, конечно, против воли его. На возвратном пути из Амстердама по морю

Ломоносов, сидя на палубе, при шуме волн погружался в сладкую задумчивость. Открытое море, шум ветра и непрерывное колебание корабля напоминали ему первые лета юности, проведенные посреди непостоянной стихии: они напоминали приморскую его родину и все, что ни есть сладостного для сердца нежного и доброго. Исполненному воспоминаний, однажды во сне ему привиделась страшная буря на волнах Ледовитого моря, кораблекрушение и холодный труп отца его, выброшенный на тот самый остров, куда Ломоносов в молодости своей приставал с ним для совершения рыбной ловли. Он в ужасе проснулся. Напрасно призывает на помощь рассудок свой, напрасно желает рассеять мрачные следы сновидения: мечта остается в глубине сердца, и ничто не в силах изгладить ее. Снова засыпает и снова видит шумное море, необитаемый остров и бледный труп родителя. Так! мы нередко уверяемся опытом, что провидение влагает в нас какие-то тайные мысли, какое-то неизъяснимое предчувствие будущих злополучий, и событие часто подтверждает предсказание таинственного сна — к удивлению, к смирению слабого и гордого рассудка. Ломоносов это испытал в жизни своей. Отец его погиб в волнах, и тело его найдено рыбаками на том необитаемом острове, который назначил им печальный сын, по внушению пророческого сновидения.

По краткой биографии, напечатанной при сочинениях Ломоносова, мы теснее знакомимся с поэтом, когда он покидает родину свою. Самое юношество необыкновенного человека любопытно; каждое обстоятельство, каждая подробность драгоценны. Конечно, Ломоносов в откровенной беседе ближних и друзей любил рассказывать им первые свои печали и наслаждения; с каким восхищением он пел на кривоше священные песни и пожирал духовные книги! С каким усилием он про-

мыслила славенскую грамматику и арифметику: *врата учености своей!* Как сердце его унывало, покидая отца, родину, ближних! Как трепетало от радости, вступая в обширную Москву!.. К сожалению, немного подробностей дошло до нас, и почти все исчезли с холодными слушателями. Одни великие души чувствуют всю важность дружеских поверений знаменитого человека, их современника. Ломоносов — нет сомнения — казался обыкновенным человеком в кругу приятелей своих, людей весьма обыкновенных. И мог ли Тредияковский с *братиею* быть ценителем величайшего ума своего времени, ценителем Ломоносова?

Но, к счастью нашему, Россия имела в молодом вельможе покровителя дарований. Мы забудем со временем однофамильца Шувалова⁴, который писал остроумные стихи на французском языке, который удивлял Парни⁵, Мармонтеля⁶, Лагарпа⁷ и Вольтера, ученых и неученых парижан любовью, веселостью и учтивостью, достойною времен Людовика XIV: но того Шувалова, который покровительствовал Ломоносова, никогда не забудем. Имя его навсегда останется драгоценно Музам отечественным. Он был все для нашего лирика: деятельный и просвещенный покровитель, попечительный друг, часто снисходительный и всегда постоянный. Без него — Ломоносов не мог бы предпринять сих великих трудов, требующих издержек и беспрестанных пособий. Скажем более: как ученый, как стихотворец Ломоносов обязан ему всем, даже постоянством в любви ко славе. Прозорливый Шувалов в уроженце Холмогор угадал великого человека: счастливый поэт нашел в вельможе истинный патриотизм, обширные сведения, вкус образованный и, что всего лучше, — благородную, деятельную душу! Одним словом (редкое явление!), вельможа и поэт понимали друг друга. Письма Ломоносова к Шувалову суть

бесценный памятник словесности русской: в них виден и стихотворец, и покровитель его. Они заключают в себе множество любопытных подробностей, анекдотов и, наконец, известие о кончине профессора Рихмана⁸, достойного товарища Ломоносова. *Рихман умер прекрасною смертию*^{1*}, и Ломоносов с убедительным, сердечным красноречием ходатайствует за осиротевшее семейство, страхась, чтобы сей случай не был перетолкован *противу наук*, вечно ему любезных! Часто в письмах своих он жалуется на Тредьяковского и Сумарокова. Если сии строки доказывают печальную истину — что дарования во все времена, даже при самой колыбели словесности, имеют врагов и завистников, то они же, к радости нашей, открывают прекрасную душу великого писателя: «Никакого не желаю мщенья, — говорит он, — но способов продолжить труды мои для славы, для пользы отечества. Мои зоилы хвалят меня своею хулою, называя мои изображения надутыми; нападая на меня, они нападают на древних...» До последней минуты жизни своей Ломоносов не изменил себе, и прелестная мысль о славе его не покидала. На одре мучений и смерти Рафаэль соболезновал о недоконченных картинах, наш северный гений — о не совершенных трудах своих. «Я умираю, — говорил он Штелину⁹, — я умираю, приятель! На смерть взираю равнодушно: сожалею о том, чего не успел довершить для пользы наук, для славы отечества и Академии нашей. К сожалению, вижу, что благие мои намерения исчезнут вместе со мною...»

Тень великого стихотворца утешилась. Труды его не потеряны. Имя его бессмертно.

^{1*} Это собственное выражение Ломоносова.

IV

ВЕЧЕР У КАНТЕМИРА

Антиох Кантемир¹, посланник русский при дворе Людовика XV, предпочитал уединение шуму и рассеянию блестящего двора. Свободное время от должности он посвящал наукам и поэзии. В мирном кабинете, окруженный любимыми книгами, он часто восклицал, перечитывая Плутарха, Горация и Вергилия: «Счастлив, кто, довольствуясь малым, свободен, чужд зависти и предрассудков, имеет совесть чистую и провождает время с вами, наставники человечества, мудрецы всех веков и народов: —

..... с вами, Греки и Латины...

Исследуя всех вещей действия и причины»².

Ум его имел свойства, редко соединяемые: основательность, точность и воображение. Часто, углубленный в исчисления алгебраические, Кантемир искал истины и — подобно мудрецу Сиракуз³ — забывал мир, людей и общество, беспрестанно изменяющееся. Он занимался науками не для того, чтобы щеголять знаниями в светлом кругу ученых женщин или академиков: нет! он любил науки для наук, поэзию для поэзии, — редкое качество, истинный признак великого ума и прекрасной, сильной души! В Париже, где самолюбие знатного че-

ловека может собирать беспрестанно похвалы и приветствия за малейший успех в словесности, где несколько небрежных стихов, иностранцем написанных, дают право гражданства в республике словесности, Кантемир ... писал русские стихи! И в какое время? Когда язык наш едва становился способным выражать мысли просвещенного человека. Бросьте на остров необитаемый математика и стихотворца, говорил Даламбер⁴: первый будет проводить линии и составлять углы, не заботясь, что никто не воспользуется его наблюдениями; второй перестанет сочинять стихи, ибо некому хвалить их; следственно, поэзия и поэт, заключает *рассудительный философ*, питаются суетностию. Париж был сей необитаемый остров для Кантемира. Кто понимал его? Кто восхищался его *русскими стихами*? — В самой России, где общество, науки и словесность были еще в пеленах, он, нет сомнения, находил мало ценителей своего таланта. Душею и умом выше времени и обстоятельств, он писал стихи, он поправлял их беспрестанно, желая достигнуть возможного совершенства, и, казалось, завещал благородному потомству и книгу, и славу свою. Талант питается хвалою, но истинный, великий талант и без нее не умирает. Поэт может быть суетным — равно как и ученый — но истинный любитель всего прекрасного не может существовать без деятельности, и то, что было сказано нашим Катуллом о нашем Бавии⁵, —

С последним вздохом он издаст последний стих, —

почти то же можно сказать о великом стихотворце. На одре смерти Сервантес не покидал пера своего⁶. Камюэнс писал «Лузияду» среди племен диких⁷. Тасс, несчастный Тасс, в ужасном заключении беседовал с музами⁸. Державин, за час пред смертию⁹, хладеющими пер-

стами извлекал звуки из бессмертной лиры своей. Сих ли людей обвиним в суетности?.. Но возвратимся к Кантемиру.

Однажды по вечеру Монтескье и аббат В.¹⁰, известный остроумец, навестили нашего стихотворца. Он беседовал с своею музою и не приметил входящих друзей, которые имели к нему свободный доступ. Несколько минут Кантемир перечитывал начало послания своего¹¹ к князю Никите Трубецкому, и всегда с новым жаром и удовольствием. При чтении спокойное и даже холодное лице Кантемира приметным образом изменялось: глаза его сверкали, как молнии, щеки разгорелись, и рука его ударяла такту по отверстой пред ним книге. Монтескье взглянул на аббата, кивнул ему головою и намеревался удалиться. Они не хотели беспокоить министра, полагая, что он занят важным государственным делом. Кантемир услышал за собою шорох, оглянулся — и бросился обнимать неожиданных гостей. — «Мы вам помешали: мы пришли не в пору». — «Нимало!» — «Вы читали важные бумаги?» — «Я забавлялся: перечитывал стихи моего сочинения». — «Но какие? мы ни слова не поняли». — «Русские». — «Русские стихи!» — восклицал аббат, пожимая плечами от удивления: «русские стихи! это любопытно...»¹²

Кантемир

Слабое подражание Горацию, Ювеналу и Персию¹³. Вы знаете мою страсть к древним писателям; она завлекла меня далеко. Не в силах будучи сравниться с древними поэтами Рима, я влачусь за ними, как раб за господином, или — как страстный любовник за гордою красавицею. Вы никогда не писали стихов, г. президент, и не знаете сего мучения и удовольствия, которое называют метроманиею?

Монтескье.

Ваша правда. Я не писал стихов, но люблю стихи, когда нахожу в них столько же мыслей, сколько слов: когда они ясны, сильны, выразительны, одним словом — хороши, как проза. Я всегда уважал сатиры и послания Горация: они знакомят нас с Римом, со нравами, с образом жизни переродившихся потомков Брутов, Корнеланов и Сципионов. Ювенала перечитываю с удовольствием; прямой римлянин душою! Он то же в стихах, что Тацит в прозе¹⁴. Я люблю творения сих поэтов, как памятники языка, образованного целыми веками славы народной, языка мужественного, обильного, выразительного: почтенного родителя языков новейших.

Аббат В.

И г. президент конечно сожалеет, что вы пишете русские стихи. Зная совершенно язык латинский и наш французский, столь ясный, точный и красивый, вы лишаете нас удовольствия читать ваши прелестные произведения.

Монтескье.

Сожалею и удивляюсь, как можно писать, скажу более, как можно мыслить на языке необразованном? Вы пишете по-русски, а ваш язык и нация — еще в пеленах.

Кантемир

Справедливо: русский язык в младенчестве; но он богат, выразителен, как язык латинский, и со временем будет точен и ясен, как язык остроумного Фонтенеля¹⁵ и глубокомысленного Монтескье. Тепер я принужден бороться с величайшими трудностями: принужден изобретать беспрестанно новые слова, выражения и обороты, которые, без сомнения, обветшают через несколько

годов. Переводя «Миры» Фонтенелевы, я создавал новые слова: академия Петербургская часто одобряла мои опыты. Я очищал путь для моих последователей.

А б б а т В.

Но скажите, бога ради, как же вы могли присвоить все тонкие выражения и обороты первого щеголя языка французского, нашего семидесятилетнего Фонтенеля?

К а н т е м и р.

Как умел! Я следовал рабски по следам его. Перевод мой слаб, груб, неверен. Скифы заставили пленного грека изваять Венеру и обещали ему свободу. Грек был дурный ваятель; в Скифии не было ни паросского мрамора, ни хороших резцов; за неимением их — соотечественник Праксителев¹⁶ употребил грубый гранит, молот, простую пилу и создал нечто похожее на Венеру, следуя заочно образцу, столь славному не только в Греции, но даже в землях варваров. Скифы были довольны, ибо не знали божественного подлинника, и поклонялись новой богине с детским усердием. Скифы — мои соотечественники; Праксителева статуя — книга бессмертного Фонтенеля; а я — сей грек, неискусный ваятель.

А б б а т В.

О! вы слишком скромны, почтенный князь!

К а н т е м и р.

Не довольствуясь опытом моим над Фонтенелем, я принялся за «Персидские письма»¹⁷.

А б б а т В.

«Персидские письма» по-русски!

Монтескье.

Мог ли я ожидать, что первое, слабое произведение моего пера отнимет у вас столько драгоценного времени?

Аббат В.

Теперь гиперборейцы¹⁸ узнают, как ветрены и малодушны обитатели берегов Сейны¹⁹.

Кантемир.

И как остроумны.

Аббат В.

Я давно на вечерах г-жи Жофрень²⁰ — которая вас превозносит, но в душе своей ненавидит — давно предсказывал вашу славу, г. Монтескье!

В земле своей никто пророком не бывал²¹.

Но мое пророчество сбылось, как видите. Легко быть может, что в эту самую минуту на берегах Ледовитого моря, на берегах Лены или Оби, в пустынях Татарии — читают ваши остроумные письма, и имя Монтескье гремит в становищах калмыков и самоедов.

Монтескье.

Читают «Персидские письма» при свете лампы, налитой рыбьим жиром.,,

Аббат В.

Или при свете северного сияния... Конечно странно, чудесно! — А мы говорим с таким пренебрежением о великой Московии!

Кантемир.

Калмыки и самоеды не читают философических книг, и, конечно, долго читать не будут. Но в Москве много-

людной, в рождающейся столице Петра, в монастырях малой и великой России есть люди просвещенные и мыслящие, которые умеют наслаждаться прекрасными произведениями муз.

Монтескье.

Число таких людей должно быть весьма ограничено. До сих пор я думал и думаю, что климат ваш, суровый и непостоянный, земля, по большей части бесплодная, покрытая в зиму глубокими снегами, малое население, трудность сообщений, образ правления почти азиатский, закоренелые предрассудки и рабство, утвержденные веками навыка, — все это вместе надолго замедлит ход ума и просвещения. Власть климата есть первая из властей²².

Аббат В.

Я с вами согласен; и полагаю, что все усилия исполнинского царя, все, что он ни сотворил железною рукою, — все разрушится, упадет, исчезнет. Природа, обычаи древние, суеверие, неисцелимое варварство возьмут верх над просвещением слабым и неосновательным; и вся полудикая Московия — снова будет дикою Московиею, и вечный туман забвения покроет дела и жизнь преемников Петра Великого.

Кантемир.

Я осмелюсь спорить с великим творцом книги о существовании законов, и с вами, любезный аббат. Россия пробудилась от глубокого сна, подобно баснословному Эпимениду²³. Заря, осветившая нашу землю, предвещает прекрасное утро, великолепный полдень и ясный вечер: вот мое пророчество!

А б б а т В.

Но это не заря — северное сияние. Блеску много, но без света и без теплоты.

М о н т е с к ь е.

Остроумный аббат сказал великую истину. Положим — трудное предположение, едва ли сбыточное дело! — положим, что правительство откроет все пути к просвещению, что будет беспрестанно призывать иностранцев для воспитания юношества, построит теплые дома для училищ, и из сих парников и теплиц просвещения соберет несколько незрелых и несочных плодов; положим, что правительство образует военных людей, довольно искусных, несколько мореходцев, небольшое число артиллеристов, инженеров и проч. Но скажите, может ли правительство вдохнуть вкус к изящному, к наукам отвлеченным, умозрительным? Какая сила изменит климат? Кто может вам даровать новое небо, новый воздух, новую землю?

А б б а т В.

И новое солнце? Как можно сеять науки там, где осенью серп земледельца пожинает редкие класы на бродях, потом его орошенных; где зимою от холоду чугуи распадается и топор жидкости рубит? —

Caeduntque securibus humida vinal *

М о н т е с к ь е.

Холодный воздух сжимает железо; как же не действовать ему на человека? Он сжимает его фибры; он дает им силу необыкновенную. Эта сила физическая сообща-

* Они рубят секирами влажные вина! *²⁴ (лат.).

ется душе. Она внушает ей храбрость в опасности, решительность, бодрость, крепкую надежду на себя; она есть тайная пружина многих прекрасных свойств характера; но она же лишает чувствительности, необходимой для наук и искусств. Теплота, напротив того, расширяя тончайшую плену кожи, раскрывает оконечности нервов и сообщает им чудесную раздражительность. В землях холодных наружная кожа столь сильно сжата воздухом, что нервы, так сказать, лишены жизни, и редко, очень редко сообщают слабые ощущения свои мозгу. Вы знаете, что от бесчисленного количества слабых ощущений зависят воображение, вкус, чувствительность и живость. Надобно содрать²⁵ кожу с гипербореяца, чтоб заставить его что-нибудь почувствовать^{1*}.

А б б а т В.

Что можете отвечать на это? Вы станете защищать соотечественников ваших, как министр, и на сильные, неотразимые силлогизмы президента отвечать дипломатическими, отклоняющими истину фразами?

К а н т е м и р.

Я родился в Константинополе. Праотцы мои происходят от древней фамилии, некогда обладавшей престолом восточной Империи. Следственно, во мне играет еще кровь греческая, и я непритворно люблю голубое небо и вечно зеленые оливы стран полуденных. В молодости я странствовал с отцом моим, неразлучным спутником, искренним другом Петра Великого, и видел обширные долины России от Днестра до Кавказа, от

^{1*} Il faut écorcher un Moscovite pour lui donner du sentiment (?) [Надобно содрать кожу с жителя Московии, чтобы дать ему что-либо почувствовать] (франц.).

Каспийского моря до берегов величественной Москвы. Я знаю Россию и обитателей ее. Хижина земледельца и терем боярина мне равно известны. Руководимый наставлениями отца моего, просвещеннейшего человека в Европе, с ранних лет воспитанный в училище философии и опытности, будучи обязан по званию моему иметь беспрестанные и тесные сношения с иностранцами всех наций, я не мог сохранить предрассудков *варварских* и привык смотреть на новое отечество мое оком беспристрастного наблюдателя. В Версали, в кабинете короля вашего, в присутствии министров я — представитель великого народа и всемогущей его монархии²⁶: но здесь, в обществе дружеском, с великим гением Европы, поставляю обязанности говорить откровенно; и вы, г. аббат, скорее обличите Кантемира в невежестве, нежели в пристрастии или нечистосердечии. Вот мой ответ: вы знаете, что Петр сделал для России; он создал людей, — нет! он развил в них все способности душевные; он вылечил их от болезни невежества; и русские, под руководством великого человека, доказали в короткое время, что таланты *своиственные всему человечеству*. Не прошло пятнадцати лет — и великий монарх наслаждался уже плодами знаний своих сподвижников: все вспомогательные науки военного дела процвели внезапно в государстве его. Мы громами побед возвестили Европе, что имеем артиллерию, флот, инженеров, ученых, даже опытных мореходцев. Чего же хотите от нас в столь короткое время? Успехов ума, успехов в науках отвлеченных, в изящных искусствах, в красноречии, в поэзии? — Дайте нам время, продлите благоприятные обстоятельства, и вы не откажете нам в *лучших* способностях ума. Вы говорите, что власть климата есть первая из властей. Не спорю: климат имеет влияние на жителей; но это влияние, как

вы сами заметили в бессмертной книге своей, это влияние уменьшается или смягчается образом правления, нравами, общежитием. Самый климат России разнообразен. Иностранцы, говоря о нашем отечестве, полагают вообще, что *Московия* покрыта вечными снегами, населена — дикими. Они забывают неизмеримое пространство России; они забывают, что в то время, когда житель влажных берегов Белого моря ходит за куницею на быстрых лыжах своих, — счастливый обитатель устьев Волги собирает пшеницу и благодатное просо. Самый Север не столь ужасен взорам путешественника; ибо он дает все потребное возделывателю полей. Плуг есть основание общества, истинный узел гражданства, опора законов; а где, в какой стране России не оставляет он благодетельных следов своих? С успехами людскости и просвещения Север беспрестанно изменяется, и, если смею сказать, прирастает к просвещенной Европе. Скажите: когда Тацит описывал германцев²⁷, думал ли тогда Тацит, что в диких лесах ее возникнут города великолепные, что в древней Паннонии и Норике²⁸ родятся светильники ума человеческого? Нет, конечно! Но Петр Великий, заключив судьбу полумира в руке своей, утешал себя великою мыслию, что на берегах Невы древо наук будет процветать под тению его державы и рано или поздно, но даст новые плоды, и человечество обогатится ими. Вы, г. Монтескье, наблюдаете беспрестанно мир политический: на развалинах протекших веков, на прахе гордого Рима и прелестной Греции вы постигли причины настоящих явлений, научились пророчествовать о будущем. Вы знаете, что с успехами просвещения изменяются явным и непрерывным образом все формы правления: вы заметили сии изменения в земле русской. Время все разрушает и созидает, портит и усовершенствует. Может быть через

два или три столетия, может быть и ранее, благие небеса даруют нам гения, который постигнет вполне великую мысль Петра — и обширнейшая земля в мире, по творческому гласу его, учинится хранилищем законов, свободы, на них основанной, нравов, дающих постоянство законам, одним словом — хранилищем просвещения. Лестные надежды! вы сбудетесь, конечно. Благодетель семейства моего, благодетель России — почивает во гробе; но дух его, сей деятельный, сей великий дух — не покидает страны, ему любезной: он всюду присутствует, все оживляет, всему дает душу, и новую жизнь, и новую силу; он, кажется мне, беспрестанно вещает России — иди вперед! не останавливайся на поприще, мною отверстом, и достигнешь великой цели, мною назначенной!

Монтескье.

Но искусства? Могут ли они процветать в туманах невских или под суровым небом московским?

Аббат В.

Искусства... Ах! им-то нужен прозрачный воздух и яркое солнце Рима, древней Эллады или умеренный климат нашей Франции.

Кантемир.

Полуденные страны были родиною искусств; но сии прелестные дети воображения были часто вытесняемы из родины своей варварством, суеверием, железом завоевателей и, как быстрые волны, разлились по лицу земному. Музыка, живопись и скульптура любят свое древнее отечество, а еще более — многолюдные города, роскошь, нравы изнеженные. Но поэзия свойственна всему человечеству: там, где человек дышит воздухом,

питается плодами земли, там, где он существует, — там же он наслаждается и чувствует добро или зло, любит и ненавидит, укоряет и ласкает, веселится и страдает. Сердце человеческое есть лучший источник поэзии, . . .

Аббат В.

Так! но оно, признайтесь, не столь чувствительно на Севере.

Монтескье.

Я видел оперу в Англии и в Италии. От музыки, которую англичане слушают спокойно, итальянцы бьют вне себя и прыгают, как пифия на пророческом треножнике,

Кантемир.

Что доказывает это? Что чувствительность народов южных раздражительнее, общительнее: но едва ли столь глубока, столь сильна, как чувствительность народов северных. В бытность мою в Лондоне ученый шотландец Н. Н.²⁹ показывал мне песни своих горных соотечественников: они напоминают древнего Омера и силою мыслей, глубиною чувств превосходят многие произведения музы итальянской.

Аббат В.

Невероятно!

Кантемир.

Мы, русские, имеем народные песни: в них дышит нежность, красноречие сердца; в них видна сия задумчивость, тихая и глубокая, которая дает неизъяснимую прелесть и самым грубым произведениям северной музыки.

А б б а т В,

Чудесно! по чести, невероятно!

К а н т е м и р.

... Скажите, если грубые дети Севера умеют чувствовать и изъясняться столь живо и приятно, то чего нельзя ожидать нам от людей образованных?

А б б а т В.

Но... почтенный защитник Севера... вы знаете, что народные песни... лепетание младенцев!

К а н т е м и р.

Младенцев, которые со временем возмужают. Как знать? Может быть на диких берегах Камы или величественной Волги возникнут великие умы³⁰, редкие таланты. Что скажете, г. президент, что скажете, услыша, что при льдах Северного моря, между полудиких родился великий гений³¹? Что он прошел исполинскими шагами все поле наук; как философ, как оратор и поэт преобразовал язык свой и оставил по себе вечные памятники? Это одно предположение, но дело возможное. Что скажете, если...

А б б а т В.

Но к чему сии гипотезы? Легче поверю, что русские взяли приступом Париж³² и уничтожили все крепости, Вобаном³³ построенные!!! Впрочем, для чудес нет законов³⁴, говорил мне Фонтенель с значительною усмешкою, прочитав в первый раз свое глубокомысленное рассуждение об оракулах. Все надежды ваши может быть и сбудутся, или вы найдете их в царстве Луны, с утраченными надеждами Астольфа³⁵. Но, простите

моему чистосердечию... признаюсь, я до сих пор смотрю на вас с удивлением и не могу постигнуть, как можно в Париже — на земле Расина и Корнеля — писать русские стихи?

Кантемир.

Это напоминает: как можно быть персиянином? ³⁶

Монтескье.

Вы хотели поразить нас собственным нашим оружием. Но позвольте сделать одно замечание. Вы подражаете Горацию и Ювеналу: следственно, пишете сатиры, — сатиры на нравы... которые еще не установились. Гораций и Ювенал осмеивали пороки народа развратного, но достигшего высокой степени просвещения; остроумный и всегда рассудительный Буало писал при дворе великого короля, в самую блестящую эпоху монархии французской. Теперь общество в России должно представлять ужасный хаос: грубое слияние всего порочного, смешение закоренелых предрассудков, невежества, древнего варварства, татарских обычаев с некоторым блеском роскоши азиатской, с некоторыми искрами просвещения европейского! Какая тут пища для поэта сатирического? Могут ли проникнуть тонкие стрелы эпиграммы сквозь тройную броню невежества и уязвить сердце, окаменелое от пороков, закаленное в невежестве? И что значат сии стрелы в земле, где женщины, хранительницы нравов, едва начинают освобождаться из-под ига мужей своих; в земле, где общественное мнение еще шатается, еще не установилось и не может наказывать своим приговором того, что не подлежит суду законов? Одним словом: как можно смеяться говорить истину властелинам или рабам? Первым — опасно; другим — бесполезно.

Кантемир.

Пользуясь покровительством монархов и вельмож, занимающих первые степени в государстве, я без страха говорил истину, и мои сатиры принесли некоторую пользу. Петр Великий, преобразуя Россию, старался преобразовать и нравы: новое поприще открылось наблюдателю человечества и страстей его. Мы увидели в древней Москве чудесное смешение старины и новизны, две стихии в беспрестанной борьбе одна с другою. Новые обычаи, новые платья, новый род жизни, новый язык не могли еще изменить древних людей, изгладить древний характер. Иные бояра, надевая парик и новое платье, оставались с прежними предрассудками, с древним упрямством, и тем казались еще страннее; другие, отложив бороду и длинный кафтан праотеческий, с платьем европейским надевали все пороки, все слабости ваших соотечественников, но вашей любезности и людскости занять не умели. Частые перемены при дворе возводили на высокие степени государственные людей низких и недостойных: они являлись и — исчезали. Временщик сменял временщика, толпа льстецов другую толпу. Гордость и низость, суеверие и кощунство, лицемерие и явный разврат, скупость и расточительность неимоверная³⁷: одним словом, страсти, по всему противоположенные, сливались чудесным образом и представляли новое зрелище равнодушному наблюдателю и философу, который только ощупью, и с Горацием в руках, мог отыскать счастливую средину вещей. Я старался изловить некоторые черты сих времен; скажу более: я старался явить порок во всей наготе его, и намекнуть соотечественникам истинный путь честности, благих нравов и добродетели. Ученый Феофан³⁸, архимандрит Кролик³⁹ (оба достойные пастыря), Никита Трубецкий

и другие вельможи одобрили мои слабые опыты, мое перо неуклюжее, но смелое, чистосердечное. Я первый осмелился писать так, как говорят: я первый изгнал из языка нашего грубые слова славянские, чужестранные, не свойственные языку русскому, — и открыл новую дорогу для грядущих талантов. Сатиры мои будут иметь некоторую цену для потомков наших, подобно древним картинам первых живописцев, предшественников Рафаэля: в них они найдут изображение верное нравов и языка русского, в славном периоде для России — от времен Петра до царствования счастливой, обожаемой нами Елисаветы, — и имя мое (простите мне авторское самолюбие) будет уважаемо в России более потому, что я первый осмелился говорить языком муз и философии, нежели потому, что занимал важное место при дворе вашем.

А б б а т В.

Прекрасно! Вы говорите, как истинный философ.

М о н т е с к ь е.

Мы желали бы видеть ваши сатиры на французском языке. Отчасти я согласен с вами: картина нравов народа почти нового всегда любопытна. Но... вот и аббат Гуаско⁴⁰, ваш приятель...

— Вы очень кстати навестили нас! — сказал Кантемир, обнимая аббата. — Вы перевели мои сатиры на французский язык: прочитайте что-нибудь в угождение г. президенту; а у вас, господа, прошу терпения и снисхождения... —

Чтение и разговор продолжались долго, даже за полночь. Наконец Монтестье и аббат В. откланялись министру и расстались... довольны ли им? не знаю.

Знаю только, что Кантемир, шевеля гаснувшие уголья в камине, сказал аббату Гуаско: — Признайся, любезный друг, Монтескье умный человек, великий писатель... но... —

— Но говорит о России, как невежда, — прибавил аббат Гуаско. Скромный Кантемир улыбнулся, пожелал доброй ночи аббату, и они расстались.

V

ПИСЬМО К И. М. МУРАВЬЕВУ > А <ПОСТОЛУ>

О сочинениях г. Муравьева

Перечитывая снова рукописи и сочинения М. Н. Муравьева¹ (изданные по его кончине, Москва, 1810), я осмелился сделать несколько замечаний. Две причины были моим побуждением. Вам будет приятно, милостивый государь, беседовать со мною о незабвенном муже, которого утрата была столь горестна для сердца вашего. Все теснее и теснее связывало вас с покойным вашим родственником. Самая дружба питалась, возвеличивалась взаимною любовью к музам, единственным утешительницам сей бурной жизни. Она украсила дни цветущей молодости вашей, и поздним летам приготовила сладостные воспоминания. Конечно, каждый стих, каждое слово Вергилия напоминает вам о незабвенном друге вашем; ибо с ним вы читали древних, с ним наслаждались прекрасными вымыслами чувствительного поэта Мантуи, глубоким смыслом и гармонией Горация, величественными картинами Тасса, Мильтона и неизъяснимою прелестью стенаний Петрарка; одним словом, всеми сокровищами древней и новейшей словесности.

Вторую причину, побудившую меня говорить о сочинениях г. Муравьева², могу смело отнести на счет пользы общественной. В 1810 году г. Карамзин взял на себя приятный труд быть издателем оных, несмотря

на важные свои занятия по части истории; ибо он любил в покойном авторе не одно искусство писать, соединенное с обширною ученостию, но душу, прекрасную его душу. Говоря о писателе в кратком предисловии, он заключает следующими словами: «Страсть его к учению равнялась в нем только со страстию к добродетели». Прекрасные слова и совершенно справедливые! Кто знал сего мужа в гражданской и семейственной его жизни, тот мог легко угадывать самые тайные помышления его души. Они клонились к пользе общественной, к любви изящного во всех родах и особенно к успехам отечественной словесности. Он любил отечество и славу его, как Цицерон любил Рим; он любил добродетель, как пламенный ее любовник, и всегда, во всех случаях жизни, остался верен своей благородной страсти.

После долгого отсутствия возвращаясь в отчизну³ и с новым удовольствием принимаясь за русские книги, я искал во всех журналах выгодного или строгого приговора сочинениям г. Муравьева. Четыре года прошло со времени их издания в свет, и никто, ни один из журналистов не упоминает об них^{1*}. Чему приписать сие молчание? Лени господ редакторов и холодности читателей к книгам полезным, которых появление столь редко на горизонте нашей словесности. Некоторые из господ журналистов наших поставляют себе долгом говорить только о том, что подействовало на чернь нашей

^{1*} В прошлом 1813 году г. Гнедич упомянул о сочинениях г. Муравьева, говоря о лучших наших прозаических писателях в «*Рассуждении о причинах, замедляющих успехи нашей словесности*». Мы с удовольствием услышали, что его превосходительство г. попечитель Санкт-Петербургского учебного округа предписал чтение сочинений г. Муравьева в училищах сего округа,

публики. Они захвалят по одному предубеждению юный, возникающий талант или в одном слове напишут ему страшный и несправедливый приговор. Их леность собирает плоды с одного невежества. К несчастью, они во многом похожи на наших актеров, которые, играя для партера, забывают, что в ложах присутствуют строгие судьи искусства.

Я пропущу другую причину хладнокровия и малого любопытства нашей публики к отечественным книгам. Они происходят от исключительной любви к французской словесности — и эта любовь неизлечима. Она выдержала все возможные испытания и времени и политических обстоятельств^{1*}. Все было сказано на сей счет; все укоризны, все насмешки Талии⁵ и людей просвещенных... остались без пользы, без внимания. Но

^{1*} Бурный и славный 1812 год миновался, и любовь к Отечеству, страсть благородная, не ослепляет нас на счет французской словесности. Просвещенный россиянин будет всегда уважать писателей Лудовикова века: не Север есть родина Омеров. Наши воины, спасители Европы от нового Аттилы, потушили пламенный брани в отечестве Расина и Мольера и на другой день по вступлении в Париж, к общему удивлению его жителей, рукоплескали величественным стихам французской Мельпомены на собственном ее театре. Но исключительная страсть к какой-либо словесности может быть вредна успехам просвещения. Истина неоспоримая, которую г. Уваров, в письме к г. Капнисту⁴, изложил столь блестящим образом: «Без основательных познаний и долговременных трудов в древней словесности, — говорит почтенный защитник Омера и экзаметров, — никакая новейшая существовать не может; без тесного знакомства с другими новейшими мы не в состоянии обнять все поле человеческого ума, обширное и блистательное поле, на котором все предубеждения должны бы умирать и все ненависти гаснуть».

я твердо уверен, что есть благоразумные читатели, которые, желая находить в чтении приятность, соединенную с пользою, и будучи недовольны нашею литературою, столь бедною в некоторых отношениях, часто с горестию прибегают к иностранной. Такого рода люди — их число ограничено — радуются появлению хорошей книги и перечитывают ее с удовольствием. Для них я спешу сделать некоторые замечания на сочинения г. Муравьева вообще и напомнить им о собственном их богатстве.

Собрание сих сочинений (изданных в Москве, 1810) составлено из отдельных пиэс, которые, как говорит г. Карамзин, были написаны автором для чтения великих князей. Он имел счастье преподавать им наставления в российском языке, в нравственности и словесности ^{1*}.

Желая начертать в юной памяти исторические лица знаменитых мужей, а особливо великих князей и царей русских, автор, подобно Фонтенелю ⁶, заставляет разговаривать их тени в царстве мертвых. Но французский писатель гонялся единственно за остроумием: действующие лица в его разговорах разрешают какую-нибудь истину блестящими словами; они, кажется нам, любуются сами тем, что сказали. Под пером Фонтенеля нередко древние герои преобразуются в придворных Лудовикова времени и напоминают нам живо учтивых пастухов того же автора, которым недостает парика, манжет и красных каблуков, чтобы шаркать в королевской передней, как замечает Вольтер ⁷ — не помню в котором месте. Здесь совершенно тому противное: всякое лице говорит приличным ему языком, и автор

^{1*} Ныне благополучно царствующему государю императору и цесаревичу великому князю Константину Павловичу.

знакомит нас, как будто невольно, с Руриком, с Карлом Великим, с Кантемиром, с Горацием и пр. Он, как Фон-тенель, разрешает в маленькой драме своей какую-нибудь истину или политическую или нравственную; но жертвует ей ничтожными выгодами остроумия, и, если смею сказать, скрывается за действующее лице. — Например, желая сказать, что истинное богопочитание неразлучно с человеколюбием, он заставляет разговаривать Игоря и Ольгу, которая была жестокою по добродетели и действовала по ложным понятиям воспитания и народных нравов. В другом разговоре он выводит на сцену Карла Великого и Владимира⁸, имея в виду следующее предложение: «Слава добрых государей никогда не погибает, и беспристрастный глас истории, отделяя от них некоторые легкие несовершенства человечества, представляет добродетели их для подражания потомству». И так далее.

Сии разговоры и письма обитателя предместия могут заменить в руках наставников лучшие произведения иностранных писателей. В них моральные истины изложены с такою ясностию, с таким добродушием, облечены в столь приятные формы слога, что самая разборчивая критика увенчает их похвалами. Нас лучше удостоверяют примеры. Возьмем их наудачу из писем. Сочинитель, удаленный от городского шума, в приятном сельском убежище — «на берегах светлого ручья, по которым разбросано несколько кустов орешника» — пишет к своему приятелю о различных предметах, его окружающих; веселится сельскими картинками, мирным счастьем полей и человеком, обитающим посреди чудес первобытной природы. Часто облако задумчивости осеняет его душу; часто углубляется он в самого себя и извлекает истины, всегда утешительные, из собственного своего сердца. Тихая, простая, но веселая филосо-

фия, неразлучная подруга прекрасной, образованной души, исполненной любви и доброжелания ко всему человечеству, с неизъяснимой прелестью дышит в сих письмах. «Никакое неприятное воспоминание не отравляет моего уединения (здесь видна вся душа автора): чувствую сердце мое способным к добродетели; оно бьется с сладостною чувствительностью при едином помышлении о каком-нибудь деле благотворительности и великодушия. Имею благородную надежду, что, будучи поставлен между добродетели и несчастья, выберу лучше смерть, нежели злодейство. И кто в свете счастливее смертного, который справедливым образом может чтить самого себя?» — Прекрасные, золотые строки! Кто, кто не желал бы написать их в излиянии сердечном? — Потом, описав сладостные занятия любителя муз в тихом кабинете, наш автор прибавляет: «И после того есть еще люди, которые ищут благополучия в рассеянии, в многолюдстве, далеко от домашних богов своих! — Какое счастье отереть слезы невинностраждущего, оказать услугу маломощному, облегчить зависимость подчиненных? Но что я скажу о дружбе? Чувствовать себя в другом, разуместь друг друга столь искренно, столь скоро, при едином слове, при едином взоре? — Кто называет дружбу, называет добродетель». — Сии строки, и многие другие, напоминают нам Монтаня, там, где он, предаваясь счастливому излиянию своего сердца, говорил о незабвенном своем Лабоесе^{1*}. Тон иных писем важнее — но нравственная цель всегда

^{1*} Si on me presse de dire, pourquoi je l'aimais, je sens que cela ne se peut exprimer qu'en répondant: parceque c'était lui, parceque c'était moi [Если меня понуждают сказать, почему я его любил, я чувствую, что это можно выразить, только ответив: потому что это был он, потому что это был я (франц.)] Монтань.

одинакова. Признаюсь вам, милостивый государь, я не могу удержаться от удовольствия выписывать; притом это единственный и лучший способ показать красоты сочинения и дать ясное понятие об авторе. «Тихий вечер оканчивал знойный день. Солнце, величественнее и медленнее на конце пути своего, покоилось за мгновение пред закатом на крайних горах горизонта, а я прогуливался на крутом берегу Волги с добродетельным другом юности моей, с кротким моим наставником. Власы главы его белели уже от хлада старости; весна жизни моей не расцветала еще совершенно. Мы касались оба противоположных крайностей века. Но дружба его и опытность сокращали расстояние, которое разделяло нас, и часто, позабываясь, мнил я видеть в нем старшего и благоразумного товарища. Будучи важнее обыкновенного в тот вечер, он говорил мне: — Сын мой! — сим именем любви я одолжен был нежности сердца его, — озирая холмы сии, одеваемые небесною лазурью, поля, жатвы и напояющие их струи, не чувствуешь ли в сердце твоём благополучия? Чудеса природы не довольны ли для счастья человека? Но одно худое дело, которого сознание оскорбляет сердце, может разрушить прелесть наслаждения. Великолепие и вся красота природы вкушается только невинным сердцем. Одно счастье — добродетель; одно несчастье — порок. И все вечера твои будут так тихи, ясны, как нынешний. Спокойная совесть творит и природу спокойною. — Слова его проникли в душу мою, и я с умилением повергся в объятия старца»¹⁰.

Другие отрывки принадлежат к вышнему роду словесности. Между ими повесть «Оскольд»¹¹, в которой автор изображает поход северных народов на Царь-град, блистает красота. Здесь мы видим толпы диких воинов, которых как будто невидимая сила влечет к роскош-

ной столице Восточной империи. Мы переносимся во времена глубокой древности; в степи и дремучие леса полуобитаемой России; то на бурные волны Варяжского моря, покрытые судами отважных плавателей; то в непроходимые снежные пустыни Биармии¹², освещенные холодным солнцем; то в роскошное царство Михаила¹³, «где игры, удивительные ристалища занимают ежедневно праздность народа. — Счастлив, кто видел все сие единожды в жизни! Сладостное воспоминание распространится на остальное течение дней его, и облегчит ему бремя ненавистной старости». — Автор с обыкновенным искусством говорит о Труворе и Синеусе, сохраняя всю приличность историческую; выводит честолюбивого Вадима, «которого взоры изображают столько же упреков новгородцам, сколько строгости воинской», и возбуждает в памяти нашей цепь великих отечественных воспоминаний. Сила изобретения блистает в исчислении Оскольдовых ратников. Они отличены резкими чертами один от другого; они живут, действуют перед вами. «Но кто может назвать имена бесчисленного воинства? Таковы тучи пернатых, наполняющих воздух криком, когда, почувствовав приход зимы, оставляют крутые берега Русского моря¹⁴, не памятуя любви и прекрасных дней, коими там наслаждались летом; удивленный путешественник позабывает дорогу свою, на них взирая, и унывает в сердце, видя себя оставляемого свирепости мразов и бурных ветров». — Вы видите пред полками сонм вдохновенных скальдов с золотыми арфами. «Нетерпеливый, добрый между ими, юный славянин, который на влажных берегах моря и на краю земли бесплодной почувствовал вдохновение скальда, оставил сети и парусы, способы скудного пропитания, и воспел соотчичам неслыханные песни о бранях и героях». Этот юный скальд напоминает нам Ломоносова. Ко-

нечно, его имел в виду наш автор, и здесь, сохраняя всю приличность рассказа, представил нам в блистательном виде отца русского стихотворства, сего чудесного мужа, которого не только дарования поэтические, невероятные успехи и труды в искусствах и науках, но самая жизнь, исполненная поэзии, — если смею употребить сие выражение — заслуживает внимание позднейшего потомства^{1*}.

Искусство, неразлучное с глубоким познанием истории, более всего блистает в описании нравов северных племен. Автор «Оскольда» краткими словами умеет возбудить внимание читателя и перенести его на сцену тогдашнего мира, который знаком ему, как Омеру древняя Трояда. Заметим еще, что эпоха, избранная им для поэтического повествования, соединяет все возможные выгоды и доказывает его верный вкус и обширные сведения. Действие происходит в России во времена отдаленные, которые поэту столь удобно украшать вымыслами и цветами творческого воображения. Оскольд, товарищ Руриков, поклоняется Одну¹⁵, сему кровавому божеству скандинавов, которых и жизнь и суеверия ознаменованы были мрачною поэзиею. Спутники Оскольдовы имеют или могут иметь свои предания, как славяне имеют свою веру, и от сего рождается приятное разнообразие, истинная принадлежность эпопеи! В некотором отдалении мы видим Царь-град, жилище роскоши и неги, колыбель христианской религии, куда кочующие народы Севера вторгались с мечом и пламенем для похищения земных сокровищ — и нередко возвращались с святым знаменем веры в свои непостоянные стано-

^{1*} Мы приглашаем прочитать в «Опытах истории, словесности и нравоучения» г. Муравьева прекрасную статью о заслугах Ломоносова в науках.

вища. Туда устремлены воины Оскольда и любопытство читателя. . . К сожалению, сия повесть не кончена: она есть начало большого творения, которое, без сомнения, имел в виду наш автор; но государственные занятия отклонили его от словесности. При конце жизни своей он редко беседовал с музами, уделяя несколько свободных минут на чтение древних в подлиннике и особенно греческих историков, ему от детства любезных.

Исторические отрывки г. Муравьева заслуживают особенное внимание, и мы смело уверить можем — опираясь на мнение учейших мужей по этой части — что на русском языке едва ли находится что-нибудь подобное «*Краткому начертанию российской истории*», напечатанному в первый раз в 1810 году, и статьям, под названием: «*Рассеянные черты из землеописания российского*» и «*Соединение удельных княжений в единое государство*». Они начертаны пером ученого, политика и философа. Вот редкое явление в нашей словесности! Ибо наши писатели не всегда соединяли в себе качества, потребные историку: философию и критику. Мы надеемся, что ученые люди, занимающиеся отечественною историею, сообщат читающей публике свои замечания о сих бесценных отрывках, а наставники включают их в малое число книг, посвященных чтению юношества. История наша — история народа, совершенно отличного от других по гражданскому положению, по нравам и обычаям, история народа, сильного и воинственного от самой его колыбели и ныне удивившего неимоверными подвигами всю Европу — должна быть любимым нашим чтением от самого детства. «Мы ходим, — говорит красноречивый автор «*Землеописания русского*, — мы ходим по земле, обогренив кровию предков наших и прославленной отважными предприятиями и подвигами князей и полководцев, которые только для того осенены глу-

бокою ночью забвения, что не имели достойных провозвестников славы своей. Да настанет некогда время пристрастия к отечественным происшествиям, к своим государям, ко нравам и добродетелям, которые суть природныя произрастения нашего отечества»^{1*16}.

Мы должны упомянуть о философических и нравственных произведениях нашего автора. Здесь более, нежели где-нибудь, видна его душа и горячие впечатления его сердца. К нему можно применить то, что Шиллер сказал о Маттисоне¹⁸: «Тесное обращение с природою и с классическими образцами напитало его дух, очистило его вкус и сохранило его *нравственную грацию*; пламенная и чистейшая любовь к человечеству одушевляет его произведения, и все явления природы отражаются в душе его со всеми оттенками, как в тихом зеркале воды». — Здесь находим мы самого автора, вступаем с ним в тесное знакомство. Искусство человеческое может всему подражать, кроме движений доброго сердца. Вот истинная оригинальность нашего автора! Он часто, как будто против воли своей, обнажает прекрасную душу и редкую чувствительность; и более всего в отрывке под названием: «*Просвещение и Роскошь*», где, описывая странный характер Руссо, он готов с ним предаться сладостной мечтательности; в статье о «*Блаженстве*», где он, определяя счастье, увлекается своим воображением и отдыхает в тишине сель-

^{1*} Любители истории и словесности ожидают с нетерпением¹⁷ полной «Истории русской» того писателя, который показал нам истинные образцы русской прозы, и в трудолюбивом молчании более десяти лет приготовляет своему отечеству новое удовольствие, новую славу. Его творение будет иметь непосредственное влияние на умы и более всего на словесность,

ской, на лоне природы, ему всегда любезной. Вы можете читать его во всякое время, и в шуме деятельной жизни, и в тишине уединения; его слова подобны словам старого друга, который, в откровенности сердечной говоря о себе, напоминает вам собственную вашу жизнь, ваши страсти, печали, надежды и наслаждения. Он сообщает вам тишину и ясность своей души и оставляет в памяти продолжительное воспоминание своей беседы. Одним словом, самое бремя печалей и забот — я занимаю его выражение — отпадает по его утешительному гласу.

В «*Забавах воображения*», говоря о том государственном человеке, который первый в России ознаменовал дни свои покровительством отечественных муз, которого имя должно быть драгоценно позднему потомству, — ибо перейдет к нему с именами Ломоносова и Державина, — говоря о Шувалове, сочинитель продолжает: «Приятно вспоминать государственного человека, который был чувствителен к прелестям письмен, поэзии и художеств, и посреди сияния знатности и попечений правления удостоивал взорами своими просвещение; как любимец Августов¹⁹ или Кольберт²⁰, давал покровительство наукам или призывал дарования из чужих земель». — Конечно, иные черты можно применить к нашему автору, которого память столь любезна и художникам и ученым. Он посещал их кабинеты, их мастерские; они искали в нем покровителя и часто находили попечительного друга. Имя его и до сих пор почтенные члены Московского Университета произносят со слезами живейшей благодарности. Незабвенное имя для сердец благородных! Оно напоминает отечеству все гражданские добродетели.

«Все то, что способствует к доставлению вкусу более тонкости и разборчивости, — прибавляет сочинитель

в статье о «*Забавах воображения*», из которой я выпи-
сываю сии строки, — все то, что приводит в совершен-
ство чувствования красоты в искусствах и письменах,
отводит нас в то же самое время от грубых излишеств
страстей, от неистовых воспалений гнева, жестокости,
корыстолюбия и прочих подлых наслаждений. Кто вос-
хищается красотами поэмы или расположением кар-
тины, не в состоянии полагать благополучия в несча-
стии других, в шумных сборищах беспутства или
в искании подлой корысти. Нежное сердце и просвещен-
ный разум услаждаются возвышенными чувствованиями
дружбы, великодушия и благотворительности». — Давно
сказано было, что слог есть зеркало души, и относи-
тельно к нашему автору это совершенно справедливо.
Слог его можно уподобить слогу Фенелона²¹. Та же
чистота и точность выражений, стройность мыслей; то
же сердечное, убедительное красноречие. Образован-
ный в училище древних, его слог сохранил на себе их
печать неизгладимую: простоту, важность и приличие.

Я не сделаю ни одного замечания на погрешности.
Пуускай другие ищут ошибок грамматических, галли-
цизмов и проч.

Мы предоставим себе сладостное удовольствие хва-
лить то, что достойно похвал и самой разборчивой кри-
тики, которая в словесности нашей более приносит
пользы, указывая на красоты, нежели порицая недо-
статки ядовитым пером своим — и часто неспра-
ведливым.

Вам известно, милостивый государь, что я многим
обязан покойному автору; но благодарность меня не
ослепляет. Я опирался на суд людей просвещенных,
знатоков в нашей словесности, отдавая должную спра-
ведливость тому, что заслуживает похвалы; и назову
себя совершенно счастливым, если мог быть хотя сла-

бым, но верным отголоском их мыслей и суждений о том человеке, которого память будет мне драгоценна до поздних дней жизни и украсит их горестным и вместе сладким воспоминанием протекшего!

Долгом поставляю упомянуть здесь о стихотворных его произведениях. Многие из них напечатаны были без имени сочинителя в разных журналах и в последний раз в «Собрании русских стихотворений», изданных г. Жуковским, который взял на себя труд, пересмотрев несколько рукописей автора, приготовить их для печати, особенно то, что не входило в план книги, изданной в Москве в 1810 году. Конечно, любители словесности ожидают с нетерпением третьей части сочинений г. Муравьева, которая будет состоять из его стихотворений. Желательно, милостивый государь, чтобы вы сделали несколько замечаний на жизнь автора: она любопытна не только для любителя словесности, но и для каждого друга добродетели. Истинному патриоту приятно узнать некоторые обстоятельства жизни гражданина, принесшего пользу отечеству непрерывными трудами и пером своим: мы будем помнить сынов России, прославивших отечество на поле брани; история вписывает уже имена их в свои скрижали; но должны ли мы забывать и тех сограждан, которые, употребляя всю жизнь свою для пользы нашей, отличились гражданскими добродетелями и редкими талантами? — Древние, чувствительные ко всему прекрасному, ко всему полезному, имели два венца: один для воина, другой для гражданина. Плутарх, описывая жизнь великих полководцев, царей и законодателей, поместил между ими Гезиода²² и Пиндара²³. Мы желаем от всей души, чтобы вы исполнили надежду нашу. Замечания ваши на жизнь г. Муравьева могут служить предисловием к третьей части полного собрания его сочинений.

Стихотворения г. Муравьева, без сомнения, будут стоять наряду с лучшими его произведениями в прозе. В них то же достоинство: философия, которой источник чувствительное и доброе сердце; выбор мыслей, образованных прилежным чтением древних; стройность и чистота слога. Вот несколько примеров из послания к покойному И. П. Тургеневу²⁴, достойному приятелю автора, которого он любил и уважал от самой юности. Наклонности и страсти друзей были одинаковы: добродетель и пламенная любовь к музам. Они запечатали их священный союз, который могла разрушить единая смерть. Посмотрим, как автор, описывая в своем послании деятельного мудреца, доброго отца семейства, истинного патриота, любителя порядка и счастья ближних, описывает себя и друга своего:

Любовью истины, любовью красоты
Исполнен дух его, украшены мечты.
Искусства! вас к себе он в помощь призывает;
От зависти себя он в вашу сень скрывает;
Без гордости велик и важен без чинов,
На пользу общую всегда, везде готов;
Он свято чтит родства священные союзы;
И чтоб свободным быть, приемлет легки узы;
Внимательный супруг и счастливый отец,
Он властью облечен по выбору сердец. —
Счастлив, кто может быть семейства благодетель!
Что нужды, дом тому иль целый мир свидетель!
Таков Эмилий был, равно достоин хвал,
Как жил в семье своей, иль как при Каннах пал.

Прекрасное начертание добродетельного и деятельного мудреца! Прекрасный и счастливый пример! Далее продолжает поэт:

Служить отечеству — верховный душ обет.
Наш долг — туда спешить, куда оно зовет.
Но если, в множестве ревнителей ко славе,
Мне должно уступить, — ужели буду вправе
Пренебреженною заслугой досаждать?
Мне только что — служить; отчизне —
награждать.

Из трех сот праздных мест спартанского совета
Народ ни на одно не избрал Педарета.
— Хвала богам, — сказал, народа не вина, —
Есть триста человек достойнее меня.

Здесь каждая мысль может служить правилом честному гражданину. И какая утешительная мудрость! Какое сладостное излияние чистой и праведной души! Скажем более с одним из лучших наших писателей: счастлив тот, кто мог жить, как писал, и писать, как жил!

Полезным можно быть, не бывши знаменитым;
Сретают счастье и по тропинкам скрытым.
Сей старец, коего Вергилий воспевал,
Что близ Тарента мак и розы поливал,
И в поздню ночь под кров склоняся домашний,
Столы отягощал некупленными брашны;
Он счастье в хижине конечно находил,
И пышных богачей душой превосходил!

Тот истинно свободен, куда бы он ни был брошен
фортуною, куда бы он ни был поставлен людьми, управлять ими или повиноваться, сиять в венце или скрывать себя в пустыне, — тот истинно счастлив, говорит наш поэт вслед за Горацием,

Кто счастья в крайностях всегда с собою сходит;
В сиянии не горд, в упадке не уныл,

В самом себе свое величие сокрыл
Владыка чувств своих, их бури умирят
И скуку жития ученьем услаждает.

В другом послании, в котором автор более предается
игре своего воображения, мы находим блестящее изобра-
жение Вольтера ²⁵,

Сего чудесного, столетнего шалбера ²⁶,
По превосходству мудреца,
Который говорил прекрасными стихами,
К которому стихи в уста входили сами...
В его приветствиях не виден труд певца —
Учтивость тонкого маркиза!
Заметьте, что маркиз не мог воспеть бы Гиза,
Не мог бы начертать шестидесяти лет
В Китае страшного Чингиза;
Потом унижить свой трагический полет
В маркизе де Вильет,
И во власах седых брэнчать еще на лире
Младые шалости иль растворять в сатире
Свой лицемерный слог;
Иль философствовать с величеством о мире,
О мироздателе: — Вольтер все это мог!
И славу старость вел он с завистью у ног
Превыше хвал и порицаний.
В Париже сколько восклицаний,
Когда явился он к принятию венца!
Великие умы, красавицы, вельможи,
Придворных легкий рой из королевской ложи,
Плескали долго в честь бессмертного творца!
За ними вся толпа плескала без конца! —

Такой-то нравится нам в обществе творец,
Который изжил бы во свете лета юны,

И сделался мудрец
Волненьями фортуны,
Открывшими ему излучины сердец.

К несчастью, говорит поэт, трудно быть светским человеком и писателем. Одно вредит другому:

Условья общества для мыслящего — цепи!
А тот, кто в обществе свой выдержал искус,
Зевает в обхожденье муз.
В науке нравиться учу я основанья;
Но, старый ученик, не знаю ни аза,
И не задремлетя со мной лоза,
Которой общество чинит увещеванья.
Меж тем замедлены успехи дарованья,
Что льстился в юности иметь.
Замедлены?.. Я выражаюсь мало! —
Их уничтожено в душе моей начало;
Прелестна лень поставила мне сеть,
Из коей я не выду.
Не быв Ринальдом, я нашел свою Армиду
И в лени сладостной забыл искусство петь.
Поэтом трудно быть, а легче офицером, —
С Доратом я успел сравниться в том,
Что он, как я, был мушкетером.

Часто в стихах нашего поэта видна сладкая задумчивость, истинный признак чувствительной и нежной души; часто, подобно Тибуллу и Горацию, сожалеет он об утрате юности, об утрате пламенных восторгов любви и беспредельных желаний юного сердца, исполненной жизни и силы. В стихотворении под названием «Муза», обращаясь к тайной подруге души своей, он делает ей нежные упреки:

Ты утро дней моих прилежно посещала:
Почто ж печальная распространилась мгла,
И ясный полдень мой покрыла черной тенью?
Иль лавров по следам твоим не соберу,
И в песнях не пройду к другому поколенью,
Или я весь умру?

Нет, мы надеемся, что сердце человеческое бессмертно. Все пламенные отпечатки его, в счастливых стихах поэта, побеждают и самое время. Музы сохраняют в своей памяти песни своего любимца, и имя его перейдет к другому поколению с именами, с священными именами мужей добродетельных. Музы, взирая на преждевременную его могилу, восклицают с поэтом Мантуи:

Manibus date lilia plenis:
Purpureos spargam flores! *

С. Петербург, 1814 года

* Дайте лилий и пурпурных цветов
Чтоб осыпать щедрой рукой! ²⁷ (лат.).

VI

ПРОГУЛКА В АКАДЕМИЮ ХУДОЖЕСТВ

*Письмо старого московского жителя
к приятелю, в деревню его Н.*

Ты требуешь от меня, мой старый друг, продолжения моих прогулок по Петербургу. Повинуюсь тебе.

На этот раз я буду говорить об Академии Художеств, которая после двадцатилетнего нашего отсутствия из Петербурга столько переменилась... «Говори, говори об Академии Художеств! — так воскликнешь ты, начиная чтение моего болтливого письма. — Мы издавна любили живопись и скульптуру, и в твоём маленьком домике на Пресне (которого теперь и следов не осталось!) мы часто заводили жаркие споры о голове Аполлона Бельведерского, о мизинце Гебы славного Кановы, о коне Петра Великого, о кисти Рафаэля, Кореджио, даже самого Сальватора Розы, Мурилло¹, Койпеля² и проч. Так — я во многом с тобой соглашался, а ты ни в чём со мною, а ещё менее с добрым живописцем Ализовым³, с товарищем славного Лосенкова⁴, который часто смешил и сердил нас своим упрямством и добродушием. Мы спорили; время летело в приятных разговорах. Счастливое, невозвратное время! Пожар Москвы поглотил и домик твой со всеми дурными картинами и эстампами, которые ты покупал за бесценнок у торгашей на

аукционах, а в Немецкой слободе у отставных стряпчих; он поглотил маленькую Венеру, в которой ты находил нечто божественное, и бюст Вольтеров с отбитым носом, и маленького Амура с факелом, и бронзового Фавна, которого Ализов отрыл... будто бы на развалинах какой-то бани близ Неаполя и которым он приводил в восхищение и тебя и меня и всех знатоков нашего квартала. Пожар, немилосердый пожар поглотил даже акациеву беседку, с красивыми скамейками, с дубовым столом, на котором мы, разливая чай, любовались прелестными видами: Москвой рекою, которая извивается по лугу вокруг стен и высоких башен Девичьего монастыря, Васильевским, Воробьевыми горами с тенистыми рощами — и закатом вечернего солнца. Пожар поглотил наше убежище. Но в памяти моей осталось воспоминание твоей любви к изящным искусствам и охоты спорить, которая, конечно, укротилась от времени, а более всего от политических обстоятельств. Итак, говори об Академии Художеств, о произведениях наших артистов: я буду слушать с удовольствием. Всякая новость из столицы приятна пустынно-нику, который и на старости лет еще пламенно любит отечество, успехи и славу сограждан». Вот что ты скажешь, развернув мое письмо. Я начну мой рассказ сначала, как начинает обыкновенно болтливая старость. Слушай.

Вчерашний день поутру, сидя у окна моего с Винкельманом в руке⁵, я предался сладостному мечтанию, в котором тебе не могу дать совершенно отчета; книга и читанное мною было совершенно забыто. Помню только, что, взглянув на Неву, покрытую судами, взглянув на великолепную набережную, на которую, благодаря привычке, жители петербургские смотрят холодным оком, — любясь бесчисленным народом, который волновался под моими окнами, сим чудесным смешением всех наций,

в котором я отличал англичан и азиатцов, французов и калмыков, русских и финнов, я сделал себе следующий вопрос: что было на этом месте до построения Петербурга? Может быть, сосновая роща, сырой, дремучий бор или топкое болото, поросшее мхом и брусникою; ближе к берегу — лачуга рыбака, кругом которой развешены были мрежи, невода и весь грубый снаряд скудного промысла. Сюда, может быть, с трудом пробирался охотник, какойнибудь длинновласый финн...

За ланью быстрой и рогатой,
Прицелясь к ней стрелой пернатой⁶.

Здесь все было безмолвно. Редко человеческий голос пробуждал молчание пустыни дикой, мрачной; а ныне?.. Я взглянул невольно на Троицкий мост, потом на хижину великого монарха⁷, к которой по справедливости можно применить известный стих:

Souvent un faible gland recéle un chêne
immense! *

И воображение мое представило мне Петра, который в первый раз обозревал берега дикой Невы, ныне столь прекрасные! Из крепости Нюсканц⁹ еще гремели шведские пушки; устье Невы еще было покрыто неприятелем, и частые ружейные выстрелы раздавались по болотным берегам, когда великая мысль родилась в уме великого человека. Здесь будет город, сказал он, чудо света. Сюда призову все художества, все искусства. Здесь художества, искусства, гражданские уста-

* Часто малый желудь таит в себе огромный дуб!⁸ (франц.).

новления и законы победят самую природу. Сказал — и Петербург возник из дикого болота.

С каким удовольствием я воображал себе монарха, обзирающего начальные работы: здесь вал крепости, там магазины, фабрики, Адмиралтейство. В ожидании обедни в праздничный день или в день торжества победы, государь часто сживал на новом вале с планом города в руках против крепостных ворот, украшенных изваянием апостола Петра из грубого дерева. Именем святого должен был назваться город, и на жестяной доске, прибитой под его изваянием, изображался славный в летописях мира 1703 год¹⁰ римскими цифрами. На ближнем бастионе развевался желтый флаг с большим черным орлом, который заключал в когтях своих четыре моря, подвластные России. Здесь толпились вокруг монарха иностранные корабельщики, матрозы, художники, ученые, полководцы, воины; меж ними — простой рождением, великий умом — любимец царский Меншиков, великодушный Долгорукий, храбрый и деятельный Шереметьев и вся фаланга героев, которые создали с Петром величие Русского царства...

Таким образом, погруженный в мое мечтание, я не заметил, что двери комнаты открылись и сын моего старого приятеля Н., молодой, весьма искусный художник, приветствовал меня с добрым утром. «Я пришел нарочно за вами, — сказал он, — сегодня Академия Художеств открыта для любопытных, и я готов быть вашим путеводителем, вашим чичероне, если угодно! Вы увидите много хорошего, полюбуетесь некоторыми произведениями русского резца и кисти; о других теперь — ни слова. Посмотрите, — продолжал он, открывая окно: — какое прекрасное время! Весь город гуляет, и мы с толпой гуляющих неприметным образом пройдем в Академию». — «С удовольствием, — отвечал я мо-

лодому человеку, — около двадцати лет я не видал Академии, и как здесь все идет исполинскими шагами к совершенству, то надеюсь, что и художества приведут меня в приятное изумление. Вот мой посох, моя шляпа, — пойдем!»

И в самом деле, время было прекрасное. Ни малейший ветерок не струил поверхности величественной, первой реки в мире, и я приветствовал мысленно богиню Невы словами поэта ¹¹:

Обтекай спокойно, плавно,
Горделивая Нева,
Государей зданье славно
И тенисты острова.

Великолепные здания, позлащенные утренним солнцем, ярко отражались в чистом зеркале Невы, и мы оба единогласно воскликнули: «Какой город! Какая река!»

«Единственный город! — повторил молодой человек. — Сколько предметов для кисти художника! умей только выбирать. И как жаль, что мои товарищи мало пользуются собственным богатством; живописцы перспективы охотнее пишут виды из Италии и других земель, нежели сии очаровательные предметы. Я часто с горестию смотрел, как в трескучие морозы они трудятся над пламенным небом Неаполя, тиранят свое воображение — и часто взоры наши. Пейзаж должен быть портрет. Если он не совершенно похож на природу, то что в нем? — Надобно расстаться с Петербургом, — продолжал он, — надобно расстаться на некоторое время, надобно видеть древние столицы: ветхий Париж, закопченный Лондон, чтобы почувствовать цену Петербурга. Смотрите — какое единство! как все части отвечают целому! какая красота зданий, какой вкус и в целом какое разнообразие, происходящее от смешения

воды со зданиями. Взгляните на решетку Летнего сада, которая отражается зеленью высоких лип, вязов и дубов! Какая легкость и стройность в ее рисунке! Я видел славную решетку Тюльерийского замка, отягченную, раздавленную, так сказать, украшениями — пиками, касками, трофеями. Она безобразна в сравнении с этой».

Энтузиазм, с которым говорил молодой художник, мне весьма понравился. Я пожал у него руку и сказал ему: «Из тебя будет художник!» Не знаю, понял ли он мои пророческие слова, но, посмотрев на меня с улыбкою удовольствия, продолжал: «Взгляните теперь на набережную, на сии огромные дворцы — один другого величественнее! на сии дома — один другого красивее! Посмотрите на Васильевский остров, образующий треугольник, украшенный биржею, ростральными колоннами и гранитною набережною, с прекрасными спусками и лестницами к воде. Как величественна и красива эта часть города! Вот произведение, достойное покойного Томона¹², сего неутомимого иностранца, который посвятил нам свои дарования, и столько способствовал к украшению северной Пальмиры¹³! Теперь, от биржи, с каким удовольствием взор мой следует вдоль берегов и теряется в туманном отдалении между двух набережных, единственных в мире!» — «Так, мой друг, — воскликнул я, — сколько чудес мы видим перед собою, и чудес, созданных в столь короткое время, в столетие — в одно столетие! Хвала и честь великому основателю сего города! Хвала и честь его преемникам, которые довершили едва начатое им, среди войн, внутренних и внешних раздоров. Хвала и честь Александру, который более всех, в течение своего царствования, украсил столицу Севера! И в какие времена? Когда бремя и участь целой Европы лежали на его сердце, когда враг погло-

щал землю русскую, когда меч и пламень безумца по-
жирал то, что созидали веки! . . .»

Разговаривая таким образом, мы подходили к Адми-
ралтейству¹⁴. «Помню, — скажешь ты, — помню эту
безобразную длинную фабрику, окруженную подъем-
ными мостами, рвами глубокими, но нечистыми, завален-
ными досками и бревнами». Остановись, почтенный мой
приятель! кто не был двадцать лет в Петербурге, тот
его, конечно, не узнает. Тот увидит новый город, новых
людей, новые обычаи, новые нравы. Вот, что я повто-
ряю тебе ежедневно в моих записках. И здесь то же
превращение. Адмиралтейство, перестроенное Захаровым,
превратилось в прекрасное здание и составляет теперь
украшение города. Прихотливые знатоки недовольны
старым шпицом, который не соответствует, по словам
их, новой колоннаде, — но зато колоннада и новые па-
вильоны или отдельные флигели прелестны. Вокруг сего
здания расположен сей прекрасный бульвар, обсажен-
ный липами, которые все принялись и защищают от
солнечных лучей. Прелестное, единственное гульбище,
с которого можно видеть все, что Петербург имеет вели-
чественного и прекрасного: Неву, Зимний дворец, вели-
колепные дома дворцовой площади, образующей полу-
кружие, Невский проспект, Исакиевскую площадь, Кон-
ногвардейский манеж, который напоминает Партедон¹⁵,
прелестное строение г. Гваренги, Сенат, монумент
Петра I и снова Неву с ее набережными!

Я хотел отдохнуть, и мы сели на одну из лавок буль-
вара. Площадь была покрыта каретами, бульвар — гу-
ляющими. Между тем, как я рассматривал знакомые и
незнакомые лица, некто, человек пожилой и хворой,
присел на лавку возле меня. Черты его мне были зна-
комы, но время изгладило из моей памяти его имя.
Знакомый незнакомец глядел на меня пристально,

минуту, две, три... и наконец — я узнал в нем Старожилова. «Как ты переменялся!» — воскликнули мы оба, глядя пристально друг на друга. «Как все переменялось с тех пор, как я тебя видел здесь!», — прибавил Старожилов с тяжелым вздохом, от которого морщины на его лбу сделались еще глубже. Я не стану тебе говорить о вопросах, которые мы делали взапуски друг другу: можешь их легко угадать; скажу только, что наш старый знакомый, узнав намерение наше посетить Академию, взглянул на часы и сказал мне: «Теперь еще рано; к трем часам я могу поспеть в клуб, где я должен пробовать новое вино и сказать мое мнение на счет важного постановления в клубе, о котором я размышлял целое утро». Важность, с которою он говорил, заставила нас улыбнуться. К счастью, Старожилов того не заметил и продолжал: «Прогулка мне будет полезна; ибо сегодня солнце греет, как летом. Я побреду с вами в Академию — вовсе не из любопытства; там ничего хорошего нет. Я давно недоволен нашими художниками во всех родах — но мне нужно рассеяние, единственно рассеяние!», — прибавил он, кашляя беспрестанно.

Между тем как мы идем медленными шагами в Академию, соображаясь с походкою подагрика, я скажу тебе мимоходом, что Старожилов, которого мы знали в молодости нашей столь блестящего, столь веселого, столь рассеянного, ныне сделался брюзгою, недовольным, одним словом, совершенным образцом старого холостого человека. Ты помнишь, что в молодости он имел живой ум, некоторые познания и большой навык в свете. Ныне цвет ума его завял, прежняя живость исчезла, познания, не усовершенные беспрестанными трудами, изгладилась или превратилась в закоренелые предрассудки, и все остроумие его погибло, как блестящий фейерверк. Конечно, рассудок забыл шепнуть ему: старайся быть

полезен обществу! Недеятельная жизнь, говорит мудрец херонейский¹⁶, расслабляет тело и душу. Стоячая вода гниет; способности человека в бездействии увядают, и за молодостью невидимо крадется время:

Придут, придут часы те скучны,
Когда твои ланиты тучны
Престанут грации трепать!¹⁷

Тогда общество справедливою холодностью отмстит тебе за то, что ты был его бесплодным членом. Старожил, проживший вертопрахом до некоторого времени, проснулся в сорок лет стариком, с подагрой, с полурасстроеным именем, без друга, без привязанностей сердечных, которые составляют и мучение, и сладость жизни; он проснулся с душевною пустотою, которая превратилась в эгоизм и мелочное самолюбие. Ему все наскучило, он всем недоволен: в его время и лучше веселились и лучше говорили, и лучше писали. Трагедии Княжнина, по его мнению, лучше трагедий Озерова; басни Сумарокова предпочитает он басням Крылова, игру Сахаровой¹⁸ игре Семеновой¹⁹ и так далее. «Как скучна нынешняя жизнь!», — говорит он; и этому поверить можно. Зачем, спрашиваю я, зачем постоянно десять лет является он в клуб? Чтобы слушать, изобретать или распускать городские вести или газетные тайны, чтобы бранить нещадно все новое и прославлять любезную старину, отобедать и заснуть за чашкою кофе при стуке шаров и при единообразном счете маркера, который, насчитав 48, ненавистным числом напоминает ему его лета. Сонный садится он в карету и едва просыпается в театре при первом ударе смычка.

Разговаривая с ним о старине, которую я выхвалял из снисхождения, мы приближались к Академии.

Я долго любовался сим зданием, достойным Екатерины, покровительницы наук и художеств. Здесь на каждом шагу просвещенный патриот должен благословлять память монархини, которая не столько завоеваниями, сколько полезными заведениями заслуживает от признательного потомства имя великой и мудрой. Сколько полезных людей приобрело общество чрез Академию Художеств! Редкое заведение у нас в России принесло столько пользы. Но чему приписать это? Постоянному и мудрому плану, которому следует с давнего времени начальство, и достойному выбору вельмож деятельных и просвещенных на место президентское. Я стар уже; но при мысли о полезном деле или учреждении для общества чувствую, что сердце мое бьется живее, как у юноши, который не утратил еще прелестной способности чувствовать красоту истинно полезного и предается первому движению благородной души своей. Вступая на лестницу, я готов был хвалить с жаром монархиню и некоторых вельмож, покровителей отечественных муз; но докучный Старожилов воскликнул, с трудом переводя дух и отдыхая на первых ступенях: «Боже мой! какая крутая лестница! и как она узка, и как безобразна! И к чему эта Венера с амазонками? Я никогда не был охотник до гипсов; лучше ничего или все — вот мое правило. Здесь надлежало бы поставить что-нибудь свое, произведение наших художников» и проч. и проч. Толпа у дверей не позволила ему окончить своего критического замечания, и мы остановились, весьма кстати, у двух превеликих сатиров, называемых теламонами или атлантами (мужеские кариатиды). «Вот украшение довольно странное, заметил молодой художник — и которое новейшие художники употребляли часто некстати, а более всего в Париже. Женские кариатиды еще безобразнее мужеских. Можно ли видеть без от-

вращения прекрасную женщину, страдающую под тягостным бременем, и с необыкновенным усилием во всех членах и мускулах поддерживающую целое здание или огромную часть оногo? Одно жестокое сердце может любить такого рода изображения, и затем-то, может быть, французские артисты, тайно угождая вкусу Наполеона, ставили кариатиды везде, где только можно было. В некоторых его замках каждую дверь поддерживают две страдальцы. В самом Музее их множество. Здесь же сиц кариатиды приличны; ибо могут служить образцами любопытным молодым художникам».

Мы вошли в ротонду, установленную гипсовыми слепками с антиков. «Вот консул Бальбус²⁰, — сказал мне наш спутник, указывая на большого всадника. Подлинник статуи найден в Геркулануме». — «Но эта лошадь вовсе не красива...» — заметил Старожилов молодому артисту, качая головою.

«Вы правы, — отвечал он, — конь не весьма статен, короток, высок на ногах, шея толстая, голова с выпуклыми щеками, поворот ушей неприятный. То же самое заметите в другой зале у славного коня Марка Аврелия²¹. Художники новейшие с большим искусством изображают коней. У нас перед глазами Фальконетово произведение, сей чудесный конь, живой, пламенный, статный и столь смело поставленный, что один иностранец, пораженный смелостью мысли, сказал мне, указывая на коня Фальконетова: — Он скачет, как Россия!²² — Но я не смею мыслить вслух о коне Бальбуса, боясь, чтобы меня не подслушали некоторые упрямые любители древности. Вы себе представить не можете, что теряет в их мнении молодой художник, свободно мыслящий о некоторых условных красотах в изящных искусствах... Пойдемте далее».

Мы вошли в другую залу, где находятся слепки с неподражаемых произведений резца у греков и римлян. Прекрасное наследие древности, драгоценные остатки, которые яснее всех историков свидетельствуют о просвещении древних; в них-то искусство есть, так сказать, отголосок глубоких познаний природы, страстей и человеческого сердца. Какое истинное богатство, какое разнообразие! Здесь вы видите Геркулеса Фарнезского, образец силы душевной и телесной. Вот умирающий боец или варвар; вот комический поэт и бесподобный фавн. Здесь прекрасные группы: Лаокоон с детьми — драматическое творение резца неизвестного! Вот Ария и Петус²³, и семейство несчастной Ниобы. Здесь вы видите Венеру, образец всего красивейшего, одним словом: Венеру Медицис. Вот целый ряд колоссальных бюстов Юпитера Олимпийского,

Кто манием бровей колеблет неба свод²⁴,

Юноны, Менелая, Аякса, Кесаря²⁵ и пр. И наконец, я спрашиваю себя, отчего сердце мое забилося сильнее?

Наполнил грудь восторг священный,
Благоговейный обнял страх,
Приятный ужас потаенный
Течет во всех моих костях;
В веселье сердце утопает,
Как будто Бога ощущает,
Присутствующего со мной! . .
Я вижу, вижу Аполлона
В тот миг, как он сразил Пифона
Божественной своей стрелой!
Зубчата молния сверкает,
Звенит в руке спущенный лук,
Ужасная змия зияет
И вмиг свой испускает дух²⁶.

Вот сей божественный Аполлон, прекрасный бог стихотворцев! Взирая на сие чудесное произведение искусства, я вспоминаю слова Винкельмана. «Я забываю вселенную, — говорит он, — взирая на Аполлона; я сам принимаю благороднейшую осанку, чтобы достойнее созерцать его»²⁷. Имея столь прекрасного бога покровителем, мудрено ли, спрашиваю вас, мудрено ли, что один из наших поэтов воскликнул²⁸ однажды в припадке пиитической гордости:

Я с возвышенною везде хожу главой!

«Вот наши сокровища, — сказал художник Н., указывая на Аполлона и другие антики, — вот источник наших дарований, наших познаний, истинное богатство нашей Академии; богатство, на котором основаны все успехи бывших, нынешних и будущих воспитанников. Отнимите у нас это драгоценное собрание и скажите, какие бы мы сделали успехи в живописи и в ваянии? Надобно желать, чтоб оно еще было удвоено, утроено. Здесь многого недостает; но то, что есть, прекрасно: ибо слепки верны и могут удовлетворить самого строгого наблюдателя древности».

Пройдя две небольшие залы, мы увидели толпу зрителей перед большою картиною. Вот новая картина г. Егорова²⁹! Одно имя сего почтенного академика возбуждает твое любопытство... Итак, я перескажу от слова до слова суждение о его новой картине, то есть, то, что я слушал в глубоком молчании.

«Подойдемте поближе, — сказал Старожилов, надевая с комическою важностию очки свои. — Я немного наслышался об этом художнике».

Художник изобразил истязание Христа в темнице. Четыре фигуры выше человеческого роста. Главная из них — спаситель перед каменным столпом со связанными

назад руками и три мучителя, из которых один прикрепляет веревку к столпу, другой снимает ризы, покрывающие испукителя, и в одной руке держит пук розог; третий воин... кажется, делает упреки божественному страдальцу; но решительно определить намерение артиста весьма трудно, хотя он и старался дать сильное выражение лицу воина — может быть, для противоположности с фигурою Христа.

«Посмотрите, — сказал нам молодой художник, — как туловище Христа нарисовано правильно, просто и благородно. Кажется, что глубокий вздох готов вырваться из поднятой груди его». — «Но лице не соответствует красоте всего тела, — возразил Старожилов: — признайтесь сами, что глаза его слишком велики; в них нет ничего божественного». — «Я с вами не совсем согласен: положение головы прекрасно, и в лице вы видите сильное выражение страдания, горести и покорности воле отца небесного». — «К сожалению, эта фигура напоминает изображение Христа у других живописцев, и я напрасно ищу во всей картине оригинальности, чего-то нового, необыкновенного, одним словом своей мысли, а не чужой». — «Вы правы, хотя не совершенно: этот предмет был написан несколько раз. Но какая в том нужда? Рубенс и Пуссень каждый писали его по-своему, и если картина Егорова уступает Пуссеновой, то конечно выше картины Рубенсовой...» — «Как, что нужды? Пуссень и Рубенс писали истязание Христово: тем я строже буду судить художника, тем я буду прихотливее. Если б какой-нибудь, впрочем и весьма искусный живописец, вздумал написать картину Преображения, я сказал бы ему: конечно, вы не видали картины Рафаэлевой? Если б поэт вздумал написать нам Ифигению в Авлиде, я сказал бы ему: ее написал Расин прежде тебя; и так далее». — «Но признайтесь, по крайней мере, что мучи-

тель, прикрепляющий веревку, которою связаны руки Христа, написан прекрасно, правильно и может назваться образцом рисунка. Он ясно доказывает, сколько г. Егоров силен в рисунке, сколько ему известна анатомия человеческого тела. Вот оригинальность нашего живописца!» — «Это все справедливо; но к чему усилие сего человека? Чтобы затянуть узел? Я вижу, что живописец хотел написать академическую фигуру и написал ее прекрасно; но я не одних побежденных трудностей ищу в картине. Я ищу в ней более: я ищу в ней пищи для ума, для сердца; желаю, чтоб она сделала на меня сильное впечатление; чтоб она оставила в сердце моем продолжительное воспоминание, подобно прекрасному драматическому представлению, если изображает предмет важный, трогательный. К тому же согласитесь, что другой мучитель поставлен дурно. А воин?.. он вовсе лишний, он ни на кого не глядит... хотя глаза его отверсты необыкновенным образом. К чему, спрашиваю вас, на римском воине шлем с змеем и почему в темнице Христовой лежит железная рукавица? Их начали употреблять десять веков — или более — после рождества Христова; не значит ли это...»

«Конечно так! — сказал Старожилу какой-то незнакомец, который долго вслушивался в разговор (мы приняли его за художника), — конечно так! Если художники наши будут более читать и рассматривать прилежащие книги, в которых представлены обряды, одежды и вооружение древних, то подобных анахронизмов делать не будут. Но признайтесь, государь мой, признайтесь, отложив всякое пристрастие, что эта картина обещает дальнейшие успехи. Если обстоятельства, которые часто не благоприятствовали нашим артистам, если обстоятельства позволят ее живописцу заниматься постоянно сочинением больших картин, то можно ожидать, что он,

утвердясь в выборе, в употреблении и согласовании красок и познавась со многими механическими приемами³⁰ (тайны, которые должен угадывать художник в живописном деле), при твердой, правильной и красивой его рисовке, при изобретательном и благоразумном даровании, со временем не уступит лучшим живописцам италийской, французской и испанской школы».

Будучи от природы снисходительнее и любя наслаждаться всем прекрасным, я с большим удовольствием смотрел на картину г. Егорова и сказал мысленно: «Вот художник, который приносит честь Академии и которым мы, русские, можем справедливо гордиться».

В следующих комнатах продолжались выставки и по большей части молодых воспитанников Академии. Я смотрел с любопытством на ландшафт, изображающий вид окрестностей Шафгаузена³¹ и хижину, в которой государь император с великою княгиней Екатериною Павловою угощены новым Филемоном и Бавкидою. Вдали видно падение Рейна, не весьма удачно написанное.

В той же самой комнате проект на соборную церковь и два проекта для монумента из отнятых у неприятеля пушек: оба не соответствуют прекрасной и высокой мысли. Вот празднование пасхи в Париже³² Александром и его победоносными войсками. Какой предмет для патриота! С каким чистейшим удовольствием смотрел я на эту картину! Толпы народа и войска представлены ясно; но я заметил, что цвет неба и облаков холоден и тяжел.

Множество зрителей всякого звания толпились перед большою картиною, изображающею Христа с учениками и блудницею. Одни хвалили с жаром, другие осуждали. De gustibus non est disputandum*! «Видно, что живопи-

* О вкусах не спорят (лат.).

сец, — сказал нам молодой наш путеводитель, — живописец, скупой на искусство и вкус, не пощадил полотна, розовой и голубой краски». — «И времени», — прибавил Старожилов. Вы видите здесь и другую картину — Венеру розовую, на голубом поле, с голубками и с Купидоном; неудачное подражание Тициану или китайским картинам без теней; Венеру, которая не имеет ни малейшего сходства с Венерою Омера, Овидия или Лукреция, но живым образом напоминает нам какую-нибудь богиню из шуточной поэмы Майкова³³ или из «Энеиды, вывороченной наизнанку»³⁴. Вы видите там, на другой стене, триумф государя, наподобие Рубенса³⁵. Теперь взгляните на этого больного старика с факелом, подражание Жирару де ла Нотте³⁶, и признайтесь, что эти живописцы в своем подражании оригинальны. Они-то могут назваться со временем основателями новой италийской школы, *La Scuola Petroborghese* * и затмить свою чудесною кистию славу своих соотечественников — славу Рафаэля, Кореджио, Тициана, Альбана³⁷ и проч.

Пускай глаза наши, ослепленные яркими красками сих живописей, на которых Ньютон мог бы открыть все преломления луча солнечного, пускай глаза наши отдохнут на произведении г. Есакова³⁸. Вот его резные камни: один изображает Геркулеса, бросающего Иоласа в море, другой — киевлянина, переплывшего Днепр. Большая твердость в рисунке! Пожелаем искусному художнику^{1*} более навыка, без которого нет легкости и свободы в отделке мелких частей. Смелости у него довольно, а знаний?.. «Век живи, век учись, — сказал Старожилов. — Согласитесь однако же, — шепнул он

* Петербургской школы (итал.).

^{1*} Пожалеет об этом искусном художнике: ранняя смерть похитила с ним хорошие надежды. — Издатель.

молодому художнику, — согласитесь, что кроме картины Егорова мы ничего еще не видели совершенного или близкого к совершенству».

«Может быть! — отвечал он, — но прошу вас взглянуть на рисунок Уткина³⁹. Этот превосходный рисунок, как вы видите, изображает святую фамилию с Гвидо Рени⁴⁰. Другой рисунок — портрет князя Александра Борисовича Куракина, и с него гравированный портрет сего вельможи». — «Вот истинное искусство!», — сказал Старожилов, изменяя своему прекрасному правилу: *nil admirari* *. Г-н Уткин, известный и уважаемый в Париже, может стать наряду с лучшими граверами в Европе. Конечно, и в отечестве своем найдет он людей просвещенных, достойных ценителей его редкого таланта!»

Но с каким удовольствием смотрели мы на портреты г. Кипренского⁴¹, любимого живописца нашей публики! Правильная и необыкновенная приятность в его рисунке, свежесть, согласие и живость красок — все доказывает его дарование, ум и вкус нежный, образованный^{1*}.

Старожилов, к удивлению нашему, пленился мастер-

* Ничему не удивляться (лат.).

^{1*} В собрании портретов г. Кипренского, по важности предмета и по отделке, занимают первое место два портрета великих князей Николая Павловича и Михаила Павловича; голова старика с седею бородою или образец для апостольской головы; им же гравированный портрет, и весьма схожий, славного актера Дмитревского и рисованный черным карандашом — Фигнера, славного соглядатая нашей армии, о котором можно сказать, что Тасс говорил о Вафрине:

.... per dritto sentier tra regie porte
Trapassa; e or dimanda, e or risponde.
A dimande, e risposte astute, e pronte
Accoppia baldanzosa, audace fronte.
Di qua, di là sollecito s'aggira
Per le vie, per le piazze, e per le tende.

скою его кистью и отрыв в своей памяти два итальянские стиха, сказал их с необыкновенною живостию...

Manca il parlar, di vivo altro non chiedi.

Ne manca questo ancor s'agli occhi credi*.

«Видите ли, — продолжал он, — видите ли, как образуются наши живописцы? Скажите, что б был г. Кипренский, если б он не ездил в Париж, если бы...» — «Он не был еще в Париже, ни в Риме, отвечал ему художник». — «Это удивительно! удивительно!», — повторил Старожилов. — «Почему? Разве нет образцов и здесь для портретного живописца? Разве Эрмитаж закрыт для

I guerrier, i destrier l'arme rimira;
L'arti e gli ordini osserva, e i nomi apprende.
Né di ciò pago a maggior cose aspira;
Spia occulti disegni, e parte intende.
Tanto s'avvolge, e così destro, a piano...

То есть: «Прямым путем проходит чрез врата царские. Делает вопросы, дает ответы; хитрым вопросам и быстрым ответам соответствует его смелое и гордое чело. Туда и сюда проходит торопливыми шагами, чрез пути и площади между шатров неприятельских. Осматривая ряды воинов, коней и оружия, замечает порядок, искусство воинов; познает их имена. Сего недоволен: он стремится к высшей цели; проникает в тайные замыслы и хитрые намерения врагов...»⁴²

Наш Фигнер старцем в стан врагов
Идет во мраке ночи:
Как тень прокрался вокруг шатров,
Все зрели быстры очи.
И стан еще в глубоком сне,
День светлый не проглянул,
А он — уж витязь на коне,
Уже с дружиной грянул...
Жуковский⁴³

* Недостает лишь, чтоб он заговорил, тогда бы он совсем ожил. Лишь этого недостает, если ты веришь своим глазам⁴⁴ (итал.).

любопытного, а особенно для художника? Разве не по-
зволяется художнику списывать там портреты с Ван-
дика⁴⁵, пейзажисту учиться над богатым собранием
картин единственных в своем роде? Или вы думаете,
что нужен непременно воздух римский для артиста, для
любителя древности; что ему нужно долговременное пре-
бывание в Париже? В Париже ... согласен; но сколько
дарований погибло в этой столице? Рассеяние, все пре-
лести света не только препятствовали развитию даро-
вания, но губили его навеки».

«Вот московские виды»⁴⁶, сказал молодой художник,
указывая на картины, изображающие Каменный мост,
Кремль и проч. с большою истиною и искусством. Какие
воспоминания для московского жителя! Рассматривая
живопись, я погрузился в сладостное мечтание, и готов
был воскликнуть почти то же, что Эней у Гелена, в до-
линах Хаонейских, где все чудесным образом напоми-
нало изгнаннику его священную Трою, рощи, луга и
источники родины незабвенной^{1*}; я готов был сказать
моим товарищам:

Что матушки Москвы и краше и милее?⁴⁸

Но Старожилы рассеял воспоминание о древней бело-
каменной столице громким и непрерывным смехом, рас-
сматривая чудесные мозаики, в той же комнате выстав-
ленные. Я взглянул на него⁴⁹ с негодованием, пожал
плечами и пошел в другую комнату, где ожидал нас

^{1*} *Procedo, et parvam Trojam, simulataque magnis Per-
gama, et arentem Xanthi cognomine rivum, Agnosco,
Scaeaеque amplector limina portae.*

Aeneid. liber III.

[Подвигаюсь вперед и узнаю малую Трою, изображе-
ние великого Пергама, иссохший ручей называемый
Ксанф, и обнимаю порог Скейских ворот]⁴⁷ (Энеида,
книга III. — *Лат.*).

портрет покойного гр(афа) А. С. Строганова⁵⁰, писанный г. Варником⁵¹. Вокруг него мы нашли толпу зрителей: одни хвалили смелость кисти, отделку платья, белого глазета и весь рисунок картины; другие, напротив того, утверждали, что краски вообще тусклы, отделка груба, нетщательна и проч. и проч. и проч.; а я восхищался удивительным сходством лица.

«Так, это он! точно он! — сказал какой-то пожилой человек нашему путеводителю. — Эта прекрасная картина г. Варника возбуждает в моей памяти тысячу горестных и сладких воспоминаний! Она живо представляет лице покойного графа, сего просвещенного покровителя и друга наук и художеств, вельможу, которого мы будем всегда оплакивать, как дети — нежного и попечительного отца. Полезные советы, лестное одобрение знатока, редкое добродушие, истинный признак великой и прекрасной души, желание быть полезным каждому из нас, пламенная, но просвещенная любовь к отечеству, любовь ко всему, что может возвысить его славу и сияние: вот чем отличался почтенный президент нашей Академии, вот что мы будем вспоминать со слезами вечной признательности, и что искусная кисть г. Варника столь живо напоминает всем академикам, которые имели счастье пользоваться покровительством любезнейшего и добрейшего из людей. Черты, незабвенные черты нашего мецената будут нам всегда драгоценны!»

Художник говорил с большим жаром, и слезы навернулись на его глазах. Я был вне себя от радости; ибо я разделял вполне его чувства. Сам Старожилов был тронут и долго стоял в молчании пред почтенным ликом почтенного старца, престарелого Нестора искусств, истинного образца людей государственных; вельможи, который доказал красноречивым примером целой жизни, что вышний сан заимствует прочное сияние не от богатства.

и почестей наружных, но от истинного, неотъемлемого достоинства души, ума и сердца.

Долго сладкое впечатление оставалось в моей душе, и я, занятый разговором почтенного художника, прошел без внимания мимо некоторых картин ученической работы иностранцев, которые на сей раз, как будто нарочно, согласились уступить бесспорно преимущество нашим художникам, выставя безобразные и уродливые произведения своей кисти. Мы остановились у подножия Актеона (изобретения г. Мартоса⁵²), большой статуи, отлитой для графа Н. П. Румянцова г. Екимовым⁵³: прекрасное произведение русских художников! «Заметьте, — сказал нам услужливый путеводитель наш, — заметьте, что литейное искусство сделало большой шаг в России, под руководством г. Екимова»^{1*}.

Картина г. Куртеля⁵⁴: «Спартанец при Фермопилах» привлекла наше внимание. Прекрасный юноша, сразившийся за свободу Греции, умирает один, без помощи, без друга, в местах пустынных. Кровавый долг Спарте отдан, оружие избито, кровь пролита ручьями из ран глубоких и смертельных, и последние минуты убегающей жизни принадлежат ему: последние взоры, исполненные страдания и любви, устремлены на медальон, изображающий черты ему любезные. «Вот прекрасная мысль, — сказал я моим товарищам, — и выраженная мастерскою кистью». Но они заметили, и справедливо, что в фи-

^{1*} Отлитая г. Екимовым фигура Актеона, по разобранни формы, не была ни опилена, ни отчеканена; но отлитие оной так совершенно, что по отбитии *путцев*, чрез которые течет в форму растопленный металл, осталось только всю фигуру пройти песком, для того, чтоб ей дать общий цвет. Хвала г. Екимову, особливо за удачное во всех частях отлитие колоссальных статуй для Казанского собора, также конченных без чеканки!

гуре нет ни соразмерности, ни согласия. «Это туловище небольшого фавна, приставленное к ногам Боргезского борца⁵⁵, — сказал молодой художник. — Конечно, много истины в выражении лица и мертвенности других членов; но, признаюсь вам, я неохотно смотрю на подобные сему изображения! И можно ли смотреть спокойно на картины Давида⁵⁶ и школы, им образованной, которая напоминает нам одни ужасы революции: терзание умирающих насильственной смертью, оцепенение глаз, трепещущие, побледневшие уста, глубокие раны, судороги — одним словом, ужасную победу смерти над жизнью. Согласен с вами, что это представлено с большою живостью; но эта самая истина отвратительна, как некоторые истины, из природы почерпнутые, которые не могут быть приняты в картине, в статуе, в поэме и на театре».

Разговаривая таким образом, мы оставили Академию. Если мое письмо не наскучило пустынною, то я сообщу тебе продолжение нашей прогулки и разговора о художествах. Прости до первой почты.

N. N.

P. S. На третий день моей прогулки в Академию я кончил мое письмо к тебе и готов был его запечатать, как вдруг мне пришла на ум следующая мысль: если кто-нибудь прочитает то, что я сообщал приятелю в откровенной беседе?.. «Что нужды! — отвечал молодой художник Н., которому я прочитал мое письмо. — Что нужды? Разве вы обидели кого-нибудь из художников, достойных уважения? Выставя картину для глаз целого города, разве художник не подвергает себя похвале и критике добровольно? Один маляр гневается за суждение знатока или любителя; истинный талант не страшится критики: напротив того, он любит ее, он уважает ее, как истинную, единственную путеводительницу к совершенству. Знаете ли, что убивает дарование, особливо

если оно досталось в удел человеку без твердого характера? Хладнокровие общества: оно ужаснее всего! Какие сокровища могут заменить лестное одобрение людей чувствительных к прелестям искусств! Один богатый невежда заказал картину моему приятелю; картина была написана, и художник получил кучу золота... Поверите ли, он был в отчаянии. — «Ты недоволен платою?» — спросил я. — «О нет! я награжден слишком щедро!» — «Что же огорчает тебя?» — «Ах, любезный друг, моя картина досталась невежде и сгниет в его кабинете: что мне в золоте без славы! — В Париже художники знают свою выгоду. Они живут в тесной связи с писателями, которые за них сражаются с журналистами, с знатоками и любителями, и проливают за них источники чернил. Две, три недели, часто месяц занимают они публику после первого выставления картин». — «Это все справедливо; но я мог ошибаться». — «Что нужды, если без намерения!». — «Но я употребил в моем письме новые выражения, например: *механический прием*⁵⁷ (в живописном деле), желая изъяснить то, что французы называют *le faire* * и боюсь...» — «Пускай другие переведут лучше, исправнее; у нас еще не было своего Менгса⁵⁸, который открыл бы нам тайны своего искусства, и к искусству живописи присоединил другое, столь же трудное: искусство изъяснять свои мысли. У нас не было Винкельмана... Но запечатайте, запечатайте письмо: его никто не прочитает!», — повторял художник с хитрою улыбкою. И его слова успокоили меня, хотя не совершенно. Признаюсь тебе, любезный друг, я боюсь огорчить наших художников, которые нередко до того простирают ревность к своей славе, что малейшую критику, самую умеренную, самую осторожную, почитают личным оскорблением.

* Создавать, делать (франц.).

VII

ОТРЫВОК ИЗ ПИСЕМ РУССКОГО ОФИЦЕРА О ФИНЛЯНДИИ

Я видел страну, близкую к полюсу, соседнюю Гиперборейскому морю¹, где природа бедна и угрюма, где солнце греет постоянно только в течение двух месяцев; но где, так же, как в странах благословенных природою, люди могут находить счастье. Я видел Финляндию от берегов Кюменя до шумной Улеи, в бурное, военное время, и спешу сообщить тебе глубокие впечатления, оставшиеся в душе моей при виде новой земли, дикой, но прелестной и в дикости своей. Здесь повсюду земля кажет вид опустошения и бесплодия, повсюду мрачна и угрюма^{1*}. Здесь лето продолжается не более шести недель, бури и непогоды царствуют в течение девяти месяцев, осень ужасная, и самая весна нередко принимает вид мрачной осени; куда ни обратишь взоры — везде, везде встречаешь или воды или камни. Здесь глубокие, длинные озера омывают волнами утесы гранитные, на которых ветер с шумом качает сосновые рощи; там — целые развалины древних гранитных гор, обрушенных подземным огнем или разлитием океана. В конце апреля начинается весна; снег тает поспешно,

^{1*} Особенно в старой Финляндии².

и источники, образованные им на горах, с шумом и с пеною низвергаются в озера, которые, посредством явного или подземного соединения с Ботническим заливом, несут ему обильную дань снега. Если озеро тихо, то высокие, пирамидальные утесы, по берегам стоящие, начертываются длинными полосами в зеркале вод. На них-то хищные птицы вьют свои гнезда, и, по древнему преданию скандинавов, в часы пасмурного вечера вызывают криком своим бурю из тайной глубины пещер. Ветер повеял с севера, и поверхность сонного озера пробудилась, как от сна!.. Видишь ли, как она пенится? Слышишь ли, с каким глухим и протяжным шумом разбивается о гранитные, неподвижные скалы, которые несколько веков презирают порыв бурь и ярость волн? Соседние леса повторяют голос бури, и вся природа является в ужасном расстройстве. Сии страшные явления напоминают мне мрачную мифологию скандинавов, которым божество являлось почти всегда в гневе, карающим слабое человечество.

Леса финляндские непроходимы; они растут на камнях. Вечное безмолвие, вечный мрак в них обитает. Деревья, сокрушенные временем или дуновением бури, заграждают путь предприимчивому охотнику. В сей ужасной и бесплодной пустыне, в сих пространных вертепах путник слышит только резкий крик плотоядной птицы; завывания волка, ищущего добычи; падение скалы, низвергнутой рукою всесокрушающего времени; или рев источника, образованного снегом, который стрелою протекает по каменному дну между скал гранитных, быстро преодолагает все препятствия и увлекает в течении своем деревья и огромные камни. Вокруг его пустыня и безмолвие! Посмотри далее: огонь небесный или неутомимая рука пахаря зажгли сей бор; опаленные сосны, исторгнутые из утробы земной с глубокими корнями; обож-

женные скалы; дым, восходящий густым, черным облаком от сего огнища, — все это образует картину столь дикую, столь мрачную, что путешественник невольно содрогается и спешит отдохнуть взорами или на ближайшем озере, которое величественно дремлет в отлогих берегах своих, или на зеленой поляне, где вол жует сочную и густую траву, орошенную водами источника.

Какие народы населяли в древности землю сию? Где признаки их бытия? Где следы их? Время все изгладило; или сии сыны диких лесов не ознаменовали себя никаким подвигом, и история, начертавшая малейшие события стран полуденных и восточных, молчит о народах Севера. Но существовали народы сии — угрюмые, непобедимые сыны первобытной природы или изгнанники из стран счастливейших^{1*}: они населяли сии пещеры, питались млеком зверей и полагали пределом блаженства удачу на охоте или победу над врагом, из черепа которого (страшное воспоминание!) пили кровь и славили свое могущество. Когда зима покрывала реки льдами, сыпала иней и снега, тогда дикие чада лесов выходили из логовищ² своих и пролагали путь по морям гиперборейским к новым пустыням, к новым лесам. Вооруженные секирою и палицей, они идут войной на стада пустынных чудовищ; их мчат быстрые олени; их несут лыжи по равнинам снежным, они сражаются, побеждают и учреждают кровавую трапезу! Томимые голодом, нуждою, исполненные мужества, решимости, презирая равно и смерть и жизнь, — не знают опасности; в зверском исступлении наполняют криком леса, и эхо повторяет глас их в пространной пустыне. Но сии

^{1*} Руны, которые я видел в Финляндии и потом в Швеции³, принадлежат к позднейшим векам. До сих пор историки не могут утвердительно сказать, кто были первые обитатели Финляндии.

пустыни, сии вертепы, сии непроходимые леса в средних веках повторяли голос скальда. И здесь поэзия рассыпала цветы свои: она смягчила нравы, укротила зверство и утешила страждущее человечество своими волшебными песнями о богах, о героях, о лучшем мире и о прекрасной будущей жизни. Разные племена народов собрались воедино, составили селения на берегах сего залива. Мало-помалу и самая природа приняла другой вид, не столь суровый и дикий.

Может быть на сей скале, осененной соснами, у подошвы которой дыхание зефира колеблет глубокие воды залива, может быть на сей скале воздвигнут был храм Одена. Здесь поэт любит мечтать о временах протекавших и погружаться мыслями в оные веки варварства, великодушия и славы; здесь с удовольствием взирает он на волны морские, некогда струимые кораблями Одена, Артура⁴ и Гаральда⁵; на сей мрачный горизонт, по которому носились тени почивших витязей; на сии камни, остатки седой древности, на коих видны таинственные знаки, рукою неизвестною начертанные. Здесь, погруженный в сладкую задумчивость —

В полночный час
Он слышит скальда глас,
Прерывистый и томный.
Зрит: юноши безмолвны,
Склоняся на щиты, стоят кругом костров,
Зажженных в поле брани;
И древний царь певцов
Простер на арфу длани,
Могилу указав, где вождь героев спит:
«Чья тень, чья тень, — гласит
В священном исступленьи, —
Там с девами плывет в туманных облаках?»

Се ты, младый Иснель, иноплеменных страх,
Со славой падший на сраженья!
Мир, мир тебе, герой!
Твоей секирою стальной
Пришельцы гордые побиты...
Но ты днесь пал на гудах тел
От тучи вражых стрел,
Пал витязь знаменитый!

И се... уж над тобой посланницы небесны,
Валкирии прелестны,
На белых, как снега Биармин, конях,
С золотыми копьями в руках,
В безмолвии спустились!
Коснулись до зениц копьем своим — и вновь
Глаза твои открылись:
Течет по жилам кровь
Чистейшего эфира;
И ты, бесплотный дух,
В страны безвестны мира
Летишь стрелой... и вдруг
Открылись пред тобой те радужны чертоги,
Где уготовали для сонма храбрых боги
Любовь и вечный пир.

При шуме горних вод и тихострунных лир,
Среди полян и свежих сеней
Ты будешь поражать там скачущих еленей
И золоторогих серн. —
Склонясь на злачный дерн
С дружиною младою,
Там снова с арфою золотою
В восторге скальд поет
О славе древних лет.

Поет, и храбрых очи,
Как звезды тихой ночи,
Утехою блестят.
Но вечер притекает —
Час неги и прохлад —
Глас скальда замолкает;
Замолк — и храбрых сонм
Идет в Оденов дом,
Где дочери Веристы,
Власы свои душисты
Раскинув по плечам,
Прелестницы младые,
Всегда полунагие,
На пиршества гостям
Обильны яствы носят,
И пить умильно просят
Из чаши сладкий мед. . .⁶

Таким образом, и в снегах, и под суровым небом пламенное воображение создавало себе новый мир и украшало его прелестными вымыслами. Северные народы с избытком одарены воображением: сама природа, дикая и бесплодная, непостоянство стихий и образ жизни, деятельной и уединенной, дают ему пищу.

Здесь царство зимы. В начале октября все покрыто снегом. Едва соседняя скала выказывает бесплодную вершину; иней падает в виде густого облака; деревья при первом утреннем морозе блистают радугою, отражая солнечные лучи тысячью приятных цветов. Но солнце, кажется, с ужасом взирает на опустошения зимы; едва явится и уже погружено в багровый туман, предвестник сильной стужи. Месяц в течение всей ночи изливает сребренные лучи свои и образует круги на чистой лазури небесной, по которой изредка пролетают

блестящие метеоры. Ни малейшее дуновение ветра не колеблет дерев, обеленных инеем: они кажутся очарованными в новом своем виде. Печальное, но приятное зрелище — сия необыкновенная тишина и в воздухе и на земле! Повсюду безмолвие! Робкая лань торопко пробирается в чащу, отрясая с рогов своих оледенелый иней; стадо тетеревей дремлет в глубокой тишине леса, и всякий шаг странника слышен в снежной пустыне.

Но и здесь природа улыбается (веселою, но краткою улыбкою). Когда снега растаяли от теплого летнего ветра и ярких лучей солнца; когда воды с шумом утекли в моря, образовав в течении своем тысячи ручьев, тысячи водопадов — тогда природа приметно выходит из тягостного и продолжительного усыпления. Вдруг озимые поля одеваются зеленым бархатом, луга душистыми цветами. Ход растительной силы приметен. Сегодня все мертво, завтра все цветет, все благоухает. Народные басни всегда имеют основанием истину. Древние скандинавы полагали, что Оден, сей великий чародей, чутким ухом своим слышит, как весною прозябают травы. Конечно, быстрое, почти невероятное их возрастание подало повод к сему вымыслу. Летние дни и ночи здесь особенно приятны. Дню предшествует обильная роса. Солнце, едва почившее за горизонтом, является во всем велелепии на конце озера, позлащенного внезапно румяными лучами. Пустынные птицы радостно сотрясают с крыльев своих сон и негу; резвые белки выбегают из мрачных сосновых лесов под тень березок, растущих на отлогом берегу. Все тихо, все торжественно в сей первобытной природе! Большие рыбы плещут среди озера золотыми чешуями, между тем как мелкие жители влажной стихии играют стадами у подошвы скал или близ песчаного берега. Вечер тих и прохладен. Солнечные лучи медленно умирают на гранитных скалах, ко-

торых цвет изменяется беспрестанно. Тысячи насекомых (минутные жители сих прелестных пустынь) то плавают на поверхности озера, то кружатся над камышом и наклоненными ивами. Стада диких уток и крикливых журавлей летят в соседнее болото, и важные лебеди торжественным плаванием приветствуют вечернее солнце. Оно погружается в бездне Ботнического залива, и сумрак вместе с безмолвием воцарился в пустыне... Но какой предмет для кисти живописца: ратный стан, расположенный на сих скалах, когда лучи месяца проливаются на утружденных ратников и скользят по блестящему металлу ружей, сложенных в пирамиды! Какой предмет для живописи и сии великие огни, здесь и там раскладенные, вокруг которых воины толпятся в часы холодной ночи! Этот лес, хранивший безмолвие, может быть, от создания мира, вдруг оживляется при внезапном пришествии полков. Войско расположилось; все приходит в движение: пуки зажженной соломы, переносимые с одного места на другое, пылающие костры хвороста, древние пни и часто целые деревья, внезапно зажженные, от которых густой дым клубится и восходит до небес: одним словом, движение ратных снарядов, ржание и топот коней, блеск оружия, и смешанные голоса воинов, и звуки барабана и конной трубы — все это представляет зрелище новое и разительное! Вскоре гласы умолкают; огонь пылающих костров потухает; ратники почили, и прежнее безмолвие водворилось: изредка прерываемо оно шумом горного водопада или протяжными откликами часовых, расположенных на ближних вышинах против лагеря неприятельского; месяц, склоняясь к своему западу, освещает уже безмолвный стан.

Теперь всякий шаг в Финляндии ознаменован происшествиями, которых воспоминание и сладостно, и приятно. Здесь мы победили; но целые ряды храбрых

легли, и вот их могилы! Там упорный неприятель выбит из укреплений, прогнан; но эти уединенные кресты, вдоль песчаного берега или вдоль дороги водруженные, этот ряд могил русских в странах чуждых, отдаленных от родины, кажется, говорят мимоидущему воину: и тебя ожидает победа — и смерть! Здесь на каждом шагу встречаем мы или оставленную батарею, или древний замок с готическими острыми башнями, которые возбуждают воспоминание о древних рыцарях; или передовой неприятельский лагерь, или мост, недавно выжженный, или опустелую деревню. Повсюду следы побед наших или следы веков, давно протекших, — пагубные следы войны и разрушения! Иногда лагерь располагается на отлогих берегах озера, где до сих пор спокойный рыбак бросал свои мрежи; иногда видим рвы, батареи, укрепления и весь снаряд воинский близ мирной кущи селянина. Разительная противоположность!..

Финляндия, 1809.

VIII

ПУТЕШЕСТВИЕ В ЗАМОК СИРЕЙ

Письмо из Франции к г. Д.¹

Из деревни Болонь, лежащей близ города Шомона, я поскакал верхом в Сонкур, где ожидали меня б'арон де Д.² и г. П.³, с которыми накануне уговорился я посетить замок Сирей и поклониться теням Вольтера и его приятельницы⁴. В окрестностях Сирея назначены были квартиры нашему отряду; полки тянулись по дороге, и мы их опередили в ближнем селении. Сначала погода нам вовсе не благоприятствовала: холодный и резкий ветер наносил снег и дождь; наконец небо прояснилось, и солнце осветило прекрасные долины, рощи и горы. Мы проехали чрез местечко Виньори, где заметили развалины весьма древнего замка на высоком утесе, который господствует над селением и близлежащими долинами.

Ein bethürmtes Schloss, voll Majestät,
Auf des Berges Felsenstirn erhöht! *

«Кому принадлежит этот замок?» — спросил я у старика, сидящего на пороге сельского домика, тесно примыкающего к развалинам. «Какой-то старой дворянке», —

* Многобашенный замок, полный величия,
Подымается на скалистом склоне горы⁵ (нем.).

отвечал он, приподняв красный колпак⁶, старый, изношенный, и который, конечно, играл большую роль в бурные годы революции. Это замечание я сделал мимоходом и продолжал вопросы: «Когда построен замок?» — «Во время Шампанских графов, сказывал мне покойный дед^{1*}. Храбрые рыцари искали здесь убежища от народных возмущений и укрепили замок башнями, рвами, палисадами. Время и революция все разрушили. Здесь не одна была революция, господин офицер! не одна революция! Я на веку моем пережил одну; тяжелые времена... не лучше нынешних. Посадили дерево вольности... я сам имел честь садить его, вот там,

^{1*} Французы и теперь мало заботятся о древних памятниках. Развалины, временем сделанные, — ничего в сравнении с опустошениями революции: бурные времена прошли, но невежество или корыстолюбие самое варварское пережили и революцию. Один путешественник, который недавно объехал всю полуденную Францию, уверял меня, что целые замки продаются на своз, и таким образом вдруг уничтожаются драгоценные исторические памятники. Напрасно правительство хотело остановить сии святотатства; ничто не помогало, ибо для нынешних французов ничего нет ни священного, ни святого — кроме денег, разумеется. Какая разница с немцами! В Германии вы узнаете от крестьянина множество исторических подробностей о малейшем остатке древнего замка или готической церкви. Все рейнские развалины описаны с возможною историческою точностию учеными путешественниками и художниками, и сии описания вы нередко увидите в хижине рыбака или земледельца. Притом же немцы издавна любят все сохранять, а французы разрушать: верный знак с одной стороны доброго сердца, уважения к законам, к нравам и обычаям предков; а с другой стороны — легкомыслия, суетности и жестокого презрения ко всему, что не может насытить корыстолюбия, отца пороков.

на зеленом лугу... Разорили храмы божии... у меня рука не поднималась на злое!.. Но чем же это все кончилось? Дерево срубили, а надписи на паперти церковной: *вольность, братство или смерть* — мелом забелили. Чего я не насмотрелся в жизни? и неприятелей на родине моей увидел, и с офицером козачьим теперь разговариваю! Чудеса! По совести чудеса! — «Ты разорился от войны, добрый старичок?» — «Много пострадал, а бедные соседи еще более. Мы все желаем мира». — «О! мы знаем это: но император ваш не желает». — «Прямой корсиканец! Знаете ли, что он объявил нам?» Здесь старик покачал головою, посмотрел на меня пристально, и — конечно от робости — заикнулся. «Говори, говори!» — «Охотно, если прикажете. Император... — это было сказано важным и торжественным голосом, — император объявил нам, что он не хочет трактовать о мире с пленными; ибо он почитает вас в плену. Он нарочно завел вас сюда, чтобы истребить до последнего человека: это была военная хитрость, понимаете ли? военная хитрость, не что иное... Но вы смеетесь... и нам это смешно показалось, так смешно, что мы префекта, приехавшего сюда с этим объявлением, камнями и грязью закидали. Il s'en souviendra! *... Но вам пора догонять товарищей. Добрый путь, господин офицер!»

Размышляя о странном характере французов, которые смеются и плачут, режут ближних, как разбойники, и дают себя резать, как агнцы, я догнал моих товарищей.

Час от часу дорога становилась приятнее: холмы, одетые виноградником и плодоносными деревьями, между коими мелькали приятные сельские домики, напоминали нам Саксонию, благословенные долины Дрездена, места

* Он об этом вспомнит! (франц.).

очаровательные! Разговаривая с товарищами и любясь красотой видов, мы неприметно проехали несколько миль; каждый замок, каждое местечко мы принимали за Сирей и смеялись своей ошибке. Наконец, поворота вправо с большой дороги, вдоль по речке Блез, мы увидели жилище славной нимфы Сирейской, которой одно имя рождает столько приятных воспоминаний...

Во ста шагах от селения возвышается замок на высоком уступе; кругом — рощи и кустарники. Все просто, но природа все украсила.

К замку примыкает английский сад и несколько тенистых аллей, к которым никогда не прикасались ножицы, даже в те времена, когда безжалостный Ленотр⁷ остригал боскеты Версальские, когда последний провинциальный дворянин рассаживал по шнуру смиренные акации и овощи в своем огороде. Вольтер, говоря о замке Сирейском, описывая красоты его окрестностей — кажется в письме к королю Прусскому⁸ — прибавляет:

Trop d'art me révolte et m'ennuie:
J'aime mieux ces vastes forêts! *

Эти леса и поныне украшают Сирей своею дикостью. Замок сохранил древнюю наружность; можно отличить новые пристройки и балконы. Они принадлежат к Вольтеру времени. На крутой кровле (à la mansarde) я заметил некоторые украшения и высокие продолговатые трубы, обложенные лепными изображениями, похожие на трубы замка Port-sur-Seine, принадлежащего Летиции, матери Наполеона. Мы вошли в Сирей и удивились обширным залам, убраннным в новейшем вкусе. Наружность того не обещала.

* Избыток искусства меня возмущает и надоедает мне: Я предпочитаю эти обширные леса (франц.).

Замок принадлежит г-же де Семиан⁹, женщине весьма умной, некогда прекрасной. Он был разграблен в революцию и после того времени все строение возобновлено^{1*}. К сожалению, мы нашли мало следов прежней обладательницы и ее славного друга, который, как говорит Лебрюн¹⁰, *утомил стогласную Славу*.

В столовой несколько картин, изображающих зверей и охоту. Эта живопись, довольно приятная, существовала уже при маркизе, и мы смотрели на нее с большим удовольствием. Пройдя несколько покоев, в правом флигеле замка нам отворили дверь в залу Вольтеру.

Здесь мы нашли большой мраморный камин, тот самый, который согревал Вольтера; несколько новых мебели: клавесин, маленький орган и два комода. Окны до полу. Две круглые стеклянные двери в сад; одна из них украшена надписями, на камне высеченными. На фронте мы прочитали Вергилиев стих: *Deus nobis haec otia fecit* * из первой эклоги; на косяке несколько стихов из Попе¹¹, которого Вольтер всегда любил, и наконец:

*Azile des beaux arts, solitude où mon coeur
Est toujours occupé dans une paix profonde,
C'est vous qui donnez le bonheur,
Que promettait en vain le monde ** —*

стихи, написанные Вольтером в счастливую минуту наслаждения душевного, в глазах божественной Эмили,

^{1*} По отступлении русских Сирей был снова разграблен французами, за то именно, что русские варвары его пощадили!

* Бог нам предоставил этот досуг (лат.).

** Убежище искусств, одиночество, где мое сердце
Всегда занято в глубоком покое,
Это вы даете счастье,
которое напрасно обещает свет (франц.).

единственной женщины, которую он любил наравне со славою, которой он был обязан всем и которая достойно гордилась дружбою творца Заире^{1*} ¹². Из окон сей залы видны ближние деревни и два ряда холмов, заключающих прелестную долину, по которой извивается речка Блез. В глубоком молчании и я, и товарищи долго любовались приятным видом отдаленных гор, на которых потухали лучи вечернего солнца. Может быть, совершенная тишина, царствующая вокруг замка, печальное спокойствие зимнего вечера, зелень, кое-где одетая снегом, высокие сосны и древние кедры, осеняющие балкон густыми наклоненными ветвями и едва колеблемые дыханием вечернего ветра, наконец сладкие воспоминания о жителях Сирея, которых имена принадлежат истории, которых имена от детства нам были драгоценны, — погрузили нас в тихую задумчивость.

«Здесь Фернейский мудрец¹⁴, — так воскликнул г. Р-н, житель Сирея, прервав наше молчание, — здесь славнейший муж своего века, чудесный, единственный, который, как говорят, вырезывал на меди для потомства^{2*}, который все знал, все сказал^{3*}, который имел доброе, редкое сердце, ум гибкий, обширный, блестящий, способный на все, и, наконец, характер вовсе не сообразный ни

^{1*} Напрасно мы искали в саду мраморного Амура, который некогда стоял под балконом, с надписью из Антологии: «Qui que tu sois, voici ton maître» [Кто бы ты ни был, вот твой властелин (франц.)] и проч., которую перевел г. Дмитриев:

Кто б ни был ты, пади пред ним:

Был, есть, иль будет он владыкою твоим!¹³

^{2*} Qui gravait pour la postérité — выражение Паллиота¹⁵, если не ошибаюсь.

^{3*} Qui a tout dit — Шатобриан¹⁶, говоря о Вольтере.

с умом его, ни с сердцем, — здесь он жил, сей Протей ума человеческого; здесь во цвете лет своих наслаждался он уединением и свободою, которым знал цену, и долго не покидал их для *коронованной сирены*¹⁷, для рукоплесканий и для прихожей г-жи Помпадур. Странный человек! Он многое предвидел, многое предсказал в политике; но мог ли он предвидеть, что несколько десятков лет спустя вы придете в замок Эмили с оружием в руках, с толпою жителей берегов Волги и людей, пьющих воды Сибирские; и что там, где маркиза прекрасною рукою поливала мак, розы и лилеи, кормила голубей ячменем, — вот у этой самой голубятни, — что там, где она любила отдыхать под тенью древних кедров, у входа в *Заирину* аллею^{1*}, где Вольтер у ног ее в восторге читал первые стихи бессмертной трагедии и искал похвал и одобрения в голубых глазах своей Урании¹⁸, в божественной ее улыбке, там, милостивые государи, там вы расставите часовых с ужасными усами, гренадер и козаков, которые приводят в трепет всю Францию?..» — Мы засмеялись словам г. Р-на, и он продолжал, понизив немного свой голос.

«Здесь долгое время был счастлив Вольтер в объятиях муз и попечительной дружбы. Там, где я обитаю, *земной рай*¹⁹, писал он к приятелю своему Терю. Немудрено! Представьте себе лучшее общество, ученейших людей во Франции, придворных, остроумных поэтов — таких например, как С. Ламбер²⁰, который умел соединять любезность с глубокими сведениями, философию с людскостию; и в кругу таких людей — маркизу, которая умела все одушевить своим присутствием, всему давала неизъяснимую прелесть: и вы будете иметь поня-

^{1*} И до сих пор одна аллея называется *Заириною*. Там сочинял Вольтер свою трагедию.

тие о земном рае Вольтера. — «Она чудо во Франции!»²¹ — говорил Вольтер^{1*}. Ум необыкновенный, лице прекрасное, душа ангела, откровенность ребенка и ученость глубокая — все было очаровательно в этой волшебнице! Она, вопреки г-же Жанлис, вопреки журналисту Жоффруа²² и всем врагам философии, была достойна и пламенной любви С. Ламбера и дружбы Вольтера, и славы века своего. Здесь маркиза кончила жизнь свою, на лоне дружества. Все жители плакали о ней, как о нежной, попечительной матери. У бедных память в сердце: они еще благословляли прах ее, когда литераторы наши начали возмущать его спокойствие клеветами и постыдным ругательством. Но Вольтер был неутешен. Вы помните его письмо, в котором он из Бар-Сюр-Оба уведомляет о болезни и потом о смерти маркизы. Беспорядок этого письма доказывал его глубокую горесть. И мог ли он не сожалеть об утрате единственной женщины, о которой и вы — иностранцы, неприятели — говорите с любовью, с уважением!»

Наш учтивый путеводитель продолжал бы более речь свою, если бы не позвали к обеду.

Столовая была украшена русскими знаменами... Но мы утешили пугливые тени сирейской нимфы и ее друга, прочитав несколько стихов из «Альзиры».

Таким образом примирились мы с пенатами замка и с некоторою гордостью, простительною воинам, в тех покоях, где Вольтер написал лучшие свои стихи, мы читали с восхищением оды певца Фелицы²³ и бессмертного

^{1*} Madame du Châtelet sera comptée au rang des choses qu'il faut voir en France, parmi celles, qu'on y regrettera toujours [Мадам дю Шатле будет причислена к разряду вещей, которые надо видеть во Франции, среди тех, о которых будут всегда сожалеть (франц.)], писал Вольтер Кайзерлингу.

Ломоносова, в которых вдохновенные лирики славят чудесное величие России, любовь к отечеству сынов ее и славу меча русского.

C'est du Nord à présent que nous vient la lumière *
От Севера теперь сияет свет наук.

Обед продолжался долго. Вечер застал нас, как героев древнего Омера, с чашею в руках и в сладких разговорах, основанных на откровенности сердечной, известных более добродушным воинам, нежели вам, жителям столицы и блестящего большого света.

Но мы еще воспользовались сумерками: обошли нижнее жилье замка, где живет г-жа де Семиан; осмотрели ее библиотеку, — прекрасный и строгий выбор лучших писателей, составляющих любимое чтение сей умной женщины, достойной племянницы г-жи дю Шатле: любезность, ум и красота наследственны в этом семействе. Есть другая библиотека в нижнем этаже; она, кажется, предоставлена гостям. Древнее собрание книг, важное по многим отношениям, совершенно расхищено в революцию. Вольтеровых книг и не было в замке со времени его отъезда; по смерти маркизы он увез с собою книги, ему принадлежавшие, и некоторые рукописи. «Надобно ехать в Ферней, — говорил г. Р-н, — там, может быть, находятся сии драгоценности». — «Надобно ехать в Петербург, — заметил справедливо г. П.; — в Эрмитаже и рукописи, и библиотека Фернейские»²⁵.

Стужа увеличилась с наступлением ночи. В Вольтеровой галерее мы развели большой огонь, который не мог нас согреть совершенно. Перед нами на столе лежали все Вольтеровы сочинения, и мы читали с боль-

* С Севера теперь к нам приходит свет²⁴ (франц.).

шим удовольствием некоторые места его переписки, в которых он говорит о г-же дю Шатле. В шуме военном приятно отдохнуть мыслями на предмете, столь любви достойном. Глубокая ночь застала нас в разговорах о протекшем веке, о великой Екатерине, лучшем его украшении, о ссоре короля Прусского с своим камергером²⁶ и проч. у того самого камина, на том самом месте, где Вольтер сочинял свои послания к славным современникам и те бессмертные стихи, для которых единственно простит его памяти справедливо раздраженное потомство. Г. П. был в восхищении. Наконец, надобно было расстаться и думать о постеле. Мне отвели комнату в верхнем жилье, весьма покойную, но где с трудом можно было развести огонь. Старый ключник объявил мне, что в этом покое обыкновенно живет г. Монтескью, родственник хозяйки, весьма умный и благосклонный человек; и что он, ключник, радуется тому, что мне досталась его спальня. — «Vous avez l'air d'un bon enfant, mon officier» *, — продолжал он, дружелюбно ударив меня по плечу. Прекрасно; но от его учтивостей комната мне не показалась теплее. Во всю ночь я раскладывал огонь, проклинал французские камины и только на рассвете заснул железным сном, позабыв и Вольтера, и маркизу, и войну, и всю Францию.

Проснувшись довольно поздно, подхожу к окну и с горестью смотрю на окрестность, покрытую снегом.

Я не могу изъяснить того чувства, с которым, стоя у окна, высчитывал я все перемены, случившиеся в замке. Сердце мое сжалось. Все, что было приятно моим взорам накануне, — и луга, и рощи, и речка, близ

* У вас вид доброго малого, мой офицер (франц.).

текущая по долине между веселых холмов, украшенных садами, виноградником и сельскими хижинами, — все нахмурилось, все уныло. Ветер шумит в кедровой роще, в темной аллее *Зауриной* и клубит сухие листья вокруг цветников, истоптанных лошадьми и обезображенных снегом и грязью. В замке, напротив того, тишина глубокая. В камине пылают два дубовые корня и приглашают меня к огню. На столе лежат письма Вольтеровы, из сего замка писанные. В них все напоминает о временах прошедших, о людях, которые все исчезли с лица земного с своими страстями, с предрассудками, с надеждами и с печальями, неразлучными спутницами бедного человечества. К чему столько шуму, столько беспокойства? К чему эта жажда славы и почестей? — спрашиваю себя и страшусь найти ответ в собственном моем сердце.

На другой день

Вечеру я простился с товарищами, как будто предчувствуя, что их долго, долго не увижу. Печален

Come navigante
Ch'a detto a dolci amici addio *.—

На дворе ожидал меня козак с верховою лошадью. «*Поздно мы пустились в путь!*», — сказал он, как мертвец в балладе. — Что нужды? — отвечал я, — дорога известна. Притом же...

Вот и месяц величавой
Встал над тихою дубравой ²⁸.

* Как мореплаватель,
Который сказал милым друзьям прости ²⁷ (итал.).

Топот конских ног раздался по мостовой обширного двора. Мы удалились от замка... Между тем ночь становилась темнее и темнее. С трудом находили мы дорогу, пробирались по высоким горам дремучим лесом в виду древнего замка Виньори, где австрийцы расположились биваками посреди лошадей и высоких фур в различных положениях, достойных кисти Орловского²⁹. Одни спокойно спали на соломе, которая начинала загораться; другие распевали тирольские и богемские песни вокруг пылающего пня, который осыпал их искрами при малейшем дуновении ветра; другие оборачивали вертел с большою частью барана, в ожидании товарищей, которые толпились вокруг маркитанта, разливающего им вино и водку. Одевание и лица их еще страшнее казались, освещенные пламенем бивака, и напоминали мне Валленштейнов лагерь, описанный Шиллером³⁰, или «Сбиров» Сальватора Розы. Из Виньори мы повертели вправо по дороге, проложенной по лесу. Поднялась страшная буря: конь мой от страху останавливался, ибо вдали раздавался вой волков, на который собаки в ближних селениях отвечали протяжным лаем...

Вот, скажете вы, прекрасное предисловие к рыцарскому походу! Бога ради, сбейся с пути своего, избавь какую-нибудь красавицу от разбойников или заезжай в древний замок. Хозяин его, старый дворянин, роялист, если тебе угодно, примет тебя как странника, угостит в зале трубадуров, украшенной фамильными гербами, ржавыми панцирями, мечами и шлемами; хозяйка осыплет тебя ласками, станет расспрашивать о родине твоей, будет выхвалять дочь свою, прелестную, томную Агнесу, которая, потупя глаза, покраснеет, как роза, — а за десертом, в угождение родителям, запоет древний романс о древнем рыцаре, который в бурную ночь нашел пристанище у неверных... и проч. и проч. и проч. —

Напрасно, милый друг! Со мной ничего подобного не случилось. Не стану следовать похвальной привычке путешественников, не стану украшать истину вымыслами, а скажу просто, что, не желая ночевать на дороге с волками, я пришпорил моего коня и благополучно возвратился в деревню Болонь, откуда пишу эти строки в сладостной надежде, что они напомнят вам о странствующем приятеле. Сказан поход — вдали слышны выстрелы. — Простите!

26 февраля, 1814.

IX

ДВЕ АЛЛЕГОРИИ

I

Если б достаток позволял мне исполнять по воле все мои прихоти, то я побежал бы к художнику N с полным кошельком и предложил ему две мысли для двух картин. Вообще аллегии холодны, особливо те, которыми живописцы хотят изобразить исторические происшествия; но мои будут говорить рассудку, потому что они ясны и точны: они будут говорить воображению и сердцу, если художник выразит то, что я теперь мыслю и чувствую.

— Напишите, — сказал бы я живописцу, который до сих пор не написал ничего оригинального, а только рабски подражал Рафаэлю, но который может изобретать, ибо имеет ум, сердце и воображение, — напишите мне Гения и Фортуну, обрезающую у него крылья.

Х. А! Я вас понимаю! (*немного подумав*). Вы хотите изобразить жестокую победу несчастья над талантом. Гения живописи. . .

Я. Я не назначаю, именно какого Гения; от вас зависит выбор: Гения поэзии, Гения войны, Гения философии, науки или художества, какого вам угодно; только Гения пламенного, пылкого, наполненного гордости и себя-познания, которого крылья неутомимы, которого взор орлиный пронизает, объемлет природу, ему подчинен-

ную; которого сердце утопает в сладострастии чистейшем и неизъяснимом для простого смертного при одном помышлении о добродетели, при одном именовании славы и бессмертия.

Х. (с радостью взяв мел, подбегает к грунтованному холсту). Я вас понимаю, очень понимаю...

Я. Я уверен, что художник N меня поймет, когда дело идет о славе.

Х. (взяв меня за руку и краснея при каждом слове). Вы не поверите, как я люблю славу: стыдно признаться; но вы хотите... (чертит мелом абрис фигуры) вы хотите...

Я. Гения. Чтоб изобразить живо, как я его чувствую, прочитайте жизнь Ломоносова, этого рыбака, который, по словам другого поэта, из простой хижины шагнул в Академию; прочитайте жизнь Петра Великого, который сам себя создал и потом Россию; прочитайте жизнь чудесного Суворова, которого душу, сердце и ум природа отлила в особенной форме и потом изломала ее вдребезги; взгляните, если угодно, на творения вашего Рафаэля, в памяти которого помещалась вся природа! Напитавши воображение идеалом величия во всех родах, пишите смело; ваш Гений будет Гений, а не фигура академическая. Теперь вообразите себе, что он борется с враждебным роком; запутайте его ноги в сетях несчастья, брошенных коварною рукою Фортуны; пусть слепая и жестокая богиня обрезывает у него крылья с таким же хладнокровием, как Лахезиса¹ прерывает нить жизни героя или лучшего из смертных — Сократа или Моро², Лас Казаса³ или Еропкина⁴; благодетеля Москвы.

Х. Я разумею. Фортуну изображу, как обыкновенно: с повязкою на глазах, с колесом под ногами.

Я. Это ваше дело! Теперь заметьте, что побежденный Гений потушает свой пламеник. Нет крыльев, нет и пламеника!

Х. Справедливо.

Я. Но зато нет слез в очах, ни малейших упреков в устах божественного. Чувство негодования и — если можно слить другое чувство, совершенно тому противное, — сожаление об утраченной Славе, которая с ужасом направляет полет свой, куда перст Фортуны ей указывает.

Х. Гений мой будет походить на Аполлона Дельфийского⁵...

Я. Если бы Аполлон промахнулся, метя в чудовище, то выражение лица его могло бы иметь некоторое сходство с лицом несчастного Гения, у которого Фортуна обрезала крылья.

Х. (*задумавшись, и потом с глубоким вздохом*). Я вас понял совершенно: художник не всегда был баловнем Фортуны. Мы все, дети Аполлоновы, менее или более боролись с несчастием. Многие победили его, многие утратили свои крылья в жестокой борьбе, и пламеник таланта потух сам собою. Вы будете довольны картиною. Теперь же стану ее компоновать. Простите.

II

Я. Картина ваша прелестна! Для вас Гений не потушил своего пламеника, когда вы изображали его божественное лицо.

Х. Я доволен: но спросите у меня, как я страдал! Сколько печальных мыслей бродило в голове моей, когда я изображал Гения, потушившего пламеник свой, и лице этой неумолимой, безрассудной Фортуны, которая, исполняя долг свой, так спокойна, ибо не знает,

что творит! — она с повязкою на глазах. Верите ли, что сердце мое обливалось кровью при одной мысли об участи художников, которые в отечестве своем не находят пропитания...

Я. (рассматривая картину). Прекрасно!.. Но знаете ли, что можно воскресить вашего Гения?

Х. (с радостью). Воскресить?

Я. Выслушайте меня: я шел однажды в диком лесу и потерял дорогу. Выхожу на свет, вижу пещеру, осененную густыми ветвями, и в этой пещере... вашего Гения.

Х. Моего Гения?

Я. Он сидел в глубокой задумчивости, опершись на одну руку. Потухший светильник лежал у ног, а кругом — обрезанные крылья, которые развевал пустынный ветер, с шумом пролетающий в пещере: я ужаснулся.

Х. Далее.

Я. Глубокий вздох вырвался из груди страдальца; он взглянул на потухший пламенник, и мне показалось, что слезы его падали на холодный помост пещеры.

Х. Слезы, одному дарованию известные! Так плакал умирающий Рафаэль! ⁶ Далее...

Я. Вдруг вся пещера осветилась необыкновенным сиянием. Вступают два божества: Любовь и Слава. За ними влечется окованная Фортуна.

Х. Опять эта слепая колдунья!

Я. Вы ошибаетесь. Любовь оковала ее, сдернула повязку с очей и привела в пещеру, где страдал бедный Гений.

Х. Я воображаю удивление Фортуны, которая в первый раз в жизни разглядела глупость, сделанную в слепоте.

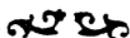
Я. Слава отдает свои крылья Гению; Любовь зажигает его пламенник; Гений прощает изумленной Фор-

туне и в лучах торжественного сияния воспаряет медленно к небу.

Х. Вот картина!

Я. Вы угадали. Берите животворную кисть вашу.

Х. Я напишу эту картину. Эта работа облегчит мое сердце... Так! надобно, непременно надобно воскресить бедного Гения!

Х

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО СНУ

Письмо к редактору «Вестника Европы»

Пускай утверждают, что хотят, прихотливые люди и строгие умы, а я утверждаю, милостивый государь, что науки и словесность у нас в самом блистательном состоянии. Укажу вам на книгопродавцев. Посмотрите, как они разживаются: *то домик выстроят, то купят деревеньку*¹. Чем же? Торговлею. Какою? Книжною. Следственно, у нас пишут, у нас читают, и из одного следствия к другому я могу вывести, что словесность русская в самом цветущем состоянии. Вот, что хотел я доказать и что вы знаете без моих доказательств; ибо вы, милостивый государь, наблюдаете постоянно ход наших успехов, как астроном наблюдает течение любимой планеты. Вы заметили, конечно, что мы заняли все пути к славе и многие материи исчерпали до дна, так что нашим потомкам надобно будет умирать от жажды. Простите мне это выражение и сосчитайте со мною эпические поэмы, в честь Петра Великого написанные². Читайте от Ломоносова до Сл.ского и далее, от кедрa до иссопов и заметьте, что все поэмы исполнены красот, что в них все было сказано, кроме того только, что Ломоносов намеревался сказать и не успел³: но это сущая безделка! Теперь прошу взглянуть на обширную

область Талии и, наконец, Мельпомены⁴, которая беспрестанно обогащается новыми приобретениями и скоро истощит всю священную древность от сотворения мира. У французов одна «Аталиа»⁵; у нас, благодаря усердию писателей, не одна трагедия переносит нас в землю Иудейскую. Я ни слова не скажу о «Российском Феатре»⁶, на котором основана слава наших праотцев, о журналах, романах и проч., изданных назад тому двадцать лет и более. Их мало читают; но время доказало, что они бессмертны: они уцелели в пожаре столицы. Добро не горит, не тонет — говорит пословица. Сердце мое дрожит от радости, когда я начинаю исчислять на досуге все наши сокровища. Тогда я похожу на антиквария, который, не делая никакого употребления из своего золота, любит им и говорит: вот червонец! вот рубль! вот старинная монета! такого-то года! при таком-то царе! кто ее отливал? из какого рудника это золото? кто употреблял эту монету? А я говорю: вот трагедия 1793 года! кто ее писал? кто читал ее? — творца не мудрено отыскать по творению; но читателей найти не легко: мы еще не любим отечественного⁷. Что нужды мне до других! Я день и ночь роюсь в моих книгах, расставляю их по порядку хронологическому и горжусь моим богатством. Чего у нас нет? Боже мой! Найдите хотя один предмет, одну отрасль ума человеческого, которую бы мы не обработали по-своему? Поэзии — море! и поле красноречия необозримое! Загляните только в журналы, но без предубеждения, и вы найдете — сокровища! Здесь похвальное слово такому-то, там надгробное слово такому-то; здесь приветствие, там благодарный глас общества: *и все-то благо, все добро!*⁸ Все герои, все полководцы, все писатели увенчаны пальмами красноречия и шагают торжественно в храм бессмертия. Мы не ограничились себя великими людьми; мы

хвалили даже блох^{1*}⁹ и будем хвалить все, что пресмыкается и ползает в царстве животных. Итак мудрено ли, что какому-то чудаку вздумалось написать «Похвальное слово сну»? Случай мне доставил исправный список и вовсе не похожий на тот, который напечатан в вашем «Вестнике». Если вы найдете, что читатели ваши не заснут над этим панегириком, то покорнейше прошу напечатать его в журнале и сохранить для потомства, которое, конечно, благодарнее современников, завистливых, строгих и вовсе неспособных ценить дарования. Это не мои слова, милостивый государь, а моего приятеля Н. Н., который пишет стихи и прозу, но только не печатает их в вашем журнале и потому вам неизвестен.

Имею честь быть и проч.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 18... году, лет несколько до нашествия просвещенных и ученых вандалов на Москву, жил на Пресненских прудах некто Н. Н., оригинал, весьма отличный от других оригиналов московских. Всю жизнь провел он лежа, в совершенном бездействии телесном и, сколько возможно было, душевном. Ум его, хотя и образованный воспитанием и прилежным чтением, не хотел или не в состоянии был победить упрямую натуру. Имея большой недостаток при счастливых обстоятельствах (которые единственно могут сохранить в полноте характер человека), он не имел нужды покоряться условиям общества и требованиям должностей. Он делал, что хотел; а хотел одного спокойствия. Великий Конде¹⁰ говаривал: «Если бы я был царем моей постели, то никогда бы

^{1*} Смотри «Вестник Европы» 1810 года.

с нее не вставал». Наш оригинал был совершенный царь своей постели. Целый день он лежал то на одном боку, то на другом, и всю ночь лежал! Редко, очень редко мы видели его сидящего у окна с длинною турецкою трубкою, в татарском или китайском шлафроке, и то когда он занимался домашними делами. Два чтеца попеременно читали ему книги; ибо лень не позволяла заниматься самому чтением: но лень не мешала делать добро. Он сыпал золото нищим и под непроницаемую корою бесстрастного спокойствия таил горячее сердце. В уединенном квартале города он воспитывал на свой счет двенадцать бедных девушек¹¹, кормил и одевал несколько заслуженных воинов и — странное дело! — не ленился посещать их по воскресным дням. «От этого лучше спится!» — говаривал он тем, которые выхваляли его благотворительность. Равнодушный ко всему, он слушал спокойно самые важнейшие новости; но при рассказе о несчастном семействе, о страдании человечества вдруг оживлялся, как разбитый параличом от прикосновения электрического прутика. В прочем он был самый бесстрастный автомат: никого не обижал, ни с кем не заводил тяжбы, ни над кем не смеялся, никому не противоречил, не имел никаких страстей: страсть его была лень. Скучал ли он? Утвердительно отрицать не могу; но заключаю, что скука ему была известна, и вот по какому обстоятельству. Однажды он послал за мною. «Садись или ложись на диван, — сказал он, указывая на турецкую постелью, — я намерен ехать в деревню и воспользоваться первым весенним воздухом. Снег растаял, и стук по мостовой карет и дрожек начинает меня беспокоить. Но в деревне нельзя быть без общества; соседи мои люди деятельные; с ними надобно говорить, ездить на охоту, заводить тяжбы, мирить, ссорить и проч. и проч... о! Это меня расстроит со-

вершенно! Двери на крюк соседям. С кем же я буду убивать время? С такими друзьями, как ты, например!» Я привстал и хотел благодарить за учтивость; но ленивец мой замахал обеими руками и продолжал. «Я знаю в Москве человек до шести людей приятных в обществе и совершенно праздных. Двое из них могут назваться по справедливости добрыми людьми. Лениость не позволяет другим пускаться на злые дела: и это хорошо! Мы пригласим их к себе. Но теперь надобны женщины: вот истинное затруднение. Без женщин общество мужчин скоро наскучит. . . А где найти женщин ленивых?» — «Боже мой! как не найти!» — вскричал я. — «То есть ленивых по моему образу мыслей, — возразил N. N., покачав головою и насупя брови, — их язык вечно деятелен, в вечном движении; это ртуть, это белка на привязи у колеса, это маетник, который. . . — лениость или доброта сердца не дозволяли кончить сравнений. — Но так и быть, — продолжал лентяй с глубоким вздохом, — я согласен пригласить вдову приятеля моего генерала А. с двумя дочерьми, добрыми и любезными девушками. Дружба меня сделает снисходительным. Толстая жена откупщика нашего Ж. с племянницею; ленивая Софья, ее дородная сестра, не будут лишние. Впрочем, мы не наскучим друг другу: свобода все украсит. Общество мое пусть называют, как хотят, московские насмешники; но оно будет приятно мне и гостям. Возьми же лист бумаги, милый друг, и пиши учреждение общества ленивых». Я взял перо и бумагу и написал под диктатурою нашего лентяя условия, под коими все члены согласились подписать свои имена, и мы накануне 1-го мая отправились в подмосковную. . .

В шестидесяти верстах от города, на конце густого соснового леса, которого спокойствие ничто не может

нарушить, стоит большой господской дом, архитектуры изрядной. К нему примыкает озеро, усеянное островами. Вдали синее колокольня уездного городка и несколько деревень. Кажется, что все было пожертвовано тишине в сей мирной обители: все службы, начиная с кухни до конюшни, расположены в некотором расстоянии одна от другой и закрыты рощицами. Перед окнами большие плакущие ивы, березы и цветники, засеянные китайским маком. Здесь все посвящено лени, все питает ее, все приглашает ко сну: под каждым старинным деревом дерновая скамья; в каждой беседке канапе, или постель с большими занавесами и со всеми предосторожностями от комаров и мошек; а на дверях надпись из нашего Пиндара-Анакреона:

Сядь, милый гость! здесь на пуховом
Диване мягком, отдохни;
В сем тонком пологу, перловом
И в зеркалах вокруг, усни;
Вздремли после стола немножко:
Приятно часик похрапеть!
Златой кузнечик, сера мошка
Сюда не могут залететь!¹²

Ни крик петухов, ни стук топора, ни топот, ни конское ржание — ничто не нарушает глубокого молчания. Кроме ручья, журчащего под навесом берега, кроме озера, которое ласкает тихим плесканием пологие берега свои, вы ничего не слышите. Сия тишина бывает прервана, или очарована роговою музыкою, которая при закате солнца провожает умирающий день и нежными сладостными и протяженными звуками приготовляет сладкое усыпление и веселые мечты хозяину поместья. Но это редко случается; ибо он боится беспокоить своих музыкантов. У него нет ни одного деятельного или суетливого

человека: все подчинено каким-то правилам особенного порядка; один повар имеет право разнообразить наслаждения эпикурейца. Я не стану описывать его дома. Каждый угадает, что он покоен, тепел и не слишком светел, ибо архитектором располагал по своей воле прихотливый хозяин. Но одна зала достойна вашего замечания. Ее большие полуовальные окна осенены со всех сторон густыми ветвями вязов и лип, которые в июне наполняют бальзамическим испарением своих цветов окрестный воздух. Все стены обширной залы украшены картинами. Две изображают идиллии из золотого века; другие — рождение Морфея, его пещеру и владычество его над небом и землею. Здесь видите Смерть в виде усыпленного гения; там Эрминию, отдыхающую у пастухов; спящего Эндимиона¹³, который, кажется, весь осребрен сиянием влюбленной Дианы, и во сне вкушает сладости, неизъяснимые языком смертного. Здесь вы видите мальчика, уснувшего на краю колодца; фортуна поддерживает его рукою, но так осторожно, что, кажется, боится разбудить беспечного: прелестное изображение счастливых и баловней слепой богини, которые забываются на краю своей гибели! Наконец, на колоннаде, украшающей преддверие залы, вы читаете имена знаменитых ленивцев: Лукулла, Сарданапала, Анакреона, Лафонтена, Шюлио, Лафара; тут же имена русских стихотворцев и имя того, который пишет прелестные басни и комедии¹⁴ и необоримую ленью свою умеет украшать прочнейшими цветами поэзии и философии.

В этой зале открыто первое заседание Общества ленивых; несколько слов было сказано хозяином; подан им знак, и один из членов, оратор ленивых, произнес похвальное слово сну.

К. Н. Батюшков.

Автопортрет. Рисунок карандашом, 1810-е годы.

К. Н. Батюшков.

Портрет маслом О. Кипренского. Около 1815 г.

К. Н. Батюшков.
Гравюра Галактионова по рисунку О. Кипренского. 1812 г.

К. Н. Батюшков.

Автоарисовка пером. 1807 г.

Видъ Юзскаго моста и дома Шапкина въ Москвѣ. | Vue du pont de la yavise, et de la maison de M. Charkine. Moscou

Вид Юзского моста и дома Шапкина в Москве.

Гравюра де ла Барта. 1797 г.

Вид Кремлевского строения и его окружностей в Москве.

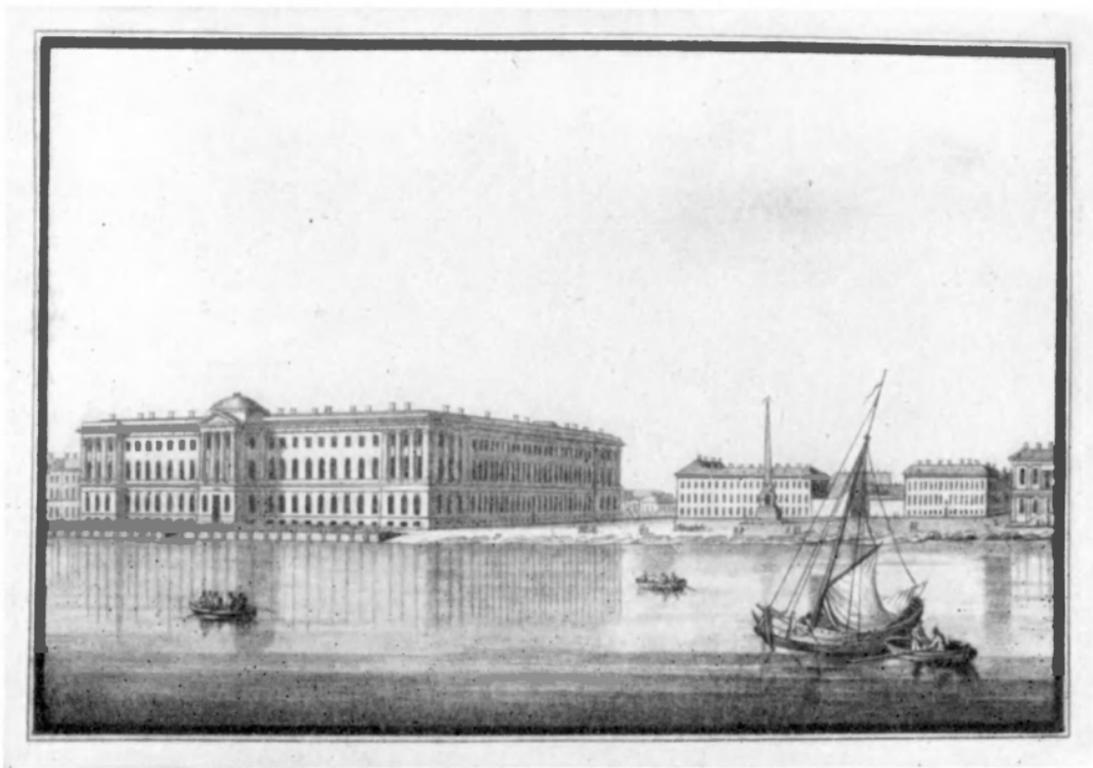
Гравюра де ла Барта. Конец XVIII в.

Видъ Моховой и дома Пашкова въ Москвѣ | Vue de la Mokhovaya et de la maison de M. Paschkef a Moscou

Вид Моховой и дома Пашкова в Москве.

Гравюра де ла Барта. Конец XVIII в.

Здание Академии Художеств в Петербурге.

Гравюра. Изд. А. Плюшара. 1820-е гг.

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО СНУ

— Пока еще сладостный сон не сомкнул ресниц ваших, и полуоткрытые глаза могут взирать на оратора, лежащего на мягком пуховике, посреди храмины, посвященной лени, почтенные слушатели и прекрасные слушательницы! преклоните ухо ваше к словам моим. Не грозные битвы, не шум воинский, не гибельные подвиги героев, обрызганных кровию, подвиги, клонящиеся к отнятию сна у бедных человеков, нет! Я хочу выхвалять способность спать; и ежели душа есть источник прекрасных мыслей, то поверьте, что речь моя, истекающая из оной, должна вам нравиться: ибо душа моя исполнена любовью к благодатному богу лесов киммеринских¹⁵.

(Громкие рукоплескания раздались в зале. Оратор покраснел от радости. Женщины шептали между собою и поглядывали на него с усмешкою. Хозяин закричал: «Внимание! внимание!», как член парламента, требующий внимания посреди шумного народа, когда Фокс¹⁶ и Питт¹⁷ рассуждали о войне или мире. Все умолкло, и оратор продолжал):

— Вы улыбаетесь, слушатели, вы отделяете медленно головы свои от мягких подушек, чтобы не пропустить ни одного слова красноречивого витии; и я, ободренный сим геройским подвигом, смело вступаю в обширное море красноречия, бурное море, в котором погибала слава многих новейших и древних говорунов.

Кто не спит, слушатели, кто не вкушает сладости сна? Злодей, преступник! ибо и невинный, приговоренный к смерти, и несчастный страдалец под бременем бедности и зла — и они смыкают вежды свои, омоченные слезами, и они усыпляют свои горести. Сладостное усыпление, истинный дар небес, оставшийся на дне со-

суда неосторожной Пандоры! Ты вместе с надеждою, твоею сестрою, украшаешь жизнь волшебными мечтами!.. Ах! Сон есть свидетель и порука совести нашей! Сон, надежда и добрая совесть, как три хариты, неразлучны: они суть братья и сестры одного семейства. Бросьте взор свой на сего спящего младенца (здесь оратор указал на картину). Это ангел, который покоится на лоне невинности; розы горят на ланитах малютки; уста его улыбаются... они ищут, кажется, поцалуев матери: дыхание их легко и сладостно, как дыхание утреннего ветерка, посетившего благоуханную розу.

Спи же, малютка! пока страсти и люди, ненавистники сна, не лишили тебя способности спать, и пока фортуна поддерживает тебя благодетельною рукою на краю зияющей бездны!

Взгляните на сон благотворительного смертного: он тих и спокоен, как ночь весенняя (оратор взглянул на хозяина, который с трудом мог сокрыть сладкие слезы на глазах). Душа его, которой ничто не препятствует излиться наружу, дышит на его устах, на ясном челе его, даже на опущенных ресницах. Сердце его утопает в веселии, пульс его ударяет тихо и ровно, — он счастлив, он совершенно благополучен: ибо он учинил доброе дело, ибо сон напоминает ему несчастного, которого он извлек из пропасти, с которым плакал наедине. Кажется, ангел-хранитель присутствует у ложа праведника и отгоняет благовонными крилами мечты и призраки; кажется, сама надежда сыплет на него цветы свои обильною рукою, и он, — сказать ли горькую истину? — он просыпается едва ли столько счастлив: ибо первый взор его часто, очень часто встречает неблагодарного. Что нужды? он уже наслаждался во сне! —

(Мы заметим, что хозяин, вздохнув очень горестно, прошептал между прочим: «Друзья мои! я жалею от

искреннего сердца о том, кто не заснул после доброго дела»).

— Взгляните теперь на оратая, который засыпает на жестком ложе; взгляните на поденщика, который, окончив труд свой, бросается на голый камень, и с ношею плеч своих слагает все бремя душевное; взгляните на ратника, утружденного походом, дождем, холодом: он несколько дней сражался со стихиями и со смертью, кровь и пот лились ручьями, голод изнурял его; но он заснул — и все забыто, и он счастливее сатрапа, засыпающего тонким сном на персях восточной одалиски. Скажите мне теперь: что награждает страдальцев сих за труды, пот и раны? Конечно, не скупые награды царей и вельмож, но сон, благодетель человек!

Кто из нас не любил и кто не спал вопреки любви своей?

(После этого вопроса краткое молчание. Одна из молодых девушек потупила черные глаза, другая покраснела. Старая вдова А. открыла табакерку и поднесла ее с ласковою улыбкою хозяину, устремив на него страстные взоры, которые, казалось, делали следующий вопрос: «И ты любил меня в молодости, друг мой, но любовь не лишала тебя сна; не правда ли?» Оратор продолжал):

— Сладостен сон любовника: он видит бархатные луга, орошенные ручьями, сады Армидины¹⁸, царство луны и сильфов; все предметы и все места украшены присутствием его возлюбленной. Везде она с ним, ходит рука с рукою, везде неразлучна — и в хижине, и в палатах, и в обществе, и в пустыне. Сон и самые печали услаждает. Любовница тебе изменила, или новая Галатея¹⁹ невнимательна к твоим песням, целомудренна, как Цинтия²⁰ или как Зиновия²¹; едва, едва склоняет к тебе суровые взоры?.. Утешься, печальный страдалец!

Я не стану тебе советовать вооружаться терпением стойка или потоплять любовь свою в чаше вина^{1*} или забыть вероломную. Но никто не отнимал у тебя сна, никто не лишал тебя способности усыплять сердце твое посредством сладостных мечтаний! Спи же, любовник, спи от вечера до утра, от утра до вечера, и, к наказанию твоей каменной Лауры²², ты верно когда-нибудь проснешься с прежним спокойствием, с прежним равнодушием; ибо сон, успокоивая страсти, истребляет даже их вредное начало. Что есть сердце наше? Море. Удержи дыхание ветров, и оно спокойно.

(«Море — сердце — дыхание ветров — спокойно! . . .» — повторяли слушатели, и громкие рукоплескания раздались в зале).

— Природа, благая мать смертных! Ты начинаешь наказывать преступника, оскорбителя прав твоих, прежде законов человеческих. Взгляните на юношу, который в первый раз нарушил священные законы нравственности: взор его пасмурен, нетерпелив; он ищет чего-то, ибо убегает самого себя, сего *внутреннего полубога*, которого мы носим в груди своей; он ищет рассеяния в шумном свете, в опасных удовольствиях, и горе ему, если новые преступления изгладят следы первых! Но если, ведомый рукою совести, он скроется на минуту от взоров человеческих, и там, в безмолвном уединении, предастся размышлению, то слезы, вестники доброго сердца, — слезы раскаяния омочат его ланиты, душа его успокоится, прояснеет, подобно мутной воде, яснеющей от времени в чистом сосуде; душа его придет в лучшее состояние, и сон — награда великого; доброго дела, —

^{1*} Ou bien buvez, c'est un parti fort sage. — Voltaire.
[Или напейтесь, это решение весьма мудро, — Вольтер (франц.).].

сон заключит его в *мягкие объятия*²³: ибо сон, вопреки всем наблюдателям страстей человеческих, идет непосредственно за первым раскаянием, — явная премудрость попечительного промысла, который врачует язвы сердца нашего посредством благотворного усыпления.

Но теперь, какие ужасные картины представляются взорам нашим? Преступник, преступник закоренелый в злодеяниях! Глас оскорбленной природы, подобно грому, раздался в его сердце, и глас сей был ужасен: *злодей! ты не будешь спать!*²⁴ Вот приговор тиранам, сластолюбцам, рушителям спокойствия общественного! Повторим сильные слова латинского стихотворца²⁵: «Ужели страшный рев быка Фаларидова²⁶, ужели меч, прикрепленный к золотому крову и висящий над главою венчанного тирана, страшнее, ужаснее грызений совести того несчастного, который, бледнея, говорит и столь тихо, что жена, лежащая с ним на одном ложе, слышать не может: я бегу, бегу к гибели?» Знали ли сон Дионисий Сиракузский и те изверги природы, те ряды венчаных злодеев Рима, которых, как говорит Расин²⁷, одно имя есть ужасная обида ужасному тирану? Вкусал ли сон и тот счастливый злодей Британии (Кромвель), которого жизнь была загадка, который, подобно древнему тирану, укрывался каждый день в новом убежище? Между тем как герой Севера, сей великий муж, которого жизнь достойна пера Плутархова, ибо малейшее его деяние есть подвиг ума, между тем, говорю я, как Суворов спал на плаще под открытым небом, в виду огней неприятельских и накануне решительного сражения!

Итак, почтенные слушатели! способность спать во всякое время есть признак великой души. (Надобно заметить, что это весьма понравилось собранию ленивых). Древность, неисчерпаемый источник истины и басен,

древность, хранилище опытности, развертывает перед нами свои хартии. Примеры обильны и убедительны. Александр накануне ужасной битвы с Дарием засыпает ввечеру; Парменион принужден его будить, ибо знамена перские блистали уже вблизи стана греческого. Катон имел привычку засыпать при наступлении опасности, ибо ничто не могло поколебать великого духа героя стойков. *Mediis tempestatibus placidus**. Август спит мертвым сном во время упорного морского сражения, происходившего у берегов цветущей Сицилии. Марий — и что всего чудеснее — Марий засыпает под деревом во время последней битвы с Силлою²⁸, и тогда только сон покидает неустрашимого вождя, когда сонмы неприятелей обратили в бегство его воинство. Гибельный сон, но не менее того славный! Мудрый Эпименид, если верить историкам (когда не верить им, то верить ли кому?), проспал 57 лет сряду; и я вам клянусь Геродотом, отцом летописцев, что есть народы на Севере, которые спят в течение шести зимних месяцев, подобно суркам, не просыпаясь. Ученые отыскиали, что сии народы обитали в России; и это не подлежит теперь никакому сомнению, по крайней мере в обществе нашем.

Из всего мною сказанного ясно извлекается следующее заключение: сон есть признак великого духа и доброй души. Доброй души — ибо сонливый человек не способен делать зла, которое требует великих усилий, беспокойства и беспрестанной деятельности. Посмотрите, как говорит о беспечном сне Лафонтен, жертвовавший ему половиною жизни своей, и которого добродушие вошло в пословицу:

* В бурях ясный духом (лат.).

Je ne dormirai point sous de riches lambris:
 Mais voit-on que le somme en perde de son
 prix?
 En est-il moins profond, et moins plein de
 délices?
 Je lui voue au desert de nouveaux sacrifices*.

Но почему сон есть стихия лучших поэтов? Отчего они предаются ему до излишества, забывают все — и славу, и потомство, и золотое правило древности, которое говорит именно, что праздность без науки — смерть, *otium sine litteris mors est***? Вопрос важный, достойный внимания мудрецов, и которого я решить не смею, боясь вооружить против себя неусыпных, но усыпительных писателей, которые — о святотатство! — и самое божество Ночи^{1*} оскорбляют кропанием стихов. Знаю только, что поэты всегда прославляли сладость сна; подобно нежным детям, ласкающим доброго родителя, они давали ему множество приятных названий: сон, утешитель смертных! отрадный! тихий! сладостный! и проч. Начиная от Омера, все они, все до одного описывали менее или более, хуже или лучше сие успокоение души и тела. Тибулл, которого вся жизнь была одно сладостное мечтание без пробуждений (простите мне это выражение), Тибулл не в одном месте выхваляет сон. Я всегда с живым удовольствием привожу на память стихи его:

* Я никогда не буду спать в богатом алькове:
 Но разве сон теряет от того что-либо в своей цене?
 Менее ли он глубок, менее ли полон наслаждением?
 Я делаю ему в своей пустыне все новые
 жертвоприношения²⁹
 (франц.).

** Досуг без занятий — смерть³⁰ (лат.).

^{1*} У древних Ночь была старейшим всех божеством.

Под тению древесной отдыхаю,
Которая меня прохладой дарит.
Сквозь солнце иногда дождь мелкий чуть шумит:
Я, слушая его, помалу погружаюсь
В забвение и сном приятным наслаждаюсь.

Дмитриев

Какая истинная любовь к наслаждениям тихим! Какая любовь ко сну! Далее:

Иль в мрачну, бурну ночь в объятиях драгой
Не слышу и грозы, шумящей надо мной!
Вот сердца моего желанья и утех!

Дмитриев

Первые два стиха показывают мастера наслаждаться; последний принадлежит к малому числу стихов, написанных от души.

Ах! почтенное сословие сонных! если бы я не боялся траты времени, которое можно посвятить с такою пользою на сон...

(И в самом деле, оратор начал замечать некоторую наклонность ко сну в своих благосклонных слушателях. Лучшие, красноречивые слова имеют странное действие на ленивых духом, действие, подобное журчанию ручейка: сперва нравятся, а потом клонят ко сну).

...Если б томные глаза ваши не показывали, что он вам становится нужнее красноречивейшего панегирика... (этот второй член длинного периода был прерван сперва званием слушателей, а потом и самого оратора, который, однако ж, сделал геройское усилие и продолжал) то верно б я предложил вам убедительное сравнение двух народов: одного воинственного, другого мирного; одного, провождающего дни и ночи на страже с копьём в руках; другого, изгнавшего из пределов своих все, что клонится

к нарушению сна: и петухов, вестников утра, и шумные художества, и снаряды воинственные; я сделал бы сравнение спартанцев со счастливыми сибаритами, и сравнение мое клонилось бы в пользу последних, — я доказал бы, что нет счастья в деятельности народной, и чрез то открыл бы неисповедимые истины и новое поле политикам, поле вовсе неизвестное.

(При слове *политика* хозяин начал зевать так сильно, что оратор с трудом кончил:)

— Но я вижу, что Морфей сыплет на вас зернистый мак свой! Я ощущаю и сам тайное присутствие бога киммеринского. Крыле его сотрясают благовонную росу на любимцев... Перст его смыкает уста мои... язык коснеет... и я... засыпаю.

Любитель сна Дормидон Тихин.

XI

АРИОСТ И ТАСС

Учение италиянского языка имеет особенную прелесть. Язык гибкий, звучный, сладостный, язык, воспитанный под счастливым небом Рима, Неаполя и Сицилии, среди бурь политических и потом при блестящем дворе Медичисов, язык, образованный великими писателями, лучшими поэтами, мужами учеными, политиками глубокомысленными, — этот язык сделался способным принимать все виды и все формы. Он имеет характер, отличный от других новейших наречий и коренных языков, в которых менее или более приметна суровость, глухие или дикие звуки, медленность в выговоре и нечто принадлежащее Северу. Великие писатели образуют язык; они дают ему некоторое направление, они оставляют на нем неизгладимую печать своего гения — но, обратно, язык имеет влияние на писателей. Трудность выразить свободно некоторые действия природы, все оттенки ее, все изменения останавливает нередко перо искусное и опытное. Ариост, например, выражается свободно, описывает верно все, что ни видит (а взор сего чудесного Протея обнимает все мироздание): он описывает сельскую природу с удивительною точностию — благовонные луга и роши, прохладные ключи и пещеры полуденной Франции, леса, где Медор, утомленный негою, почивает на сладостном лоне Анжелики; роскошные чертоги Аль-

цины¹, где волшебница сияет между нимфами (*Si come è bello il sol più d'ogni stella* *); все живет, все дышит под его пером. Переходя из тона в тон, от картины к картине, он изображает звук оружия, треск щитов, свист пращей, преломление копий, нетерпеливость коней, жаждущих боя, единоборство рыцарей и невероятные подвиги мужества и храбрости; или брань стихий и природу, всегда прелестную, даже в самых ужасах (*bello è l'ogore* **)! Он рассказывает, и рассказ его имеет живость необыкновенную. Все выражения его верны и с строгою точностию прозы передают читателю блестящие мысли поэта. Он шутит, и шутки его, легкие, веселые, игривые и часто незлобные, растворены аттическим остроумием. Часто он предается движению души своей и удивляет вас, как оратор, порывами и силою мужественного красноречия. Он трогает, убеждает, он невольно исторгает у вас слезы; сам плачет с вами и смеется над вами и над собою; или увлекает вас в мир неизвестный, созданный его музою; заставляет странствовать из края в край, подниматься на воздух; он вступает с вами в царство Луны, где находит все, утраченное под луною, и все, что мы видим на земноводном шаре: но все в новом, переменном виде; снова спускается на землю и снова описывает знакомые страны, и человека, и страсти его. Вы без малейшего усилия следуете за чародеем, вы удивляетесь поэту и в сладостном восторге восклицаете: какой ум! какое дарование! А я прибавлю: какой язык!

Так, один язык итальянский (из новейших, разумеется), столь обильный, столь живой и гибкий, столь свободный в словосочинении, в выговоре, в ходе своем,

* Подобно тому, как солнце прекраснее всякой звезды! (итал.).

** Прекрасен ужас (итал.).

один он в состоянии был выражать все игривые мечты и вымыслы Ариоста, и как еще? в теснейших узах стихотворства (Ариост писал октавами). Но перенесите этого чародея в другой век, менее свободный в мыслях^{1*}, более порабощенный правилам сочинения, основанным на опытности и размышлении, дайте ему язык северного народа, какой заблагорассудите, — английский или немецкий, например, — и я твердо уверен, что певец «Орланда» не в силах будет изображать природу так, как он постигал ее и как описал в своей поэме: ибо (еще повторю) поэма его заключает в себе все видимое творение и все страсти человеческие; это «Илиада» и «Одиссея»; одним словом, — природа, порабощенная жезлу волшебника-Ариоста^{2**}. Но счастливому языку Италии, богатейшему наследнику древнего латинского, упрекают в излишней изнеженности! Этот упрек совершенно несправедлив и доказывает одно невежество; знатоки мо-

^{1*} Ариост писал, что хотел, против пап². Он смеялся над подложной хартией, которою император Константин уступает викарию святого Петра Рим в потомственное правление, и книга его напечатана в Риме — *con licenzia de superiori* [с соизволения властей (лат.)].

^{2**} Напрасно будут мне указывать на английских и немецких писателей, подражавших Ариосту. Я отдаю полную справедливость Виланду³, остроумному поэту и вожделителю нового языка в своем отечестве; но скажу, и должно со мною согласиться, что в «Обероне» менее *вещей*, нежели в «Орланде»; язык не столь полон и заставляет всегда чего-нибудь желать; поэт не договаривает, и — весьма часто. Позвольте сделать следующий вопрос: если бы Виланд писал в Италии, во время Ариоста, то какой вид получила бы его поэма? Язык у стихотворца то же, что крылья у птицы, что материал у ваятеля, что краски у живописца.

гут указать на множество мест в Тассе, в Ариосте, в самом нежном поэте Валлакиузском⁴ и в других писателях, менее или более славных, множество стихов, в которых сильные и величественные мысли выражены в звуках сильных и совершенно сообразных с оными; где язык есть прямое выражение души мужественной, исполненной любви к отечеству и свободе. Не одно «*Chiama gli abitator*» * найдете в Тассе; множество других мест доказывают силу поэта и языка. Сколько описаний битв в поэме Торквато! И мы смело сказать можем, что сии картины не уступают или редко ниже картин Вергилия. Они часто напоминают нам самого Омера.

Посмотрите на это ужасное последствие войны, на груды бледных тел, по которым бегут иступленные воины, преследуя матерей, прижавших трепетных младенцев к персям своим:

Ogni cosa di strage era già pieno;
 Vedeansi in mucchi e in monti i corpi avvolti.
 Là i feriti su i morti, e qui giacieno
 Sotto morti in sepolti, egri sepolti.
 Fuggian premendo i pargoletti al seno,
 Le meste madri, co' capelli sciolti:
 E'l predator di spoglie e di rapine
 Carco, stringea le vergine nel crine. —

«Все места преисполнились убийством. Груды и горы убиенных! Там раненые на мертвых, здесь мертвыми завалены раненые; прижав к персям младенцев, убегают отчаянные матери с раскиданными власами; и хищник, отягченный ограбленными сокровищами, хватает за власы дев уstraшенных»⁶.

* Призывает обитателей⁵ (итал.),

Желаете ли видеть поле сражения, покрытое нетерпеливыми воинами, — картину единственную, величественную! Солнце проливает лучи свои на долину; все сияет: и оружие разноцветное, и стальные доспехи, и шлемы, и щиты, и знамена. Слова поэта имеют нечто блестящее⁸, торжественное, и мы невольно восклицаем с ним: *bello in sí bella vista anco è l'orrore!* *

Grande e mirabil cosa era il vedere
Quando quel campo, e questo a fronte venne:
Come spiegate in ordine le schiere;
Di mover già, già d'assalire accenne:
Sparse al vento ondeggiando ir le bandière,
E ventolar su i gran cimièr' le penne;
Abiti, fregi, imprese, arme e colori
D'oro e di fèrro al sol lampi e folgori.

Sembra d'alberi densi alta foresta
(L'un campo e l'altro, di tant'aste abondal)
Son tesi gli archi, e son le lance in resta:
Vibransi i dardi, e rotasi ogni fionda. —
Ogni cavallo in guerra anco s'appresta:
Gli odi e'l furor del suo signor seconda:
Raspa, batte, nitrisce e si raggira;
Gonfia le nari, e fumo e foco spira.

Bello in sí bella vista anco è l'orrore!

«Открылось великолепное и удивительное зрелище, когда оба войска выстроились одно против другого, когда развернулись в порядке полчища, двигаться и нападать готовы! Распущенные по ветру знамена волнуются; на высоких гребнях шлемов перья колеблются; испещренные одежды, вензели и цветы оружий, золото и сталь

* В столь прекрасном зрелище прекрасен даже ужас⁷ (итал).

ярким блеском и сиянием лучи солнечные отражают.

«В густой и высокий лес сомкнулись копья: столь многочисленно и то и другое воинство! Натянуты луки, обращены копья, сверкают дротики, пращи крутятся, самый конь жаждет кровавой битвы: он разделяет ненависть и гнев ожесточенного всадника; он роет землю, бьет копытами, ржет, крутится, раздувает ноздри, и дымом и пламенем пышет»⁹.

Но битва закипела, час от часу становится сильнее и сильнее. В сражении есть минуты решительные; я на опыте знаю, что они не столь ужасны. Победитель преследует, побежденный убегает; и тот и другой увлекаются примером товарищей своих, и тот и другой заняты собою. Но минута ужасная есть та, когда оба войска, после продолжительного и упорного сопротивления, истощив все усилия храбрости и искусства воинского, ожидают решительного конца, — победы, или поражения; когда все гласы, все громы сольются воедино и составят нечто мрачное, неопределенное и беспрестанно возрастающее, — эту минуту поэт описывает с необыкновенною верностью:

Così si combatteva: e in dubbia lance
Col timor le speranze eran sospese.
Pien tutto il campo è di spezzate lance,
Di rotti scudi, e di troncato arnese:
Di spade a i petti, a le squarciate pance
Altre confitte, altre per terra stese:
Di corpi altri supini, altri co'volti
Quasi mordendo il suolo, al suol rivolti.

Giace il cavallo al suo signore appresso,
Giace il compagno appo il compagno estinto,
Giace il nemico appo il nemico, e spesso
Sul morto il vivo, il vincitor sul vinto.

Non v'è silenzio, e non v'è grido espresso,
Ma odi un non sò che roco, e indistinto.
Fremiti di furor, mormori d'ira,
Gemiti di chi langue, e di chi spira.

L'arme, che già sí liete in vista foro,
Faceano or mostra spaventosa e mesta.
Perduti ha i lampi il ferro, e i raggi l'oro,
Nulla vaghezza a i bei color' più resta.
Quanto apparia d'adorno, e di decoro
Ne' cimieri, e ne' fregi, or si calpesta.
La polve ingombra ciò ch'al sangue avanza,
Tanto i campi mutata avean sembianza! ^{1*}

«Так ратовало воинство с равным страхом и надеждою. Все поле завалено преломленными копьями, разбитыми щитами и доспехами. Мечи вонзились в грудь, в прободенные панцири; иные по земле разметаны. Здесь трупы, ииц поверженные в прах; там трупы, лицом обращенные к солнцу.

Лежит конь близ всадника, лежит товарищ близ бездыханного товарища; лежит враг близ врага своего и часто мертвый на живом, победитель на побежденном. Нет молчания, нет криков явственных; но слышится нечто мрачное, глухое: клики отчаяния, гласы гнева, воздыхания страждущих, вопли умирающих.

Оружие, дотоле приятное взорам, являет зрелище

^{1*} В сих трех октавах бессмертный Тасс превзошел себя. Здесь полная картина. Ничего лишнего, ничего натянутого, сверхъестественного. Non v'è silenzio non v'è grido espresso и три следующие стиха живописны. В последней октаве стихотворец повторяет все подробности и кончит как мастер: Tanto i campi avean mutata sembianza [Столь изменился вид поля сражения (итал.)].

ужасное и плачевное. Утратила блеск и лучи свои гладкая сталь. Утратили красоту свою разноцветные доспехи. Богатые шлемы, прекрасные латы в прахе ногами попраны. Все покрыто пылью и кровью: столь ужасно пременилось воинство!»^{1* 10}

Мы не можем останавливаться на всех красотах «Освобожденного Иерусалима»; их множество! Прелестный эпизод Эрминии, смерть Клоринды, Армидины сады и единоборство Танкреда с Аргантом: кто читал вас без восхищения? Вы останетесь незабвенными для сердец чувствительных и для любителей всего прекрасного! Но в поэме Тассовой есть красоты другого рода; и на них должно обратить внимание поэту и критику. Описание нравов народных и обрядов веры есть лучшая принадлежность эпопеи. Тасс отличился в оном. С каким искусством изображал он нравы рыцарей, их великодушные, смирение в победе, неимоверную храбрость и набожность! С каким искусством приводит он крестовых воинов к стенам Иерусалима! Они горят нетерпением увидеть священные верхи града господня. Издали воинство приветствует его непрерывными восклицаниями, подобно мореплавателям, открывшим желанный берег.

^{1*} Сия картина поля сражения напоминает нам прекрасные стихи Ломоносова:

Различным образом повержены тела:
 Иный с размаху меч занес на сопостата,
 Но прежде прободен, удара не скончал.
 Иный, забыв врага, прельщался блеском злата;
 Но мертвый на корысть желанную упал.
 Иный, от сильного удара убегая,
 Стремглав на низ слетел и стонет под конем;
 Иный, пронзен, угас, противника сражая;
 Иный врага поверг, и умер сам на нем¹¹.

Заметим мимоходом для стихотворцев, какую сиду получают самые обыкновенные слова, когда они поставлены на своем месте.

Но вскоре священный страх и уныние сменяют радость: никто без ужаса и сокрушения не дерзает взглянуть на священное место, где сын божий искупил человечество страданием и вольною смертью. Главы и ноги начальников обнажены; все воинство последует их примеру. и гордое чело рыцарей смиряется пред тем, кто располагает по воле и победою, и лаврами, и славою землею, и царством неба. Такого рода красоты, суровые и важные, почерпнуты в нашей религии: древние ничего не оставили нам подобного. Все обряды веры, все страшные таинства обогатили Тассову поэму. Ринальдо вырывается из объятий Армиды; войско встречает его с радостными восклицаниями. Юный витязь беседует снова с товарищами о войне, о чудесах очарованного леса, которые он один может разрушить: но простой отшельник Петр советует рыцарю исповедью очиститься от заблуждений юности, прежде нежели он приступит к совершению великого подвига. «Сколько ты обязан всевышнему! — говорит он. — Его рука спасла тебя; она спасла заблуждшую овцу и причислила ее к своему стаду. Но ты покрыт еще тиною мира, и самые воды Нила, Гангеса и Океана не могут очистить тебя: одна благодать совершит сие. . .» Он умолк, и сын прелестной Софии, сей гордый и нетерпеливый юноша, повергается к стопам смиренного отшельника, исповедует ему прегрешения юности своей и, очищенный от оных, идет бесшумно в леса, исполненные очарований волшебника Исмена. Годофред, желая осадить город, приготовляет машины, стенобитные орудия; но строгий Петр является в шатер к военачальнику. «Ты приготовляешь земные орудия, — говорит он набожному повелителю, — а не начинаешь, отколе надлежит. Начало всего на небе. Умоляй ангелов и полки святых; подай пример набожности войску». И наутро отшельник развеивает страшное знамя,

в самом раю почитаемое; за ним следует лик медленным шагом; священнослужители и воины (соединившие в руке своей кадильницу с мечом), Гвильем и Адимар, заключают шествие лика; за ними Годофред, начальники и войско обезоруженное. Не слышно звуков трубы и гласов бранных; но гласы молитвы и смирения:

Te genitor, te figlio eguale al padre,
 E te, che d'ambo uniti amando spiri,
 E te d'uomo, e di dio vergine madre,
 Invocano prorizia a i lor desiri *

и проч. и проч.

Так шествует поющее воинство, и гласы его повторяют глубокие долины, высокие холмы и эхо пустынь отдаленных. Кажется, другой лик проходит в лесах, доселе безмолвных, и явственно великие имена Марии и Христа воспевают. Между тем со стен города взирают в безмолвии удивленные поклонники Могаммеда на обряды чуждые, на велелепие чудесное и пение божественное. Вскоре гласы проклятий и хулений неверных наполняют воздух: горы, долины и потоки пустынные их с ужасом повторяют.

Таким образом великий стихотворец умел противопоставить обряды, нравы и религии двух враждебных народов, и из садов Армидиных, от сельского убежища Эрминии перенестись в стан христианский, где все дышит благочестием, набожностью и смирением. Самый язык

* Тебя, родитель, тебя, сын, равный отцу,
 И тебя, который из двух единых, любя, исходишь,
 И тебя, человека и бога дева-мать,
 Призывают в покровительство своим желаньям ¹²
 (итал.).

его изменяется. В чертогах Армиды он сладостен, нежен, изобилен; здесь он мужествен, величествен и даже суров.

Те, которые упрекают итальянцев в излишней изнеженности, конечно, забывают трех поэтов: Альфьери — душою римлянина, Данта — зиждителя языка итальянского и Петрарка, который нежность, сладость и постоянное согласие умел сочетать с силою и краткостью.

XII

ПЕТРАРКА

S'amor non è, che dunque è quel ch'io sento?
[Что же я чувствую, если и это не любовь? ¹]

Вот, что говорит Петрарка, которого одно имя напоминает Лауру, любовь и славу. Он заслужил славу трудами постоянными и польвою, которую принес всему человечеству, как ученый прилежный, неутомимый; он первый восстановил учение латинского языка; он первый занимался критическим разбором древних рукописей как истинный знаток и любитель всего изящного. Не по одним заслугам в учености имя Петрарки сияет в истории италийской; он участвовал в распрях народных, был употреблен в важнейших переговорах и посольствах, осыпан милостями императора Римского, и наконец от Роберта, короля Неаполитанского, — назван и другом, и величайшим гением. Заметьте, что Роберт был ученейший муж своего времени и предпочитал (это собственные его слова) науки и дарования самой диадиме. Наконец, Петрарка сделался бессмертен стихами, которых он сам не уважал ^{1*}, — стихами, писанными на языке италийском, или народном наречии. Итак, славы никто

^{1*} В этом неуважении к стихам своим Богданович много сходствовал с Петрарком. Он часто говаривал М. у ²: «Стихи мои, которые вам так нравятся, умрут со мною; но моя «Русская история» пере-

не оспаривает у Петрарки; но многие сомневались в любви его к Лауре. Многие французские писатели утверждали, что Лаура никогда не существовала, что Петрарка воспевал один призрак, красоту, созданную его воображением, как создана была Дульцинея Сервантовым героем.

Италийские критики, ревнители славы божественного Петрарки, утвердили существование Лауры; они входили в малейшие подробности ее жизни, и на каждый стих Петрарки написали целые страницы толкований. Сия дань учености дарованию покажется иным излишней, другим смешною; но мы должны признаться, что только в тех землях, где умеют таким образом уважать отличные дарования, рождаются великие авторы. Любители поэзии и чувствительные люди, которые по движениям собственного сердца, пламенного и возвышенного, угадывают сердце поэта и истину его выражений, не будут сомневаться в любви Петрарки к Лауре: каждый стих, каждое слово носит неизгладимую печать любви.

Любовь способна принимать все виды. Она имеет свой особенный характер в Анакреоне, Феокрите, Катulle, Проперции, Овидии, Тибулле и в других древних поэтах. Один сладострастен, другой нежен и так далее. Петрарка, подобно им, испытал все мучения любви и самую ревность; но наслаждения его были духовные. Для него Лаура была нечто невещественное, чистейший дух, излившийся из недр божества и облекшийся в прелести земные. Древние стихотворцы были идолопоклонниками; они не имели и не могли иметь сих возвышен-

живет меня. Стихи мне не много стоили труда; над «Историей» я много пролил поту: на ней-то основана моя слава...» Петрарка и Богданович обманулись!

ных и отвлеченных понятий о чистоте душевной, о непорочности, о надежде увидеться в лучшем мире, где нет ничего земного, преходящего, низкого. Они наслаждались и воспевали свои наслаждения; они страдали и описывали ревность, тоску в разлуке или надежду близкого свидания. Слезы горести или восторга, некоторые обряды идолопоклонства, очарования какой-нибудь волшебницы (любовь всегда суеверна), воспоминание о золотом веке и вечные сожаления о юности, улетающей как призрак, как сон, — вот из чего были составлены любовные поэмы древних, вот почему в их творениях мы видим более движения и лучшее развитие страстей, одним словом, более драматической жизни, нежели в одах Петрарки, — но не более истины.

Тибулл, задумчивый и нежный Тибулл, любил напоминать о смерти своей Делии и Немезиде. «Ты будешь плакать над умирающим Тибуллом; я сожму руку твою хладеющею рукою, о Делия!..»

Te spectem, suprema mihi cum venerit hors,
Te teneam moriens, deficiente manu...*

И сии слова драгоценны для сердец чувствительных! Но после смерти всему конец для поэта; самый Элизий не есть верное жилище. Каждый поэт переделывал его по-своему и переносил туда грубые, земные наслаждения. Петрарка напротив того: он надеется увидеть Лауру в лоне божества, посреди ангелов и святых; ибо Лаура его есть ангел непорочности; самая смерть ее — торжество жизни над смертью. «Она погасла, как лампада, — говорит стихотворец, — смерть не обезобразила ее пре-

* На тебя взирал я, когда последний час ко мне пришел,
И, умирающий, держал тебя слабеющей рукой³
(лат.).

лестей; нет! не смертная бледность покрыла ее лице: белизна его подобилась снегу, медленно падающему на прекрасный холм в безветренную погоду. Она покоилась, как человек по совершении великих трудов: и это называют смертью слепые человеки!»⁴

Петрарка девять лет оплакивал кончину Лауры. Смерть красавицы не истребила его страсти; напротив того, она дала новую пищу его слезам, новые цветы его дарования: гимны поэта сделались божественными. Никакая земная мысль не помрачала его печали. Горесть его была вечная, горесть христианина и любовника. Он жил в небесах: там был его ум, его сердце, все воспоминания; там была его Лаура! Стихи Петрарки, сии гимны на смерть его возлюбленной, не должно переводить ни на какой язык; ибо ни один язык не может выразить постоянной сладости тосканского, и особенной сладости музыки Петрарковой. Но я желаю оправдать поэта, которого часто критика (отдавая, впрочем, похвалу гармонии стихов его) ставит наравне с обыкновенными писателями по части изобретения и мыслей. В прозе остаются одни мысли:

«Исчезла твоя слава, мир неблагодарный! и ты сего не видишь, не чувствуешь. Ты не достойна была знать ее, земля неблагодарная! ты не достойна быть попираема ее священными стопами! Прекрасная душа ее переселилась на небо. Но я, несчастный! я не могу любить без нее ни смертной жизни, ни самого себя! Лаура! тебя призываю со слезами! слезы — последнее мое утешение; они меня подкрепляют в горести. Увы! в землю превратились ее прелести; они были здесь залогом красоты небесной и наслаждений райских. Там ее невидимый образ: здесь покрывало, затемнявшее его сияние. Она облечется снова и навеки в красоту небесную, которая без сравнения превосходит земную. Ее образ является

мне одному (ибо кто мог обожать ее, как я?), он является и прелестнее и светлее. Божественный образ ее, милое имя, которое отзывается столь сладостно в моем сердце, — вы единственные опоры слабой жизни моей... Но когда минутное заблуждение исчезает, когда я вспомню, что лишился надежды моей в самом цвете и сиянии: любовь! ты знаешь, что со мною тогда бывает, знает и она, та, которая приблизилась к божественной истине... Я страдаю; а она из жилища вечной жизни с гордою улыбкою презрения взирает на земное одеяние свое, здесь оставленное. Она о тебе одном вздыхает, и умоляет тебя не затмить сияния славы ее, тобою на земле распространенного; да будет глас твоих песней еще звучнее, еще сладостнее, если сладостны и драгоценны были очи ее твоему сердцу!»⁵

Древность ничего не может представить нам подобного. Горесть Петрарки услаждается мыслию о бессмертии души, строгою мыслию, которая одна в силах искоренить страсти земные; но поэзия не теряет своих красок. Стихотворец умел сочетать землю и небо; он заставил Лауру заботиться о славе земной, единственном сокровище, которое осталось в руках ее друга, осиротелого на земле. Иначе плачет над урною любовницы древний поэт; иначе Овидий сетует о кончине Тибулла: ибо все понятия древних о душе, о бессмертии были неопределенны. Петрарка, пораженный ужасною вестью о кончине Лауры, написал несколько строк на заглавном листе Вергилия, который весь наполнен был его замечаниями: ибо Петрарка читал Вергилия и учил наизусть беспрестанно. Сия рукопись, драгоценный остаток двух великих людей, хранилась в Амброзианской библиотеке⁶, а ныне, если не ошибаюсь, находится в Париже. Простота немногих строк, начертанных в глубокой горести, прелестна и стоит лучшего гимна. Из них-то можно ви-

деть, что Петрарка не сочинял свою страсть и что стихи его были только слабым воспоминанием того, что он чувствовал.

Вот сии строки: «Лаура, славная по качествам души своей и столь долго мною прославляемая, предстала в первый раз моим глазам в начале моего юношеского возраста, в 1327 году 6 апреля, в церкви св. Клары, в Авиньоне, в первом часу пополудни. И в том же самом городе, в том же месяце, 6 числа, в первом часу, 1348 года, сия небесная лампада потухла, когда я находился в Вероне, не ведая ничего о моем несчастье. В Парме узнал я эту плачевную новость чрез письмо друга моего Лудовика, того же года, в мае, поутру. Ее чистейшее, ее прелестное тело было положено, в самый день ее смерти, в церкви кармедитов. Я уверен, что ее душа возвратилась на небо, откуда она пришла, так, как Сципионова, по словам Сенеки».

Петрарка любил; но он чувствовал всю суетность своей страсти и с нею боролся не однажды. Любовь к Лауре и любовь к славе под конец жизни его слились в одно. Любовь к славе, по словам одного русского писателя, есть последняя страсть, занимающая великую душу. Поэмы: Триумф Любви — Непорочности — Смерти — Божества, в которых и самый снисходительный критик найдет множество несообразностей и оскорблений вкуса, заключают однако же в себе неувядаемые красоты слога, выражения и особенно мыслей. В них-то стихотворец описывает все мучения любви, которой мир, как тирану, приносит беспрестанные жертвы. «Я знаю, — говорит он, — как непостоянна и прменчива жизнь любовников. Они то робки, то предприимчивы. Немного радостей награждают их за непрерывные мучения. Знаю их нравы, их воздыхания, их песни, прерывные разговоры, внезапное молчание, краткий смех и вечные

слезы. Любовь подобна сладкому меду, распущенному в соку полынным»^{1*} 7. Сию последнюю мысль Тасс повторил в своей поэме⁹. Певец Иерусалима испытал все мучения любви.

Во времена Петрарковы, столь смежные с временами рыцарства, любовь не утратила еще своего владычества над людьми всех состояний. Во Франции, от короля до простого воина, каждый имел свою даму: «Madame et St. Denis!» — восклицали французские рыцари в пылу сражений и совершали невероятные подвиги. Рыцарь Сир де Флеранж, водружая знамя на стене крепости, взятой приступом, кричал своим товарищам: «Ах! если бы видела красавица своего рыцаря!». Трубадуры воспевали красоту; за ними и все поэты (не исключая важного и мрачного Данте, остроумного и веселого Боккачио), все прославляли своих красавиц, и имена их остались в памяти муз. История Парнаса италийского есть история любви. В одном из своих «Триумфов»¹⁰ Петрарка исчисляет великих мужей, древних и новейших, которые все учинились жертвами страсти. Конечно, здравый вкус негодует на сочетание имен Давида и Соломона с именами Тибулла и Проперция; но некоторые места сей поэмы имеют особенную прелесть, а более всего те, в которых стихотворец исчисляет своих друзей в плену у сурового бога.

«Я увидел Вергилия, — говорит он: —¹¹ с ним Овидия, Катулла и Проперция, которые все столь пламенно воспевали любовь, — и, наконец, нежного Тибулла. Юная гречанка (Сафо) шествовала рядом с возвышенными пев-

^{1*} Гордый и пламенный Альфиери⁸ называет Петрарку учителем любви и поэзии: *Maestro in amare ed in poesia (итал.)*.

* Госпожа и святой Денис! (франц.).

цами, воспевая сладкие гимны. Бросив взоры на окрестные места, я увидел на цветущей зеленой долине толпу, рассуждающую о любви. Вот Данте с Беатриксой! вот Сельважиа с Чино¹² и проч. и проч. Но теперь я не могу сокрыть моей горести: я увидел друзей моих, и посреди их Томасса, украшение Болонии, Томасса, которого прах истлевет на земле мессинской. О минутные радости! горестная жизнь! кто отнял у меня так рано мое сокровище, моего друга, без которого я не мог дышать? Где он теперь находится? Прежде он был со мною неразлучен... Жизнь смертных, горестная жизнь! Ты не что иное, как сон больного страдальца, пустая басня романа! Уклонясь в сторону от прямого пути, я встретил моего Сократа и Лелия¹³. С ними желал бы я долее шествовать. Какая чета друзей! Ни проза, ни стихи мои не могут их достойно прославить; их нагая добродетель и без песней муз заслуживает почтение мира. С ними я похитил слишком рано славный лавр, который доселе украшает мою главу, в воспоминание той, которую обожаю!». Лавр (*lauro*) напоминает имя Лауры, и потому был вдвое драгоценен сердцу поэта. По смерти славного Колонны и Лауры стихотворец воскликнул:

Rotta è l'alta colonna, e l'verde lauro! *

Мы заметили уже, что неумеренная любовь к славе равнялась или спорила с любовью к Лауре в пламенной душе Петрарки. Одна чистейшая набожность и возвышенные мысли о бессмертии души могли уменьшать их силу, и то временно; но искоренить совершенно не имели власти. С каким чистосердечным сокрушением описывает он борьбу религии с любовью к славе! В каждом слове

* Разбита высокая колонна и зеленый лавр¹⁴! (*итал.*).

виден христианин, который знает, что ничто земное ему принадлежать не может; что все труды и усилия человека напрасны, что слава земная исчезает, как след облака на небе: знает твердо, убежден в сей истине, и все не престаёт жертвовать своей страсти! «Мой ум занят сладкою и горестною мыслию, — говорит он, — мыслию, которая меня утруждает и исполняет надеждою мятежное сердце. Когда вообразу себе сияние славы, то не чувствую ни хлада зимы, ни лучей солнечных, забываю страшную бледность моего чела и самые недуги. Напрасно желаю умертвить сию мысль; она снова и сильнее рождается в моем сердце. Она встретила меня в пеленах младенчества, день ото дня со мною возрастала, и страшусь, чтобы со мною не заключилась в могиле. Но к чему послужат мне сии льстивые желания, когда моя душа отделится от брэнного тела? После кончины моей если и вся вселенная будет обо мне говорить... суета! суета! Один миг разрушает все труды наши. Так! я желал бы обнять истину и забыть навеки суетную тень славы!»¹⁵

И самый слог Петрарки сообразно с предметами изменяется: важность мыслей в «Триумфе» Смерти и Божества дают слогу особенную силу, возвышенность и краткость. Часто два или три слова заключают в себе мысль или глубокое чувство. Ода, в которой поэт обращается к Риензи¹⁶ (так полагает Вольтер, а другие критики утверждают, что сия ода писана не к Риензи, а к Колонне), сия ода, в которой он умоляет народного трибуна священными именами Сципионов и Брутов расторгнуть оковы Рима и поставить его на древнюю степень сияния и славы, напоминает нам прекрасные оды Горация. Она исполнена древнего вкуса и того величия, которое италиянцы, чувствительные ко всему изящному, называют *grandioso* в поэзии, в ваянии, в живописи, во

всех искусствах. Рим был страстию Петрарки. Он не мог простить папе перенесение трона в Авиньон, и вот в каких словах изливает свое негодование перед защитником прав народных; вот каким образом взывает к воскресителю столицы мира:

«Сии древние стены, пред коими мир благоговет и смертные страшатся, когда обращают вспять взоры на давно минувшие веки, сии камни надгробные, под коими истлевают прах великих людей, славных даже до разрушения мира: все сии развалины древнего величия надеются воскреснуть тобою. О великие Сципионы! о верный Брут! с какою радостью познаете вы благодеяние нового героя! с каким веселием и ты, Фабриций, узнаешь весть сию! Ты скажешь: мой Рим еще будет прекрасен!»¹⁷

Надежды Петрарки не сбылись. Но любители изящной поэзии знают наизусть прекрасные стихи любовника Лауры, обожателя древнего Рима и древней свободы. Ни любовь, ни мелкие выгоды самолюбия, ни опасность говорить истину в смутные времена междуусобия — ничто не могло ослабить в нем любви к Риму, к древнему отечеству добродетелей и муз, ему драгоценных: ибо ничто не могло потушить любви к изящному и к истине в его сердце. Узнав неистовые поступки Риензи, с чистосердечною гордостью, достойною лучших времен Рима, Петрарка писал к нему: «Я хотел прославить тебя; страшись тепер, чтобы я не превратил моей похвалы в жестокую сатиру!»¹⁸. Но все угрозы и советы Петрарки были напрасны. Свобода, дарованная Риму иступленным трибуном, походила на свободу Робеспьерову: началась убийствами, кончилась тиранством.

Все знают, что Петрарка воспользовался песнями сципилианских поэтов и трубадуров счастливого Прованса,

которые много заняли у мавров, народа образованного, гостеприимного, учтвого, ученого и одаренного самым блестящим воображением. От них он заимствовал игру слов, изысканные выражения, отвлеченные мысли и наконец излишнее употребление аллегории; но сии самые недостатки дают какую-то особенную оригинальность его сонетам и прелесть чудесную его неподражаемым одам, которые ни на какой язык перевести невозможно. Слога нельзя присвоить, говорит Бюффон, сей исполин в искусстве писать: и особенно слога Петрарки. Любовь к цветам господствовала на Востоке. До сих пор арабские и персидские стихотворцы беспрестанно сравнивают красоту с цветами и цветы с красотою. Цветы играют большую роль у любовников на Востоке. Рождающаяся любовь, ревность, надежда, одним словом вся суетная и прелестная история любви изъясняется посредством цветов. Трубадуры также любили воспевать цветы, а за ними и Петрарка. Желаете ли видеть, каким образом он воспользовался цветами? Еще раз повторяю: я удерживаю одну тень слога живого, исполненного неги, гармонии и этого сердечного излияния, которое только можно чувствовать, а не описывать. Кстати о цветах: слог Петрарки можно сравнить с сим чувствительным цветком, который вянет от прикосновения.

«Если глаза мои останутся на розах белых и пурпуровых, собранных в золотом сосуде рукою прелестной девицы, тогда мне кажется, что вижу лице той, которая все чудеса природы собою затмевает. Я вижу белокурые локоны ее, по лилейной шее развеянные, белизною и самое молоко затмевающей; я вижу сии ланиты, сладостным и тихим румянцем горящие! Но когда легкое дыхание зефира начинает колебать на долине цветочки желтые и белые, тогда воспоминаю неволью и место и первый день, в который увидел Лауру с развеянными

власами по воздуху, и воспоминаю с горестию начало моей пламенной страсти»¹⁹.

Таким образом, цветок в поле, закат солнца, водопад, шумящий в уединенной роще, малейшее обстоятельство в природе напоминали Петрарке красоту, вечно любезную его сердцу. Путешествие стихотворца чрез леса Арденнские или чрез Альпы, прогулка Лауры в лодке по озеру или обряды набожности, ею совершенные при наступлении какого-нибудь праздника, — все служило поводом к сонету или новой оде; ни одно чувство, ни одно духовное наслаждение, ни одно огорчение не было утрачено для муз. Сие смешение глубокой чувствительности и набожности чистосердечной с тонким познанием света и людей, с обширными сведениями в истории народов, сии следы и воспоминания классических красот древних авторов, рассеянные посреди блестящих и романтических вымыслов сицилийских поэтов, наконец, сей очаровательный язык тосканский, исполненный величия, сладости и гармонии неизъяснимой, сие счастливое сочетание любви, религии, учености, философии, глубоко-мыслия и суетности любовника — все это вместе в стихах Петрарки представляет чтение усладительное и совершенно новое для любителя словесности. Надобно предаться своему сердцу, любить изящное, любить тишину души, возвышенные мысли и чувства, одним словом, любить сладостный язык муз, чтобы чувствовать вполне красоту сих волшебных песней, которые предали потомству имена Петрарки и Лауры. Мы знали людей, которые смотрели холодными глазами на Аполлона Бельведерского; мы знали людей, которые никогда не трепетали от восхищения при чтении стихов Державина; и мы не удивляемся, что есть писатели, для которых слагатель мадригалов Дорат²⁰ и Петрарка — одно и то же. Часто умные люди отказывали ему в уважении! Ум не-

редко бывает тупой судия произведений сердца. Но для тех, которые любили хотя один раз в жизни, стоит только назвать Петрарку: они знают ему цену и чувствуют вполне прелесть поэзии, которая не раз отзывалась в их сердце. *Il cantar che nell'anima si sentel**

ПРИМЕЧАНИЕ. Я сделал открытие в итальянской словесности, к которому меня не руководствовали иностранные писатели, по крайней мере те, кои мне более известны. Я нашел многие места и целые стихи Петрарки в «Освобожденном Иерусалиме». Такого рода похищения доказывают уважение и любовь Тасса к Петрарке. Мудрено ли? Петрарка был его предшественником; он и Данте открыли новое поле словесности своим соотечественникам; беспрестанное чтение сих образцов, особенно певца Лауры, столь близкого сердцу чувствительного певца Танкреда и Эрминии, — это чтение врезало в памяти его многие стихи и выражения, которые он невольным образом повторил в своей поэме. Кто не знает прелестной оды: «*Chiare, fresche e dolci acque*» **, которой Вольтер подражал столь удачно, и неподражаемого эпизода Эрминии в VII песни «Освобожденного Иерусалима»? Нет сомнения, что Тасс имел в памяти стихи Петрарки, которые можно назвать сокровищем итальянской поэзии. Любовник Лауры обращается к Триаде, источнику окрестностей Авиньона ^{1*}, которого воды прохлаждали красавицу. На благовонных берегах его, освященных некогда присутствием единственной для него женщины («*che sola a me par donna*»), он желает, чтобы покоились его остатки. «Может быть, — говорит он, — может быть там, где увидела меня в благословенный день первого свидания, там любопытный взор ее будет меня искать снова и — увы! — прах один найдет, прах между камней рассеянный» и пр.

* Пение, которое в душе чувствуется! (итал.).

** Светлые, свежие и сладкие воды ²¹ (итал.).

^{1*} А не к Воклюзе, как полагали некоторые писатели.

От сих унылых мыслей поэт переходит снова к роскошному описанию Лауры, оставляющей студёные воды источника; облако цветов рассыпалось на красавицу — «*ed ella si sedea umile in tanta gloria*» *. Древность не производила ничего подобного. Самое рождение Венеры из пены морской и пришествие ее на землю, которая затрепетала от сладострастия, почувствовав прикосновение богини, не столько пленяет воображение. Но перейдем к Тассу. У него Эрминия, нашед убежище у пастырей, оплакивает вечную разлуку с Танкредом. Дочь царей, покрытая рубищем, но и в рубище прелестная и величественная, начертывает имя Танкреда на коре древних дубов и вязов и с ним всю печальную повесть любви своей. Сто раз перечитывает ее, и, проливая слезы, обращается к родам, немым свидетелям ее тоски: «Сокройте, сокройте в себе мою тайну, дружественные рощи! Может быть, верный любовник, когда-нибудь привлеченный прохладой теней ваших, с сожалением прочитает мои печальные приключения и, тронутый до глубины сердца, скажет: «счастье и любовь неблагодарностию воздали за толикие страдания и за примерную верность! Может быть — если небо внимает благосклонно усерднейшим молениям смертных — может быть в сии пустыни зайдет случайно и тот, который ко мне столько равнодушен, и, обращая взоры на то место, где будут покоиться мои бранные остатки, поздние слезы прольет в награду за мои страдания и верность».

Теперь увидим похищения. В оде, которая начинается: «*Nella stagion che'l ciel rapido inchina*» etc.** , Петрарка описывает пастушку, которая при закате солнца спешит в сельское убежище и там забывает усталость:

La noja e' l mal della passata vita ***.

Тасс в III песни «Иерусалима», воспевая торжественное пришествие крестовых воинов к священному граду, сравнивает их с мореплавателями, которые, открыв же-

* И она сидела кроткая в толикой славе (итал.).

** То время года, когда небо быстро наклоняет²² (итал.).

*** Тоску и боль прошедшей жизни²³ (итал.).

ланый берег, после бурь и трудов забывают опасности минувшие:

La noja, e'l mal della passata vita *.

В сонете «Zefiro torna e'l bel tempo rimena etc» **
Петрарка говорит, что весна все оживляет, поля улыбаются, небо светлеет; Зевес с радостью взирает на Киприду, милую дочь свою; воздух, вода и земля дышат любовью:

Ogni animal d'amar si riconsiglia ***

И у Тасса мы находим этот стих в садах Армиды:

Raddopian le colombe i baci loro,
Ogni animal d'amar si riconsiglia ****

Есть и другие похищения; но я не могу их теперь привести на память.

* Тоску и боль прошедшей жизни (итал.).

** Зефир возвращается и приводит прекрасное время года²⁴ (итал.).

*** Каждое животное любить вновь располагает²⁵
(итал.).

**** Удваивают голубки свои поцелуи,
Каждое животное любить вновь располагает
(итал.).

ХІІІ

ГРИЗЕЛЬДА

Повесть из Боккаччо

В давние времена старшим в роде маркизов Салуцких оставался, по смерти родственников своих, молодой *Гвальтиери*. Целые дни он проводил на псовой и соколиной охоте, был не женат, бездетен и вовсе не помышлял о супружестве. Впрочем, он был довольно благоразумен и особенно слыл таковым у женщин. Но это благоразумие не нравилось его подданным: они часто упрасивали его вступить в союз брачный. «Вам нужен наследник, а нам господин», — говорили добрые люди. Многие из них вызывались сыскать невесту от честного отца и матери, невесту, которая подавала бы о себе лестную надежду и со временем сделала его счастливейшим супругом. «Друзья мои, — отвечал им Гвальтиери, — вы принуждаете меня приступить к тому, что мне никогда не нравилось, на что я никогда не хотел решиться. Я знаю, как трудно сыскать женщину нам по сердцу и нравами и душою; знаю, что худой выбор делает несчастье целой жизни. Вы говорите, что можно положиться на доброту родителей и по нраву их судить о нраве дочери; вы заблуждаетесь, друзья мои! Как узнать совершенно отца? Как узнать тайные поступки матери? И, если бы отец и мать были люди совершенно честные, то кто, скажите мне, поручится, что дети их будут на

них похожи? Если же хотите, чтобы я непременно носил узы брачные и был доволен моим состоянием (по крайней мере на себя одного жаловался в случае неудачи), то предоставьте мне самому сделать выбор. Если супруга моя будет достойна вашей любви и уважения, я почту себя совершенно счастливым, что уступил просьбам вашим». Подданные отвечали, что на все согласны; только бы он не замедлил вступить в желанное ими супружество.

С давнего времени маркизу нравилась девушка, очень бедная. Она жила в соседстве его замка, в совершенном уединении; была довольно миловидна, и странному маркизу показалось, что он найдет с нею счастье. Отложив все поиски и расспросы, он решился без дальних размышлений предложить ей свою руку. Призвал отца ее — беднейшего из бедняков — и с ним ударил по рукам. Все дело приведено к концу, и Гвальтиери, созвав приятелей своих и подданных, сказал им: «Друзья! Вы желали, чтобы я женился; исполняю желание ваше, более в угождение вам, нежели себе. Вы обещали почитать супругу мою, каков бы ни был мой выбор: я сдержал мое слово — сдержите ваше. Объявляю вам, что здесь, в соседстве, нашел я себе невесту, обручусь с нею немедленно и введу ее в мой замок. Вы, с своей стороны, приготовьте богатый пир свадебный; придумайте, как лучше и достойнее принять супругу вашего владельца: одним словом, устройте все так, чтобы я был доволен вами, как вы моим выбором». Все в один голос отвечали, что выбор его будет им по сердцу, что они будут любить и уважать его супругу, каков бы она ни была происхождения. И весь дом засуетился: начали готовить великолепный пир свадебный. Гвальтиери пригласил множество приятелей, соседей и родственников: у богатых за друзьями дела не станет. Наконец призы-

вает к себе горнишную девушку, росту одинакого с будущею невестою, и велит кроить по ней платье пышное и уборы великолепные. Кроме того приготовлено всякой всячины; множество поясов богатых, колец изумрудных, серег яхонтовых и венец брачный: одним словом, все, что нужно для молодой. Настал условный день, и маркиз, приведя все дела в порядок, сел на коня и сказал приближенным: «Государи мои, пора нам отправиться за невестою». И все поскакали веселою вереницею в то селение, где жил отец нареченной. Она стояла у колодца и спешила вытаскивать ведра, надеясь с подругами идти навстречу маркизовой свадьбе, которая приближалась ближе и ближе к селу. Гвальтиери называет ее по имени, *Гризельдою*, потом спрашивает: «Где отец твой?» — «Дома», — отвечала она и покраснелась, как алый мак. Гвальтиери слезает с коня, приказывает толпе ожидать себя на улице, а сам идет прямо в низкую хижину бедного Жианукола. «Я приехал за Гризельдою, но, прежде всего, хочу поговорить с нею в твоём присутствии. Нравлюсь ли я? Если так, то будет ли она во всю жизнь угождать мужу своему, никогда не огорчаться поступками его и повиноваться малейшей воле его?». Гризельда, потупя глаза, отвечала: «Буду, без сомнения!». Гвальтиери, довольный ответом, берет ее за руку и при всей толпе провожатых и челяди своей раздевает и наряжает в великолепные брачные одежды, а на волосы, которые одна природа до сих пор убирала, торжественно надевает венец брачный. Все удивились. «Друзья, — отвечал он, — вот та девица, которую желаю иметь супругою, та, которая согласна жить и умереть со мною». Потом, оборотясь к Гризельде (а она от стыда и радости света божия не видела): «Правду ли я говорю, Гризельда? Желаеть ли ты быть моею женою?» — «Желаю, государь». Дело сделано, и

обряд к концу. По выходе из церкви посадили ее на богатого коня и с великою честью проводили в замок. Пир был истинно великолепный, как будто маркиз сочтался с дочерью короля французского; а новобрачная, к удивлению всех, с нарядом переменяла нрав, поступь и душу. Мы сказали уже, что она была статного роста, пригожа и миловидна; а наряды еще более придали блеску красоте ее. Она так умела пленить каждого обхождением, учтивостию, сердечною добротою, что все забыли в ней дочь убогого Жианукола, пастушку овечек, и считали за дочь какого-нибудь знатного принца. Все, ее знавшие в первобытном состоянии, не могли надивиться. Кротость ангельская, послушание чудесное делали мужа ее счастливейшим из всех мужей.

Одним словом, с подчиненными и подданными она обходилась так ласково, тихо, милостиво и приветливо, что каждый полюбил ее, как душу. Все говорили заодно, даже и те, которые сей выбор сперва оуждали, что Гвальтнери поступил очень благоразумно, что он самый проникательный человек; ибо мог открыть под сельским, бедным рублищем столько доброты, столько прелестных качеств! И не только в маркизстве Салуцком, но повсюду Гризельда умом и поведением оправдала странный поступок мужа своего. В течение первого года она обрадовала его рождением прелестной дочери. В замке по этому случаю был праздник великолепный.

Но маркизу вздумалось испытать ангельский нрав и терпение супруги труднейшими, жесточайшими опытами. Сперва начал он оскорблять ее речами, потом, приняв на себя вид печальный и смущенный, сказал ей однажды, будто подданные его начинают роптать за то, что он избрал в супруги бедную девушку низкого состояния — а более еще потому, что она родила дочь, а не сына. Не изменяясь нисколько ни в лице, ни в голосе: «Делай что

хочешь, государь, — отвечала оскорбленная, — делай то, чего требует честь, польза и слава имени твоего. Я всем буду довольна; ибо не забываю, что была последнею из слуг твоих; не забываю того, что ты для меня сделал — для меня, бедной девушки!». Такой ответ очень понравился маркизу. Но, несколько дней спустя, он объявил ей снова, что подданные его не могут более терпеть его дочери... и удалился. Вскоре является один из вернейших слуг его и с слезами на глазах начинает говорить: «Простите, государыня... но я под смертным страхом должен исполнить то, что мне приказал супруг ваш... Он велел мне взять младенца вашего, и...»

И не мог сказать более. Несчастливая мать, услыша сии несвязные речи, соображая их с тем, что говорил маркиз, вмиг на мрачном лице служителя прочтала участь невинного младенца; бросилась к колыбели, поцаловала дочь свою, благословила с сердцем, исполненным жесточайшей горести, и, не изменяясь нимало в лице, вручила ее служителю. «Исполни то, что предписал тебе господин наш; но, умоляю тебя, не отдавай ее на жертву диким зверям... если тебе это не предписано!» Служитель взял младенца на руки и скрылся. Гвальтиери, сведав от него, каким образом Гризельда исполнила строгое приказание, удивился ее твердости, но намерения своего не отложил. С верным служителем он немедленно отправил дочь свою в Болонию, к ближайшей родственнице своей, которую умолял дать ей воспитание отличное, но никому ни под каким видом не объявлять о ее рождении.

В скором времени Гризельда снова сделалась матерью и даровала жизнь прекрасному мальчику. Отец, принимая на руки новорожденного, был вне себя от радости: но не довольствуясь первым опытом, снова жесточайшим терзанием решился испытать сердце несчастной суп-

руги своей. «Подданные мои, — сказал он однажды, — еще более оскорблены с тех пор, как ты утешила меня сыном; они с ужасом помышляют о том, что внук бедного пастуха — отца твоего — будет их господином. Если я не удалю тебя и не возьму другой жены, то они выгонят меня из областей моих». С терпением и покорностью Гризельда выслушала слова супруга своего. «Устройте все ко благу вашему; обо мне же не заботьтесь нимало, государь! В вашем счастье заключается мое благополучие». Через несколько дней Гвальтиери послал за новорожденным и велел сказать матери, что ему готовится одинакая участь с прежним младенцем; а сам тайно отправил его в Болонию к прежней родственнице. Великодушная Гризельда перенесла эту потерю с прежнею твердостью, без слез и роптания, и в глубине сердца своего утаила несказанную горечь матери. Гвальтиери удивился. «Нет! — повторял он сам себе, — ни одна женщина не может сравниться с нею!»

Подданные думали, что маркиз велел умертвить детей своих: все оуждали его поступок, называли его жестоким отцом и без жалости не могли смотреть на бедную мать. Женщины, ее окружавшие, часто плакали и сокрушались при ней об участи невинных малюток, и она всегда говорила им: «Не плачьте, милые подруги; вспомните, что так угодно было отцу их».

Прошло несколько годов со времени рождения дочери. Маркиз задумал сделать последний опыт и объявил своим приближенным, что не хочет иметь супругою Гризельду, что он по молодости лет обручился с нею; наконец, признался, что поступил очень безрассудно, а чтобы загладить проступок свой, решается просить папу о разводе и позволении обручиться с другою. Все осуждали намерение маркиза, но он был непоколебим.

Гризельда вскоре об этом услышала. Возвратиться в бедный дом отца своего, снова сделаться пастушкой овец, видеть супруга своего, до сих пор страстно обожаемого, в объятиях другой жены... Все это терзало, раздирало ее душу. Но она решилась перенести последние удары судьбы с прежнею твердостью, с прежним великодушием. Вскоре прибыло из Рима разрешение папы (оно было подложное), и маркиз его обнародовал. Призывают Гризельду, и в присутствии многочисленной толпы жестокосердый Гвальтиери говорит ей: «Вот разрешение папы на другой брак. Я должен отвергнуть тебя. Ты знаешь, что многие из подданных моих дворян — знатные и сильные владельцы; они сами имеют своих подданных; а твои родители всегда были землепашцами... Тебе нельзя быть супругою маркиза Салуцкого! Возвращаю тебе приданое твое и тебя — отцу твоему: я избрал себе другую в супруги».

Гризельда превозмогла всю горечь оскорбленной женщины и, сляясь удержать слезы и рыдания, сказала голосом довольно твердым: «Я помню мое низкое происхождение, неприличное вашему знатному роду; помню, что по милости бога и вашей, государь, я была возведена на столь высокую степень, и что все мое счастье было временное! Мое дело повиноваться слепо воле господина моего. Вот обручальное кольцо: возьмите его; но позвольте мне возвратиться к отцу моему в той одежде, в которой прибыла я в замок. Вам нечего возвращать мне: ни золота, ни серебра, никаких сокровищ я не принесла в приданое; вы взяли меня нагую, и, если мать детей ваших должна нагая возвратиться к престарелому отцу своему, — то она исполнит волю вашу. Но именем любви и непорочности заклинаю вас, государь, дайте, ах! дайте мне хотя одно покрывало... последнюю защиту стыдливости».

Гвальтиери, почти тронутый до слез, старался сохранить суровый и строгий вид. «Согласен на покрывало, — сказал он, — но... более ничего!». Все приближенные умоляли его дать ей по крайней мере одно платье. «Как? — говорили они, — супруга маркиза Салуцко, наша старая госпожа, явится полуобнаженною посреди улицы, как нищая, как преступница, как самая последняя из женщин!..» Напрасные просьбы! Полуобнаженная, без обуви, без покрова на голове, с распущенными волосами, заливаясь горькими слезами, она вышла из замка и, сопровождаемая рыданиями слуг и женщин, с зардевшимися от слез глазами явилась к несчастному отцу. Жиануколо никогда не хотел верить, что дочь его останется маркизою; он с трепетом ожидал судьбы, ее постигшей, и свято сохранил рубища, оставленные ею в бедном быту его. С слезами возвращает их дочери. Она, великодушная до конца, презирая судьбу, несправедливую и жестокую, спокойно принимается за прежние труды сельские, в дому отеческом.

Между тем маркиз немедленно объявляет, что сватает за себя дочь славного графа Панагского, готовится великое торжество и посылает за Гризельдою. «Скоро будет в замок моя невеста, — говорит ей Гвальтиери, — я желаю принять ее с великими почестями. Ты знаешь, что в замке ни одна женщина, кроме тебя, не умеет убирать покоев и учреждать порядка, для великого торжества приличного. На тебя возлагаю эту обязанность. Учреждай, повелевай всем: пригласи заблаговременно женщин, каких тебе угодно; угощай, принимай их как хозяйка и потом — можешь возвратиться в свою хижину». Каждое слово, как острая игла, кололо чувствительное сердце Гризельды; ибо она не преставала обожать неблагодарного супруга. «Я на все готова», — отвечала страдалица; и, в сельском рубище, прежняя

повелительница замка начала убирать покои, расставлять по залам креслы, расстилать ковры узорчатые, готовить стол и все, что было потребно, — как будто бы она была простая служанка или ключница. Одним словом, она рук не опускала, пока все не было кончено и распорядено от важной вещи до последней безделки. Гости приглашены, все готово в ожидании веселого пира. И вот настает день свадебный. Гризельда в рубище, но с лицом веселым и приветливым угощает наехавших жен и девиц боярских, как добрая, домовитая хозяйка. Гвальтиери тайно посылает в Болонию к супругу родственницы своей графини Панагской, у которого в доме воспитывались его дети; приглашает его в замок свой с тем, чтобы он и графиня привезли с собою детей его и множество гостей почетных, но никому не объявляли о его намерении. Дочери маркизовой минуло двенадцать лет: она была красоты чудесной, а шестилетний брат ее походил на нее совершенно.

Граф Панагский, окруженный бесчисленною толпою гостей почетных, с сими прелестными детьми пустился в путь и через несколько дней прибыл благополучно в Салуццо, где собрались все жители деревень, сел и городов соседних: все ожидали с нетерпением нареченной невесты.

Приемная зала открылась, и невесту встретили с чрезвычайными почестями и церемониями. Гризельда вышла навстречу и, поклонясь ей низко, примолвила: «Добро пожаловать, государыня!». Все барыни и девицы, идя к столу, упрашивали маркиза удалить прежнюю жену, или, по крайней мере, дать ей приличное платье. Маркиз не согласился.

В столовой взоры всех обратились на невесту: все превозносили ее до небес, а иные шептали друг другу: «Маркиз наш сделал выгодный обмен!» Сама Гри-

зельда стояла, как очарованная, и невольно дивилась красоте девушки и малолетнего брата.

Наконец желания маркизовы были удовлетворены в полной мере. Он испытал всю силу терпения Гризельды; он уверился, что ничто, никакое испытание не может поколебать сей твердой души; что вперед может положить на нее всю надежду свою. Он решился облегчить свинцовое бремя печали, которую она силилась таить во глубине сердца своего. Но пронизательный супруг легко угадывал ее грусть на лице, в самом голосе. При всем собрании гостей велит он ей приблизиться и с колкою улыбкою повторяет: «Понравилась ли тебе моя невеста?» «Ах, как не понравиться, — отвечала Гризельда, — и если она столько же благоразумна, сколько пригожа, то вы будете счастливейшим супругом! Но... умоляю вас, государь, не терзайте ее, как прежнюю жену: она не перенесет таких мучений. Прежняя супруга ваша от самой юности была знакома с горем и трудами, а эта, вы сами видите, как еще молода и как нежно воспитана».

Гвальтиери с радостью заметил, что Гризельда находилась в обмане и нимало не изменялась в доброте сердечной, подвинул стул и посадил ее возле себя. Она затрепетала.

«Гризельда, — сказал маркиз по некотором молчании, — пора тебе собрать плоды терпения твоего; пора открыть глаза тем, которые полагали, что я жесток и неправосуден. Я достиг моей цели; я научил тебя нести тяжелый крест супружества и быть во всем примерною женою; подданных научил уважать твои редкие качества и вперед не нарушать нашего покоя. Вот вся цель моих испытаний. В награду за любовь твою, которую ты мне доказала и словом и делом, бесценная Гризельда! в награду за счастье мое, которого ты была и будешь

единственной виновницею, я отдаю все, что похитил у тебя, и все раны сердца одним словом исцеляю навеки. Вручаю ту, которую ты называла моею невестою, вручаю брата ее... они твои — они дети наши, а я снова твой супруг, счастливейший из смертных!»

Маркиз, обняв ее с восхищением, цаловал с необыкновенною нежностью и, растроганную, утопающую в слезах, повел к удивленной дочери: все были в удивлении неопisanном. Женщины в радости подхватили Гризельду под руки и повели в особенную комнату, сняли рубище, надели великолепное платье и торжественно проводили в залу.

Начался пир веселый. Все были в радости. Каждый выхвалял маркиза, называл его мудрым, проникательным, а Гризельду до небес превозносили. Наконец и гости разъехались. Послали за бедным Жиануколом. Он был принят в замке с почестями и уважением, как тесть богатого владельца, и в объятиях дочери своей кончил счастливую старость. Маркиз не переставал обожать свою Гризельду и был, конечно, счастливейший супруг и отец во всей Италии.

Теперь вы согласитесь со мною, друзья мои, что в хижине мы чаще встречаем небесные дарования, то есть добродетель, честность и терпение, нежели в палатах и теремах великолепных. Часто в лачуге таится тот, кто бы достоин был сиять в короне и повелевать людьми; а в палатах... но оставим это! Спрашиваю только, кто сравняется в терпении с Гризельдою? Кто, подобно ей, перенесет с лицом спокойным, даже веселым, жесточайшие, неслыханные испытания, каким подвергнул ее Гвальтиери? . .

XIV

О ЛУЧШИХ СВОЙСТВАХ СЕРДЦА

Масье¹, воспитанник Сикаров², на вопрос: «Что есть благодарность?» отвечал: «Память сердца». Прекрасный ответ, который еще более делает чести сердцу, нежели уму глухонемого философа. Эта память сердца есть лучшая добродетель человека, и не столь редка, как полагают некоторые строгие наблюдатели. «Человек добр по природе», — кричал женеvский мизантроп³ — и клеветал общество, следственно, клеветал человека, ибо он создан жить в обществе, как муравей, как пчела: все его добродетели относительны к ближнему и отвлеченно от оногo существовать не могут, как рука, отделенная от тела. «Человек есть создание злое», — говорят другие моралисты и приводят множество свидетельств о разврате и злобе сердца нашего; но я не верю им и не могу верить, чтобы общество походило на скопище свирепых зверей. Живут ли тигры вместе? Строят ли города? Нет. Ясное доказательство, что злоба не связывает, но разлучает. Кто живет в обществе? Незлобные создания: голубь, муравей, бобр, умный слон, и каждое из сих созданий имеет какое нибудь качество, которое украшает человека и есть одно из незыблемых оснований общежительности.

Первый наш долг: благодарность к творцу. Но для исполнения его надобно начать с людей. Провидению

угодно было связать чрез общество все наши отношения к небу. Быть виновником бытия не есть достоинство перед богом и людьми; но принять младенца из рук матери в минуту его рождения, от колыбели до зрелых лет служить ему защитою и опорою, передать ему в наследие имя, звание, сокровища, землю, праотцами возделанную: вот обязанность отца. Благодарность есть обязанность детей. На подобных взаимных обязанностях основано все благосостояние общества. Все основания его суть добро, и чем более добра, тем тверже его основание, ибо одно добро имеет здесь прочность и постоянность. Зло есть насильственное состояние. Под шумом ли бури или при сладостном сиянии солнца зреют нивы? Как сила плодородия имеет свое основание в теплоте, так сила гражданственности основана на добре.

Многие умы наблюдали человека в одном тесном кругу, в котором действовали сами. Ларошфуко⁴, остроумнейший из писателей остроумного века, основал мораль свою на подобных наблюдениях. Но я спрашиваю: если бы натуроиспытатель глядел на муравья во время его странствования за былинкою или за зерном, наблюдал его ссоры с товарищами, а забыл заглянуть в огромное гнездо, где все имеет вид порядка, стройности, где все части относятся совершенно одна к другой и составляют прекрасное целое, то какое произнес бы он суждение о трудолюбивом насекомом? Вот, что сделал Ларошфуко, говоря о человеке и наблюдая за ним в прихожей Тюльерийского замка. Но прихожая не есть вселенная, и человек придворный не есть лучший из людей.

Впрочем, меня никто не уверит, чтобы чувство благодарности было следствием нашего эгоизма, и я не могу постигнуть добродетели, основанной на исключительной любви к самому себе. Напротив того, добродетель есть пожертвование добровольное какой-нибудь выгоды; она

есть отречение от самого себя. Есть добродетели уму принадлежащие, другие — сердцу; благодарность, лучшая из наших добродетелей, или, вернее, отголосок многих душевных качеств, принадлежит сердцу. «Ты мне сделал добро: следовательно, я тебя люблю», — так говорит благородное сердце. Эгоист иначе: «ты мне сделал добро; но будешь ли мне делать добро и впредь? добро, тобою сделанное, не требует ли пожертвований с моей стороны?» Вот слова эгоиста; они совершенно противны благодарности, которая тем прелестнее, тем святее, чем менее рассуждает, чем менее торгуется с пользою личною и более предается одному сердечному движению.

Сердца, одаренные глубокою или раздражительною чувствительностию, часто не знают середины; для них все есть зло или добро: видят совершенный порядок в обществе — или отсутствие оногo, скорее последнее. Чувствительный человек, страдавший в течение всей жизни, делается наконец мизантропом и убегает в дремучие леса от взоров людей неблагодарных. Там возносит он клеветы на все человечество, оскорбившее его сердце, и в гневе своем забывает, что он сам есть человек, то есть создание слабое, доброе, злое и неразсудительное; луч божества, заключенный в прахе; существо, поработенное всем стихиям, всем изменениям нравственным и физическим. Но пусть мизантроп приведет себе на память всю жизнь свою от колыбельных дней до той страшной эпохи, когда сердце его воскликнуло в гневе: «человек зол и люди подобны тиграм!», пусть приведет он на память и младенчество, и юношество, и зрелый возраст, в котором воля и рассудок начинали заглушать голос страстей; пусть он спросит себя: «Или я не нашел добрых и честных людей в течение целой жизни? Или я лучше и добрее всех людей, имею все

добродетели и все качества, и чужд страстей, и чужд всего низкого и порочного?» — «Нет, — скажет ему рассудок и опыт, — и ты человек, и ты заплатил человечеству дань пороков, слабости и страстей; ты не ангел, ты и не чудовище». Опыт и рассудок показывают нам редкие добродетели, и часто в сердце порочном наблюдатель чудес нравственных с неизъяснимою радостью открывает яркие лучи душевной доблести: великодушие, сострадание, презрение к корысти и тысячу прелестных качеств, которые примиряют его с порочным и с небом, создавшим человека не для одних преступлений.

Кто из нас, отложив все предрассудки и все предубеждения, не сосчитает несколько примерных людей, утешивших собою человечество? Не станем искать героев добродетели в истории; поищем их вокруг себя — и найдем, конечно! Курций бросился в пропасть, но Рим на него смотрел. Леонид обрекает себя смерти, но все отечество (и какое отечество? Спарта!) об нем в страхе и надежде. Долгорукий⁵ раздирает роковую бумагу в присутствии разгневанного монарха; но он совершает подвиг свой в сенате, окруженный великими людьми, достойными его и первого владыки в мире. Прекрасные подвиги, достойные подражания и слез удивления — недокупных, сладостных, божественных слез! Теперь спрашиваю: если мы удивляемся великим делам на великом поприще, если веруем добродетели, твердости душевной, бескорыстию в великих обстоятельствах, то почему не веровать им в малых? Добродетель под спудом не есть ли добродетель? Бедный, который делится последними крохами с нищим; сестра милосердия, в душевной больнице стоящая с сосудом врачевания при ложе врага ее отечества; смелый и человеколюбивый врач, испытующий свое искусство и терпение в дальней хижине дровосека, без свидетелей своего доброго дела, кроме одного в не-

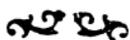
бесах и другого в груди своей, — все эти люди, обреченные забвению, не суть ли добродетельные люди? И тот, кто беспристрастно рукою начертывает имена их в книге судеб, не напишет ли их наряду с именами Говарда⁶, Лас Казаса, Еропкина⁷ и других людей, которых добродетель и человечество называют *своими*. Монтань заметил справедливо⁸, что лучшие подвиги храбрости теряются в неизвестности: один похищает знамя, — имя его гремит в рядах; но сотни неустрасливых погибли перед ним и кругом его. . . Перенесите сей порядок в мир нравственный. Лас Казас спасает любезных своих американцев от рабства, — он бессмертен. Бедный миссионер в снегах канадских бродит из шалаша в шалаш, из степи в степь; окруженный смертию, проповедует бога и утешает страждущих: каких? Семейю дикого или изгнанника, живущего на неизвестном берегу безымянной реки или озера. Сей смиренный воин Христа не есть ли великий человек в полном нравственном смысле? Но к чему нам переноситься в дальняя страны? Здесь, кругом нас, кто не испытал, что есть добрые люди, что в обществе есть добродетели редкие, посреди страстей, посреди разврата и роскоши: одно злое сердце может в них сомневаться; одно жестокое сердце не находило сердец нежных,

И в странах отдаленных и в дебрях, не знакомых взорам человека, рождаются цветы: на диких берегах Амура, среди мхов и болот выходит прелестный цветок, до сих пор не известный любопытному испытателю природы; медленно распускается он под кротким веянием летнего ветерка; наконец, украшение пустыни, цветок увядает:

*В пустынном воздухе теряя запах свой!*⁹

Но семена его, падая на землю, расцветают с первою весною в новой красоте, в новом убранстве. Вот истин-

ная эмблема сей добродетели, не известной человекам, но не потерянной для человечества; ибо ничто доброе здесь не теряется, подобно как ни одна былинка в природе: все имеет свою цель, свое назначение; все принадлежит к вечному и пространному чертежу и входит в состав целого в нравственном мире. В роскошном Париже, в многолюдном Лондоне и Пекине та же самая сумма или то же количество добра и зла, по мере пространства, какое и в юртах кочующих народов Сибири или в землянках лапландцев. Добродетельный старец (Мальзерб)¹⁰ защищает монарха, покинутого друзьями, родственниками, дворянством, целым народом; он защищает его под лезвием мечей, при проклятии озлобленных тиранов (но в виду вселенной, и, так сказать, в присутствии потомства). В ту же самую минуту — сделаем сие предположение — лапландец пробегает на лыжах необъятное пространство в трескучий мороз, посреди ужасной вьюги: зачем? чтобы принести несколько пищи бедному семейству друга своего, утешить больную вдову и спасти от явной смерти грудного младенца. Мальзерб и лапландец равны перед тем, кто их создал, равны перед лицом добродетели и правосудия небесного: оба жертвуют жизнью для доброго дела.

XV

НЕЧТО О МОРАЛИ,

основанной на философии и религии

Есть необыкновенная эпоха в жизни; иные ранее, другие позже испытали мучение и сладость, ей особенно свойственные. Я хочу говорить о том времени, в которое человек, посредством опыта и страстей, получает новое нравственное существование; когда, разодрав завесу сомнений, он открывает новое поприще, становится на новый рубеж, озирает с него протекшее и будущее, сравнивает одно с другим и решается протекать остальное поприще жизни с светильником веры или мудрости, оставляя за собою предрассудки легкомыслия, суетные надежды и толпу блестящих призраков юности.

Скоро и невозвратно исчезает юность, это время, в которое человек, по счастливому выражению Кантемира, *еще новый житель мира сего*¹, с любопытством обращает взоры на природу, на общество и требует одних сильных ощущений; он с жаждою пьет тогда в источнике жизни, и ничто не может утолить сей жажды: нет границы наслаждениям, нет меры требованиям души, новой, исполненной силы и не ослабленной ни опытностью, ни трудами жизни. Тогда все делается страстию, и самое чтение. Счастлив тот, кто найдет наставника опытного в оное опасное время, наставника, коего попечительная рука отклонит от порочного и сует-

ного; счастлив тот еще более, кого сердце спасет от заблуждений рассудка: ибо в юности сердце есть лучшая порука за рассудок. Одна опытность дает рассудку и силу и деятельность. Во время юности и огненных страстей каждая книга увлекает, каждая система принимается за истину, и читатель, не руководимый умом, подобно гражданину в бурные времена безначалия, переходит то на одну, то на другую сторону. Сомнение не существует и не может существовать; ибо оно уже есть следствие сравнения, для которого нужны понятия, целый запас воспоминаний. Те моралисты, которые говорят сердцу, одному сердцу; те политики, которые нападают софизмами на все предрассудки без изъятия и поражают зло стрелами или палицею железного человека^{1*2}, невзирая ни на лица, ни на условия и законы общества, суть самые опаснейшие. Блеск остроумия исчезает; одно убедительное красноречие страстей, им возбуждающее их³, оставляет в сердце сии глубокие следы, часто неизгладимые^{2*}.

Но время чтения исчезает; ибо пресыщенное любопытство утомляется. За сим следует непосредственно эпоха сомнений. Сомнение мучительно; оно есть необыкновенное состояние души и продолжительно не бывает. Надобно решиться мыслящему человеку принять светильник мудрости (той или другой школы); надобно запастись мудростию человеческою или небесными утеше-

^{1*} Смотри мечтания Мерсье под названием: «L'an 2440».

^{2*} Вот почему чтение Вольтера менее развратило умов, нежели пламенные мечтания и блестящие софизмы Руссо: один говорит беспрестанно уму, другой сердцу; один угрождает суетности и скоро утомляет остроумием; другой никогда не может наскучить, ибо всегда пленяет, всегда убеждает или трогает: он во сто раз опаснее.

ниями, ибо он видит, он чувствует, что для самой ограниченной деятельности в обществе надлежит иметь несколько постоянных нравственных истин в опору своей слабости. К несчастью, — или к счастью, может быть, ибо кто изведал все пути промысла? — мы живем в печальном веке, в котором человеческая мудрость недостаточна для обыкновенного круга деятельности самого простого гражданина; ибо какая мудрость может утешить несчастного в сии плачевные времена и какое благородное сердце, чувствительное и доброе, станет довольствоваться сухими правилами философии или захочет искать грубых земных наслаждений посреди ужасных развалин столиц, посреди развалин еще ужаснейших — всеобщего порядка и посреди страданий всего человечества, во всем просвещенном мире? Какая мудрость в силах дать постоянные мысли гражданину, когда зло торжествует над невинностью и правотою? Как мудрости не обмануться в своих математических расчетах (ибо всякая мудрость человеческая основана на расчетах), когда все ее замыслы сами себя уничтожают? К чему прибегает ум, требующий опоры? К каким постоянным правилам или расколам древней или новой философии? По какой системе расположить свои поступки, связанные столь тесно с ходом идей политических, превратных и шатких? И что успокоит его? Какие светские моралисты внушат сию надежду, сие мужество и постоянство для настоящего времени, столь печального; для будущего, столь грозного? Ни один, смело отвечаю: ибо вся мудрость человеческая принадлежит веку, обстоятельствам. Она подобна тем нежным растениям, которые прозябают, цветут и украшаются плодами под природным небом; но в земле чуждой, окруженные несвойственными растениями, при веянии малейшего ветерка, скудеют листьями и вянут беспрестанно. Сла-

бость человеческая неизлечима, вопреки стойкам, и все произведения ума его носят отпечаток оной. Признаемся, что смертному нужна мораль, основанная на небесном откровении, ибо она единственно может быть полезна во все времена и при всех случаях: она есть щит и копье доброго человека, которые не ржавеют от времени.

И к чему все опыты мудрости человеческой? К чему советы и наблюдения зоркого разума? Достаточны ли они для человечества вообще и для человека частно во время его странствования по бурному морю жизни? К чему, например, сельскому жителю вся мудрость и опытность Дюкло⁴? К чему тонкие замечания Ларошфуко, которого книга, по словам и самих светских людей, сушит сердце? К чему все эти истины, основанные на ложных понятиях? Ибо для мудрецов сих и дружба, и любовь, и чувство сына к отцу, и нежнейшее чувство матери к своему рождению: одним словом, благодарность, бескорыстие и все, что человечество имеет драгоценного, прекрасного, великого, все позывы великой души, все невольные движения и тайные пожертвования благородного сердца, — все есть следствие *корысти*.

Другие светские моралисты повторяли одни и те же мысли, или (например Гельвеций) давали им обширнейшее распространение, но вечно ложное^{1*}. Они опечалили человечество, они ограбили его, сии дерзкие и суетные умы: ибо что говорили они? *Будь счастлив по нашим правилам*. Согласен, следую им слепо; но я все не доволен ни судьбою, ни сердцем своим. Что же мне

^{1*} Число понятий моральных и политических — говорит Ансильон⁵ — весьма ограничено; вообще мало понятий в обращении. Каждое поколение выбивает монету или, лучше сказать, переменяет только штемпель, а металл все тот же.

остается? — Терпение, отвечали они, и отсылали нас к стойкам.

Вот в чем совершенно заключается вся нравственная теория новейших мечтателей, которую опроверг другой мечтатель^{1*}, отступник от веры, отступник от философии. Ни слова в утешение; ибо где обрести его? В совети! — кричали они. — Согласен; но кто утешит эту мать, прижавшую к груди своей трепетного младенца, бегущую из столицы, объятай пламенем? Кто утешит этого отца, супруга, который под развалинами дома своего оставляет все, что имел: и детей, и жену, и все блага жизни, все надежды свои? Здесь совесть будет существо отрицательное. Она будет спокойна у невинного страдальца, но слезы его прольются на прах разрушенного счастья. . . взоры его обратятся к небу; там найдет он ответ на вопросы отчаянного сердца или оно погибнет: здесь нет середины.

Стойческая система ложна, ибо мораль ее основана на одном умствовании, на одном отрицании; она ложна потому, что беспрестанно враждует с нежнейшими обязанностями семейственными, которые основаны на любви, на благоволении. Пусть будет она лучшая из древнейших систем: ибо она внушает человеку твердость, мужество, постоянство, без которых нет добродетели; ибо она указывает смертному высокую цель и бога на конце поприща жизни, проведенной в правде, в трудах, в отрицании самого себя; но сердцу — она ничего не сказывает. Все моральные истины должны менее или более к нему относиться, как радиусы к своему центру, ибо сердце есть источник страстей, пружина морального движения. Ум должен им управлять; но и самый ум (у людей счастливо рожденных) любит отдавать ему отчет, и

^{1*} Руссо.

сей отчет ума сердцу есть то, что мы осмелимся назвать лучшим и нежнейшим цветом совести^{1*}. Есть другой род моралистов: они принадлежат к школе Эпикуровой (новейшие те, которые не руководствовались истинами Откровения и повторяли только сказания древних)^{2*}. Французские писатели осьмогонадесять века большею частию расположили мораль свою по учению сего мудреца; они желали распространить ее влияние на все состояния, на все случаи жизни, могущие постигнуть человека в обществе. Система Эпикурова заключается в следующем предложении: «Человек не может возвыситься до существа верховного; его склонности беспрестанно противоречат закону; он влечется невольно к видимым благам и ищет в них благополучия, даже в вещах самых гнуснейших. Итак, все неверно: истинное благо подлежит сомнению, и это ведет нас к познанию, что не можно иметь постоянного правила для нравов, ни точности в науках». Монтань, великий защитник сего, представляет нам стоическую добродетель в виде ужас-

^{1*} Вот в чем заключали все учение стоики: «Есть бог, следственно, он создал человека. Он создал его для себя, создал таковым, чтобы он соделался правосудным и счастливым на земли; следственно, человек может познать истину и может посредством мудрости своей возвыситься до бога, который есть верховное благо». Мы приглашаем прочитать опровержение Монтаня системы Эпиктетовой⁶ и Паскалево опровержение Монтаня и Эпиктета⁷. Христианский мудрец сравнивает обе системы; заставляет бороться Монтаня с Эпиктетом и обоих поражает необоримыми доводами.

^{2*} «Во всем, — говорит Монтань (если не ошибаюсь), — мы влечемся по следам древних, как малые дети за школьным учителем на гулянье». В недавнем времени в Германии воскресили всю мечтательную философию Платона под другим именем⁸.

ного пугалища; а свою науку называет игривою, чисто-сердечною, простою и проч. Следуя тому, что ей нравится, говорит он, играет она небрежно с дурными и счастливыми случайностями жизни, покоится сладостно на лоне праздности, откуда показывает людям путь к истинному на земле благополучию. Неведение и нелюбопытство, — восклицает он, — вот два мягкие изголовья для головы счастливо образованной!

Убежденная в сей истине толпа философов-эпикурейцов, от Монтаня до самых бурных дней революции, повторяла человеку: «Наслаждайся! Вся природа твоя, она предлагает тебе все сладости свои, все упоения уму, сердцу, воображению, чувствам; все, кроме надежды будущего, все твое, — минутное, но верное». Но где же сии сладости, сии наслаждения непрерывные, сии дни безоблачные, сии часы и минуты, сотканые усердно Паркою из нежнейшего шелка, из золота и роз сладострастия? где они, спрашивает сластолюбивый в тишине страстей своих. Где и что такое эти наслаждения, убегающие, обманчивые, непостоянные, отравленные слабостию души и тела, помраченные воспоминанием или грустным предвидением будущего? К чему ведут эти суетные познания ума; науки и опытность, трудом приобретенные? Нет ответа, и не может быть!

Заглянем в самое сердце человека просвещенного и счастливого по понятиям мира. Например: кто был просвещеннее и счастливее Горация и кто страдал, подобно ему? Природа лелеяла его, как любимое дитя свое. Мы знаем его жизнь. Судьба, испытавшая его в юности, осыпала всеми дарами и славы и богатства в зрелые лета. Дружество Августа и Мецената, наслаждения роскошного двора, общее уважение к великому таланту, здоровье неизменяющее, друзья, любезные сердцу и уму и в верности подобные благосклонной фортуне, преле-

стные женщины, готовые увенчать миртами любимца монархова и муз, и, что всего лучше, мудрость, удовлетворительная для всех случайностей счастья, мудрость, которая открыла золотую середину во всех вещах, истинный философский камень. Чего бы не доставало? Но счастливец, при всех дарах фортуны, при всей философии, скучал; ибо сердце человеческое имеет некоторый избыток чувств, который нередко бывает источником живейших терзаний. Наслаждение нас съедает⁹, говорит Монтань; сердце скоро пресыщается. «Юноша, наливающий фалернское, дай горького!» восклицает Катулл, увенчанный розами, пресыщенный на пиршестве:

Minister vetuli, puer, Falerni
Inger'mi calices amariores*.

Так создано сердце человеческое, и не без причины: в самом высочайшем блаженстве, у источника наслаждений, оно обретает горечь. И это испытал Гораций. Нигде не мог он найти спокойствия: ни в влажном Тибуре, ни в цветущем убежище Мецената, ни в граде, ни в объятиях любовницы, ни в самих наслаждениях ума и той философии, которую украсил он неувядаемыми цветами своего воображения; ибо если науки и поэзия услаждают несколько часов в жизни, то не оставляют ли они в душе какой-то пустоты, которая охлаждает нас к видимым предметам и набрасывает на природу и общество печальную тень? ^{1*}.

* Служитель-мальчик, принеси мне чаши

С более горьким старым Фалернским ¹⁰ (лат.).

^{1*} «В Египте я знал жреца, который, истощив всю жизнь свою на познание начала и конца вещей мира сего, сказал мне с глубоким вздохом: — Горе тому, кто захочет снять покрывало с лица природы! Горе

Где же истинное блаженство? Увидим далее. Мы испытали, что эпикурейцы не обрели его за чашею наслаждения, ни стойки в бесстрастии и в непреклонной суровости нравов (ибо человек создан любить). Никто не нашел блаженства: ни умный, ни сильный, ни богатый в чертогах, ни бедный в хижине своей; ибо и тот, кто блистает в пурпуре, и тот, кто таил всю жизнь свою в убогом шалаше, говорит Гораций, не могут назваться счастливыми.

Где же это совершенное благополучие, которого требует сердце, как тело пищи? Оно нигде не находится вполне, отвечает опытность всех времен и всех народов. Человек есть странник на земли, говорит святой муж: чужды ему грады, чужды веси, чужды нивы и дубравы: гроб его жилище вовек. Вот почему все системы и древних и новейших недостаточны! Они ведут человека к блаженству земным путем и никогда не доводят. Систематики забывают, что человек, сей царь, лишенный венца, брошен сюда не для счастья минутного; они забывают о его высоком назначении, о котором вера, одна святая вера ему напоминает. Она подает ему руку в самых пропастях, изрытых страстями или неприязненным роком; она изводит его невредимо из треволений жизни и никогда не обманывает: ибо она переносит в вечность все надежды и все блаженство человека. Лучшие из

тому, для кого уже не существует то очарование, которое предрассудки и нужды навели на предметы мира! Вскоре душа его, поблеклая и томная, в самой жизни найдет ничтожество, ужаснейшее из всех наказаний». При сих словах слезы навернулись на глазах, и он сокрылся в густоте леса». — *Путешествие младшего Анахарсиса*¹¹.

Это тягостное состояние души нередко бывает известно людям добрым и образованным. Что избавит их от сего мучения? Религия.

древнейших писателей приблизились к сим вечным истинам, которые святое откровение явило нам в полном сиянии¹².

И горе тому, кто отвращает взоры свои! Собственное сердце его накажет: чем оно чувствительнее, чем благороднее, тем более и сильнее будут его терзания; ибо ни дары счастья, ни блеск славы, ни любовь, ни дружба, ничто не удовлетворит его вполне. В новейшие времена Руссо, одаренный великим гением, тому явный и красноречивый пример. Он нигде не обретал благополучия; ибо всю жизнь искал его не там, где надлежало. Слава учинилась ему бременем, люди и общество ненавистными: ибо он оскорбил их неограниченною гордостью. Любовь земная не могла насытить его жадного сердца; самая дружба его терзала. Оскорбленный, растерзанный всеми страстями, он покидал общество, требовал счастья в объятиях природы, вопрошал безмолвные леса, скитался при шуме клубящихся водопадов, в часы румяного утра и прохладного вечера; но не мог успокоить своего сердца. В обществе напрасно облачается он в мантию стойков, напрасно подражает им в твердости; собственное сердце ему изменяет. Одна религия могла утешить и успокоить страдальца; он знал, он чувствовал эту истину, и, жертва неизлечимой гордости, отклонял беспрестанно главу свою от легкого и спасительного ярма. Красноречивый защитник истины (когда истина не противоречила его страстям), пламенный обожатель и жрец добродетели, среди величайших заблуждений своих, как часто изменял он и добродетели и истине! Кто соорудил им великолепнейшие алтари и кто оскорбил их более в течение жизни своей и делом и словом? Кто заблуждался более в лабиринте жизни, неся светильник мудрости человеческой в руке своей? Ибо светильник сей недостаточен; один луч веры,

слабый луч, но постоянный, показывает нам вернее путь к истинной цели, нежели полное сияние ума и воображения.

Поклоняться добродетели и изменять ей, быть почитателем истины и не обретать ее, — вот плачевный удел нравственности, которая не опирается на якорь веры. Одно заблуждение рождает другое. Руссо начал софизмами, кончил ужасною книгою¹³, — он пожелал оправдаться перед людьми, как перед богом, со всею искренностью человека глубоко растроганного, но гордого в самом унижении, тогда как надлежало исповедывать тайны единому верховному существу, не с гордостью мудреца, который укоряет природу в своих слабостях, но с смирением христианина. Один бог может требовать от нас подобной исповеди; люди не достойны оной. И что же? Оправдывая себя, он оскорбил и дружество, и любовь, и родство, и все, что человечество имеет священного, заветного для души благородной; он оскорбил тени своих друзей, давно забытых согражданами, оскорбил их самым несправедливым приговором по неведению: ибо истина на земле одному богу известна. Кто требовал у него сих признаний, сей страшной повести целой жизни? Не люди, а гордость его. Какое право имел он поведать миру о слабостях женщины, которой дружество, столь нежное, столь бескорыстное, усладило юность и успокоило тревожимое сердце мечтателя? Так! человек, рожденный для добродетели, учинил страшное преступление, неслыханное доселе, и это преступление родила мудрость человеческая... Десятилетний отрок, который помнит свой катехизис, может уличить его в этом преступлении. Боже великий! что же такое ум человеческий — в полной силе, в совершенном сиянии, исполненный опытности и науки? Что такое все наши познания, опытность и самые правила нравственности без веры,

без сего путеводителя и зоркого, и строгого, и снисходительного? ^{1*}.

Вера и нравственность, на ней основанная, всего нужнее писателю. Закаленные в ее светильнике мысли его становятся постояннее, важнее, сильнее, красноречие убедительнее; воображение при свете ее не заблуждается в лабиринте создания; любовь и нежное благоволе-

^{1*} Без смеха и жалости нельзя читать признаний женевского мечтателя. Я не стану выписывать тех мест из книги его, которые могут оскорбить нравственность самую светскую, самую снисходительную: их множество. Но одно место меня забавляет более других, когда я воображаю себе защитника прав человечества и философии, столь лакомого в молодости своей. У г. Мабли, в Лионе, если не ошибаюсь, исправляя должность учителя и наставника, он любил отдыхать в своей комнате и пить вино, заедая пирожками: тут нет еще большого зла; но вино было краденое... Дело сделано! говорит философ: «Malheureusement je n'ai jamais pu boire sans manger... mais aussi quand j'avais ma petite brioche, et que bien enfermé dans ma chambre, j'allais trouver ma bouteille au fond de l'armoire; quelles bonnes petites buvettes je faisais là tout seul en lisant quelques pages de roman!» [«К несчастью я никогда не мог пить без еды... но когда у меня была моя маленькая бриошь, запершись в моей комнате, я тотчас находил бутылку в глубине шкафа; какие добрые глоточки я делал там совсем один, прочитывая несколько страниц романа!» (франц.)]. Можно ли удержаться от смеха? Где тут достоинство человека и мудреца? О слоге ни слова. В таком случае слог есть верное выражение души. И этот человек имел столько любезных качеств, столько небесных дарований! И этот человек чувствовал всю прелесть религии и благодетельное влияние оной на общество и на человека частного! Чего недоставало ему? Постоянного убеждения, менее гордости и страстей, более рассудительности и смирения.

ние к человечеству дадут прелесть его малейшему выражению, и писатель поддержит достоинство человека на высочайшей степени. Какое бы поприще он ни протекал с своею музою, он не унизит ее, не оскорбит ее стыдливости и в памяти людей оставит приятные воспоминания, благословения и слезы благодарности: лучшая награда таланту.

Неверие само себя разрушает, говорит красноречивый Квинтилиан наших времен¹⁴, который знал всю слабость гордых вольнодумцев: *ибо он всю молодость свою провел в стане неприятельском*. Одна вера совидает мораль неизбежную. Священное писание, продолжает он, есть хранилище всех истин и разрешает все затруднения. Вера имеет ключ от сего хранилища, замкнутого для коварного любопытства, вера обретает в нем свет спасительный. Неверие приносит в него собственные мраки, которые бывают тем гуще, чем они произвольнее. Чтоб быть выше других людей, оно становится на высоты, окруженные пропастями. Откуда взор его, смутный и блуждающий, смешивает все предметы. Неверие мыслит обладать орлиным оком и ничего не различает. Не случилось ли вам путешествовать при первых лучах денницы путем, проложенным по высоким горам, когда пары, от земли восходящие, простирают со всех сторон туманную завесу, скрывающую горизонт, где изображается множество мечтательных предметов, от смещения света со тьмою происходящих? По мере того как вы сходите с высот, сие облако земное редет, рассеивается; вы проникаете чрез него и находите на себе малые следы влаги, скоро иссыхающей. Тогда открывается и расширяется пред вами необъемлемый горизонт: вы видите близлежащие горы, жатвы и стада, их покрывающие, селения человеческие и холмы, над ними возвышенные; вся природа вам отдана снова: вот эмблема неверия и веры. Сойдите

с сих высот неверия, где вы ходите около пропастей неизмеримых, где взор ваш встречает одни призраки; сойдите, говорю вам, призванные и поддержанные смиренной верою, идите прямо к сим облакам, обманчивым, восходящим от земли (они скрывают от вас истину и являют одни обманчивые образы); сойдите и пройдите сквозь сию ничтожную преграду паров и призраков; она уступит вам без сопротивления; она исчезнет — и ваши взоры обретут необъемлемую перспективу истин, все утешения сего земного жилища и горé — лазурь небесную.

Но для нас исчезли все призраки мудрости человеческой. К счастью нашему, мы живем в такие времена, в которые невозможно колебаться человеку мыслящему; стоит только взглянуть на происшествия мира и потом углубиться в собственное сердце, чтобы твердо убедиться во всех истинах веры. Весь запас остроумия, все доводы ума, логики и учености книжной истощены перед нами; мы видели зло, созданное надменными мудрецами, добра не видали. Счастливые обитатели обширнейшего края, мы не участвовали в заблуждениях племен просвещенных: мы издали взирали на громы и молнии неверия, раздробляющие и трон царя, и алтарь истинного бога; мы взирали с ужасом на плоды нечестивого вольнодумства, на вольность, водрузившую свое знамя посреди окровавленных трупов, на человечество, униженное и оскорбленное в священнейших правах своих; с ужасом и с горестию мы взирали на успехи нечестивых легионов, на Москву, дымящуюся в развалинах своих; но мы не теряли надежды на бога, и фимиам усердия курился не тщетно в кадильнице веры, и слезы и моления не тщетно проливались перед небом: мы восторжествовали. **Оборот единственный, беспримерный в летописях мира! Легионы непобедимых затрепетали в свою очередь. Копье и сабля, окропленные святою водою на берегах тихого**

Дона, засверкали в обители нечестия, в виду храмов рассудка, братства и вольности, безбожием сооруженных; и знамя Москвы, веры и чести водружено на месте величайшего преступления против бога и человечества ^{1*}.

Faut-il encore, faut-il vous rappeler le cours
Des prodiges sans nombre accomplis en nos jours? *

Должно ли приводить на память последние чудеса, новые покушения злобы и неверия и сияющее торжество невинности, человеколюбия и религии? ¹⁶ Сколько уроков уму! Сердце в них нужды не имеет.

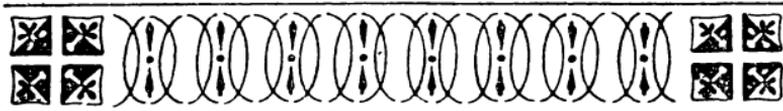
С зарею наступающего мира, которого мы видим сладостное мерцание на горизонте политическом, просвещение сделает новые шаги в отечестве нашем: снова процветут промышленность, искусства и науки, и все сладостные надежды сбудутся; у нас, может быть, родятся философы, политики и моралисты, и, подобно светильникам эдимбургским ¹⁷, долгом поставят основывать учение на истинах Евангелия, кротких, постоянных и неизблемых, достойных великого народа, населяющего страну необозримую; достойных великого человека, им управляющего!

Нет в мире царства так пространна,
Где б можно столь добра творить! ^{2*18}

^{1*} Назад тому несколько лет Шатобриан сказал: «Храбрость без веры ничтожна. Посмотрим, что сделают наши вольнодумцы против козаков грубых, непросвещенных, но сильных верою в бога?» Все журналисты вступились за честь оскорбленной великой нации (la grande nation); но предсказание сбылось.

* Должно ли еще, должно ли напоминать весь ход бесчисленных чудес, совершившихся в наши дни? ¹⁵
(франц.)

^{2*} Державин,

Часть II.

СТИХИ

Vade, sed incultus . . .

Иди без прикрас . . . (лат.)
⟨Овидий. Скорбные элегии. I, 1, 3⟩

Мы должны предупредить любителей словесности, что большая часть сих стихотворений была написана прежде «Опытов в прозе», в разные времена, посреди шума лагерей или в краткие отдохновения война: но назначать время, когда и где что было написано, мы не почли за нужное. Издатель надеется, что читатели сами легко отличат последние произведения от первых и найдут в них большую зрелость в мыслях и строгость в выборе предметов.

Издатель.

**ОПЫТЫ
ВЪ СТИХАХЪ И ПРОЗѢ**

Н. Батюшковъ.

Я
ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ
1817.

*Титульный листъ перваго изданія «Опытовъ»
(2-я часть).*

Рисунокъ И. А. Иванова по наброскамъ А. Н. Оленина.
Гравировалъ И. Ческій

К ДРУЗЬЯМ

- Вот список мой стихов,
Который дружеству быть может драгоценен.
Я добрым гением уверен,
Что в сем дедале рифм и слов
- 5 Недостает искусства:
Но дружество найдет мои, в замену, чувства,
Историю моих страстей,
Ума и сердца заблужденья;
Заботы, суеты, печали прежних дней,
- 10 И легкокрылы наслажденья;
Как в жизни падал, как вставал;
Как вовсе умирал для света;
Как снова мой челнок фортуне поверял...
И, словом, весь журнал
- 15 Здесь дружество найдет беспечного поэта,
Найдет и молвит так:
«Наш друг был часто легковерен;
Был ветрен в Пафосе, на Пинде был чудак;
Но дружбе он зато всегда остался верен;
- 20 Стихами никому из нас не докучал
(А на Парнасе это чудо!)
И жил так точно, как писал...
Ни хорошо, ни худо!»

ЭЛЕГИИ

НАДЕЖДА

- Мой дух! доверенность к творцу!
Мужайся; будь в терпенье камень.
Не он ли к лучшему концу
- ⁴ Меня провел сквозь бранный пламень?
На поле смерти — чья рука
Меня таинственно спасала,
И жадный крови меч врага,
- ⁸ И град свинцовый отражала?
Кто, кто мне силу дал сносить
Труды и глад и непогоду,
И силу — в бедстве сохранить
- ¹² Души возвышенной свободу?
Кто вел меня от юных дней
К добру, стезею потаенной,
И в буре пламенных страстей
- ¹⁶ Мой был вожатай неизменной?

- Он! Он! Его все дар благой!
Он есть источник чувств высоких,
Любви к изящному прямой,
- ²⁰ И мыслей чистых и глубоких!
Все дар его: и краше всех
Даров — надежда лучшей жизни!
Когда ж узрю спокойный брег,

24 Страну желанную отчизны?
Когда струей небесных благ
Я утолю любви желанье,
Земную ризу брошу в прах
28 И обновлю существованье?

НА РАЗВАЛИНАХ ЗАМКА В ШВЕЦИИ

Уже светило дня на западе горит
И тихо погрузилось в волны!..
Задумчиво луна сквозь тонкий пар глядит
4 На хляби и брега безмолвны.
И все в глубоком сне поморие кругом.
Лишь изредка рыбарь к товарищам зовет;
Лишь эхо глас его протяжно повторяет
8 В безмолвии ночном.

Я здесь, на сих скалах, висящих над водой,
В священном сумраке дубравы
Задумчиво брожу и вижу пред собой
12 Следы протекших лет и славы:
Обломки, грозный вал, поросший злаком ров,
Столбы — и ветхий мост с чугунными цепями,
Твердыни мшистые с гранитными зубцами
16 И длинный ряд гробов.

Все тихо: мертвый сон в обители глухой.
Но здесь живет воспоминанье:

И путник, опершись на камень гробовой,
20 Вкушает сладкое мечтанье.
Там, там, где вьется плющ по лестнице крутой,
И ветер колышет стебель иссохшия полыни,
Где месяц осребрил угрюмые твердыни
24 Над спящею водой —

Там воин некогда, Одена храбрый внук,
В боях приморских поседель, —
Готовил сына в брань, и стрел пернатых пук,
28 Броню заветну, меч тяжелый
Он юноше вручил израненной рукой;
И громко восклицал, подъяв дрожащи длани:
«Тебе он обречен, о бог, властитель брани,
32 Всегда и всюду твой!

А ты, мой сын, клянись мечом своих отцов
И Гелы клятвою кровавой
На западных струях быть ужасом врагов
36 Иль пасть, как предки пали, с славой!»
И пылкий юноша меч прадедов лобзал
И к персям прижимал родительские длани,
И в радости, как конь при звуке новой брани,
40 Кипел и трепетал.

Война, война врагам отеческой земли!
Суда наутро восшумели,
Запенились моря, и быстры корабли
44 На крыльях бури полетели!
В долинах Нейстрии раздался браней гром,
Туманный Альбион из края в край пылает,
И Гела день и ночь в Валкалу провождает
48 Погибших бледный сонм.

Ах, юноша! спешу к отеческим брегам,
Назад лети с добычей бранной;
Уж веет кроткий ветер вослед твоим судам,
52 Герой, победою избранный!
Уж скальды пиршество готовят на холмах,
Уж дубы в пламени, в сосудах мед сверкает,
И вестник радости отцам провозглашает
56 Победы на морях.

Здесь, в мирной пристани, с денницей золотой
Тебя невеста ожидает,
К тебе, о юноша, слезами и мольбой
60 Богов на милость преклоняет. . .
Но вот в тумане там, как стая лебедей,
Белеют корабли, несомые волнами;
О, вей, попутный ветер, вей тихими устами
64 В ветрила кораблей!

Суда у берегов, на них уже герой
С добычей жен иноплеменных;
К нему спешит отец с невестою младой
68 И лики скальдов вдохновенных.
Красавица стоит безмолвствуя, в слезах,
Едва на жениха взглянуть украдкой смеет,
Потупя ясный взор, краснеет и бледнеет,
72 Как месяц в небесах. . .

И там, где камней ряд, седым одетый мхом,
Помост обрушенный являет,
Повременно сова в безмолвии ночном
76 Пустыню криком оглашает;
Там чаши радости стучали по столам,
Там храбрые кругом с друзьями ликовали,
Там скальды пели брань, и персты их летали
80 По пламенным струнам.

Там пели звук мечей и свист пернатых стрел,
 И треск щитов, и гром ударов,
 Кипящу брань среди опустошенных сел
 84 И грады в зареве пожаров;
 Там старцы жадный слух склоняли к песни сей,
 Сосуды полные в десницах их дрожали,
 И гордые сердца с восторгом вспоминали
 88 О славе юных дней.

Но все покрыто здесь угрюмой ночи мглой,
 Все время в прах преобратило!
 Где прежде скальд гремел на арфе золотой,
 92 Там ветер свищет лишь уныло!
 Где храбрый ликовал с дружиною своей,
 Где жертвовал вином отцу и богу брани,
 Там дремлют, притаясь, две трепетные лани
 96 До утренних лучей.

Где ж вы, о сильные, вы, галлов бич и страх,
 Земель полнощных исполины,
 Роальда спутники, на бранных челноках
 100 Протекши дальные пучины?
 Где вы, отважные толпы богатырей,
 Вы, дикие сыны и брани и свободы,
 Возникшие в снегах, средь ужасов природы,
 104 Средь копий, средь мечей?

Погибли сильные! Но странник в сих местах
 Не тщетно камни вопрошает
 И руны тайные, останки на скалах
 108 Угрюмой древности, читает.
 Оратай ближних сел, склоняясь на посох свой,
 Гласит ему: «Смотри, о сын иноплеменный,
 Здесь тлеют праотцев останки драгоценны:
 112 Почти их гроб святой!»

ЭЛЕГИЯ ИЗ ТИБУЛЛА

Вольный перевод

- Месалла! Без меня ты мчишься по волнам
С орлами римскими к восточным берегам;
А я, в Феакии оставленный друзьями,
Их заклинаю всем, и дружбой и богами,
⁵ Тибулла не забыть в далекой стороне!
Здесь Парка бледная конец готовит мне,
Здесь жизнь мою прервет безжалостной рукою...
Неумолимая! Нет матери со мною!
Кто будет принимать мой пепел от костра!
¹⁰ Кто будет без тебя, о милая сестра,
За гробом следовать в одежде погребальной
И миро изливать над урной печальной?
Нет друга моего, нет Делии со мной.
Она и в самый час разлуки роковой
¹⁵ Обряды тайные и чары совершала:
В священном ужасе бессмертных вопрошала,
И жребий счастливый нам отрок вынимал.
Что пользы от того? Час гибельный настал,
И снова Делия, печальна и уныла,
²⁰ Слезами полный взор невольно обратила
На дальний путь. Я сам, лишенный скорбью сил,
«Утешься», — Делии сквозь слезы говорил;
«Утешься!» — и еще с невольным трепетаньем
Печальную лобзал последним лобызаньем.
²⁵ Казалось, некий бог меня останавливал:
То ворон мне беду внезапно предвещал,
То в день, отцу богов, Сатурну посвященной,

- Я слышал гром глухой за рощей отдаленной.
О вы, которые умеете любить,
30 Страшится любовь разлукой прогневить!
Но, Делия, к чему Изиде приношенья,
Сии в ночи глухой протяжны песнопенья
И волхвованье жриц, и меди звучный стон?
К чему, о Делия, в безбрачном ложе сон
35 И очищения священной водою?
Все тщетно, милая, Тибулла нет с тобою.
Богиня грозная! спаси его от бед,
И снова Делия мастики принесет,
Украстит дивный храм весенними цветами
40 И с распущенными по ветру волосами,
Как дева чистая, во ткань облечена,
Воссядет на помост: и звезды, и луна,
До восхождения румяная Авроры,
Услышат глас ее и жриц Фарийских хоры.
45 Отдай, богиня, мне родимые поля,
Отдай знакомый шум домашнего ручья,
Отдай мне Делию: и вам дары богаты
Я в жертву принесу, о Лары и Пенаты!
Зачем мы не живем в златые времена?
50 Тогда беспечные народов племена
Путей среди лесов и гор не пролагали
И ралом никогда полей не раздирали;
Тогда не мчалась ель на легких парусах,
Несома ветрами в лазоревых морях.
55 И кормчий не дерзал по хлябям разъяренным
С сидонским багрецом и с золотом бесценным
На утлом корабле скитаться здесь и там.
Дебелый вол бродил свободно по лугам,
Топтал душистый злак и спал в тени зеленой;
60 Конь борзый не кропил узды кровавой пеной;
Не зрели на полях столпов и рубежей

- И кущи сельские стояли без дверей;
Мед капал из дубов янтарною слезою;
В сосуды молоко обильною струею
65 Лилося из сосцов питающих овец...
О мирны пастыри, в невинности сердец
Беспечно жившие среди пустынь безмолвных!
При вас, на пагубу друзей единокровных,
На наковальне млат не изваял мечей,
70 И ратник не гремел оружием среди полей.
О век Юпитеров! О времена несчастны!
Война, везде война, и глад, и мор ужасный,
Повсюду рыщет смерть, на суше, на водах...
Но ты, держащий гром и молнию в руках!
75 Будь мирному певцу Тибуллу благосклонен.
Ни словом, ни душой я не был вероломен;
Я с трепетом богов отчизны обожал,
И, если мой конец безвременный настал —
Пусть камень обо мне прохожим возвещает:
80 «Тибулл, Месаллы друг, здесь с миром
почивает».
- Единственный мой бог и сердца властелин,
Я был твоим жрецом, Киприды милый сын!
До гроба я носил твои оковы нежны,
И ты, Амур, меня в жилища безмятежны,
85 В Элизий приведешь таинственной стезей,
Туда, где вечный май меж рощей и полей,
Где расцветает нард и киннамона лозы
И воздух напоен благоуханьем розы;
Там слышно пенье птиц и шум биющих вод;
90 Там девы юные, сплетая в хоровод,
Мелькают меж древес, как легки привиденья;
И тот, кого постиг, в минуту упоенья,
В объятиях любви, неумолимый рок,
Тот носит на челе из свежих мирт венки.

- 95 А там, внутри земли, во пропастях ужасных
Жилище вечное преступников несчастных,
Там реки пламенны сверкают по пескам,
Мегера страшная и Тизифона там
- 100 С челом, опутанным шипящими змиями,
Бегут на дикий брег за бледными тенями.
Где скрыться? адский пес лежит у медных врат,
Рыкает зев его... и рой теней назад!..
Богами ввержены во пропасти бездонны,
- 105 Ужасный Энкелад и Тифий преогромный
Питает жадных птиц утробою своей.
Там хищный Иксион, окованный змией,
На быстром колесе вертится бесконечно;
Там в жажде пламенной Тантал бесчеловечной
- 110 Над холодной рекой сгарает и дрожит...
Все тщетно! Вспять вода коварная бежит
И черпают ее напрасно Данаиды,
Все жертвы вечные карающей Киприды.
Пусть там страдает тот, кто рушил наш покой
- 115 И разлучил меня, о Делия, с тобой!
Но ты, мне верная, друг милой и бесценной,
И в мирной хижине, от взоров сокровенной,
С наперсницей любви, с подругою твоей,
На миг не покидай домашних алтарей.
- 120 При шуме зимних вьюг, под сенью безопасной,
Подруга в темну ночь зажжет светильник ясной
И, тихо вретено кружа в руке своей,
Расскажет повести и были старых дней.
А ты, склоняя слух на сладки небылицы,
- 125 Забудешься, мой друг, и томные зеницы
Закроет тихий сон, и пряслица из рук
Падет... и у дверей предстанет твой супруг,
Как небом посланный внезапно добрый гений.
Беги навстречу мне, беги из мирной семи,

- ¹³⁰ В прелестной нагоде явись моим очам:
Власы развеяны небрежно по плечам,
Вся грудь лилейная и ноги обнаженны...
Когда ж Аврора нам, когда сей день блаженный
На розовых конях в блистанье принесет,
¹³⁵ И Делию Тибулл в восторге обоймет?

ВОСПОМИНАНИЕ

- Мечты! — повсюду вы меня сопровождали
И мрачный жизни путь цветами устлали!
Как сладко я мечтал на Гейльсбергских полях,
Когда весь стан дремал в покое
⁵ И ратник, опершись на копие стальное,
Смотрел в туманну даль! Луна на небесах
Во всем величии блистала
И низкий мой шалаш сквозь ветви освещала.
Аль светлый чуть струю ленивую катил
¹⁰ И в зёркальных водах являл весь стан и рощи:
Едва дымился огонь в часы туманной ночи
Близ кущи ратника, который сном почил.
О Гейльсбергски поля! О хólмы возвышенны!
Где столько раз в ночи, луною освещенный,
¹⁵ Я, в думу погружен, о родине мечтал;
О Гейльсбергски поля! в то время я не знал,
Что трупы ратников устелют ваши нивы,
Что медной челюстью гром грянет с сих холмов,
Что я, мечтатель ваш счастливый,

- 20 На смерть летя против врагов,
Рукой закрыв тяжелу рану,
Едва ли на заре сей жизни не увяну. —
И буря дней моих исчезла, как мечта!..
Осталось мрачно вспоминаясь...
- 25 Между протекшего есть вечная черта:
Нас сблизит с ним одно мечтание.
Да оживлю теперь я в памяти своей
Сию ужасную минуту,
Когда, болезнь вкушая люту
- 30 И видя сто смертей,
Боялся умереть не в родине моей!
Но небо, вняв моим молениям усердным,
Взглянуло оком милосердным;
Я, Неман переплыв, узрел желанный край,
- 35 И, землю лобызав с слезами,
Сказал: «Блажен стократ, кто с сельскими богами,
Спокойный домосед, земной вкушает рай,
И, шага не ступя за хижину убогу,
К себе богиню быстроногу
- 40 В молитвах не зовет!
Не слеп ко славе он любовью,
Не жертвует своим спокойствием и кровью:
Могилу зрит свою и тихо смерти ждет».

ВОСПОМИНАНИЯ

Отрывок

-
- Я чувствую, мой дар в поэзии погас,
И муза пламенник небесный потушила;
 Печальна опытность открыла
 Пустыню новую для глаз,
5 Туда влечет меня осиротелый гений,
В поля бесплодные, в непроходимы сени,
 Где счастья нет следов,
 Ни тайных радостей, неизъяснимых снов,
 Любимцам Фебовым от юности известных,
10 Ни дружбы, ни любви, ни песней муз прелестных,
Которые всегда душевну скорбь мою,
Как лотос, силою волшебной врачевали.
 Нет, нет! себя не узнаю
 Под новым бременем печали!
15 Как странник, брошенный на брег из ярых волн,
Встает и с ужасом разбитый видит челн,
Рукою трепетной он мраки вопрошает,
 Ногой скользит над пропастями он,
 И ветер буйный развевает
20 Молений глас его, рыдания и стон...
На крае гибели так я зову в спасенье
Тебя, последняя надежда, утешенье!
 Тебя, последний сердца друг!
 Средь бурей жизни и недуг
25 Хранитель ангел мой, оставленный мне богом!..
Твой образ я таил в душе моей залогом

- Всего прекрасного... и благости творца.
Я с именем твоим летел под знамя брани
Искать иль славы, иль конца;
- 30 В минуты страшные чистейши сердца дани
Тебе я приносил на Марсовых полях;
И в мире и в войне, во всех земных краях
Твой образ следовал с любовью за мною,
С печальным странником он неразлучен стал.
- 35 Как часто в тишине, весь занятый тобою,
В лесах, где Жувизи гордится над рекою,
И Сейна по цветам льет сребренный кристалл,
Как часто среди толпы и шумной и беспечной,
В столице роскоши, среди прелестных жен
- 40 Я пенье забывал волшебное сирен
И о тебе одной мечтал в тоске сердечной.
Я имя милое твердил
В прохладных рощах Альбиона,
И эхо называть прекрасную учил
- 45 В цветущих пажитях Ричмона.
Места прелестные и в дикости своей, —
О камни Швеции, пустыни скандинавов!
Обитель древняя и доблести и нравов,
Ты слышала обет и глас любви моей,
- 50 Ты часто странника задумчивость питала,
Когда румяная денница отражала
И дальние скалы гранитных берегов
И села пахарей и кущи рыбаков,
Сквозь тонки, утренни туманы,
- 55 На зеркальных водах пустынной Троллетаны.

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

Как ландыш под серпом убийственным жнеца
Склоняет голову и вянет,
Так я в болезни ждал безвременно конца
4 И думал: парки час настанет.
Уж очи покрывал Эреба мрак густой,
Уж сердце медленнее билось,
Я вянул, исчезал, и жизни молодой,
8 Казалось, солнце закатилось.
Но ты приблизилась, о жизнь души моей,
И алых уст твоих дыханье,
И слезы пламенем сверкающих очей,
12 И поцалуев сочетанье,
И вздохи страстные, и сила милых слов
Меня из области печали,
От Орковых полей, от Леты берегов
16 Для сладострастия призывали.
Ты снова жизнь даешь; она — твой дар благой,
Тобой дышать до гроба стану.
Мне сладок будет час и муки роковой;
20 Я от любви теперь увяну.

МЩЕНИЕ

Из Парни

Неверный друг и вечно милый!

Зарю моих счастливых дней

И слезы радости и клятвы легкокрылы —

Все время унесло с любовью твоей!

⁵ И все погибло невозвратно,

Как сладкая мечта, как утром сон приятной!

Но все любовью здесь исполнено моей,

И клятвы страшные твои напоминает.

Их помнят и леса, их помнит и ручей,

¹⁰ И эхо томное их часто повторяет.

Взгляни: здесь в первый раз я встретился с тобой,

Ты здесь, подобная лилее белоснежной,

Взлелеянной в садах Авророй и весной,

Под сенью безмятежной

¹⁵ Цвела невинностью близ матери твоей.

Вот здесь я в первый раз вкусил надежды сладость;

Здесь жертвы приносил у мирных алтарей,

Когда твою грозила младость

Болезнь жестокая во цвете погубить:

²⁰ Здесь клялся, милый друг, тебя не пережить!

Но с новой прелестью ты к жизни воскресала,

И в первый раз — люблю, краснея, сказала

(Тому сей дикий бор немый свидетель был).

Твоя рука в моей — то млела, то пылала,

²⁵ И первый поцалуй с душою душу слил.

Там взор потупленный назначил мне свиданье

В зеленом сумраке развесистых деревьев,

Где льется в воздухе сирен благоуханье

- И облако цветов скрывает свод небес;
30 Там ночь ненастная спустила покрывало,
И страшно загремел над нами ярый гром;
Все небо в пламени зарделось кругом,
И в роще сумрачной сверкало.
Напрасно! ты была в объятиях моих,
35 И к новым радостям ты воскресала в них!
О пламенный восторг! О страсти упоенье!
О сладострастие... себя, всего забвенье!
С ее любовью утраченны навек —
Вы будете всегда изменнице упрек:
40 Воспомянье ваше,
От времени еще прелестнее и краше,
Ее преступное блаженство помрачит
И сердцу за меня коварному отмстит
Неизлечимую, жестокою тоскою.
45 Так! всюду образ мой увидишь пред собою,
Не в виде прежнего любовника в цепях,
Который с нежностью сквозь слезы упрекает
И жребий с трепетом читает
В твоих потупленных очах.
50 Нет, в лютой ревности карая преступленье,
Явлюсь, как бледное в полночь привиденье,
И всюду следовать я буду ва тобой:
В безмолвии лесов, в полях уединенных,
В веселых пиршествах, тобой одушевленных,
55 Где юность пылкая и взор считает твой.
В глазах соперника, на ложе Гименея —
Ты будешь с ужасом о клятвах вспоминать;
При имени моем бледнея
Невольню трепетать.
60 Когда ж безвременно с полей кровавой битвы
К Коциту позовет меня судьбины глас,
Скажу: «Будь счастлив», в последний жизни час,
И тщетны будут все любовника молитвы!

ПРИВИДЕНИЕ

Из Парни

Посмотрите! в двадцать лет
 Бледность щеки покрывает;
 С утром вянет жизни цвет;
 Парка дни мои считает
⁵ И отсрочки не дает.
 Что же медлить! ведь Зевеса
 Плач и стон не укротит.
 Смерти мрачной занавеса
 Упадет — и я забыт!
¹⁰ Я забыт... но из могилы,
 Если можно воскресать,
 Я не стану, друг мой милый,
 Как мертвец, тебя пугать.
 В час полуночных явлений
¹⁵ Я не стану в виде тени
 То внезапно, то тишком,
 С воплем в твой являться дом.
 Нет, по смерти, невидимкой
 Буду вокруг тебя летать;
²⁰ На груди твоей под дымкой
 Тайны прелести лобзать;
 Стану всюду развеять
 Легким уст прикосновеньем,
 Как зефира дуновеньем,
²⁵ От каштановых волос
 Тонкий запах свежих роз.
 Если лилия листьями

Ко груди твоей прильнет,
Если яркими лучами
30 В камельке огонь блеснет,
Если пламень потаенный
По ланитам пробежал,
Если пояс сокровенный
Развязался и упал —
35 Улыбнися, друг бесценный,
Это — я! Когда же ты,
Сном закрыв прелестны очи,
Обнажишь во мраке ночи
Роз и лилий красоты,
40 Я вздохну... и глас мой томный,
Арфы голосу подобный,
Тихо в воздухе умрет.
Если ж легкими крилами
Сон глаза твои сомкнет,
45 Я невидимо с мечтами
Стану плавать над тобой.
Сон твой, Хлоя, будет долог...
Но когда блеснет сквозь полог
Луч денницы золотой,
50 Ты проснешься... о блаженство!
Я увижу совершенство...
Тайны прелести красот,
Где сам пламенный Эрот
Оттенил рукой своею
55 Розой девственну лилею;
Все опять в моих глазах,
Все покровы исчезают;
Час блаженнейший!.. Но, ах!
Мертвые не воскресают.

ТИБУЛЛОВА ЭЛЕГИЯ III

Из III книги

- Напрасно осыпал я жертвенник цветами,
 Напрасно фимиам курил пред алтарями;
 Напрасно: Делии еще с Тибуллом нет.
 Бессмертны! слышали вы скромный мой обет!
- ⁵ Молил ли вас когда о почестях и злате?
 Желал ли обитать во мраморной палате?
 К чему мне пажитей обширная земля,
 Златыми класами венчаные поля
 И стадо кобылиц, рабами охраненно?
- ¹⁰ О бедности молил, с тобою разделенной!
 Молил, чтоб смерть меня застала — при тебе,
 Хоть нища, но с тобой!.. К чему желать себе
 Богатства Азии или волов дебелых?
 Ужели более мы дней сочтем веселых
- ¹⁵ В садах и в храминах, где дивный ряд столбов
 Иссечен хитростью наемных пришлецов;
 Где все один порфир Тенера и Кариста,
 Помосты мраморны и урны злата чиста;
 Луга пространные, где силою трудов
- ²⁰ Легла священна тень от кедровых лесов?
 К чему эритрские жемчужины бесценны
 И волны тирские, багрянцем напоенны?
 В богатстве ль счастье? В нем призрак, тщетный вид!
 Мудрец от лар своих за златом не бежит;
- ²⁵ Колеи пред случаем вовек не преклоняет
 И в хижине своей с фортуной обитает!
 И бедность, Делия, мне дорога с тобой!

Тот кров соломенный чту крышей золотой,
Под конем, сопряжен любовию с тобою,
30 Сто крат благословен!., Но если предо мною
Бессмертные весов судьбы не преклонят —
Утешит ли тогда Тибулла пышный град?
Ах! нет! и золото блестящего Пактола,
И громкий славы шум, и самый блеск престола
35 Без Делии — ничто, а с ней и куща — храм,
Безвестность, нищета завидны небесам!
О дочь Сатурнова! услышь мое моление!
И ты, любви мать! Когда же парк сужденье,
Когда суровых сестр противно вретено
40 И Делией владеть Тибуллу не дано,
Пускай теперь сойду во области Плутона,
Где блата топкие и воды Ахерона
Широкой цепию вокруг ада облежат,
Где беспробудным сном печальны тени спят.

МОИ ГЕНИИ

О память сердца! ты сильнее
Рассудка памяти печальной,
И часто сладостью своей
4 Меня в стране пленяешь дальней.
Я помню голос милых слов,
Я помню очи голубые,
Я помню локоны влатые
8 Небрежно вьющихся власов,

Моей пастушки несравненной
 Я помню весь наряд простой,
 И образ милый, незабвенный,
¹² Повсюду странствует со мной.
 Хранитель гений мой — любовью
 В утеху дан разлуке он:
 Засну ль? приткнет к изголовью
¹⁶ И усладит печальный сон.

ДРУЖЕСТВО

Блажен, кто друга здесь по сердцу обретает,
 Кто любит и любим чувствительной душой!
 Тезей на берегах Коцнта не страдает,
⁴ С ним друг его души, с ним верный Пирифой.
 Атридов сын в цепях: но зависти достоин!
 С ним друг его, Пилад... под лезвием мечей.
 А ты, младый Ахилл, великодушный воин,
⁸ Бессмертный образец героев и друзей!
 Ты дружбою велик, ты ей дышал одною!
 И друга смерть отмстив бестрепетной рукою,
 Счастлив! ты мертв упал на гибельный трофей!

- Глубоких ран не сохраняло,
 Как утро майское, веселием цвело
 24 И все небесное душе напоминало.
 «Ты ль это, милый друг, товарищ лучших дней!
 Ты ль это? — я вскричал, — о воин вечно милой!
 Не я ли над твоей безвременной могилой,
 28 При страшном зареве Беллониных огней,
 Не я ли с верными друзьями
 Мечом на дереве твой подвиг начертал
 И тень в небесную отчизну провождал
 32 С мольбой, рыданьем и слезами?
 Тень незабвенного! ответствуй, милый брат!
 Или протекшее все было сон, мечтанье;
 Все, все — и бледный труп, могила и обряд,
 36 Свершенный дружбою в твоё воспоминанье?
 О! молви слово мне! пускай знакомый звук
 Ещё мой жадный слух ласкает,
 Пускай рука моя, о незабвенный друг!
 40 Твою — с любовью сжимает...»
 И я летел к нему... Но горний дух исчез
 В бездонной синеве безоблачных небес,
 Как дым, как метеор, как призрак полуночи,
 44 Исчез, — и сон покинул очи.

- Все спало вокруг меня под кровом тишины.
 Стихии грозные казались безмолвны.
 При свете облаком подернутой луны
 48 Чуть веял ветерок, едва сверкали волны,
 Но сладостный покой бежал моих очей,
 И все душа за призраком летела,
 Все гостя горнего остановить хотела —
 52 Тебя, о милый брат! о лучший из друзей!

ТИБУЛЛОВА ЭЛЕГИЯ XI

Из I книги

Вольный перевод

- Кто первый изострил железный меч и стрелы?
Жестокий! он изгнал в безвестные пределы
Мир сладостный и в ад открыл обширный путь!
4 Но он виновен ли, что мы на ближних грудь
За золото, за прах — железо устремляем,
А не чудовищей им диких поражаем?
Когда на пиршествах стоял сосуд святой
8 Из буковой коры меж утвари простой
И стол был отягчен избытком сельских брашм, —
Тогда не знали мы щитов и твердых башен
И пастырь близ овец спокойно засыпал;
12 Тогда бы дни мои я радостями считал!
Тогда б не чувствовал невольно трепетанье
При гласе бранных труб! О тщетное мечтанье!
Я с Марсом на войне: быть может лук тугой
16 Натянут на меня пернатою стрелой...

- О боги! сей удар вы мимо пронесите,
Вы, лары отчески, от гибели спасите!
О вы, хранившие меня в тени своей
20 В беспечности золотой от колыбельных дней,
Не постыдитесь, что лик богов священный,
Иссеченный из пня и пылью покровенный,
В жилище праотцев уединен стоит!
24 Не знали смертные ни злобы, ни обид,
Ни клятв нарушенных, ни почестей, ни злата,

- Когда священный лик домашнего пената
Еще скудельный был на пепелище их!
- ²⁸ Он благодатен нам, когда из чаш простых
Мы učinим пред ним обильны возлиянья
Иль на чело его, в знак мирного венчанья,
Возложим мы венки из миртов и лилей;
- ³² Он благодатен нам, сей мирный бог полей,
Когда на празднествах, в дни майские веселы,
С толпою чад своих оратай престарелый
Опресноки ему священны принесет,
- ³⁶ А девы красные из улья чистый мед.
Спасите ж вы меня, отеческие боги,
От копий, от мечей! Вам дар несу убогий:
Кошницу, полную Церериных даров,
- ⁴⁰ А в жертву — сей овен, краса моих лугов.
Я сам, увенчанный и в ризы облеченный,
Явлюсь наутрие пред ваш олтарь священный.
Пускай, скажу, в полях неистовый герой,
- ⁴⁴ Обрызган кровию, выигрывает бой;
А мне — пусть благости сей буду я достоин —
О подвигах своих расскажет древний воин,
Товарищ юности; и, сидя за столом,
- ⁴⁸ Мне лагерь начертит веселых чаш вином.
Почто же вызывать нам смерть из царства тени,
Когда в подземный дом везде равны ступени?
Она, как тать в ночи, невидимой стопой,
- ⁵² Но быстро, гонится; и всюду за тобой!
И низведет тебя в те мрачные вертепы,
Где лает адский пес, где Фурии свирепы
И кормчий в челноке на Стиксовых водах.
- ⁵⁶ Там теней бледный полк толпится на берегах,
Власы обожжены, и вгалы их ланиты!..
Хвала, хвала тебе, оратай домовитый!
Твой вечерет век средь счастливой семьи:

- 60 Ты сам, в тени дубрав, пасешь стада свои;
Супруга между тем трапезу учреждает,
Для омовенья ног сосуды нагревает
С кристальною водой. О боги! если б я
- 64 Узрел еще мои родительски поля!
У светлого огня, с подругою младую,
Я б юность вспомянул за чашей круговую,
И были, и дела давно протекших дней!
- 68 Сын неба! светлый Мир! ты сам среди полей
Вола дебелого ярмом отягощаешь!
Ты благодать свою на нивы проливаешь
И в отческий сосуд, наследие сынов,
- 72 Лишь багряный сок из Вакховых даров.
В дни мира острый плуг и заступ нам священные;
А меч, кровавый меч, и шлемы оперенны
Снедает ржавчина безмолвно на стенах.
- 76 Оратай из лесу там едет на волах
С женою и с детьми, вином развеселенный!
Дни мира, вы любви игривой драгоценны!
Под знаменем ее воюем с красотой.
- 80 Ты плачешь, Ливия? но победитель твой,
Смотри! — у ног твоих, колена преклоняет.
Любовь коварная украдкой подступает
И вот уж среди вас, размолвивших, сидит!
- 84 Пусть молния богов бесщадно поразит
Того, кто красоту обидел на сраженье!
Но счастлив, если мог в минутном исступленьи
Венок на волосах каштановых измять
- 88 И пояс невзначай у девы развязать!
Счастлив, трикрат счастлив, когда твои угрозы
Исторгли из очей любви бесценны слезы!
А ты, взлелеянный меж копий и мечей,
- 92 Беги, кровавый Марс, от наших оларей!

ВЕСЕЛЫЙ ЧАС

Вы, други, вы опять со мною,
 Под тенью тополей густою,
 С золотыми чашами в руках,
 4 С любовью, с дружбой на устах!

Други! сядьте и внимайте
 Музы ласковой совет.
 Вы счастливо жить хотите
 8 На заре весенних лет?
 Отгоните призрак славы!
 Для веселья и забавы
 Сейте розы на пути;
 12 Скажем юности: лети!
 Жизнью дай лишь насладиться;
 Полной чашей радость пить:
 Ах! не долго веселиться
 16 И не веки в счастье жить!

Но вы, о други, вы со мною
 Под тенью тополей густою,
 С золотыми чашами в руках,
 20 С любовью, с дружбой на устах.

Станем, други, наслаждаться,
 Станем розами венчаться;
 Лиза! сладко пить с тобой,
 24 С нимфой резвой и живой!

Ах! обнимемся руками,
Съединим уста с устами,
Души в пламени сольем;
28 То воскреснем, то умрем! , ,

Вы ль, други милые, со мною,
Под тенью тополей густою,
С златыми чашами в руках,
32 С любовью, с дружбой на устах?

Я, любовью упоенный,
Вас забыл, мои друзья!
Как сквозь облак вижу темный
36 Чаши золотой края! . .
Лиза розою пылает,
Грудь любовью полна;
Улыбаясь наливает
40 Чашу светлого вина.
Мы потопим горечь нашу,
Други! в эту полную чашу;
Выпьем разом и до дна
44 Море светлого вина!

Друзья! уж месяц над рекою,
Почили рощи сладким сном;
Но нам ли здесь искать покою
48 С любовью, с дружбой и вином?
О радость! радость! Вахх веселой
Толпу утех сзывает к нам;
А тут в одежде легкой, белой,
52 Эрато гимн поет друзьям:
«Часы крилаты! не летите,
И счастье мигом хоть продлите!»
Увы! бегут счастливы дни,

- ⁵⁶ Бегут, летят стрелой они!
Ни лень, ни счастья наслажденья
Не могут их сдержать стремленья,
И время, сильною рукой,
⁶⁰ Погубит радость и покой.
Луга веселые, зелены,
Ручьи кристальные и сад,
Где мшисты дубы, древни клены
⁶⁴ Сплетают вечну тень прохлад;
Ужель вас зреть не буду боле?
Ужели там, на ратном поле,
Судил мне рок сном вечным спать?
⁶⁸ Свирель и чаша золотая
Там будут в прахе истлевать;
Покроет их трава густая,
Покроет, и ничьей слезой
⁷² Забвенный прах не окропится...
Заране должно ли крушиться?
Умру, и все умрет со мной!..
Но вы еще, друзья, со мною
⁷⁶ Под тенью тополей густою,
С золатыми чашами в руках,
С любовью, с дружбой на устах.

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ N.

О ты, которая была
Утех и радостей душою!
Как роза некогда цвела
4 Небесной красотою;
Теперь оставлена, печальна и одна,
Сидя смиренно у окна,
Без песней, без похвал встречаешь день рожденья;
8 Прими от дружества сердечны сожаленья,
Прими и сердце успокой.
Что потеряла ты? Лстецов бездушных рой,
Пугалищей ума, достоинства и нравов;
12 Судей безжалостных, докучливых нахалов.
Один был нежный друг... и он еще с тобой!

ПРОБУЖДЕНИЕ

Зефир последний сваял сон
С ресниц, окованных мечтами,
Но я — не к счастью пробужден
4 Зефира тихими крилами.
Ни сладость розовых лучей

Предтечи утреннего Феба,
 Ни кроткий блеск лазури неба,
⁸ Ни запах, веющий с полей,
 Ни быстрый лет коня ретива
 По скату бархатных лугов,
 И гончих лай, и звон рогов
¹² Вокруг пустынного залива, —
 Ничто души не веселит,
 Души, встревоженной мечтами,
 И гордый ум не победит
¹⁶ Любви, холодными словами.

РАЗЛУКА

Напрасно покидал страну моих отцов,
 Друзей души, блестящие искусства;
 И в шуме грозных битв, под тению шатров,
⁴ Старался усыпить встревоженные чувства.
 Ах! небо чуждое не лечит сердца ран!
 Напрасно я скитался
 Из края в край, и грозный океан
⁸ Кругом меня роптал и волновался:
 Напрасно от берегов пленительных Невы
 Отторженный судьбою,
 Я снова посещал развалины Москвы,
¹² Москвы, где я дышал свободой прямою!
 Напрасно я спешил от северных степей,
 Холодным солнцем освещенных,
 В страну, где Тирас бьет излучистой струей,

- 16 Сверкая между гор, Церерой позлащенных,
И древние поит народов племена.
Напрасно: всюду мысль преследует одна
 О милой, сердцу незабвенной,
20 Которой имя мне священо,
Которой взор один лазоревых очей
Все — неба на земле — блаженства отвергает,
И слово, звук один, прелестный звук речей
24 Меня мертвит и оживляет.

ТАВРИДА

- Друг милый, ангел мой! сокроемся туда,
Где волны кроткие Тавриду омывают
И Фебовы лучи с любовью озаряют
4 Им древней Греции священные места,
 Мы там, отверженные роком,
Равны несчастьем, любовью равны,
Под небом сладостным полуденной страны
8 Забудем слезы лить о жребии жестоком,
Забудем имена фортуны и честей.
В прохладе ясеней, шумящих над лугами,
Где кони дикие стремятся табунами
12 На шум студеных струй, кипящих под землей,
Где путник с радостью от зноя отдыхает
Под говором древес, пустынных птиц и вод,
Там, там нас хижина простая ожидает,
16 Домашний ключ, цветы и сельский огород,
Последние дары фортуны благосклонной,

- Вас пламенны сердца приветствуют стократ!
 Вы краше для любви и мраморных палат
 20 Пальмиры Севера огромной!
 Весна ли красная блистает средь полей,
 Иль лето знойное палит иссохши злаки,
 Иль, урну хладную вращая, Водолей
 24 Валит шумящий дождь, седый туман и мраки,
 О радость! ты со мной встречаешь солнца свет
 И, ложе счастья с денницей покидая,
 Румяна и свежа, как роза полевая,
 28 Со мною делишь труд, заботы и обед.
 Со мной в час вечера, под кровом тихой ночи
 Со мной, всегда со мной; твои прелестны очн
 Я вижу, голос твой я слышу, и рука
 32 В твоей покоится всечасно.
 Я с жаждою ловлю дыханье сладострастно
 Румяных уст, и если хоть слегка
 Летящий Зефир власы твои развеет
 36 И взору обнажит снегам подобну грудь,
 Твой друг — не смеет и вздохнуть:
 Потупя взор стоит, дивится и немеет.

СУДЬБА ОДИССЕЯ

- Средь ужасов земли и ужасов морей
 Блуждая, бедствуя, искал своей Итаки
 Богобоязненный страдалец Одиссей;
 4 Стопой бестрепетной сходил Аида в мраки;

Харибды яростной, подводной Сциллы стон
Не потрясли души высокой.
Казалось, победил терпением рок жестокой
⁸ И чашу горести до капли выпил он;
Казалось, небеса карать его устали,
И тихо сонного домчали
До милых родины давножеланных скал.
¹² Проснулся он: и что ж? отчизны не познал.

ПОСЛЕДНЯЯ ВЕСНА

В полях блистает май веселый!
Ручей свободно зажурчал,
И яркий голос Филомелы
⁴ Угрюмый бор очаровал:
Все новой жизни пьет дыханье!
Певец любви, лишь ты уныл!
Ты смерти верной предвещанье
⁸ В печальном сердце заключил;
Ты бродишь слабыми стопами
В последний раз среди полей,
Прощаясь с ними и с лесами
¹² Пустынной родины твоей.
«Простите, рощи и долины,
Родные реки и поля!
Весна пришла, и час кончины
¹⁶ Неотразимой вижу я!
Так! Эпидавра прорицанье

- Вещало мне: в последний раз
Услышишь горлиц воркованье
20 И Гальционы тихий глас.
Зазеленеют гибки лозы,
Поля оденутся в цветы,
Там первые увидишь розы
24 И с ними вдруг увянешь ты.
Уж близок час. . . Цветочки милы,
К чему так рано увядать?
Закройте памятник унылый,
28 Где прах мой будет истлевать;
Закройте путь к нему собою
От взоров дружбы навсегда.
Но если Делия с тоскою
32 К нему приблизится; тогда
Исполните благоуханьем
Вокруг пустынный небосклон
И томным листьев трепетаньем
36 Мой сладко очаруйте сон!»
В полях цветы не увядали,
И Гальционы в тихий час
Стенанья рощи повторяли;
40 А бедный юноша. . . погас!
И дружба слез не уронила
На прах любимца своего;
И Делия не посетила
44 Пустынный памятник его,
Лишь пастырь, в тихий час денницы,
Как в поле стадо выгонял,
Унылой песнью возмущал
48 Молчанье мертвое гробницы.

К Г«НЕДИ»ЧУ

Только дружба обещает
Мне бессмертия венки;
Он приметно увядает,
4 Как от зноя василек.
Мне оставить ли для славы
Скромную стезю забавы?
Путь к забавам проложен;
8 К славе — тесен и мудрен!
Мне ль за призраком гоняться,
Лавры с скукой собирать?
Я умею наслаждаться,
12 Как ребенок всем играть;
И счастлив!.. Досель цветами
Путь ко счастью устилал;
Пел, мечтал, подчас стихами
16 Горесть сердца услаждал.
Пел от лени и досуга;
Муза мне была — подруга;
Не был ей поработчен.
20 А теперь — весна как сон
Легкокрылый исчезает
И с собою увлекает
Прелесть песней и мечты!
24 Нежны мирты и цветы,
Чем прелестницы венчали
Юного певца, — завяли!
Ах! ужели наградит

28 Слава счастья утрату
И ко дней моих закату
Как нарочно прилетит?

К ДАШКОВУ

Мой друг! я видел море зла
И неба мстительного кары;
Врагов неистовых дела,
4 Войну и гибельны пожары.
Я видел сонмы богачей,
Бегущих в рубищах издранных;
Я видел бледных матерей,
8 Из милой родины изгнанных!
Я на распутье видел их,
Как, к персям чад прижав грудных,
Они в отчаянье рыдали,
12 И с новым трепетом взирали
На небо рдяное кругом.
Трикраты с ужасом потом
Бродил в Москве опустошенной,
16 Среди развалин и могил;
Трикраты прах ее священной
Слезами скорби омочил.
И там, где зданья величавы
20 И башни древние царей,
Свидетели протекшей славы
И новой славы наших дней;
И там, где с миром почивали

- 24 Останки иноков святых
И мимо веки протекали
Святыни не касаясь их;
И там, где роскоши рукою,
28 Дней мира и трудов плоды,
Пред златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады, —
Лишь угли, прах и камней горы,
32 Лишь груды тел кругом реки,
Лишь нищих бледные полки
Везде мои встречали взоры! . .
А ты, мой друг, товарищ мой,
36 Велишь мне петь любовь и радость,
Беспечность, счастье и покой
И шумную за чашей младость!
Среди военных непогод,
40 При страшном зареве столицы,
На голос мирных цевницы
Сзывать пастушек в хоровод!
Мне петь коварные забавы
44 Армид и ветреных Цирцей
Среди могил моих друзей,
Утраченных на поле славы! . .
Нет, нет! талант погибни мой
48 И лира, дружбе драгоценна,
Когда ты будешь мной забвенна,
Москва, отчизны край златой!
Нет, нет! пока на поле чести
52 За древний град моих отцов
Не понесу я в жертву мести
И жизнь и к родине любовь;
Пока с израненным героем,
56 Кому известен к славе путь,
Три раза не поставлю грудь

Перед врагов сомкнутым строем —
 Мой друг, дотоле будут мне
⁶⁰ Все чужды музы и хариты,
 Венки, рукой любви свиты,
 И радость шумная в вине!

ИСТОЧНИК

Буря умолкла, и в ясной лазури
 Солнце явилось на западе нам;
 Мутный источник, след яростной бури,
⁴ С ревом и с шумом бежит по полям!
 Зафна! приближься: для девы невинной
 Пальмы под тенью здесь роза цветет;
 Падая с камня, источник пустынной
⁸ С ревом и с пеной сквозь дебри течет!

Дебри ты, Зафна, собой озарила!
 Сладко с тобою в пустынных краях!
 Песни любви ты мне повторила;
¹² Ветер унес их на тихих крылах!
 Голос твой, Зафна, как утра дыханье,
 Сладостно шепчет, несясь по цветам:
 Тише, источник! прерви волнованье,
¹⁶ С ревом и с пеной стремясь по полям!

Голос твой, Зафна, в душе отозвался;
 Вижу улыбку и радость в очах!..

Дева любви! — я к тебе прикасался,
20 С медом пил розы на влажных устах!
Зафна краснеет?.. О друг мой невинный,
Тихо прижмися устами к устам!..
Будь же ты скромн, источник пустынный,
24 С ревом и с шумом стремясь по полям!

Чувствую персей твоих волнованье,
Сердца биенье и слезы в очах;
Сладостно девы стыдливой роптанье!
28 Зафна, о Зафна!.. смотри... там в водах
Быстро несется цветок розмаринный;
Воды умчались — цветочка уж нет!
Время быстрее, чем ток сей пустынный,
82 С ревом который сквозь дебри течет!

Время погубит и прелесть и младость!..
Ты улыбнулась, о дева любви!
Чувствуешь в сердце томленье и сладость,
88 Сильны восторги и пламень в крови!..
Зафна, о Зафна! — там голубь невинный
С страстной подругой завидуют нам...
Вздохи любви — источник пустынный
40 С ревом и с шумом умчит по полям!

НА СМЕРТЬ СУПРУГИ Ф. Ф. К<ОКОШКИ>НА

Nell'età sua piú bella, e piú fiorita...
...E viva, e bella al ciel salita*.

Petrarca

Нет подруги нежной, нет прелестной Лилы!
Все осиротело!

Плачь, любовь и дружба, плачь, Гимен унылый!
4' Счастье улетело!

Дружба! ты всечасно радости цветами
Жизнь ее дарила;

Ты свою богиню, с воплем и слезами,
8 В землю положила.

Ты печальны тисы, кипарисны лозы
Насади вокруг урны!

Пусть приносит юность в дар чистейший слезам
12 И цветы лазурны!

Все вокруг уныло! Чуть Зефир весенний
Памятник лобзает;

Здесь, в жилище плача, тихий смерти гений
16 Розу обрывает.

Здесь Гимен прикован, бледный и безгласный,
Вечною тоскою,

Гасит у гробницы свой светильник ясный
20 Трепетной рукою!

* В своем самом прекрасном, самом цветущем возрасте, ..
...и живой, и прекрасной на небо взшла.

Петрарка (итал.).

ПЛЕННЫЙ

В местах, где Рона протекает
По бархатным лугам,
Где мирт душистый расцветает
4 Склонясь к ее водам,
Где на горах роскошно зреет
Янтарный виноград,
Златый лимон на солнце рдеет,
8 И яворы шумят;

В часы вечерняя прохлада
Любуясь рекой,
Стоял, склоня на Рону взгляды
12 С глубокою тоской,
Добыча брани, русский пленный,
Придонских честь сынов,
С полей победы похищенный
16 Один — толпой врагов.

«Шуми, — он пел, — волнами, Рона,
И жатвы орошай,
Но плеском волн — родного Дона
20 Мне шум напоминай!
Я в праздности теряю время,
Душою в людстве сир;
Мне жизнь — не жизнь без славы, бремя,
24 И пуст прекрасный мир!

Весна вокруг живит природу,
Яснеет солнца свет;
Все славит счастье и свободу,
25 Но мне свободы нет!
Шуми, шуми волнами, Рона,
И мне вспоминай
На берегах родного Дона
32 Отчизны милый край!

Здесь прелесть — сельские девицы!
Их взор огнем горит,
И сквозь потупленны ресницы
36 Мне радости сулит.
Какие радости в чужбине?
Они в родных краях;
Они цветут в моей пустыне
40 И в дебрях и в снегах.

Отдайте ж мне мою свободу!
Отдайте край отцов,
Отчизны вьюги, непогоду,
44 На родине мой кров,
Покрытый в зиму ярким снегом!
Ах! дайте мне коня;
Туда помчит он быстрым бегом
48 И день и ночь меня!

На родину, в сей терем древний,
Где ждет меня краса,
И под окном, в часы вечерни,
52 Глядит на небеса;
О друге тайно помышляет...
Иль робкою рукой
Коня ретивого ласкает,
56 Тебя, соратник мой!

Шуми, шуми волнами, Рона,
И жатвы орошай;
Но плеском волн — родного Дона
⁶⁰ Мне шум напоминай!
О ветры, с полночи летите
От родины моей;
Вы, звезды севера, горите
⁶⁴ Изгнаннику светлей!»

Так пел наш пленник одинокой
В виду Лионских стен,
Где юноше судьбой жестокой
⁶⁸ Назначен долгий плен.
Он пел — у ног сверкала Рона,
В ней месяц трепетал,
И на золотых верхах Лиона
⁷² Луч солнца догарал.

ГЕЗИОД И ОМИР, СОПЕРНИКИ

Посвящено
А<лексею> Н<иколаевичу> О<ленину>,
любителю древности

Народы, как волны, в Халкиду текли,
Народы счастливой Эллады!
Там сильный владыка, над прахом отца
Оконча печальны обряды,
Ристалище славы бойцам отверзал.
Три раза с румяной денницей
Бойцы выступали с бойцами на бой;

- 8 Три раза стремили возницы
 Коней легконогих по звонким полям;
 И трижды владетель Халкиды
 Достойным оливны венки раздавал.
- 12 Но солнце на лоно Фетиды
 Склонялось, и новый готовился бой.
 Очистите поле, возницы!
 Спешите! Залейте студеной струей
- 16 Пылающи оси и спицы;
 Коней отрешите от тягостных уз
 И в стойлы прохладны ведите;
 Вы, пылью и потом покрыты бойцы,
- 20 При пламени светлом вздохните.
 Внемлите, народы, Эллады сыны,
 Высокие песни внемлите!

- Пройдя из края в край гостеприимный мир,
 24 Летами древними и роком удрученный,
 Здесь песней царь, Омир,
 И юный Гезиод, Каменам драгоценный,
 Вступают в славный бой.
- 26 Колебля маслину священную рукой,
 Певец Аскрен гимн высокий начинает
 (Он с лирой никогда свой глас не сочетает):

Гезиод

- Безвестный юноша, с стадами я бродил
 32 Под тенью пальмовой близ чистой Ипокрены;
 Там пастыря нашли прелестные Камены,
 И я в обитель их священную вступил.

Омир

- Мне снилось в юности: орел-громометатель
 36 От Мелеса меня играючи унес

На край земли, на край небес,
Вещая: ты земли и неба обладатель.

Гезиод

Там лавры хижину простую осенят,
40 В пустынях процветут Темпейские долины,
Куда вы бросите свой благотворный взгляд,
О нежны дочери суровой Мнемозины!

Омир

Хвала отцу богов! Как ясный свод небес
44 Над царством высится плачевного Эреба,
Как радостный Олимп стоит превыше неба,
Так выше всех богов — властитель их, Зевес!..

Гезиод

В священном сумраке, в сиянии Дианы,
48 Вы, Музы, любите сплетаться в хоровод
Или, торжественный в Олимп свершая ход,
С бессмертными вкушать напиток Гебы
рьяный...

Омир

Не знает смерти он: кровь алая тельцов
62 Не брызнет под ножом над Зевсовой
гробницей;
И кони бурные со звонкой колесницей
Пред ней не будут прах крутить до облаков.

Гезиод

А мы, все смертные, все Паркам обреченны,
56 Увидим области подземного царя,
И реки спящие, Тенаром заключенны,
Не льючи дань свою в бездонные моря.

О м и р

- Я приближаюсь к мете сей неизбежной.
 60 Внемли, о юноша! Ты пел «Труды и дни»...
 Для старца ветхого уж кончились они!

Г е з и о д

- Сын дивный Мелеса! И лебедь белоснежной
 На синем Стримоне, провидя страшный час,
 64 Не слаще твоего поет в последний раз!
 Твой гений пронизал в Олимп: и вечны боги
 Отверзли для тебя заоблачны чертоги.
 И что ж? В юдоли сей страдалец искони,
 68 Ты роком обречен в печалях кончить дни.
 Певец божественный, скитаяся, как нищий,
 В печальном рубище, без крова и без пищи,
 Слепец всевидящий! ты будешь проклинать
 62 И день, когда на свет тебя родила мать!

О м и р

- Твой глас подобится амвросии небесной,
 Что Геба юная сапфирной чашей льет.
 Певец! в устах твоих поэзии прелестной
 66 Сладчайший Ольмия благоухает мед.
 Но... Муз любимый жрец!.. страшишь руки
 злодейской,
 Страшишь любви, страшишь Эвбеи берегов;
 Твой близок час: увы! тебя Зевес Немейской
 60 Как жертву славную готовит для врагов.

- Умолкли. Облако печали
 Покрыло очи их... народ рукоплескал.
 Но снова сладкий бой поэты начинали
 64 При шуме радостных похвал.

- Омир, возвыся глас, воспел народов брани,
Народов, гибнущих по прихоти царей;
Приама древнего, с мольбой несуща дани
- ⁶⁸ Убийце грозному и кровных и детей;
Мольбу смиренную и быструю Обиду,
Харит и легких Ор и страшную Эгиду,
Нептуна области, Олимп и дикий Ад.
- ⁷² А юный Гезиод, взлелеянный Парнасом,
С чудесной прелестью воспел веселым гласом
Весну, роскошную сопутницу Гиад:
Как Феб торжественно вселенну обтекает,
- ⁷⁸ Как дни и месяцы рождаются в небесах;
Как нивой золотой Церера награждает
Труды годичные оратая в полях;
Заботы сладкие при сборе винограда;
- ⁸⁰ Тебя, желанный Мир, лелеятель долин,
Благословенных сел, и пастырей, и стада,
Он пел. И слабый царь, Халкиды властелин,
От самой юности воспитанный средь мира,
- ⁸⁴ Презрел высокий гимн бессмертного Омира
И пальму первенства сопернику вручил.
Счастливый Гезиод в награду получил
За песни, мирною Каменной вдохновенны,
- ⁸⁸ Сосуды серебряны, треножник позлащенный
И черного овна, красу веселых стад.
За ним, пред ним сыны ахейские, как волны,
На край ристалища обширного спешат,
- ⁹² Где победитель сам, благоговенья полный,
При возлияниях, овна младую кровь
Довременно богам подземным посвящает,
И Музам светлые сосуды предлагает,
- ⁹⁶ Как дар, усердный дар певца, за их любовь.
До самой старости преследуемый роком,
Но духом царь, не раб разгневанной судьбы,

- Омир скрывается от суетной толпы,
 100 Снедая грусть свою в молчании глубоко.
 Рожденный в Самосе убогий сирота
 Слепца из края в край, как сын усердный,
водит,
 Он с ним пристанища в Элладе не находит;
 104 И где найдут его талант и нищета?

ПРИМЕЧАНИЕ К ЭЛЕГИИ «ГЕЗИОД И ОМИР»

Эта элегия переведена из Мильвуа, одного из лучших французских стихотворцев нашего времени. Он скончался в прошлом годе, в цветущей молодости. Французские музы долго будут оплакивать преждевременную его кончину: истинные таланты ныне редки в отечестве Расина.

Многие писатели утверждали, что Омир и Гезиод были современники; некоторые сомневаются, а иные и совершенно оспаривают это предположение. Отец Гезиодов, как видно из поэмы «Труды и дни», жил в Кумах, откуда он перешел в Аскрею, город в Беотии, у подошвы горы Геликона: там родился Гезиод. Музы, говорит он в начале «Феогонии», нашли его на Геликоне и обрекли себе. Он сам упоминает о победе своей в песнопении. Архидамий, царь Эвбейский, умирая завещал, чтобы в день смерти его, ежегодно, совершались погребальные игры. Дети исполнили завещание родителя и Гезиод был победителем в песнопении. Плутарх в сочинении своем «Пир Семи Мудрецов» заставляет рассказывать Перяндра о состязании Омира с Гезиодом. Последний остался победителем, и, в знак благодарности музам, посвятил им треножник, полученный в награду. Жрица Дельфийская предвещала Гезиоду кончину его; предвещание сбылось. Молодые люди, полагая, что Гезиод соблазнил сестру их, убили его на берегах Эвбеи, посвященных Юпитеру Немейскому.

Кажется не нужно говорить об Омيره. Кто не знает, что первый в мире Поэт был слеп и нищий?

Нам Музы дорого таланты продают!

К ДРУГУ

Скажи, мудрец молодой, что прочно на земли?
Где постоянно жизни счастье?

Мы область призраков обманчивых прошли;

⁴ Мы пили чашу сладострастья:

Но где минутный шум веселья и пиров,
В вине потопленные чаши?

Где мудрость светская сияющих умов?

³ Где твой Фалерн и розы наши?

Где дом твой, счастья дом? .. Он в буре бед исчез
И место поросло крапивой,

Но я узнал его: я сердца дань принес

¹² На прах его красноречивой.

На нем, когда окрест замолкнет шум градской
И яркий Веспер засияет

На темном севере, — твой друг, в тиши ночной,

¹⁶ В душе задумчивость питает.

От самой юности служитель олтарей
Богини неги и прохлады,

От пресыщения, от пламенных страстей

²⁰ Я сердцу в ней ищу отрады.

Поверишь ли? я здесь, на пепле храмин сих,
Венок веселия слагаю

И часто в горести, в волнение чувств моих
24 Потупя взоры, восклицаю:

Минутны странники, мы ходим по гробам;
Все дни утратами считаем;
На крыльях радости летим к своим друзьям, —
28 И что ж? их урны обнимаем.

Скажи, давно ли здесь, в кругу твоих друзей,
Сияла Лила красотою?
Благие небеса, казалось, дали ей
32 Все счастье смертной под луною:

Нрав тихий ангела, дар слова, тонкий вкус,
Любви и очи и ланиты;
Чело открытое одной из важных муз
36 И прелесть — девственной хариты.

Ты сам, забыв и свет и тщетный шум пиров,
Ее беседой наслаждался
И в тихой радости, как путник средь песков,
40 Прелестным цветом любовался.

Цветок (увы!) исчез, как сладкая мечта!
Она, в страданиях, почила
И с миром, в страшный час, прощаясь навсегда...
44 На друге взор остановила.

Но дружба, может быть, ее забыла ты!..
Веселье слезы осушило;
И тень чистейшую — дыханье клеветы
48 На лоне мира возмутило.

Так все здесь суетно в обители сует!
Прязнь и дружество непрочны!

Но где, скажи, мой друг, прямой сияет свет?
52 Что вечно чисто, непорочно?

Напрасно вопрошал я опытность веков
 И Клин мрачные скрижали,
Напрасно вопрошал всех мира мудрецов:
56 Они безмолвны пребывали.

Как в воздухе перо кружится здесь и там,
 Как в вихре тонкий прах летает,
Как судно без руля стремится по волнам
60 И вечно пристани не знает, —

Так ум мой посреди сомнений погибал.
 Все жизни прелести затмились;
Мой гений в горести светильник погашал,
64 И музы светлые сокрылись.

Я с страхом спросил глас совести моей. . .
 И мрак исчез, прозрели вежды:
И вера пролила спасительный елей
68 В лампаду чистую надежды.

Ко гробу путь мой весь, как солнцем, озарен;
 Ногой надежною ступаю;
И, с ризы странника свергая прах и тлен,
72 В мир лучший духом возлетаю.

МЕЧТА

- Подруга нежных муз, посланница небес,
 Источник сладких дум и сердцу милых слез,
 Где ты скрываешься, Мечта, моя богиня?
- ⁴ Где тот счастливый край, та мирная пустыня,
 К которым ты стремишь таинственный полет?
 Иль дебри любишь ты, сих грозных скал хребет,
 Где ветер порывистый и бури шум внимаешь?
- ⁸ Иль в муромских лесах задумчиво блуждаешь,
 Когда на западе зари мерцает луч
 И хладная луна выходит из-за туч?
 Или, влекомая чудесным обаяньем
- ¹² В места, где дышит все любви очарованьем,
 Под тенью яворов ты бродишь по холмам,
 Студеной пеною Воклюза орошенным?
 Явись, богиня, мне, и с трепетом священным
- ¹⁶ Коснуся я струнам,
 Тобой одушевленным!
 Явися! ждет тебя задумчивый пиит,
 В безмолвии ночном сидящий у лампы;
- ²⁰ Явись и дай вкусить сердечныя отрады.
 Любимца твоего, любимца Аонид,
 И горесть сладостна бывает:
 Он в горести — мечтает.
- ²⁴ То вдруг он пренесен во Сельмские леса,
 Где ветер шумит, ревет гроза,
 Где тень Оскарова, одетая туманом,

- По небу стелется над пенным океаном;
28 То с чашей радости в руках
Он с бардами поет: и месяц в облаках,
И Кромлы шумный лес безмолвно им внимает,
И эхо по горам песнь звучну повторяет.
- 32 Или в полночный час
Он слышит Скальдов глас,
Прерывистый и томный.
Зрит: юноши безмолвны,
- 36 Склоняся на щиты, стоят кругом костров,
Зажженных в поле брани;
И древний царь певцов
Простер на арфу длани.
- 40 Могилу указав, где вождь героев спит,
— «Чья тень, чья тень, — гласит
В священном исступленьи, —
Там с девами плывет в туманных облаках?
- 44 Се ты, младый Иснель, иноплеменных страх,
Днесь падший на сраженьи!
Мир, мир тебе, герой!
Твоей секирою стальной
- 48 Пришельцы гордые разбиты!
Но сам ты пал на грудах тел,
Пал, витязь знаменитый,
Под тучей вражьих стрел!..
- 52 Ты пал! И над тобой посланницы небесны,
Валкирии прелестны,
На белых, как снега Биармии, конях,
С золотыми копьями в руках,
- 56 В безмолвии спустились!
Коснулись до зениц копьем своим, и вновь
Глаза твои открылись!
Течет по жилам кровь
- 60 Чистейшего эфира;

И ты, бесплотный дух,
В страны́ безвестны́ мира
Летишь стрелой... и вдруг —
64 Открылись пред тобой те радужны чертоги,
Где уготовали для сонма храбрых боги
Любовь и вечный пир.
При шуме горных вод и тихострунных лир,
68 Среди полян и свежих сеней,
Ты будешь поражать там скачущих еленей
И золоторогих серн.
Склонясь на злачный дерн
72 С дружиною младою,
Там снова с арфой золотою
В восторге Скальд поет
О славе древних лет;
76 Поет, и храбрых очи,
Как звезды тихой ночи,
Утехой блестят.
Но вечер притекает,
80 Час неги и прохлад,
Глас Скальда замолкает.
Замолк — и храбрых сонм
Идет в Оденов дом,
84 Где дочери Веристы,
Власы свои душисты
Раскинув по плечам,
Прелестницы молодые,
88 Всегда полунагие,
На пиршества гостям
Обильны яствы носят
И пить умильно просят
92 Из чаши сладкий мед.
Так древний Скальд поет,
Лесов и дебрей сын угрюмый:

Он счастлив, погрузясь о счастье в сладки
думы!

- ⁹⁶ О сладкая Мечта! О неба дар благой!
Средь дебрей каменных, средь ужасов природы,
Где плещут о скалы Ботнические воды,
В краях изгнанников... я счастлив был тобой.
- ¹⁰⁰ Я счастлив был, когда в моем уединенье
Над кушей рыбаля, в час полночи немой,
Раздастся ветров свист и вой
И в кровлю застучит и град и дождь осенний.
- ¹⁰⁴ Тогда на крыльях Мечты
Летал я в поднебесной;
Или, забывшись на лоне красоты,
Я сон вкушал прелестной,
- ¹⁰⁸ И, счастлив наяву, был счастлив и в мечтах!

- Волшебница моя! дары твои бесценны
И старцу в лета охлажденны,
С котомкой нищему и узнику в цепях.
- ¹¹² Заклепы страшные с замками на дверях,
Соломы жесткий пук, свет бледный пепелища,
Изглоданный сухарь, мышей тюремных пища,
Сосуды глиняны с водой,
- ¹¹⁶ Все, все украшено тобой!..
Кто сердцем прав, того ты ввек не покидаешь:
За ним во все страны летаешь,
И счастьем даришь любимца своего.
- ¹²⁰ Пусть миром позабыт! что нужды для него?
Но с ним задумчивость, в день пасмурный,
осенний,
На мирном ложе сна
В уединенной сени

- 124 Беседует одна.
 О, тайных слез неизъяснима сладость!
 Что пред тобой сердце холодных радость,
 Веселий шум и блеск честей
- 128 Тому, кто ничего не ищет под луною,
 Тому, кто сопряжен душою
 С могилою давно утраченных друзей!

- Кто в жизни не любил?
 132 Кто раз не забывался,
 Любя, мечтам не предавался,
 И счастья в них не находил?
 Кто в час глубокой ночи,
- 136 Когда невольно сон смыкает томны очи,
 Всю сладость не вкусил обманчивой Мечты?
 Теперь, любовник, ты
 На ложе роскоши с подругой боязливой,
- 140 Ей шепчешь о любви и пламенной рукой
 Снимаешь со груди ее покров стыдливой;
 Теперь блаженствуешь, и счастлив ты — Мечтой!
 Ночь сладострастия тебе дает призраки,
- 144 И нектаром любви кропит ленивы маки.

Мечтание — душа поэтов и стихов.

- И едкость сильная веков
 Не может прелестей лишить Анакреона;
- 148 Любовь еще горит во пламенных мечтах
 Любовницы Фаона;
 А ты, лежащий на цветах
 Меж нимф и сельских граций,
- 152 Певец веселня, Гораций!
 Ты сладостно мечтал,
 Мечтал среди пиров и шумных и веселых
 И смерть угрюмую цветами увеичал!

- 156 Как часто в Тибуре, в сих рощах устарелых,
На скате бархатных лугов,
В счастливом Тибуре, в твоём уединенье,
Ты ждал Глицерию, и в сладостном забвенье,
160 Томимый негою на ложе из цветов,
При воскурении мастик благоуханных,
При пляске нимф венчанных,
Сплетенных в хоровод,
164 При отдаленном шуме
В лугах журчащих вод,
Безмолвен в сладкой думе
Мечтал... и вдруг Мечтой
168 Восторжен сладострастной,
У ног Глицерин стыдливой и прекрасной
Победу пел любви
Над юностью беспечной,
172 И первый жар в крови,
И первый вздох сердечной.
Счастливец! воспевал
Цитерския забавы,
176 И все заботы славы
Ты ветрам отдавал!

- Ужели в истинах печальных
Угрюмых стойков и скучных мудрецов,
180 Сидящих в платьях погребальных
Между обломков и гробов,
Найдем мы жизни нашей сладость?
От них, я вижу, радость
184 Летит, как бабочка от терновых кустов,
Для них нет прелести и в прелестях природы;
Им девы не поют, сплетая в хороводы;
Для них, как для слепцов,
188 Весна без радости и лето без цветов...

Увы! но с юностью исчезнут и мечтанья,
Исчезнут граций лобызанья,
Надежда изменит — и рой крылатых снов,
192 Увы! там нет уже цветов,
Где тусклый опытность светильник зажигает
И время старости могилу открывает.

Но ты — пребудь верна, живи еще со мной!
196 Ни свет, ни славы блеск пустой,
Ничто даров твоих для сердца не заменит!
Пусть дорого глупец сует блистанье ценит,
Лобзая прах золотый у мраморных палат.
200 Но я и счастлив и богат,
Когда снискал себе свободу и спокойство,
А от сует ушел забвения тропой!
Пусть будет навсегда со мной
204 Завидное поэтов свойство:
Блаженство находить в убожестве — Мечтой!
Их сердцу малость драгоценна.
Как пчелка, медом отягченна,
208 Летает с травки на цветок,
Считая морем — ручеек;
Так хижину свою поэт дворцом считает,
И счастлив — он мечтает!

ПОСЛАНИЯ

МОИ ПЕНАТЫ

Послание к Жуковскому и Вяземскому

- Отечески Пенаты,
О пестуны мои!
Вы златом не богаты,
⁴ Но любите свои
Норы и темны кельи,
Где вас на новосельи
Смиренно здесь и там
⁸ Расставил по углам;
Где, странник я бездомный,
Всегда в желаньях скромный,
Сыскал себе приют.
¹² О боги! будьте тут
Доступны, благосклонны!
Не вина благовонны,
Не тучный фимиам
¹⁶ Поэт приносит вам;
Но слезы умиленья,
Но сердца тихий жар
И сладки песнопенья,
²⁰ Богинь пермесских дар!
О Лары! уживитесь

- В обители моей,
Поэту улыбнитесь —
24 И будет счастлив в ней! ..
В сей хижине убогой
Стоит перед окном
Стол ветхой и треногой
28 С изорванным сукном.
В углу, свидетель славы
И суеты мирской,
Висит полужаржавый
32 Меч прадедов тупой;
Здесь книги выписные,
Там жесткая постель —
Все утвари простые,
36 Все рухляя скудель!
Скудель! .. но мне дороже,
Чем бархатное ложе
И вазы богачей! ..
- 40 Отеческие боги!
Да к хижине моей
Не сыщется ввек дороги
Богатство с суетой;
44 С наемною душой
Развратные счастливыцы,
Придворные друзья
И бледны горделивыцы,
48 Надутые князья!
Но ты, о мой убогой
Калека и слепой,
Идя путем-дорогой
52 С смиренною клюкой,
Ты смело постучися,
О воин, у меня;

- Войди и обсушися
66 У яркого огня.
О старец, убеленный
Годами и трудом,
Трикраты уязвленный
60 На приступе штыком!
Двуструнной балалайкой
Походы прозвени
Про витязя с нагайкой,
64 Что в жупел и в огни
Летал перед полками,
Как вихор на полях,
И вокруг его рядами
68 Враги ложились в прах! . .
И ты, моя Лилета,
В смиренный уголок
Приди под вечерок,
72 Тайком переодета!
Под шляпою мужской
И кудри золотые,
И очи голубые,
76 Прелестница, сокрой!
Накинь мой плащ широкой,
Мечом вооружись
И в полночи глубокой
80 Внезапно постучись. . .
Вошла — наряд военный
Упал к ее ногам,
И кудри распущенны
84 Взвывают по плечам,
И грудь ее открылась
С лилейной белизной:
Волшебница явилась
88 Пастушкой предо мной!

И вот с улыбкой нежной
Садится у огня,
Рукою белоснежной
92 Склонившись на меня;
И алыми устами,
Как ветер меж листьями,
Мне шепчет: «Я твоя,
96 Твоя, мой друг сердечной! . . .»
Блажен, в сени беспечной
Кто милою своей,
Под кровом от ненастья,
100 На ложе сладострастья
До утренних лучей
Спокойно обладает,
Спокойно засыпает
104 Близ друга сладким сном! . .

Уже потухли звезды
В сиянии дневном
И пташки теплы гнезды,
108 Что свиты над окном,
Щебеча покидают
И негу отрясают
Со крылышек своих;
112 Зефир листы колышет,
И все любовью дышет
Среди полей моих;
Все с утром оживает,
116 А Лила почивает
На ложе из цветов. . .
И ветер тиховойной
С груди ее лилейной
120 Сдул дымчатый покров. . .
И в локоны золотые

- Две розы молодые
С нарциссами вплелись;
124 Сквозь тонкие преграды
Нога, ища пролады,
Скользит по ложу вниз...
Я Лилы пью дыханье
128 На пламенных устах,
Как роз благоуханье,
Как нектар на пирах!..
Покойся, друг прелестной,
132 В объятиях моих!
Пускай в стране безвестной,
В тени лесов густых,
Богинею слепою
136 Забыт я от пелен:
Но дружбой и тобою
С избытком награжден!
Мой век спокоен, ясен;
140 В убожестве с тобой
Мне мил шалаш простой;
Без злата мил и красен
Лишь прелестью твоей!
- 144 Без злата и честей
Доступен добрый гений
Поэзии святой,
И часто, в мирной сени,
148 Беседует со мной.
Небесно вдохновенье,
Порыв крылатых дум!
(Когда страстей волнение
152 Уснет... и светлый ум,
Летая в поднебесной,
Земных свободен уз,

- В Аонии прелестной
156 Сретаеи хоры муз!)
Небесно вдохновенье,
Зачем летишь стрелой,
И сердца упоенье
160 Уносишь за собой?
До розовой денницы,
В отрадной тишине,
Парнасские царицы,
164 Подруги будьте мне!
Пускай веселы тени
Любимых мне певцов,
Оставля тайны сени
168 Стигийских берегов
Иль области эфирны,
Воздушною толпой
Слетят на голос лирный
172 Беседовать со мной! . .
И мертвые с живыми
Вступили в хор един! . .
Что вижу? ты пред ними,
176 Парнасский исполин,
Певец героев, славы,
Вслед вихрям и громам,
Наш лебедь величавый,
180 Плывешь по небесам.
В толпе и муз и граций,
То с лирой, то с трубой,
Наш Пиндар, наш Гораций
184 Сликает голос свой.
Он громок, быстр и силен,
Как Суна средь степей,
И нежен, тих, умилен,
188 Как вешний соловей.

Фантазии небесной
Давно любимый сын,
То повестью прелестной
192 Пленяет Карамзин;
То мудрого Платона
Описывает нам
И ужин Агатона
196 И наслажденья храм;
То древню Русь и нравы
Владимира времен,
И в колыбели славы
200 Рождение славян.
За ними сильф прекрасной,
Воспитанник харит,
На цитре сладкогласной
204 О Душеньке бренчит;
Мелецкого с собою
Улыбкою зовет
И с ним, рука с рукою,
208 Гимн радости поет! . .
С эротами играя,
Философ и пиит,
Близ Федра и Пильпая
212 Там Дмитриев сидит;
Беседуя с зверями
Как счастливый дитя,
Парнасскими цветами
216 Скрыл истину шутя.
За ним в часы свободы
Поют среди певцов
Два баловня природы,
220 Хемницер и Крылов.
Наставники-пииты,
О Фебовы жрецы!

Вам, вам плетут хариты
224 Бессмертные венцы!
Я вами здесь вкушаю
Восторги пиерид
И в радости взываю:
228 О музы! я пиит!

А вы, смиренной хаты
О Лары и Пенаты!
От зависти людской
232 Мое сокройте счастье,
Сердечно сладострастье
И негу и покой!
Фортуна! прочь с дарами
236 Блистательных сует!
Спокойными очами
Смотрю на твой полет:
Я в пристань от ненастья
240 Челнок мой проводил
И вас, любимцы счастья,
Навеки позабыл. . .
Но вы, любимцы славы,
244 Наперсники забавы,
Любви и важных муз,
Беспечные счастливыцы,
Философы-ленивцы,
248 Враги придворных уз,
Друзья мои сердечны!
Придите в час беспечный
Мой домик навестить —
252 Поспорять и попить!
Сложи печалей бремя,
Жуковский добрый мой!
Стрелюю мчится время,

- 256 Веселие стрелой!
Позволь же дружбе слезы
И горесть усладить
И счастья блеклы розы
- 260 Эротам оживить.
О Вяземский! цветами
Друзей твоих венчай,
Дар Вакха перед нами:
- 264 Вот кубок — наливай!
Питомец муз надежный,
О Аристиппов внук!
Ты любишь песни нежны
- 268 И рюмок звон и стук!
В час неги и прохлады
На ужинах твоих
Ты любишь томны взгляды
- 272 Прелестниц записных;
И все заботы славы,
Сует и шум и блажь
За быстрый миг забавы
- 276 С поклонами отдашь.
О! дай же ты мне руку,
Товарищ в лени мой,
И мы... потопим скуку
- 280 В сей чаше золотой!
Пока бежит за нами
Бог времени седой
И губит луг с цветами
- 284 Безжалостной косой,
Мой друг! скорей за счастьем
В путь жизни полетим;
Упьемся сладострастьем
- 288 И смерть опередим;
Сорвем цветы украдкой

Под лезвием косы,
И ленью жизни краткой
292 Продлим, продлим часы!
Когда же парки тощи
Нить жизни допрядут,
И нас в обитель нощи
296 Ко прадедам снесут —
Товарищи любезны!
Не сетуйте о нас,
К чему рыданья слезны,
300 Наемных ликов глас?
К чему сии куренья
И колокола вой,
И томны псалмопенья
304 Над хладною доской?
К чему?.. Но вы толпами
При месячных лучах
Сберитесь, и цветами
308 Усейте мирный прах;
Иль бросьте на гробницы
Богов домашних лик,
Две чаши, две цевницы
312 С листьями повилик:
И путник угадает
Без надписей златых,
Что прах тут почивает
316 Счастливцев молодых!

ПОСЛАНИЕ

г<рафу> В<елеурско>му

- О ты, владеющий гитарой трубадура,
Эраты голосом и прелестью Амура,
Вспомни, милый граф, счастливы времена,
⁴ Когда нас, юношей, увидела Двина!
Когда, отвоевав под знаменем Беллоны,
Под знаменем Любви я начал воевать,
И новый регламент и новые законы
⁸ В глазах прелестницы читать!
Заря весны моей! тебя как не бывало!
Но сердце в той стране с любовью отдыхало,
Где я узнал тебя, мой нежный трубадур!
¹² Обетованный край! где ветренный Амур
Прелестным личиком любезный пол дарует,
Под дымкой на груди лилеи образует
(Какими б и у нас гордилась красота!),
¹⁶ Вливает томный огонь и в очи и в уста,
А в сердце юное любви прямое чувство.
Счастливые места, где нравится искусство
Не нужно для мужей,
²⁰ Сидящих с трубками вокруг угольных огней
За сыром выписным, за гамбургским журналом;
Меж тем как жены их, смеясь под опахалом,
«Люблю, люблю тебя!» — прищельцу говорят
²⁴ И руку жмут ему коварными перстами!
- О мой любезный друг! отдай, отдай назад
Зарю прошедших дней, и с прежними бедами,
С любовью и войной!

- 28 Или, волшебник мой,
 Одушеви мое музыкой песнопенье;
 Вдохни огонь любви в холодные слова,
 Еще отдай стихам потерянные права
- 32 И камни приводить в движенье,
 И горы, и леса!
 Тогда я с сильфами взлечу на небеса,
 И тихо, как призрак, как луч от неба ясной,
- 36 Спущусь на берега пологие Двины
 С твоей гитарой сладкогласной:
 Коснусь волшебных струны,
 Коснусь... и нимфы гор при месячном сиянье
- 40 Как тени легкие, в прозрачном одеянье
 С сильванами сойдут услышать голос мой.
 Наяды робкие, всплывая над водой,
 Восплещут белыми руками,
- 44 И майский ветерок, проснувшись на цветах
 В прохладных рощах и садах,
 Повеет тихими крилами:
- С очей прелестных дев он свет тонкий сон,
 48 Отгонит легки сновиденья,
 И тихим шопотом им скажет: «это он!
 Вы слышите его знакомы песнопенья!»

ПОСЛАНИЕ
 к Т<ургене>ву

О ты, который средь обедов,
 Среди веселий и забав
 Сберег для дружбы кроткий нрав,

- ⁴ Для дел — характер честный дедов!
 О ты, который при дворе,
 В чаду успехов или счастья,
 Найти умел в одном добре
- ⁸ Души прямое сладострастье!
 О ты, который с похорон
 На свадьбы часто поспеваешь,
 Но, бедного услыша стон,
- ¹² Ушей не затыкаешь!
 Услышь, мой верный доброхот,
 Певца смиренного моленье,
 Доставь крупицу от щедрот
- ¹⁶ Сироткам двум на прокормленьи!
 Замолви слова два за них
 Красноречивыми устами:
 «Лишь дайте им!» — промолви — вмиг
- ²⁰ Оне очутятся с рублями.
 Но кто оне? Скажу точь-в-точь
 Всю повесть их перед тобою.
 Оне — вдова и дочь,
- ²⁴ Чета забытая судьбою.
 Жил некто в мире сем ое,
 Царя усердный воин.
 Был беден. Умер. От долгов
- ²⁸ Он следственно спокоен.
 Но в мире он забыл жену
 С грудным ребенком; и одну
 Суму оставил им в наследство. . .
- ⁸² Но здесь не все для бедных бедство!
 Им добры люди помогли,
 Согрели, накормили,
 И, словом, как могли,
- ⁸⁶ Сироток приютили.
 Прекрасно! славно! — спору нет!

- Но... здешний свет
Не рай — мне сказывал мой дед.
40 Враги нахлынули рекою,
С землей сравнялася Москва...
И бедная вдова
Опять пошла с клюкою...
44 А между тем все дочь растет,
И нужды с нею подрастают.
День за день все идет, идет,
Недели, месяцы мелькают;
46 Старушка клонится, а дочь
Пышнее розы расцветает,
И стала... Грация точь-в-точь!
Прелестный взор, глаза большие,
52 Румянец Флоры на щеках,
И кудри льняно-золотые
На алебастровых плечах.
Что слово молвит — то приятство,
56 Что ни наденет — все к лицу!
Краса (увы!) ее богатство
И все приданое к венцу,
А крохи нет насущной хлеба!
60 Т<ургенев>, друг наш! ради неба —
Прийди на помощь красоте,
Несчастью и нищете!
Оне пред образом, конечно,
64 Затеплят чистую свечу,
За чье здоровье — умолчу:
Ты угадаешь, друг сердечной!

ОТВЕТ

Г<неди>чу

Твой друг тебе навек отныне
С рукою сердце отдает;
Он отслужил слепой богине,
⁴ Бесплодных матери сует.
Увы, мой друг! я в дни молодые
Цирцеям так же отслужил!
В карманы заглянул пустые,
⁸ Покинул мирт и меч сложил.
Пускай, кто честолюбьем болен,
Бросает с Марсом огонь и гром;
Но я — безвестностью доволен
¹² В *Сабинском* домике моем!
Там глиняны свои пенаты
Под сенью дружной съединим,
Поставим брашны небогаты,
¹⁶ А дни мечтой позолотим.
И если к нам любовь заглянет
В приют, где дружбы храм святой...
Увы! твой друг не перестанет
²⁰ Еще ей жертвовать собой!
Как гость, весельем пресыщенный,
Роскошный покидает пир,
Так я, любовью упоенный,
²⁴ Покину равнодушно мир!

К ЖУКОВСКОМУ

Прости, баллажник мой,
Белева мирный житель!
Да будет Феб с тобой,
4 Наш давний покровитель!
Ты счастлив средь полей
И в хижине укромной.
Как юный соловей
8 В прохладе рощи темной
С любовью дни ведет,
Гнезда не покидая;
Невидимый поет,
12 Невидимо пленяя
Веселых пастухов
И жителей пустынных,
Так ты, краса певцов,
16 Среди забав невинных
В отчизне золотой
Прелестны гимны пой!
О! пой, любимец счастья,
20 Пока веселы дни
И розы сладострастья
Кипридою даны,
И роскошь золотая,
24 Все блага рассыпая
Обильною рукой,
Тебе подносит вины
И портер выписной,
28 И сочны апельсины,
И с трюфлями пирог,

Весь Амальтеи рог,
Вовек неистощимый,
32 На жирный твой обед!
А мне... покоя нет!
Смотри! неумолимый
Домашний Гиппократ,
36 Наперсник парки бледный,
Попов слуга усердный,
Чуме и смерти брат,
Поклявшись латынью
40 И практикой своей,
Поит меня польнью
И супом из костей;
Без дальнего старанья
44 До смерти запоит
И к вам писать посланья
Отправит за Коцит!
Все в жизни изменило,
48 Что сердцу сладко льстило;
Все, все прошло, как сон:
Здоровье легкокрыло,
Любовь и Аполлон!
52 Я стал подобен тени,
К смирению сердец,
Сух, бледен, как мертвец,
Дрожат мои колени,
56 Спина дугой к земле,
Глаза потухли, впали,
И скорби начертали
Морщины на челе;
60 Навек исчезла сила
И доблесть прежних лет.
Увы! мой друг, и Лила
Меня не узнает.

- 64 Вчера, с улыбкой злою,
 Мне молвила она
 (Как древле Громобою
 Коварный Сатана):
- 68 «Усопший! мир с тобою!
 Усопший! мир с тобою!»
 Ах! это ли одно
 Мне роком суждено
- 72 За древни прегрешенья? ..
 Нет, новые мученья,
 Достойные бесов!
 Свои стихотворенья
- 76 Читает мне Свистов:
 И с ним певец досужий,
 Его покорный бес,
 Как он, на рифмы дюжий,
- 88 Как он, головорез!
 Поют и напевают
 С ночи до бела дня;
 Читают и читают
- 84 И до смерти меня
 Убийцы зачитают!

ОТВЕТ

Т<ургене>ву

Ты прав! Поэт не лжец,
 Красавиц воспевая.
 Но часто наш певец,
 4 В восторге утопая,

Рассудка строгий глас
Забудет для Армиды,
Для двух коварных глаз;
8 Под знаменем Киприды
Сей новый Дон-Кишот
Проводит век с мечтами:
С химерами живет,
12 Беседует с духами,
С задумчивой луной,
И мир смешит собой!
Для света равнодушен,
16 Для славы и честей,
Одной любви послушен,
Он дышит только ей.
Везде с своей мечтою,
20 В столице и в полях,
С поникшей головою,
С унынием в очах.
Как призрак бледный бродит;
24 Одно твердит, поет!
Любовь, любовь зовет. . .
И рифмы лишь находит!
Так! верно Аполлон
28 Давно с любовью в споре,
И мститель Купидон
Судил поэтам горе.
Все нимфы строги к нам
32 За наши псалмопенья,
Как Дафна к богу пенья;
Мы лавр находим там
Иль кипарис печали,
36 Где счастья роз искали,
Цветущих не для нас.
Взгляните на Парнас:

- Любовник строгой Лоры
40 Там в горести погас;
Скалы и дики горы
Его лишь знали глас
На берегах Воклюзы;
44 Там Душеньки певец,
Любимец нежный музы
И пламенных сердец,
Любил, вздыхал всечасно,
48 Везде искал мечты;
Но лирой сладкогласной
Не тронул красоты.
Лесбосская певица,
52 Прекрасная в женах,
Любви и Феба жрица,
Дни кончила в волнах. . .
И я — клянусь глазами,
56 Которые стихами
Мы взапуски поем,
Клянуся Хлоей в том,
Что русские поэты
60 Давно б на берег Леты
Толпами перешли,
Когда б скалу Левкада
В болота Петрограда
64 Судьбы перенесли!

К ПЕТИНУ

- О любимец бога брани,
Мой товарищ на войне!
Я платил с тобою даи
- ⁴ Богу славы — не одие:
Ты на кивере почтенном
Лавры с миртом сочетал;
Я в углу уединенном
- ⁸ Незабудки собирал.
Помнишь ли, питомец славы,
Индесальми? Страшну ночь? —
Не люблю такой забавы,
- ¹² Молвил я, — и с музой прочь!
Между тем как ты штыками
Шведов за лес провожал,
Я геройскими руками...
- ¹⁶ Ужин вам приготавлиал.
Счастливы ты, шалун любезный,
И в Цитерской стороне:
Я же — всюду бесполезный,
- ²⁰ И в любви, и на войне;
Время жизни в скуке трачу
(За крилатый счастья миг!)
Ночь зеваю... утром плачу
- ²⁴ Об утрате снов моих.
Тщетны слезы! Мне готова
Цепь, сотканна из сует;
От родительского крова
- ²⁸ Я опять на море бед.
Мой челнок Любовь слепая
Правит детскою рукой;
Между тем как Лень, зевая,
- ³² На корме сидит со мной.

Может быть, как быстра младость
 Убежит от нас бегом,
 Я возьмусь за ум... да радость
³⁸ Уживется ли с умом?
 Ах! почто же мне заране,
 Друг любезный, унывать?
 Вся судьба моя в стакане!
⁴⁰ Станем пить и воспевать:
 «Счастлив! счастлив, кто цветами
 Дни любви украшал;
 Пел с беспечными друзьями,
⁴⁴ А о счастья... мечтал!
 Счастлив он, и втрое боле,
 Всех вельможей и царей!
 Так давай в безвестной доле,
⁴⁸ Чужды рабства и цепей,
 Кое-как тянуть жизнь нашу,
 Часто с горем пополам;
 Наливать полнее чашу
⁵² И смеяться дуракам!

ПОСЛАНИЕ

И. М. М<уравьеву>-А<постолу>

Ты прав, любимец муз! от первых впечатлений,
 От первых, свежих чувств заемлет силу гений,
 И им в течение дней своих не изменит!
⁴ Кто б ни был: пламенный оратор иль поит,
 Светильник мудрости, науки обладатель,

- Иль кистью естества немого подражатель, —
Наперсник муз, познал от колыбельных дней,
8 Что должен быть жрецом парнасских оларей.
Младенец счастливый, уже любимец Феба,
Он с жадностью взирал на свет лазурный неба,
На зелень, на цветы, на зыбку сень древес,
12 На воды быстрые и полный мрака лес.
Он, к лону матери приникнув, улыбался,
Когда веселый май цветами убирался
И жавронок вился над зеленью полей.
16 Златая ль радуга, пророчица дождей,
Весь свод лазоревый подернет облистаньем?
Ее приветствовал невнятным лепетаньем,
Ее манил к себе младенческой рукой.
20 Что видел в юности пред хижиной родной,
Что видел, чувствовал, как новый мира житель,
Того в душе своей до поздних дней хранитель,
Желает в песнях муз потомству передать.
24 Мы видим первых чувств волшебную печать
В твореньях гения, испытанных веками:
Из мест, где Мантуа красуется лугами
И Минций в камышах недвижимый стоит,
28 От милых лар своих отторженный пиит,
В чертоги Августа судьбой перенесенный,
Жалел о вас, ручьи отчизны незабвенной,
О древней хижине, где юность провождал,
32 И Титира свирель потомству передал.
Но там ли, где всегда роскошная природа
И раскаленный Феб с безоблачного свода
Обилием поля счастливые дарит,
36 Таланта колыбель и область пиерид?
Нет! нет! И в Севере любимец их не дремлет,
Но гласу громкому самой природы внимлет,
Свершая славный путь, предписанный судьбой.

- 40 Природы ужасы, стихий враждебных бой,
 Ревущие со скал угрюмых водопады,
 Пустыни снежные, льдов вечные громады
 Иль моря шумного необозримый вид —
- 44 Все, все возносит ум, все сердцу говорит
 Красноречивыми, но тайными словами,
 И огонь поэзии питает между нами.
 Близ Колы пасмурной, средь диких рыбаблей,
- 48 В трудах воспитанный, уже от юных дней
 Наш Пиндар чувствовал сей пламень потаенный.
 Сей огонь зиждательный, дар бога драгоценный,
 От юности в душе небесного залог,
- 52 Которым Фебов жрец исполнен, как пророк.
 Он сладко трепетал, когда сквозь мрак тумана
 Стремился по зыбям холодным океана
 К необитаемым, бесплодным островам
- 56 И мрежи расстилал по новым берегам.
 Я вижу мысленно, как отрок вдохновенной
 Стоит в безмолвии над бездной разъяренной
 Среди мечтания и первых сладких дум,
- 60 Прислушивая волн однообразный шум...
 Лице горит его, грудь тягостно вздыхает.
 И сладкая слеза ланиту орошает,
 Слеза, известная таланту одному!
- 64 В красе божественной любимцу своему,
 Природа! ты не раз на Севере являлась
 И в пламенной душе навеки начерталась.
 Исполненный всегда виденьем первых лет,
- 68 Как часто воспевал восторженный поэт:
 «Дрожащий, хладный блеск полунощной Авроры,
 И льдяные, в морях носимы ветром, горы,
 И Уну, спящую средь звонких камышей,
- 72 И день, чудесный день, без ночи, без зарей!»
 В Пальмире Севера, в жилище шумной славы,

- Державин камские воспоминал дубравы,
Отчизны сладкий дым и древний град отцов.
- ⁷⁶ На тучны пажити приволжских берегов
Как часто Дмитриев, расторгнув светски узы,
Водил нас по следам своей счастливой музы,
Столь чистой, как струи царицы светлых вод,
- ⁸⁰ На коих в первый раз зрел солнечный восход
Певец сибирского Пизарра вдохновенный!..
Так, свыше нежною душою одаренный,
Пиит, от юности до серебряных власов,
- ⁸⁴ Лелеет в памяти страну своих отцов.
На жизненном пути ему дарует гений
Неиссякаемый источник наслаждений
В замену счастья и скудных мира благ:
- ⁸⁵ С ним муза тайная живет во всех местах
И в мире — дивный мир любимцу созидает.
Пускай свирепый рок по воле им играет;
Пускай незнаемый, без злата и честей,
- ⁹² С главой поникшею он бродит меж людей;
Пускай, фортуною от детства удостоин,
Он будет судия, министр иль в поле воин —
Но музам и себе нигде не изменит.
- ⁹⁶ В самом молчании он будет все пиит.
В самом бездействии он с деятельным духом
Все сильно чувствует, все ловит взором, слухом,
Всем наслаждается, и всюду, наконец,
- ¹⁰⁰ Готовит Фебу дань, — его грядущий жрец.

СМЕСЬ

ХОР

*для выпуска благородных девиц
Смольного монастыря*

Один голос

Прости, гостеприимный кров,
Жилище юности беспечной!
Где время средь забав, веселий и трудов
4 Как сон промчалось скоротечной.

Хор

Прости, гостеприимный кров,
Жилище юности беспечной!

Подруги! сердце в первый раз
8 Здесь чувства сладкие познало;
Здесь дружество навек златою цепью нас,
Подруги милые, связало.
Так! сердце наше в первый раз
12 Здесь чувства сладкие познало.

Виновница счастливых дней!
Прими сердце благодаренья:
К тебе летят сердца усердные детей
16 И тайные благословенья.
Виновница счастливых дней!
Прими сердце благодаренья!

Наш царь, подруги, посещал
20 Сие жилище безмятежно:
Он сам в глазах детей признательность читал
К его родительнице нежной.
Монарх великий посещал
24 Жилище наше безмятежно!

Простой, усердной глас детей
Прими, о боже, покровитель!
Источник новый благ и радости пролей
28 На мирную сию обитель.
И ты, о боже, глас детей
Прими, всесильный покровитель!

Мы чтили здесь от юных лет
32 Закон твой, благости зеркало;
Под сенью олтарей, тобой хранимый цвет,
Здесь юность наша расцветала.
Мы чтили здесь от юных лет
36 Закон твой, благости зеркало.

Финал

Прости же ты, священный кров,
Обитель юности беспечной,
Где время средь забав, веселий и трудов
40 Как сон промчалось скоротечной!
Где сердце в жизни в первый раз
От чувств веселья трепетало,
И дружество навек златою цепью нас,
44 Подруги милые, связало!

ПЕСНЬ ГАРАЛЬДА СМЕЛОГО

Мы, други, летали по бурным морям,
 От родины милой летали далеко!
 На суше, на море мы бились жестоко;
⁴ И море и суша покорствуют нам!
 О други! как сердце у смелых кипело,
 Когда мы, содвинув стеной корабли,
 Как птицы неслися станицей веселой
⁸ Вкруг пажитей тучных Сиканской земли! ..
А дева русская Гаральда презирает.

О други! я младость не праздно провел!
 С сынами Дронтгейма вы помните сечу?
¹² Как вихор пред вами я мчался навстречу
 Под камни и тучи свистящие стрел.
 Напрасно сдвигались народы; мечами
 Напрасно о наши стучали щиты:
¹⁶ Как бледные класы под ливнем, упали
 И всадник, и пеший; владыка, и ты! ..
А дева русская Гаральда презирает.

Нас было лишь трое на легком челне,
²⁰ А море вздымалось, я помню, горами;
 Ночь черная в полдень нависла с громами,
 И Гела зияла в соленой волне.
 Но волны напрасно, яряся, хлестали:
²⁴ Я черпал их шлемом; работал веслом;
 С Гаральдом, о други, вы страха не знали,

И в мирную пристань влетели с челном!
А дева русская Гаральда презирает.

²⁸ Вы, други, видали меня на коне?
Вы зрели, как рушил секирой твердыни,
Летая на бурном питомце пустыни
Сквозь пепел и вьюгу в пожарном огне?

⁸² Железом я ноги мои окриляя,
И лань упреждаю по звонкому льду;
Я хладную влагу рукой рассекая,
Как лебедь отважный по морю иду...

⁸⁶ А дева русская Гаральда презирает.

Я в мирных родился полночи снегах,
Но рано отбросил доспехи ловитвы —
Лук грозный и лыжи — и в шумные битвы

⁴⁰ Вас, други, с собою умчал на судах.
Не тщетно за славой летали далеко
От милой отчизны по диким морям;
Не тщетно мы бились мечами жестоко:

⁴⁴ И море и суша покорствуют нам!
А дева русская Гаральда презирает.

ВАКХАНКА

Все на праздник Эригоны
Жрицы Вакховы текли;
Ветры с шумом разнесли

⁴ Громкий вой их, плеск и стоны.

В чаще дикой и глухой
Нимфа юная отстала;
Я за ней — она бежала
8 Легче серны молодой.
Эвры волосы взвевали,
Перевитые плющом;
Нагло ризы поднимали
12 И свивали их клубком.
Стройный стан, кругом обвитый
Хмеля желтого венцом,
И пылающи ланиты
18 Розы ярким багрецом,
И уста, в которых тает
Пурпуровый виноград —
Все в неистовой прельщает!
20 В сердце льет огонь и яд!
Я за ней. . . она бежала
Легче серны молодой;
Я настиг — она упала!
24 И тимпан под головой!
Жрицы Вакховы промчались
С громким воплем мимо нас;
И по роще раздавались
28 Эвоэ! и неги глас!

СОН ВОИНОВ

Из поэмы «Аснель и Аслега»

*Битва кончилась: ратники пируют вокруг
зажженных дубов...*

- ... Но вскоре пламень потухает
И гаснет пепел черных пней,
И томный сон отягощает
4 Лежащих воев среди полей.
Сомкнулись очи; но призраки
Тревожат краткий их покой:
Иный лесов проходит мраки,
8 Зверей голодных слышит вой;
Иный на лодке легкой реет
Среди кипящих в море волн;
Веслом десница не владеет,
12 И гибнет в бездне бранный челн;
Иный места узрел знакомы,
Места отчизны, милый край!
Уж слышит псов домашних лай
16 И зрит отцов поля и дома,
И нежных чад своих... Мечты!
Проснулся в бездне темноты!
Иный чудовище сражает —
20 Бесплодно меч его сверкает;
Махнул еще, его рука
Подъята вверх... окостенела;
Бежать хотел — его нога
24 Дрожит, недвижима, замлела;
Встает, и пал! Иный плывет

- Поверх прозрачных, тихих вод,
И пенит волны под рукою;
28 Волна, усиленна волною,
Клубится, пенится горой
И вдруг обрушилась, клокочет;
Несчастный борется с рекой,
32 Воззвать к дружине верной хочет,
И голос замер на устах!
Другой бежит на поле ратном,
Бежит, глотая пыль и прах;
36 Трикрат сверкнул мечом булатным,
И в воздухе недвижим меч!
Звеня, упали латы с плеч...
Копье рамена прободает,
40 И хлещет кровь из них рекой;
Несчастный раны зажимает
Холодной, трепетной рукой!
Проснулся он... и тщетно ищет
44 И ран, и вражьего копья.
Но ветер шумит и в роще свищет;
И волны мутного ручья
Подошвы скад угрюмых роют,
48 Клубятся, пенятся и воют
Средь дебрей снежных и холмов...

РАЗЛУКА

Гусар, на саблю опираясь,
В глубокой горести стоял;
Надолго с милой разлучаясь,
4 Вдыхая он сказал:

«Не плачь, красавица! слезами
Кручине злой не пособить!
Клянуся честью и усами
8 Любви не изменить!

Любви непобедима сила!
Она мой верный щит в войне;
Булат в руке, а в сердце Лила,
12 Чего страшиться мне?

Не плачь, красавица! слезами
Кручине злой не пособить!
А если изменю... усами
16 Клянусь наказан быть!

Тогда мой верный конь споткнется,
Летя во вражий стан стрелой;
Уздечка браная порвится
20 И стремя под ногой!

Пускай булат в руке с размаха
Изломится, как прут гнилой,
И я, бледнее весь от страха,
24 Явлюсь перед тобой!»

Но верный конь не спотыкался
 Под нашим всадником лихим;
 Булат в боях не изломался —
 28 И честь гусара с ним!

А он забыл любовь и слезы
 Своей пастушки дорогой
 И рвал в чужбине счастья розы
 32 С красавицей другой.

Но что же сделала пастушка?
 Другому сердце отдала.
 Любовь красавицам игрушка,
 36 А клятвы их — слова!

Все здесь, друзья! изменой дышет,
 Теперь нет верности нигде!
 Амур, смеясь, все клятвы пишет
 40 Стрелюю на воде.

ЛОЖНЫЙ СТРАХ

Подражание Парни

Помнишь ли, мой друг бесценный!
 Как с амурами тишком,
 Мраком ночи окруженный,
 4 Я к тебе прокрался в дом?
 Помнишь ли, о друг мой нежной!

Как дрожащая рука
От победы неизбежной
8 Защищалась — но слегка?
Слышен шум! ты испугалась!
Свет блеснул — и в миг погас;
Ты к груди моей прижалась,
12 Чуть дыша... блаженный час!
Ты пугалась; я смеялся.
«Нам ли ведать, Хлоя, страх!
Гименей за все ручался,
16 И амуры на часах.
Все в безмолвии глубоком,
Все почило сладким сном!
Дремлет Аргус томным оком
20 Под Морфеевым крылом!»
Рано утренние розы
Запылали в небесах...
Но любви бесценны слезы,
24 Но улыбка на устах,
Томно персей волнованье
Под прозрачным полотном,
Молча, новое свиданье
28 Обещали вечерком.
Если б Зевсова десница
Мне вручила ночь и день,
Поздно б юная денница
32 Прогоняла черну тень!
Поздно б солнце выходило
На восточное крыльцо;
Чуть блеснуло б — и сокрыло
36 За лес рдяное лицо;
Долго б тени пролежали
Влажной ночи на полях;
Долго б смертные вкушали

- 40 Сладострастие в мечтах.
 Дружбе дам я час единой,
 Вакху час и сну другой;
 Остальною ж половиной
- 44 Поделюсь, мой друг, с тобой!

СОН МОГОЛЬЦА

Баснь

- Могольцу снилися жилища Елисейски:
 Визирь блаженный в них
 За добрые дела житейски,
 4 В числе угодников святых,
 Покойно спал на лоне гурий.
 Но сонный видит ад,
 Где, пламенем объят,
 8 Терзаемый бичами фурий,
 Пустынный испускал ужасный вопль и стон.
 Моголец в ужасе проснулся,
 Не ведая, что значит сон.
- 12 Он думал, что пророк в сих мертвых обманулся
 Иль тайну для него скрывал;
 Тотчас гадателя призвал,
 И тот ему в ответ: «Я не дивлюсь нимало,
 16 Что в снах есть разум, цель и склад.
 Нам небо и в мечтах премудрость завещало...
 Сей праведник, визирь, оставя двор и град,
 Жил честно и всегда любил уединенье;
 20 Пустынный на поклон таскался к визирям».

С гадалею сказав, что значит сновиденье,
Внушил бы я любовь к деревне и полям.
Обитель мирная! в тебе успокоенье
24 И все дары небес даются щедро нам.

Уединение, источник благ и счастья!
Места любимые! ужели никогда
Не скроюсь в вашу сень от бури и ненастья?
28 Блаженству моему настанет ли чреда?
Ах! кто остановит меня под мрачной тенью?
Когда перенесусь в священные леса?
О музы! сельских дней утеха и краса!
32 Научите ль меня небесных тел теченью?
Светил блистающих несчетны имена
Узнаю ли от вас? Иль, если мне дана
Способность малая и скудно дарованье,
36 Пускай пленит меня источников журчанье
И я любовь и мир пустынный воспою!
Пусть парка не прядет из злата жизнь мою
И я не буду спать под бархатным наметом;
40 Ужели через то я потеряю сон?
И меньше ль по трудах мне будет сладок он?
Зимой близ огонька, в тени древесной летом,
Без страха двери сам для паркн отопру,
44 Беспечно век прожив, спокойно и умру.

ЛЮБОВЬ В ЧЕЛНОКЕ

Месяц плавал над рекою,
Все спокойно! ветерок
Вдруг повеял, и волною
4 Принесло ко мне челнок.

Мальчик в нем сидел прекрасный,
Тяжким правил он веслом.
«Ах, малютка мой несчастный!
8 Ты потонешь с челноком».

— «Добрый путник, дай помогу;
Я не справлю, сидя в нем.
На весло! и понемногу
12 Мы к ночлегу доплывем».

Жалко мне малютки стало;
Сел в челнок, и за весло!
Парус ветром надувало,
16 Нас стрелою понесло.

И вдоль берега помчались,
По теченью быстрых вод;
А на берег собирались
20 Стаей нимфы в хоровод.

Резвые смеялись, пели
И цветы кидали в нас;

Мы неслись, стрелой летели...
24 О беда! О страшный час!..

Я заслушался, забылся,
Ветер с моря заревел;
Мой челнок о мель разбился.
28 А малютка... улетел!

Кое-как на голый камень
Вышел, с горем пополам;
Я обмок — а в сердце пламень:
32 Из беды опять к бедам!

Всюду нимф ищу прекрасных,
Всюду в горести брожу,
Лишь в мечтаньях сладострастных
36 Тени милых нахожу.

Добрый путник! в час погоды
Не садися ты в челнок!
Знать сии опасны воды;
40 Знать малютка... страшный бог!

СЧАСТЛИВЕЦ
Подражание Касты

Слышишь! мчится колесница
 Там по звонкой мостовой!
 Правит сильная десница
 4 Коней серебряной браздой!

Их копыта бьют о камень,
 Искры сыплются струей;
 Пышет дым, и черный пламень
 8 Излетает из ноздрей!

Резьбой дивною и златом
 Колесница вся горит:
 На ковре ее богатом
 12 Кто ж, Лизета, кто сидит?

Временщик, вельмож любимец,
 Что на откуп город взял...
 Ах! давно ли он у крылец
 16 Пыль смиренно обметал?

Вот он с нами поравнялся
 И едва кивнул головой;
 Вот уж молнией промчался,
 20 Пыль оставя за собой!

Добрый путь! пока лелеет
 В колыбели счастье вас!
 Поздно ль? рано ль? но приспеет
 24 И невзгоды страшный час.

Ах, Лизета! лъзя ль прельщаться
И теперь его судьбой?
Не ему счастливым зваться
28 С развращенною душой!

Там, где хитростью искусства
Розы в зиму расцвели;
Там, где все пленяет чувства,
32 Дань морей и дань земли;

Мрамор дивный из Пароса
И кораллы на стенах,
Там, где в роскоши Пафоса,
36 На узорчатых коврах,

Счастья шаткого любимец
С нимфами забвенью пьет,
Там же слезы сей счастливец
40 От людей украдкой льет.

Бледен, ночью Крез несчастный
Шепчет тихо, чтоб жена
Не вняла сей глас ужасный:
44 «Мне погибель суждена!»

Сердце наше кладезь мрачной:
Тих, покоен сверху вид;
Но спустись ко дну... ужасно!
48 Крокодил на нем лежит!

Душ великих сладострастье,
Совесь! зоркий страж сердец!
Без тебя ничтожно счастье;
52 Гибель — злато и венец!

РАДОСТЬ

Подражание Касты

Любимца Кипридина
 И миртом и розою
 Венчайте, о юноши
⁴ И дѣвы стыдливые!
 Толпами собирайтесь,
 Руками сплетайтесь
 И, радостно топая,
⁸ Скачите и прыгайте!
 Мне лиру тиискую
 Камены и грации
 Вручили с улыбкою:
¹² И песни веселию,
 Приятнее нектара
 И слаще амвросии,
 Что пьют небожители,
¹⁶ В блаженстве беспечные,
 Польются со струн ее!
 Сегодня — день радости:
 Филлида суровая
²⁰ Сквозь слезы стыдливости
 «Люблю!» мне промолвила.
 Как роза, кропимая
 В час утра Авророю,
²⁴ С главой, отягченную
 Бесценными каплями,
 Румяней становится,
 Так ты, о прекрасная!

- 28 С главою поникшею,
Сквозь слезы стыдливости,
Краснея промолвила:
«Люблю!» тихим шопотом.
- 32 Все мне улыбнулося;
Тоска и мучения,
И страхи, и горести
Исчезли — как не было!
- 36 Киприда, влекомая
По воздуху синему
Меж бисерных облаков
Цитерскими птицами
- 40 К Цитере иль Пафосу,
Цветами осыпала
Меня и красавицу.
Все мне улыбнулося! —
- 44 И солнце весеннее,
И рощи кудрявые,
И воды прозрачные,
И холмы парнасские!
- 48 Любимца Кипридина,
В любви победителя,
И миртом и розою
Венчайте, о юноши
- 52 И девы стыдливые!

К НИКИТЕ

- Как я люблю, товарищ мой,
Весны роскошной появленье
И в первый раз над муравой
- ⁴ Веселых жаворонков пенье.
Но слаще мне среди полей
Увидеть первые биваки
И ждать беспечно у огней
- ⁸ С рассветом дня кровавой драки.
Какое счастье, рыцарь мой!
Узреть с нагорных вершины
Необозримый наших строй
- ¹² На яркой зелени долины!
Как сладко слышать у шатра
Вечерней пушки гул далекий
И погрузиться до утра
- ¹⁶ Под теплой буркой в сон глубокий.
Когда по утренним росам
Коней раздастся первый топот
И ружей протяженный грохот
- ²⁰ Пробудит эхо по горам,
Как весело перед строями
Летать на ухарском коне
И с первыми в дыму, в огне,
- ²⁴ Ударить с криком за врагами!
Как весело внимать: «Стрелки.
Вперед! Сюда, донцы! Гусары!
Сюда, летучие полки,
- ²⁸ Башкирцы, горцы и татары!»

- Свисти теперь, жужжи свинец!
Летайте ядры и картечи!
Что вы для них? для сих сердец,
³² Природой вскормленных для сечи?
И вот... о, зрелище прекрасно!
Колонны сдвинулись, как лес.
Идут — безмолвие ужасно!
³⁶ Идут — ружье наперевес;
Идут... ура! — и все сломили,
Рассеяли и разгромили:
Ура! Ура! — и где же враг?..
⁴⁰ Бежит, а мы в его домах. —
О, радость храбрых! — киверами
Вино некупленное пьем
И под победными громами
⁴⁴ «Мы хвалим господ» поем!..

- Но ты трепещешь, юный воин,
Склонясь на сабли рукоять:
Твой дух встревожен, беспокоен;
⁴⁸ Он рвется лавры пожинать:
С Суворовым он вечно бродит
В полях кровавых войны
И в вялом мире не находит
⁵² Отрадной сердцу тишины.
Спокойся: с первыми громами
К знаменам славы полетишь;
Но там, о, горе, не узришь
⁵⁶ Меня, как прежде, под шатрами!
Забывший шумною молвой,
Сердце мучительницей милой,
Я сплю, как труженик унылой,
⁶⁰ Не оживляемый хвалой.

ЭПИГРАММЫ, НАДПИСИ
И ПРОЧЕЕ

I

Всегдашний гость, мучитель мой,
О, Балдус! долго ль мне зевать, дремать с тобой?
Будь крошечку умней или — дай жить в покое!
Когда жестокий рок сведет тебя со мной —
Я не один и нас не двое.

II

Как трудно Бибрису со славою ужиться!
Он пьет, чтобы писать, и пишет, чтоб напиться!

III

Памфил забавен за столом,
Хоть часто и назло рассудку:
Веселостью обязан он желудку,
А памяти — умом.

IV

Совет эпическому стихотворцу

Какое хочешь имя дай
Твоей поэме полудикой:
Петр длинный, Петр большой, но только
Петр Великой—
Ее не называй.

V

Мадригал новой Сафе

Ты Сафо, я Фаон; об этом и не спорю:
Но, к моему ты горю,
3 Пути не знаешь к морю.

VI

Надпись к портрету Н. Н.

И телом и душой ты на Амура схожа:
2 Коварна и умна, и столько же пригожа.

VII

К цветам нашего Гораucia

Ни вьюги, ни морозы
Цветов твоих не истребят.
Бог лиры, бог любви и музы мне твердят:
4 В саду Гораucia не увядают розы.

VIII

Надпись к портрету Жуковского

Под знаменем Москвы, пред падшею столицей,
Он храбрым гимны пел, как пламенный Тиртей;
В дни мира, новый Грей,
4 Пленяет нас задумчивой цевницей.

IX

*Надпись к портрету
графа Эммануила Сен-При*

От родины его отторгнула судьбина;
Но лилиям отцов он всюду верен был:

И в нашем стане воскресил
 4 Баярда древний дух и доблесть Дюгесклина.

X

Надпись на гробе пастушки

Подруги милые! в беспечности игривой
 Под плясовой напев вы рѣзвитесь в лугах.
 И я, как вы, жила в Аркадии счастливой;
 4 И я, на утре дней, в сих рощах и лугах
 Минутны радости вкусила:
 Любовь в мечтах златых мне счастье сулила;
 Но что ж досталось мне в прекрасных сих местах?
 8 Могилы!

XI

*Мадригал Мелине,
которая называла себя Нимфою*

Ты нимфа, Ио; нет сомненья!
 2 Но только... после превращенья!

XII

На книгу под названием «Смесь»

По чести, это смесь:
 2 Тут проза и стихи, и авторская спесь.

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ И ДОМОСЕД

- Объехав свет кругом,
Спокойный домосед, перед моим камином
Сижу и думаю о том,
4 Как трудно быть своих привычек властелином;
Как трудно век дожить на родине своей
Тому, кто в юности из края в край носился,
Все видел, все узнал; и что ж? из-за морей
8 Ни лучше, ни умней
Под кров домашний воротился:
Поклонник суетным мечтам,
Он осужден искать... чего, не знает сам!
12 О страннике таком скажу я повесть вам.
- Два брата, Филалет и Клит, смиренно жили,
В предместьи Афин, под кровлею одной;
В довольстве? Не скажу; но с бодрою душой
16 Встречали день, и ночь спокойно проводили,
Затем что по трудах всегда приятен сон.
Вдруг умер дядя их, афинской Гарпагон,
И братья-бедняки, о радость! получили
20 Не помню, сколько мин монеты золотой
Да кучу серебра: сосуды и амфоры
Отделки мастерской.
Наследственным добром свои насытя взоры,
24 Такие завели друг с другом разговоры:
— «Как думаешь своей казной расположить? —
Клит спрашивал у брата; —
А я так дом хочу купить

- 28 И в нем тихохонько с женою век прожить
 Под сенью отчего пената.
 Землицы уголок не будет лишний нам:
 От детства я любил ходить за виноградом,
- 32 Водиться знаю с стадом,
 И детям я мой плуг в наследство передам;
 А ты как думаешь?» — «О! я с тобой несходен;
 Я пресмыкаться не способен
- 36 В толпе граждán простых,
 И с помощью наследства
 Для дальних замыслов моих.
 Благодаря богам, теперь имею средства!» —
- 40 — «Чего же хочешь ты?» — «Я? .. славен быть
 хочу».
 — «Но чем?» — «Как чем? умом, делами,
 И красноречьем, и стихами,
 И мало ль чем еще? Я в Мемфис полечу
- 44 Делиться мудростью с жрецами:
 Зачем сей создан мир? кто правит им и как?
 Где кончится земля? где гордый Нил родится?
 Зачем под пеленой сокрыт Изиды зрак,
- 48 Зачем горящий Феб все к западу стремится?
 Какое счастье, милый брат!
 Я буду в мудрости соперник Пифагора! —
 В Афинах обо мне тогда заговорят,
- 52 В Афинах? — что сказал! — от Нила до Босфора
 Прославится твой брат, твой верный Филалет!
 Какое счастье! десять лет
 Я стану есть траву и нем как рыба буду;
- 56 Но красноречья дар, конечно, не забуду.
 Ты знаешь, я всегда красноречив бывал
 И площадь нашу посещал
 Не даром.
- 60 Не стану я моим превозноситься даром,

- Как наш Алкивиад, оратор слабых жен,
Или надутый Демосфен,
Кичася в пурпуре пред царскими послами:
64 Нет! нет! я каждого полезными речами
На площади градской намерен просвещать.
Ты сам, оставя плуг, придешь меня внимать,
С народом шумные восторги разделяя,
68 И, слезы радости под мантией скрывая,
Красноречивейшим из греков называть.
Ты обоймешь меня дрожащею рукою,
Когда... поверишь ли? Гликерия сама
72 На площади, с толпою,
Меня провозгласит оракулом ума,
Ума, и, может быть, любезности... Конечно,
Любезностью сердечной
76 Я буду нравиться и в сорок лет еще.
Тогда афиняне забудут Демосфена
И Кратеса в плаще
И бочку шута Диогена,
80 Которую, смотри... он катит мимо нас! —
— «Прощай же, братец! — В добрый час!
Счастливого пути к премудрости желаю, —
Клит молвил краснобаю; —
84 Я вижу, нам тебя ничем не удержать!» —
Вздыхнул, пожал плечьми и к городу опять
Пошел — домашний быт и домик снаряжать.
А Филалет? К Пирею,
88 Чтоб судно тирское застать
И в Мемфис полететь с румяною зарею.
Признаться, он вздохнул, начавши одиссею...
Но кто не пожалел об отческой земле,
92 Надолго расставаясь с нею?
Семь дней на корабле,
Зевая,

- Проказник наш сидел
 96 И на море глядел,
 От скуки сам с собой вполголос рассуждая.
 — «Да где ж тритоны все? где стаи nereид?
 Где скрылися они с толпой океанид?
 100 Я ни одной не вижу в море».
 И не увидел их. Но ветер свежий вскоре
 В Египет странника принес;
 Уже он в Мемфисе, в обители чудес;
 104 Уже в святилище премудрости вступает,
 Как мумия сидит среди бород седых
 И десять дней зевает
 За поученьем их
 108 О жертвах каменной Изиде,
 Об Аписе-быке иль грозном Озириде,
 О псах Анубиса, о чесноке святом,
 Усердно славимом на Ниле,
 112 О кровожадном крокодиле
 И... о коте большом!..
 — «Какие глупости! какое заблужденье!
 Клянуся Пóллуксом! нет слушать боле сил!» —
 116 Грек молвил, потеряв и важность и терпенье,
 С скамьи как бешеный вскочил
 И псу священному, о ужас! наступил
 На божескую лапу...
 120 Скорее в руки посох, шляпу,
 Скорей из Мемфиса бежать
 От гнева старцев разъяренных,
 От крокодилов, псов и луковиц священных
 124 И между греков просвещенных
 Любезной мудрости искать.
 На первом корабле он полетел в Кротону.
 В Кротоне бьет челом смиренно Агатону,
 128 Мудрейшему из мудрецов,

- Жестокому врагу и мяса и бобов
(Их в гневе Пифагор, его учитель славный,
Проклятьем страшным поразил,
132 Затем, что у него желудок неисправный
Бобов и мяса не варил).
— «Ты мудрости ко мне, мой сын, пришел
учиться?» —
- У грека старец спросил
136 С усмешкой хитрою, — итак, прошу садиться
И слушать пенье сфер: ты слышишь?» —
«Ничего!» —
— «А видишь ли в девятом мире
Духов летающих в эфире?» —
140 — «И менее того!» —
— «Увидишь, попостись ты года три, четыре,
Да лет с десяток помолчи;
Тогда, мой сын, тогда обнимешь бранным взором
144 Все тайной мудрости лучи;
Обнимешь, я тебе клянуся Пифагором. . .» —
— «Согласен, так и быть!» —
Но греку шутка ли и день не говорить?
146 А десять лет молчать, молчать да все поститься,
Зачем? чтоб мудрецом,
С морщинным от поста и мудрости челом,
В Афины возвратиться?
152 «О нет!»
Через сутки возопил голодный Филалет:
— «Юпитер дал мне ум с рассудком
Не для того, чтоб я ходил с пустым желудком:
156 Я мудрости такой покорнейший слуга;
Прощайте ж навсегда Кротонски берега!»
Сказал и к Этне путь направил;
За делом! чтоб на ней узнать, зачем и как
160 **Изношенный башмак**

- Философ Эмпедокл пред смертью там оставил?
 Узнал и с вестью сей
 Он в Грецию скорей
- 164 С усталой от забот и праздности душою;
 Повсюду гость среди людей,
 Везде за трапезой чужою,
 Наш странник обходил
- 168 Поля, селения и грады,
 Но счастья не находил
 Под небом счастливым Эллады.
- 172 Спеша из края в край, он игры посещал,
 172 Забавы, зрелища, ристанья,
 И даже прорицанья
 Без веры вопрошал;
- Но хижину отцов нередко вспоминал,
 176 В ненастье по лесам бродя с своей клюкою,
 Как червем, тайною сنداемый тоскою.
 Притом же кошелек
 У грека стал легок;
- 180 А ночью, как он шел через Лаконски горы —
 Отбили у него
 И остальное воры.
- Счастливы еще, что жизнь не отняли его!
 184 — «Но жизнь без денег — что? мученье
 нестерпимо!» —
- Так думал Филалет,
 Тащась полунагой в степи необозримой.
 Три раза солнца свет
- 188 Сменялся мраком ночи,
 Но странника не зрели очи
- Ни жила, ни стези: повсюду степь и степь
 Да гор в дали туманной цепь,
- 192 Илотов и воров ужасные жилища.
 Что делать в горе! что начать!

- Придется умирать
В пустыне, одному, без помощи, без пищи.
196 — «Нет, боги, нет, —
Терзая грудь, вопил несчастный Филалет: —
Я знаю, как покинуть свет!
Не стану голодом томиться!» —
200 И меж кустов реку завидя вдалеке,
Он бросился к реке,
Топиться!
— «Что, что ты делаешь, слепец?» —
204 Несчастному вскричал скептический мудрец,
Памфил седобородой,
Который над водой, любуясь природой,
Один с клюкой тихонько брел,
208 И, к счастью, странника нашел
На крае гибельной напасти. —
— «Топиться хочешь ты? Согласен; но сперва
Поведай мне, твоя спокойна ль голова?
212 Рассудок ли тебя влечет в реку иль страсти?
Рассудок: но его что нам вещает глас?
Что жизнь и смерть равны для нас.
Равны — так незачем топиться.
216 Дай руку мне, мой сын, и не стыдись учиться
У старца, чем мудрец здесь может быть сча-
стлив». —
Кто жить советует, всегда красноречив:
И наш герой остался жив.
220 В раселинах скалы, висящей над водою,
В тени приветливой смоковниц и олив
Построен был шалаш Памфиловой рукою,
Где старец десять лет
224 Провел в молчании глубоком
И в вечность пронизал своим орлиным оком,
Забыв людей и свет.

- Вот там-то ужин иль обед
228 Простой, но очень здравый,
Находит Филалет:
Орехи, жолуди и травы,
Большой сосуд воды, и только. Боже мой!
232 Как сладостно искать для трапезы такой
В утехах мудрости приправы!
Итак, в том дива нет, что с путником Памфил
Об атараксии ^{1*} тотчас заговорил.
236 — «Все призрак!» — под конец хозяин заключил:—
Богатство, честь и власти,
Болезнь и нищета, несчастья и страсти,
И я, и ты, и целый свет,
240 Все призрак!» — «Сновиденье!» —
Со вздохом повторял унылый Филалет;
Но глядя на сухой обед
Вскричал: — «Я голоден!» — «И это заблужденье,
244 Все грубых чувств обман; не сомневайся в том». —
Неделю попостясь с брадатым мудрецом,
Наш призрак-Филалет решился из пустыни
Отправиться в Афины.
248 Пора, пора блеснуть на площади умом!
Пора с философом расстаться,
Который нас не даром научил,
Как жить и в жизни сомневаться.
252 Услужливый Памфил
Монет с десяток сам бродяге предложил,
Котомкой с желудями сушеными ссудил
И в час румяного рассвета
256 Сам вывел по тропам излучистым Тайгета
На путь афинский Филалета.

^{1*} Душевное спокойствие.

- Вот странник наш идет и день и ночь один;
 Проходит Арголиду,
260 Коринф и Мегариду;
Вот Атика, и вот дым сладостный Афин,
Керамик с рощами... предместия начало...
Там... воды Иллиса!.. В нем сердце задрожало:
264 Он грек, то мудрено ль, что родину любил,
Что землю цаловал с горячими слезами,
В восторге, вне себя, с деревьями, с домами
 Заговорил!..
- 268 Я сам, друзья мои, дань сердца заплатил,
 Когда, волненьями судьбины
В отчизну брошенный из дальних стран чужбины,
Увидел наконец адмиралтейский шпиц,
272 Фонтанку, этот дом... и столько милых лиц,
Для сердца моего единственных на свете!
Я сам... Но дело все теперь о Филалете,
Который, опершись на кафедру, стоит
276 И ждет опять денницы
На милой площади аттической столицы.
 Заметьте, милые друзья,
Что греки снаряжать тогда войну хотели,
280 С каким царем, не помню я;
Но знаю только то, что риторы гремели,
 Предвестники народных бед;
Так речью их сразить желая, Филалет
284 Всех раньше на помост погибельный взмогился.
 И вот блеснул Авроры свет,
 А с ним и шум дневный родился,
 Народ зашевелился.
- 288 В Афинах, как везде, час утра — нас сует.
На площадь побежал ремесленник, поэт,
Поденщик, говорун, с товарами купчина,
 Софист, архонт и Фрина

- 292 С толпой невольниц и сирен,
И бочку прикатил насмешник Диоген;
На площадь всяк идет для дела и без дела;
Нахлынули, вся площадь закипела.
- 296 Вы помните, бульвар кипел в Париже так
Народа праздными толпами,
Когда по нем летал с нагайкою козак,
Иль северный Амур с колчаном и стрелами.
- 300 Так точно весь народ толпился и жужжал
Перед ораторским амвоном.
Знак подан. Начинай! Рой шумный замолчал,
И ритор возвестил высокопарным тоном,
- 304 Что Аттике война
Погибельна, вредна;
Потом — велеречиво, ясно
По пальцам доказал, что в мире быть... опасно.
- 308 — «Что ж делать?» — закричал с досадою
народ. —
— «Что делать?» — сомневаться.
Сомненье — мудрости есть самый зрелый плод.
Я вам советую, граждане, колебаться:
- 312 И не мириться и не драться!..»
Народ всегда нетерпелив.
Сперва наш красnobай услышал легкий ропот,
Шушуканье, а там поближе громкий хохот,
- 316 А там... Но он стоит уже ни мертв, ни жив,
Разинув рот, потупив взгляды,
Мертвее во сто раз, чем мертвецы баллады.
Еще проходит миг —
- 320 — «Ну что же? *продолжай!*» — оратор все ни
слова;
От страха — где язык!
Зато какой в толпе поднялся страшный крик!
Какая туча там готова!

- 324 На кафедру летит град яблоков и фиг,
И камни уж свистят над жертвой. . .
И жалкий Филалет, избитый, полумертвой,
С ступени на ступень в отчаянье летит
- 328 И падает без чувств под верную защиту
В объятия отверсты. . . к Клиту! —
И так тщеславного спасает бедный Клит,
Простяк, неграмотный, презренный,
- 332 В Афинах дни влачить без славы осужденный!
Он, он, прижав его к груди,
Нахальных крикунов толкает на пути,
Одним грозит, у тех пощады просит,
- 336 И брата своего, как старика Эней,
К порогу хижины своей
На раменах доносит.
Как брата в хижине лелеет добрый Клит!
- 340 Не сводит глаз с него, с ним сладко говорит,
С простым, но сильным чувством.
Пред дружбой ничего и Гиппократ с искусством!
В три дни страдалец наш оправился и встал
- 344 И брату кинулся на шею со слезами;
А брат гостей назвал
И жертву воскурил пред отчими богами.
Весь домик в суетах! жена и рой детей
- 348 Веселых, резвых и пригожих,
Во всем на мать свою похожих,
На пиршество несут для радостных гостей
Простый, но щедрый дар наследственных полей —
- 352 Румяное вино, янтарный мед Гимета;
И чаша поднялась за здравье Филалета!
— «Пей, ешь и веселись, нежданный сердца
гостя!» —
Все гости заодно с хозяином вскричали;
- 356 И что же? Филалет, забыв народа власть,

Беды, проказы и печали,
За чашей круговой опять заговорил,
В восторге, — о тебе, великолепный Нил!
360 А дней через пяток, не боле,
Наскуча видеть все одно и то же поле,
Все те же лица всякий день,
Наш грек, поверите ль? как в клетке стосковался.
364 Он начал по лесам прогуливать уж лень,
На горы ближние взбираться,
Бродить всю ночь, весь день шататься;
Потом Афины стал тихонько посещать,
368 На милой площади опять
Зевать,
С софистами о том, об этом толковать;
Потом... проведая он от старых грамотеев,
372 Что в мире есть страна,
Где вечно царствует весна,
За розами побрел — в снега гипербореев.
Напрасно Клит с женой ему кричали вслед
376 С домашнего порога:
— «Брат милый, воротись, мы просим, ради бога!
Чего тебе искать в чужбине? новых бед?
Откройся, что тебе в отечестве немило?
380 Иль дружество тебя, жестокий, огорчило?
Останься, милый брат! останься, Филалет!»

Напрасные слова: чужак не воротился —
Рукой махнул... и скрылся.

ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ РЕЙН

1814

Меж тем, как войны вдоль идут по полям,
Завидя вдалеке твои, о Рейн, волны,
Мой конь, веселья полный,
4 От строя отделясь, стремится к берегам,
На крыльях жажды прилетает,
Глодает хладную струю
И грудь, усталую в бою,
8 Желанной влагой обновляет. . .

О радость! я стою при Рейнских водах!
И, жадные с холмов в окрестность броса взоры,
Приветствую поля и горы,
12 И замки рыцарей в туманных облаках;
И всю страну, обильну славой,
Воспоминая древних дней,
Где с Альпов, вечною струей,
16 Ты льешься, Рейн величавой!

Свидетель древности, событий всех времен,
О Рейн, ты поил несчетны легионы,
Мечом писавшие законы
20 Для гордых Германа кочующих племен;
Любимец счастья, бич свободы,
Здесь Кесарь бился, побеждал,
И конь его переплывал
24 Твои священные, Реини, воды.

- Века мелькнули: мир крестом преобращен;
Любовь и честь в душах суровых пробудились. —
Здесь витязи вооружились
28 Копьем за жизнь сирот, за честь прелестных жен;
Тут совершались их турниры,
Тут бились храбрые — и здесь
Не умер, мнится, и поднесь
32 Звук сладкий трубадуров лиры.

- Так, здесь, под тенью смоковниц и дубов,
При шуме сладостном нагорных водопадов,
В тени цветущих сел и градов
36 Восторг живет еще среди избранных сынов.
Здесь все питает вдохновенье:
Простые нравы праотцов,
Святая к родине любовь
40 И праздно́й роскоши презренье.

- Все, все, — и вид полей, и вид священных вод,
Туманной древности и бардам современных,
Для чувств и мыслей дерзновенных
44 И силу новую, и крылья придает.
Свободны, горды, полудики,
Природы верные жрецы,
Тевтонски пели здесь певцы. . .
48 И смолкли их волшебны лики.

- Ты сам, родитель вод, свидетель всех времен,
Ты сам, до наших дней спокойный, величавый,
С падением народной славы
52 Склонил чело, увы! познал и стыд и плен. . .
Давно ли брег твой под орлами
Аттилы нового стенал,

И ты — уныло протекал
56 Между враждебными полками?

Давно ли земледел вдоль красных берегов,
Средь виноградников заветных и священных,
Полки встречал иноплеменных
60 И ненавистный взор зарейских сынов?
Давно ль они, кичась, пили
Вино из синих хрусталей
И кони их среди полей
64 И зрелых нив твоих бродили?

И час судьбы настал! Мы здесь, сыны снегов,
Под знаменем Москвы, с свободой и с громами!..
Стеклись с морей, покрытых льдами,
68 От струй полуденных, от Каспия валов,
От волн Улеи и Байкала,
От Волги, Дона и Днепра,
От града нашего Петра,
72 С вершин Кавказа и Урала!..

Стеклись, нагрянули, за честь твоих граждан,
За честь твердынь и сел и нив опустошенных,
И берегов благословенных,
76 Где расцвело в тиши блаженство россиян;
Где ангел мирный, светозарной,
Для стран полуночи рожден
И провиденьем обречен
80 Царю, отчизне благодарной.

Мы здесь, о Рейн, здесь! ты видишь блеск мечей!
Ты слышишь шум полков, и новых коней ржанье,
«Ура» победы и взыванье

- 84 Идущих, скачущих к тебе богатырей.
Взвивая к небу прах летучий,
По трупам вражеским летят
И вот — коней лихих поят,
88 Кругом заставя дол зыбучий.

- Какой чудесный пир для слуха и очей!
Здесь пушек светла медь сияет за конями,
И ружья длинными рядами,
92 И стяги древние средь копий и мечей.
Там шлемы воев оперенны,
Тяжелой конницы строи,
И легких всадников рои —
96 В текучей влаге отраженны!

- Там слышен стук секир, и пал угрюмый лес!
Костры над Рейном дымятся и пылают!
И чаши радости сверкают!
100 И клики воинов восходят до небес!
Там ратник ратника объемлет;
Там точит пеший штык стальной;
И конный грозною рукой
104 Крылатый дротик свой колеблет.

- Там всадник, опершись на светлу сталь копья,
Задумчив и один, на берегу высоком
Стоит и жадным ловит оком
108 Реки излучистой последние края.
Быть может он воспоминает
Реку своих родимых мест —
И на груди свой медный крест
112 Невольно к сердцу прижимает. . .

Но там готовится, по манию вождей,
Бескровный жертвенник средь гибельных трофеев,
И богу сильных Маккавеев
110 Коленопреклонен служитель алтарей:

Его, шумя, приосеняет
Знамен отчизны грозный лес;
И солнце юное с небес
120 Олтарь сияньем осыпает.

Все крики бранные умолкли, и в рядах
Благоговение внезапно воцарилось,
Оружье долу преклонилось,
124 И вождь, и ратники чело склонили в прах:
Поют владыке вышней силы,
Тебе, подателю побед,
Тебе, незаходимый свет!
128 Дымятся мирные кадилы.

И се подвигнулись — валит за строем строй!
Как море шумное, волнуется все войско;
И эхо вторит клик героической,
132 Досель неслышанный, о Рейн, над тобой!
Твой стонет брег гостеприимной,
И мост под воями дрожит!
И враг, завидя их, бежит,
136 От глаз в дали теряясь дымной! . .

УМИРАЮЩИЙ ТАСС

... E come alpestre e rapido torrente,
Come acceso baleno
In notturno sereno,
Come aura o fumo, o come stral repente,
Volan le nostre fame: ed ogni onore
Sembra languido fiore!
Che più spera, o che s'attende omai?
Dopo trionfo e palma
Sol qui restano all'alma
Lutto e lamenti, e lagrimosi lai.
Che più giova amicizia o giova amore!
Ahi lagrime! ahi dolore!

«Torrismondo». Trag. di T. Tasso *

Какое торжество готовит древний Рим?
Куда текут народа шумны волны?
К чему сих аромат и мирры сладкий дым,
4 Душистых трав кругом кошницы полны?

* ... И как горный и быстрый поток,
Как яркая вспышка молнии
В ясной ночи,
Как дуновение ветра или дым, или как внезапная
стрела,
Проносится наша слава: и каждая почесть
Похожа на хрупкий цветок!
На что надеешься или чего ждешь теперь?
После триумфа и пальмовых ветвей
Одно осталось душе —
Горе и жалобы, и слезные пени.
Что пользы отныне в дружбе, что пользы в любви!
О слезы! о скорбь!

«Торрисмондо». Траг(едия) Т. Тассо (итал.).

И ты, о вечный Тибр, поитель всех племен,
Засеянный костями граждан вселенной:
Вас, вас приветствует из сих унылых стен
40 Безвременной кончине обреченный!

Свершилось! Я стою над бездной роковой
И не вступаю при плесках в Капитолий;
И лавры славные над дряхлой головой
44 Не усладят певца свирепой доли.
От самой юности игралище людей,
Младенцем был уже изгнанник;
Под небом сладостным Италии моей
48 Скитаяся, как бедный странник,
Каких не испытал превратностей судеб?
Где мой челнок волнами не носился?
Где успокоился? Где мой насущный хлеб
52 Слезами скорби не кропился?
Сорренто! колыбель моих несчастных дней,
Где я в ночи, как трепетный Асканий,
Отторжен был судьбой от матери моей,
56 От сладостных объятий и лобзаний:
Ты помнишь, сколько слез младенцем пролил я!
Увы! с тех пор добыча злой судьбины,
Все горести узнал, всю бедность бытия.
60 Фортуною изрытые пучины
Разверзлись подо мной, и гром не умолкал!
Из веси в весь, из стран в страну гонимый,
Я тщетно на земли пристанища искал:
64 Повсюду перст ее неотразимый!
Повсюду — молнии, карающей певца!
Ни в хижине оратая простова,
Ни под защиту Альфонсова дворца,
68 Ни в тишине безвестнейшего крова,
Ни в дебрях, ни в горах не спас главы моей,

- Бесславием и славой удрученной,
Главы изгнанника, от колыбельных дней
72 Карающей богине обреченной. . .
- Друзья! но что мою стесняет страшно грудь?
Что сердце так и ноет и трепещет?
Откуда я? какой прошел ужасный путь
76 И что за мной еще во мраке блещет?
Феррара. . . Фурии. . . и зависти змия! . .
Куда? куда, убийцы дарованья!
Я в пристани. Здесь Рим. Здесь братья
и семья!
- 80 Вот слезы их и сладки лобызанья. . .
И в Капитолии — Вергилиев венец!
Так, я свершил назначенное Фебом.
От первой юности его усердный жрец,
84 Под молнией, под разъяренным небом
Я пел величие и славу прежних дней,
И в узах я душой не изменился.
Муз сладостный восторг не гас в душе моей,
88 И гений мой в страданьях укрепился.
Он жил в стране чудес, у стен твоих, Сион,
На берегах цветущих Иордана;
Он вопрошал тебя, мутящийся Кедрон,
92 Вас, мирные убежища Ливана!
Пред ним воскресли вы, герои древних дней,
В величии и в блеске грозной славы:
Он зрел тебя, Готфред, владыко, вождь царей,
96 Под свистом стрел спокойный, величавый;
Тебя, младый Ринальд, кипящий как Ахилл,
В любви, в войне счастливый победитель:
Он зрел, как ты летал по трупам вражьих сил
100 Как огонь, как смерть, как ангел-
истребитель. . .

И Тартар низложен сияющим крестом!
 О, доблести неслыханной примеры!
 О наших праотцев, давно почивших сном,
 104 Триумф святой! Победа чистой веры!
 Торквато вас исторг из пропасти времен:
 Он пел — и вы не будете забвенны —
 Он пел: ему венец бессмертья обречен,
 108 Рукою муз и славы соплетенный.
 Но поздно! я стою над бездной роковой
 И не вступаю при плесках в Капитолий,
 И лавры славные над дряхлой головой
 112 Не усладят певца свирепой доли!» —

Умолк. Унылый огонь в очах его горел,
 Последний луч таланта пред кончиной;
 И умирающий, казалось, хотел
 116 У парки взять триумфа день единой.
 Он взором все искал Капитолийских стен,
 С усилием еще приподнимался;
 Но, мукой страшною кончины изнурен,
 120 Недвижимый на ложе оставался.
 Светило дневное уж к западу текло
 И в зареве багряном утопало;
 Час смерти близился. . . и мрачное чело,
 124 В последний раз, страдальца просияло.
 С улыбкой тихою на запад он глядел. . .
 И, оживлен вечернею прохладой,
 Десницу к небесам внимающим воздел,
 128 Как праведник, с надеждой и отрадой.
 «Смотрите, — он сказал рыдающим друзьям, —
 Как царь светил на западе пылает!
 Он, он зовет меня к безоблачным странам,

- 132 Где вечное Светило засияет...
Уж ангел предо мной, вожатай оных мест;
Он осенил меня лазурными крилами...
Приближьте знак любви, сей таинственный
крест...
- 136 Молитесь с надеждой и слезами...
Земное гибнет все... и слава, и венец...
Искусств и муз творенья величавы:
Но там все вечное, как вечен сам творец,
140 Податель нам венца небренной славы!
Там все великое, чем дух питался мой,
Чем я дышал от самой колыбели.
О братья! о друзья! не плачьте надо мной:
144 Ваш друг достиг давно желанной цели.
Отыдет с миром он и, верой укреплен,
Мучительной кончины не приметит:
Там, там... о счастье!.. среди непорочных жен,
148 Среди ангелов, Элеонора встретит!»
- И с именем любви божественный погас;
Друзья над ним в безмолвии рыдали.
День тихо догарал... и колокола глас
152 Разнес кругом по стогнам весть печали.
«Погиб Торквато наш! — воскликнул с плачем
Рим, —
Погиб певец, достойный лучшей доли!..»
Наутро факелов узрели мрачный дым;
156 И трауром покрылся Капитолий.

ПРИМЕЧАНИЕ К ЭЛЕГИИ «УМИРАЮЩИЙ ТАСС»

Не одна история, но живопись и поэзия неоднократно изображали бедствия Тасса. Жизнь его конечно известна любителям словесности: мы напомним только

о тех обстоятельствах, которые подали мысль к этой Элегии.

Т. Тасс приписал свой «Иерусалим» Альфонсу, герцогу Феррарскому: («*magnanimo Alfonso!*..») ¹; и великодушный покровитель без вины, без суда заключил его в больницу св. Анны, т. е. в дом сумасшедших. Там его видел Монтань, путешествовавший по Италии в 1580 году. Странное свидание в таком месте первого мудреца времен новейших с величайшим стихотворцем!.. Но вот что Монтань пишет в «Опытах»: «Я смотрел на Тасса еще с большею досадою, нежели сожалением; он пережил себя; не узнавал ни себя, ни творений своих. Они без его ведома, но при нем, но почти в глазах его, напечатаны неисправно, безобразно». Тасс, к дополнению несчастья, не был совершенно сумасшедший, и, в ясные минуты рассудка, чувствовал всю горечь своего положения. Воображение, главная пружина его таланта и злополучий, нигде ему не изменило. И в узах он сочинял беспрестанно. Наконец, по усиленным просьбам всей Италии, почти всей просвещенной Европы, Тасс был освобожден (заключение его продолжалось семь лет, два месяца и несколько дней). Но он недолго наслаждался свободой. Мрачные воспоминания, нищета, вечная зависимость от людей жестоких, измена друзей, несправедливость критиков; одним словом, все горести, все бедствия, какими только может быть обременен человек, разрушили его крепкое сложение и привели по терниям к ранней могиле. Фортуна, коварная до конца, приготавливая последний решительный удар, осыпала цветами свою жертву. Папа Климент VIII, убежденный просьбами кардинала Цинтио, племянника своего, убежденный общенародным голосом всей Италии, назначил ему триумф в Капитолии: «Я вам предлагаю венок лавровый, — сказал ему папа, — не он прославит вас, но вы его!». Со времен Петрарка (во всех отношениях счастливейшего стихотворца Италии), Рим не видал подобного торжества. Жители его, жители окрестных городов желали присутствовать при венчании Тасса. Дождливое осеннее время и слабость здоровья стихотворца заставили отложить торжество до будущей весны. В апреле все было готово, но болезнь усилилась. Тасс велел перенести себя в монастырь св. Онуфрия;

и там — окруженный друзьями и братией мирной обители, на одре мучения ожидал кончины. К несчастью, вернейший его приятель Костантини не был при нем, и умирающий написал к нему сии строки, в которых, как в зеркале, видна вся душа певца «Иерусалима»: «Что скажет мой Костантини, когда узнает о кончине своего милого Торквато? Не замедлит дойти к нему эта весть. Я чувствую приближение смерти. Никакое лекарство не излечит моей новой болезни. Она совокупилась с другими недугами и, как быстрый поток, увлекает меня... Поздно теперь жаловаться на фортуны, всегда враждебную (не хочу упоминать о неблагодарности людей!). Фортуна торжествует! Нищим я доведен ею до гроба, в то время как надеялся, что слава, приобретенная наперекор врагам моим, не будет для меня совершенно бесполезною. Я велел перенести себя в монастырь св. Онуфрия, не потому единственно, что врачи одобряют его воздух, но для того, чтобы на сем возвышенном месте, в беседе святых отшельников, начать мои беседы с небом. Молись богу за меня, милый друг, и будь уверен, что я, любя и уважая тебя в сей жизни, и в будущей — которая есть настоящая — не премину все совершить, чего требует истинная, чистая любовь к ближнему. Поручаю тебя благодати небесной и себя поручаю. Прости! — Рим. — Св. Онуфрий». Тасс умер 10 апреля на пятьдесят первом году, исполнив долг христианский с истинным благочестием.

Весь Рим оплакивал его. Кардинал Цинтио был неутешен и желал великолепием похорон вознаградить утрату триумфа. По его приказанию — говорит Женгене в «Истории литературы итальянской» — тело Тассово было облечено в римскую тогу, увенчано лаврами и выставлено всенародно. Двор, оба дома кардиналов Альдобрандини и народ многочисленный провожали его по улицам Рима. Толпились, чтобы взглянуть еще раз на того, которого гений прославил свое столетие, прославил Италию и который столь дорого купил поздние, печальные почести!..

Кардинал Цинтио (или Чинцио) объявил Риму, что воздвигнет поэту великолепную гробницу. Два оратора приготовили надгробные речи, одну латинскую, другую итальянскую. Молодые стихотворцы сочиняли стихи и

надписи для сего памятника. Но горесть кардинала была непродолжительна, и памятник не был воздвигнут, В обители св. Онуфрия смиренная братия показывает и поныне путешественнику простой камень с этой надписью: «Torquati Tassi ossa hic jacent» *. Она красно-речива.

Да не оскорбится тень великого стихотворца, что сын угрюмого севера, обязанный «Иерусалиму» лучшими, сладостными минутами в жизни, осмелился принести скудную горсть цветов в ее воспоминание!

БЕСЕДКА МУЗ

- Под тению черемухи млечной
И золотом блистающих акаций
Спешу восстановить олтарь и муз и граций,
4 Сопутниц жизни молодой.
- Спешу принести цветы и ульев сот янтарный
И нежны первенцы полей:
Да будет сладок им сей дар любви моей
8 И гимн поэта благодарный!
- Не злата молит он у жертвенника муз:
Они с фортуною не дружны.
Их крепче с бедностью заботливой союз,
12 И боле в шалаше, чем в тереме, досужны.

* Здесь лежат кости Торквато Тассо (лат.).

Не молит славы он сияющих даров:

Увы! талант его ничтожен.

16 Ему отважный путь за стаею орлов
Как пчелке, невозможен.

Он молит муз: душе, усталой от сует,

Отдать любовь утраченну к искусствам,

Веселость ясную первоначальных лет

20 И свежесть — вянущим бесперестанно
чувствам.

Пускай забот свинцовый груз

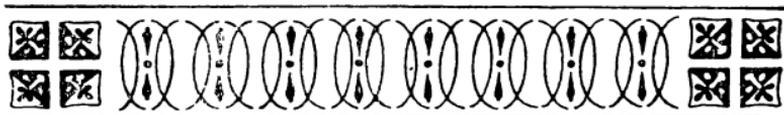
В реке забвения потонет,

24 И время жадное в сей тайной сени муз
Любимца их не тронет:

Пускай и в седирах, но с бодрою душой,

Беспечен, как дитя всегда беспечных граций,

28 Он некогда придет вздохнуть в сени густой
Своих черемух и акаций.

ДОПОЛНЕНИЯ

ЭЛЕГИИ, ПЕРЕВОДЫ,
ПЕРЕЛОЖЕНИЯ, ЭПИТАФИИ,
НЕ ВОШЕДШИЕ В «ОПЫТЫ»

ЭЛЕГИЯ

Как счастье медленно приходит,
Как скоро прочь от нас летит!
Блажен, за ним кто не бежит,
4 Но сам в себе его находит!
В печальной юности моей
Я был счастлив — одну минуту,
Зато, увы! и горесть люту
8 Терпел от рока и людей!
Обман надежды нам приятен,
Приятен нам хоть и на час!
Блажен, кому надежды глас
12 В самом несчастье сердцу внятен!
Но прочь уже теперь бежит
Мечта, что прежде сердцу льстила;
Надежда сердцу изменила,
16 И вздох за нею вслед летит!
Хочу я часто заблуждаться,
Забуть неверную... но нет!
Несносной правды вижу свет,
20 И должно мне с мечтой расстаться!
На свете все я потерял,
Цвет юности моей увял:
Любовь, что счастьем мне мечталась,
24 Любовь одна во мне осталась!

СТИХИ Г. СЕМЕНОВОЙ

E in sí bel cogro più cara venia *.

Тасс. V песнь «Освобожденного Иерусалима»

Я видел красоту, достойную венца,
Дочь добродетельну, печальну Антигону,
Опору слабую несчастного слепца;
4 Я видел, я внимал ее сердечну стону —
И в рубище простом почтенной нищеты
Узнал богиню красоты.

Я видел, я познал ее в Моине страстной,
8 Средь сонма древних бард, средь копий
и мечей,
Ее глас сладостный достиг души моей,
Ее взор пламенный, всегда с душой согласный,
Я видел — и познал небесные черты
12 Богини красоты.

О дарование, одно другим венчанно! 1*
Я видел Ксению, стеньящу предо мной:
Любовь и строгий долг владеют вдруг княжной;
16 Боренье всех страстей, в ней к ужасу слиянно,
Я видел, чувствовал душевной полнотою
И счастлив сей мечтой!

Я видел и хвалить не смел в восторге
страстном;
20 Но ныне, истиной священной вдохновен,
Скажу: красот собор в ней явно съединен —

* В прекрасном теле прекраснейшая душа (итал.).

1* Дарование поэта и актрисы.

Душа небесная во образе прекрасном
 И сердца доброго все редкие черты,
 24 Без коих ничего и прелесть красоты.

НА СМЕРТЬ ЛАУРЫ

Из Петрарки ^{1*}

Колонна гордая! о лавр вечнозеленый!
 Ты пал! — и я навек лишен твоих прохлад!
 Ни там, где Инд живет, лучами опаленный,
 4 Ни в хладном Севере для сердца нет отрад!

Все смерть похитила, все алчная пожрала —
 Сокровище души, покой и радость с ним!
 А ты, земля, вовек корысть не возвращала,
 8 И мертвый нем лежит под камнем гробовым!

Все тщетно пред тобой — и власть,
 и волхвованья...

Таков судьбы завет!.. Почто ж мне доле жить?
 Увы, чтоб повторять в час полночи рыданья
 12 И слезы вечные на хладный камень лить!

Как сладко, жизнь, твое для смертных
 обольщенье!

Я в будущем мое блаженство основал,
 Там пристань видел я, покой и утешенье —
 16 И все с Лаурою в минуту потерял!

^{1*} Сонет «Rotta è l'alta colonna e l'verde lauro».

ВЕЧЕР

Подражание Петрарке

В тот час, как солнца луч потухнет за горою,
Склонясь на посох свой дрожащею рукою,
Пастушка, дряхлая от бремени годов,
⁴ Спешит, спешит с полей под отдаленный кров
И там, пришед к огню, среди лачуги дымной
Вкушает трапезу с семьей гостеприимной,
Вкушает сладкий сон, в замену горьких слез!
⁸ А я, как солнца луч потухнет средь небес,
Один в изгнании, один с моей тоскою,
Беседую в ночи с задумчивой луною!

Когда светило дня потонет средь морей
¹² И ночь, угрюмая владычица теней,
Сойдет с высоких гор с отрадной тишиною,
Оратай острый плуг увозит за собою
И, медленной стопой идя под отчий кров,
¹⁶ Поет простую песнь в забвенье всех трудов;
Супруга, рой детей оратая встречают
И брашна сельские поспешно предлагают,
Он счастлив — я один с безмолвною тоской
²⁰ Беседую в ночи с задумчивой луной.

Лишь месяц сквозь туман багряный лик уставит
В недвижные моря — пастух поля оставит,
Простится с нивами, с дубравой и ручьем
²⁴ И гибкою лозой стада погонит в дом.
Игралище стихий среди пучины пенной,

И ты, рыбарь, спешишь на брег уединенной!
 Там, сети приклонив ко утлой ладие
²⁸ (Вот всё от грозных бурь убежище твое!),
 При блеске молнии, при шуме непогоды
 Заснул... И счастлив ты, угрюмой сын природы!

Но се бледнеет там багряный небосклон,
³² И медленной стопой идут волю в загон
 С холмов и пажитей, туманом орошенных.
 О песнопений мать, в вертепах отдаленных,
 В изгнанье горестном утеха дней моих,
³⁶ О лира, возбуди бряцаньем струн золотых
 И холмы спящие, и кипарисны роши,
 Где я, печали сын, среди глубокой ноши,
 Объятый трепетом, склонился на гранит...
⁴⁰ И надо мною тень Лауры пролетит!

ЭЛИЗИЙ

О, пока бесценна младость
 Не умчалася стрелой,
 Пей из чаши полной радость
⁴ И, сливая голос свой
 В час вечерний с тихой лютней,
 Славь беспечность и любовь!
 А когда в сени уютной
⁸ Мы услышим смерти зов,
 То, как лозы винограда
 Обвивают тонкий вяз,

- Так меня, моя отрада,
12 Обними в последний раз!
Так лилейными руками
Цепью нежною обвей,
Съедини уста с устами,
16 Душу в пламени излей!
И тогда тропой безвестной,
Долу, к тихим берегам,
Сам он, бог любви прелестной,
20 Проведет нас по цветам
В тот Элизий, где все тает
Чувством неги и любви,
Где любовник воскресает
24 С новым пламенем в крови,
Где, любуясь пляской граций,
Нимф, сплетенных в хоровод,
С Делией своей Гораций
28 Гимны радости поет.
Там, под тенью миртов зыбкой,
Нам любовь сплетет венцы,
И приветливой улыбкой
32 Встретят нежные певцы.

ПЕРЕХОД РУССКИХ ВОЙСК ЧЕРЕЗ НЕМАН
1 января 1813 года

(Отрывок из большого стихотворения)

Снегами погребен, угрюмый Неман спал.
Равнину льдистых вод и берег опустелый
И на берегу покинутые селы
4 Туманный месяц озарял.
Все пусто... Кое-где на снеге труп чернеет,
И брошенных костров огонь, дымяся, тлеет,
И хладный, как мертвец,
8 Один среди дороги,
Сидит задумчивый беглец
Недвижим, смутный взор вперив на мертвы
ноги.

И всюду тишина... И се, в пустой дали
12 Сгущенных копий лес возникнул из земли!
Он движется. Гремят щиты, мечи и брони,
И грозно в сумраке ночном
Чернеют знамена, и ратники, и кони:
16 Несут полки славян погибель за врагом,
Достигли Немана — и копыя водрузили.
Из снега возросли бесчисленны шатры,
И на берегу зажженные костры
20 Все небо заревом багровым обложили.
И в стане царь молодой
Сидел между вождями,
И старец-вождь пред ним, блестящий сединами
24 И бранной в старости красой.

ИЗ ГРЕЧЕСКОЙ АНТОЛОГИИ

1

- В обители ничтожества унылой,
О незабвенная! прими потоки слез,
И вопль отчаянья над хладною могилой,
⁴ И горсть, как ты, минутных роз!
Ах, тщетно все! Из вечной сени
Ничем не призовем твоей прискорбной тени;
Добычу не отдаст завистливый Аид.
⁸ Здесь онемение; все холодно, все молчит,
Надгробный факел мой лишь мраки освещает...
Что, что вы сделали, властители небес?
Скажите, что краса так рано погибает!
¹² Но ты, о мать-земля! с сей данью горьких слез
Прими почившую, поблеклый цвет весенний,
Прими и успокой в гостеприимной сени!

2

- Свидетели любви и горести моей,
О розы юные, слезами омоченны!
Красуйтесь в венках над хижиной смиренной,
⁴ Где милая таится от очей!
Помедлите, венки! еще не увядайте!
Но если явится, — пролейте на нее
Все благовоние свое
⁸ И локоны ее слезами напитайте.
Пусть остановится в раздумье и вздохнет.
А вы, цветы, благоухайте
И милой локоны слезами напитайте!

3

Свершилось: Никагор и пламенный Эрот
 За чашей Вакховой Аглаю победили...
 О, радость! Здесь они сей пояс разрешили,
⁴ Стидливости девической оплот.
 Вы видите: кругом рассеяны небрежно
 Одежды пышные надменной красоты;
 Покровы легкие из дымки белоснежной,
⁸ И обувь стройная, и свежие цветы.
 Здесь все развалины роскошного убора,
 Свидетели любви и счастья Никагора!

4

Явор к прохожему

Смотрите, виноград кругом меня как вьется!
 Как любит мой полуистлевший пеня!
 Я некогда ему давал отрадну тень;
⁴ Завял... но виноград со мной не растается.
 Зевеса умоли,
 Прохожий, если ты для дружества способен,
 Чтоб друг твой моему был некогда подобен
⁸ И пепел твой любил, оставшись на земли.

5

Где слава, где краса, источник зол твоих?
 Где стогны шумные и граждане счастливы?
 Где зданья пышные и храмы горделивы,
⁴ Мусия, золото, сияющие в них?
 Увы! погиб навек, Коринф столповенчаный!
 И самый пепел твой развеян по полям.
 Все пусто: мы одни взываем здесь к богам,
⁸ И стонет Алкион один в дали туманной!

9

- Тебе ль оплакивать утрату юных дней?
Ты в красоте не изменилась
И для любви моей
- ⁴ От времени еще прелестнее явилась.
Твой друг не дорожит неопытной красотой,
Незрелой в таинствах любовного искусства.
Без жизни взор ее стыдливый и немой,
- ⁸ И робкий поцалуй без чувства.
Но ты, владычица любви,
Ты страсть вдохнешь и в мертвый камень;
И в осень дней твоих не погасает пламень,
- ¹² Текущий с жизнью в крови.

10

- Увы! глаза, потухшие в слезах,
Ланиты, впалые от долгого страданья,
Родят в тебе не чувство состраданья, —
- ⁴ Жестокую улыбку на устах...
Вот горькие плоды любви страстной,
Плоды ужасные мучений без отрад,
Плоды любви, достойные награды,
- ⁸ Не участи, для сердца столь ужасной...
Увы! как молния внезапная небес,
В нас страсти жизнь младую пожирают
И в жертву безотрадных слез,
¹² Коварные, навеки покидают.
- Но ты, прелестная, которой мне любовь
Всего — и юности, и счастья дороже,
Склонись, жестокая, и я... воскресну вновь,
¹⁶ Как был, или еще бодрее и моложе.

11

- Улыбка страстная и взор красноречивый,
В которых вся душа, как в зеркале, видна,
Сокровища мои... Она
- ⁴ Жестоким Аргусом со мной разлучена!
Но очи страсти прозорливы:
Ревнивец злой, страшись любви очей!
Любовь мне таинство быть счастливым открыла,
- ⁸ Любовь мне скажет путь к красавице моей,
Любовь тебя читать в сердцах не научила.

12

- Изнемогает жизнь в груди моей остылой;
Конец борению; увы! всему конец.
Киприда и Эрот, мучители сердец!
- ⁴ Услышите голос мой последний и унылый.
Я вяну и еще мучения терплю:
Полмертвый, но сгораю.
- Я вяну, но еще так пламенно люблю
- ⁸ И без надежды умираю!
Так, жертву обхватив кругом,
На алтаре огонь бледнеет, умирает
И, вспыхнув ярче пред концом,
- ¹² На пепле погасает.

13

- С отвагой на челе и с пламенем в крови
Я плыл, но с бурей вдруг предстала смерть
ужасна.
- О юный плаватель, сколь жизнь твоя прекрасна!
⁴ Вверяйся челноку! плыви!

* * *

Ты пробуждаешься, о Байя, из гробницы
 При появлении Аврориных лучей,
 Но не отдаст тебе багряная денница
⁴ Сияния протекших дней,
 Не возвратит убежищей прохлады,
 Где нежились рои красот,
 И никогда твои порфирны колоннады
⁸ Со дна не встанут синих вод.

* * *

Есть наслаждение и в дикости лесов,
 Есть радость на приморском берегу,
 И есть гармония в сем говоре валов,
⁴ Дробящихся в пустынном беге.
 Я ближнего люблю, но ты, природа-мать,
 Для сердца ты всего дороже!
 С тобой, владычица, привык я забывать
⁸ И то, чем был, как был моложе,
 И то, чем ныне стал под холодом годов.
 Тобою в чувствах оживаю:
 Их выразить душа не знает стройных слов
¹² И как молчать об них, не знаю.
 Шуми же ты, шуми, огромный океан!
 Развалины на прахе строит
 Минутный человек, сей суетный тиран,
¹⁶ Но море чем себе присвоит?..

НАДПИСЬ ДЛЯ ГРОБНИЦЫ
ДОЧЕРИ МАЛЫШЕВОЙ

О! милый гость из отческой земли!
Молю тебя: заметь сей памятник безвестный:
Здесь мать и отец надежду погребли;
4 Здесь я покоюся, младенец их прелестный.
Им молви от меня: «Не сгуйте, друзья!
Моя завидна скоротечность;
Не знала жизни я,
8 И знаю вечность».

ПОДРАЖАНИЕ АРИОСТУ

*La verginella è simile alla rosa **

Девица юная подобна розе нежной,
Взлелеянной весной под сению надежной:
Ни стадо алчное, ни взоры пастухов
4 Не знают тайного сокровища лугов,
Но ветер сладостный, но роши благовонны
Земля и небеса прекрасной благосклонны.

* Девушка подобна розе (итал.).

ПОДРАЖАНИЯ ДРЕВНИМ

1

Без смерти жизнь не жизнь: и что она? сосуд,
 Где капля меду средь полыни;
 Величествен сей понт! Лазурной царь пустыни,
⁴ О солнце! чудно ты, среди небесных чуд!
 И на земле прекрасного столь много!
 Но все поддельное иль втуне серебро:
 Плачь, смертный! плачь! Твое добро
⁸ В руке у Немезиды строгой!

2

Скалы чувствительны к свирели;
 Верблюды прилушивать умеют песнь любви,
 Стена под бременем; румянее крови —
⁴ Ты видишь — розы покраснели
 В долине Йемена от песней соловья...
 А ты, красавица... Не постигаю я.

3

Взгляни: сей кипарис, как наша степь, бесплоден —
 Но свеж и зелен он всегда.
 Не можешь, гражданин, как пальма дать плода?
⁴ Так буди с кипарисом сходен:
 Как он уединен, осанист и свободен.

4

Когда в страдании девица отойдет
И труп синеющей остынет, —
Напрасно на него любовь и амвру льет,
4 И облаком цветов окинет.
Бледна, как лилия в лазури васильков,
Как восковое изваянье;
Нет радости в цветах для вянущих перстов,
8 И суетно благоуханье.

5

О смертный! хочешь ли безбедно перейти
За море жизни тревоженной?
Не буди горд: и в ветер попутный опусти
4 Свой парус, счастьем надменной.
Не покидай руля, как свистнет ярый ветер!
Будь в счастье — Сципион, в тревоге брани — Петр.

6

Ты хочешь меду, сын? — так жала не страшись;
Венца победы? — смело к бою!
Ты перлов жаждешь? — так спустись
4 На дно, где крокодил зияет под водою.
Не бойся! Бог решит. Лишь смелым он отец,
Лишь смелым перлы, мед иль гибель... иль венец.

* * *

Ты знаешь, что изрек,
Прощаясь с жизнью, седой Мельхиседек?
Рабом рождается человек,
4 Рабом в могилу ляжет,
И смерть ему едва ли скажет,
Зачем он шел долиной чудной слез,
Страдал, рыдал, терпел, исчез.

САТИРЫ, ЭПИГРАММЫ, НАДПИСИ,
ДРУЖЕСКИЕ ПОСЛАНИЯ,
НЕ ВОШЕДШИЕ В «ОПЫТЫ»

ВИДЕНИЕ НА БЕРЕГАХ ЛЕТЫ

Вчера, Бобровым утомленный,
Я спал и видел странный сон!
Как будто светлый Аполлон,
4 За что, не знаю, прогневленный,
Поэтам нашим смерть изрек;
Изрек — и все упали мертвы,
Невинны Аполлона жертвы!
8 Иной из них оксачил век,
Сидя на чердаке высоком
В издранном шлафроке широком,
Наг, голоден и утомлен
12 Упрямой рифмой к светлу небу.
Другой, в Цитеру пренесен,
Красу, умильную как Гебу,
Хотел для нас насильно... петь
16 И пал без чувств в конце эклоги;
Везде, о милосерды боги!
Везде пирует алчна смерть,
Косою острой быстро машет,
20 Богату ниву аду пашет
И губит Фебовых детей,
Как ветер осенний злак полей!
Меж тем в Элизии священном,

- 24 Лавровым лесом осененном,
Под шумом Касталийских вод,
Певцов нечаянный приход
Узнал почтенный Ломоносов,
- 28 Херасков, честь и слава россов,
Самолюбивый Фебов сын,
Насмешник, грозный бич пороков,
Замысловатый Сумароков
- 32 И, Мельпомены друг, Княжнин.
И ты сидел в толпе избранной,
Стыдливой грацией венчанный,
Певец прелестных мечты,
- 36 Между Психеи ^{1*} легкокрылой
И бога нежной красоты;
И ты там был, наездник хилой
Строптивя девственниц седла,
- 40 Трудолюбивый, как пчела,
Отец стихов «Тилемахиды»;
И ты, что сотворил обиды
Венере девственной, Барков!
- 44 И ты, о мой певец незлобный,
Хемницер, в баснях бесподобный! —
Все, словом, коих бог певцов
Венчал бессмертия лучами,
- 48 Сидели там олив в тени,
Обнявшись с прежними врагами;
Но спорили еще они
О том, о сем — и не без шума
- 52 (И в рае, думаю, у нас
У всякого своя есть дума,

^{1*} Психею — душу или мечту — древние изображали в виде бабочки или крылатой девы, обнявшейся с Купидоном.

- Рассудок свой, и вкус, и глаз).
Садилась все за пир богатый,
56 Как вдруг Майинин сын крылатый,
Ниссланный вышним божеством,
Сказал сидящим за столом:
«Сюда, на берег тихой Леты,
60 Бредут покойные поэты;
Они в реке сей погрузят
Себя и вместе юных чад.
Здесь опыт будет правосудный:
64 Стихи и проза безрассудны
Потонут вмиг: так Феб судил!» —
Сказал Эрмий — и силой крыл
От ада к небу воспарил.
68 «Ага! — Фонвизин молвил братьям, —
Здесь будет встреча не по платьям,
Но по заслугам и уму». —
«Да много ли, — в ответ ему
72 Кричал, смеясь, Сумароков, —
Певцов найдется без пороков?
Поглотит Леты всех струя,
Поглотит всех, иль я не я!» —
76 — «Посмотрим, — продолжал вполгласа
Поэт, проклятый от Парнаса, —
Егда придут. . .» Но вот они,
Подобно как в осени дни
80 Поблеклы листья древесны,
Что буря в долах разнесла^{1*}, —
Так теням сим не весть числа!
Идут толпой в ущелья тесны,
84 К реке забвения стихов,
Идут под бременем трудов;

^{1*} Смотри VI песнь «Энеиды».

- Безгласны, бледны, приступают,
 Любозных детищей купают. . .
- ⁸⁸ И более не зрят в волнах!
 Но тут Минос, певцам на страх,
 Старик угрюмый и курносый,
 Чинит расправу и вопросы:
- ⁹² «Кто ты, вещай?» — «Я тот поэт,
 По счастью очень плодovitый
 (Был тени маленькой ответ),
 Я тот, венками роз увитый
- ⁹⁶ Поэт-философ-педагог,
 Который задушил Вергилия,
 Окоротил Алкею крылья,
 Я здесь! *Сего бо хошет бог*
- ¹⁰⁰ *И дол священныя природы. . .*^{1*}
 — «Кто ж ты, болтун?» — «Я. . .
 Верзляков!»
 — «Ступай и окунися в воды!»
 — «Иду. . . во мне вся мерзнет кровь. . .
- ¹⁰⁴ Душа. . . всего. . . душа природы,
 Спаси. . . спаси меня, любовь!
 Авось. . .» — «Нет, нет, болтун несчастный,
 Довольно я с тобою вы!» —
- ¹⁰⁸ Сказал ему Эрот прекрасный,
 Который тут с Психеей был.
 «Ступай!» — Пошел, — и нет педанта.
 «Кто ты?» — спросил допросчик тень,
- ¹¹² Несущу связку фолианта.
 «Увы, я целу ночь и день
 Писал, пишу и вечно буду
 Писать. . . все прозой, *без еров.*
- ¹¹⁶ Невинен я. На эту груду

^{1*} Смотри «Тень Кука».

- Смотри, здесь тысячи листов,
Священной пылью покрытых,
Печатью мелкою убитых,
120 И нет *ера* ни одного.
Да, я! . . .» — «Скорей купать его!» —
Но тут явились лица новы
Из белокаменной Москвы.
- 124 Какие странные обнови!
От самых ног до головы
Обшиты платья их листьями,
Где прозой детской и стихами
- 128 Иной кладбище, мавзолеей,
Другой журнал души своей,
Другой Меланию, Зюльмису,
Луну, Веспера, голубков,
- 132 Глафиру, Хлою, Милитрису,
Баранов, кошек и *котов* ^{1*}
Воспел в стихах своих унылых
На всякий лад для женщин *милых*
- 136 (О, век железный! . . .). А оне
Не только въяве, но во сне
Поэтов не видали бедных.
Из этих лиц уныло-бледных
- 140 Один, причесанный в тупей,
Поэт присяжный, князь вралея,
На суд явил творенья новы.
«Кто ты?» — «Увы, я пастушок,
- 144 Вдыхатель, завсегда готовый;
Вот мой венок и посошок,
Вот мой букет цветов тафтяных,
Вот список всех красот упрямых,

^{1*} Это все, даже и кошки, воспеты в Москве — ссылаюсь на журналы.

- 148 Которыми дышал и жил,
Которым я насильно мил.
Вот мой баран, моя Аглая», —
Сказал и, тягостно зевая,
- 152 Спросонья в Лету поскользнул!
«Уф! я устал, подайте стул,
Позвольте мне, я очень славен.
Бессмертен я, пока забавен».
- 156 — «Кто ж ты?» — «Я русский и поэт.
Бегом бегу, лечу за славой,
Мне враг чужой рассудок здравой.
Для русских прав мой толк кривой,
- 160 И в том клянусь моей сумой».
— «Да кто же ты?» — «Жан-Жак я Русский,
Расин и Юнг, и Локк я русский,
Три драмы русских сочинил
- 164 Для русских; нет уж боле сил
Писать для русских драмы слезны;
Труды мои все бесполезны!
Вина тому — разврат умов». —
- 168 Сказал — в реку! и был таков!
Тут Сафы русские печальны,
Как бабки наши повивальны,
Несли расплаканных детей.
- 172 Одна — прости бог эту даму! —
Несла уродливую драму,
Позор для ада и мужей,
У коих сочиняют жены.
- 176 «Вот мой Густав, герой влюбленный. . .»
— «Ага! — судья певиче сей, —
Названья этого довольно:
Сударыня! мне очень больно,
- 180 Что вы, забыв последний стыд,
Убили драмою Густава.

- В реку, в реку!» О, жалкий вид!
 О, тщетная поэтов слава!
- ¹⁸⁴ Исчезла Сафо наших дней
 С печальной драмою своей;
 Потом и две другие дамы,
 На дам живые эпиграммы,
- ¹⁸⁸ Нырнули в глубь туманных вод.
 «Кто ты?» — «Я — виноносный гений.
 Поэмы три да сотню од,
 Где всюду ночь, где всюду тени,
- ¹⁹² Где *роща ржуша ружий ржот* ^{1*},
 Писал с заказа Глазунова
 Всегда на срок... Что вижу я?
 Здесь реет между вод ладья,
- ¹⁹⁶ А там, в разрывах, черна крова,
 Урания — душа сих сфер
 И все титаны ледовиты,
 Прозрачной мантией покрыты,
- ²⁰⁰ Слезят!» — Иссякнул изувер
 От взора пламенной Эгиды.
 Один отец «Тилемахиды»
 Слова сии умел понять.
- ²⁰⁴ На том берегу реки забвенья
 Стояли тени в изумленье
 От речи сей: «Изволь купать
 Себя и всех своих уродов», —
- ²⁰⁸ Сказал, не слушая доводов,
 Угрюмый ада судия.
 «Да всех поглотит вас струя!...»
 Но вдруг на адский берег дикий
- ²¹² Призрак чудесный и великий

^{1*} Этот стих взят из сочинений Боброва, я ничего не хочу присваивать.

- В обширном дедовском возке
Тихонько тянется к реке.
Наместо клячей запряженны,
216 Там люди в хомуты вложенны
И тянут кое-как, гужом!
За ним, как в осень трутни праздны,
Крылатым в воздухе полком
220 Летят толпою тени разны
И там и сям. По слову: «Стой!»
Кивнула бледна тень главой
И вышла с кашлем из повозки.
224 «Кто ты?» — спросил ее Минос, —
И кто сии?» — на сей вопрос:
«Мы все с Невы поэты росски», —
Сказала тень. — «Но кто сии
228 Несчастны, в клячей превращенны?»
— «Сочлены юные мои,
Любовью к славе вдохновенны,
Они Пожарского поют
232 И топят старца Гермогена,
Их мысль на небеса вперенна,
Слова ж из Библии берут;
Стихи их хоть немного жестки,
236 Но истинно варяго-росски». —
«Да кто ты сам?» — «Я также член;
Кургановым писать учен;
Известен стал не пустяками,
240 Терпеньем, потом и трудами;
Аз есмь зело Славенофил», —
Сказал и прблог растворил.
При слове сем в блаженной сени
244 Поэтов приподнялись тени;
Певец любовныя езды
Ослабил взор усмешкой блудной

- И рек: «О муж, умом не скудной!
248 Обретший редки красоты
И смысл в моей «Деидамии»,
Се ты! се ты! . . .» — «Слова пустые», —
Угрюмый судия сказал
252 И в Лету путь им показал.
К реке подвинулись толпою,
Ныряли всячески в водах;
Тот книжку потопил в струях,
256 Тот целу книжищу с собою.
Один, один Славенофил,
И то повыбившись из сил,
За всю трудов своих громаду,
260 За твердый ум и за дела
Вкусил бессмертия награду.
Тут тень к Миносу подошла
Неряхой и в наряде странном,
264 В широком шлафроке издранном,
В пуху, с косматой головой,
С салфеткой, с книгой под рукой.
«Меня врасплох, — она сказала, —
268 В обед нарочно смерть застала,
Но с вами я опять готов
Еще хоть сызнава отведать
Вина и адских пирогов:
272 Теперь же час, друзья, обедать,
Я — вам знакомый, я — Крылов!»^{1*}
«Крылов, Крылов», — в одно вскричало
Собрание шумное духов,
276 И эхо глухо повторяло
Под сводом адским: «Здесь Крылов!»
«Садись сюда, приятель милый!

^{1*} Крылов познакомился с духами через «Почту».

- Здоров ли ты?» — «И так и сяк».
- 280 — «Ну, что ж ты делал?» — «Все
пустяк —
Тянул тихонько век унылый,
Пил, сладко ел, а боле спал.
Ну, вот, Минос, мои творенья,
284 С собой я очень мало взял:
Комедии, стихотворенья
Да басни — все купай, купай!»
О, чудо! — всплыли все, и вскоре
288 Крылов, забыв житейско горе,
Пошел обедать прямо в рай.
Еще продлилось сновиденье,
Но ваше длится ли терпенье
292 Дослушать до конца его?
Болтать, друзья, неосторожно —
Другого и обидеть можно.
А боже упаси того!

КНИГИ И ЖУРНАЛИСТ

- Крот мыши раз шепнул: «Подруга! ну, зачем
На пыльном чердаке своем
Царапашь, грызешь и книги раздираешь:
4 Ты крошки в них ума и пользы не собираешь?»
— «Не об уме и хлопочу,
Я есть хочу».
- Не знаю, впрок ли то, но эта мышь уликой

⁸ Тебе, обрызганный чернилами Арист.
Зубами ты живешь, голодный журналист,
Да нужды жить тебе не видим мы великой.

ИЗ АНТОЛОГИИ

Сот меда с молоком —
И Маин сын тебе навеки благосклонен!
Алкид не так-то скромн:
⁴ Дай две ему овцы, дай козу и с козлом;
Тогда он на овец прольет благословенье
И в снедь не даст волкам.
Храню к богам почтенье,
⁸ А стада не отдам
На жертвоприношенье.
По совести! Одна мне честь —
Что волк его сожрал, что бог изволил съесть.

ИСТИННЫЙ ПАТРИОТ

«О хлеб-соль русская! о прадед Филарет!
О милые остатки,
Упрямяство дедушки и ферези прабабки!
⁴ Без вас спасенья нет!»

Мы здесь одни! . . . Что делать? Пить
Вино из полной чаши!
Давайте взапуски хвалить
8 Славянски оды наши.

Сотрудники

Мы здесь одни! . . . Что делать? Пить
(и проч.).

Певец

Сей кубок чадам древних лет!
Вам слава, наши деды!
12 Друзья! Почто покойных нет
Певцов среди «Беседы»!
Их вирши сгнили в кладовых
Иль съедены мышами,
16 Иль продают на рынке в них
Салакушку с сельдями.
Но дух отцов воскрес в сынах,
Мы все для славы дышим,
20 Давно здесь в прозе и стихах,
Как Тредьяковский, пишем.

Сотрудники

Но дух отцов воскрес в сынах (и проч.).

Певец

Чья тень парит под потолком
24 Над нашими главами?
За ней, пред ней. . . о страх! — кругом
Поэты со стихами!
Се Тредьяковский в парике
28 Засаленном, с кудрями,
С «Тилемахидою» в руке,

С Ролленем за плечами!
 Почто на нас, о муж седой!
 32 Вперил ты грозны очи?
 Мы все клялись, клялись тобой
 С утра до полуночи
 Писать, как ты, тебе служить;
 36 Мы все с рассудком в споре,
 Для славы будем жить и пить,
 Нам по колено море!
 Напьемся пьяны музе в дань,
 40 Так пили наши деды!
 Рассудку — гибель, вкусу — брань,
 Хвала — сынам «Беседы»!
 Пусть Ломоносов был умен,
 44 И нас еще умнее;
 За пьянство стал бессмертен он,
 А мы его пьянее.

Сотрудники

Для славы будем жить и пить.
 48 Врагу беда и горе!
 Почто рассудок нам щадить?
 Нам по колено море.

Певец

Друзья! большой бокал отцов
 52 За лавку Глазунова!
 Там царство вечное стихов
 Шихматова лихова.
 Родного крова милый свет,
 56 Знакомые подвалы,
 Златые игры прежних лет —
 Невинны мадригалы!

Что вашу прелесть заменит?
60 О лавка дорогая!
Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя?

Сотрудники

Что вашу прелесть заменит (*и проч.*).

Певец

64 Там все знакомо для певцов,
Там наши дети милы,
Кладбище мирное стихов,
Бумажные могилы,
68 Там царство гленья и мышей,
Там Николев почтенный,
И древний прах календарей,
И прах газет священный.
72 Да здравствует «Беседы» царь!
Цвети твоя держава!
Бумажный трон твой — наш алтарь,
Пред ним обет наш — слава!
76 Не изменим: мы от отцов
Прияли глупость с кровью;
Сумбур! здесь сонм твоих сынов,
К тебе горим любовью!
80 Наш каждый писарь — славянин,
Галиматьею дышет,
Бежит предатель сих дружин
И галлицизмы пишет!

Сотрудники

84 Наш каждый писарь — славянин (*и проч.*).

Певец

Тот наш, кто каждый день кадит
 И нам молебны служит;
 Пусть публика его бранит,
⁸⁸ Но он о том не тужит!
 За нас стоит гора горой,
 В «Беседе» не зевает.
 Прямой сотрудник, брат прямой
⁹² И в брани помогает!
 Хвала тебе, Славенофил,
 О муж неукротимый!
 Ты здесь рассудок победил
⁹⁶ Рукой неутомимой.
 О, сколь с наморщенным челом
 В «Беседе» он прекрасен
 И сколь он хладен пред столом
¹⁰⁰ И критикам ужасен!
 Упрямство в нем старинных лет,
 Хвала седому деду!
 Друзья! он, он родил на свет
¹⁰⁴ Славянскую «Беседу»!

Сотрудники

Он нас, сироток, воскормил!

Потемкин

Меня читать он учит.

Жихарев

Моих он «Бардов» похвалил.

Шихматов

¹⁰⁸ Меня в Пиндары крючит.

П е в е ц

Хвала тебе, о дед седой!
Хвала и многи лета!
Ошую пусть сидит с тобой
112 Осьмое чудо света,
Твой сын, наперсник и клевет —
Шихматов безглагольный,
Как ты, славян краса и цвет,
116 Как ты, собой довольный!
Хвала тебе, о Шаховской,
Холодных шуб родитель!
Отец талантов, муж прямой,
120 Ежовой покровитель!
Телец, упитанный у нас,
О ты, болван болванов!
Хвала тебе, хвала сто раз,
124 Раздутый Карабанов!
Хвала, читателей тиран,
Хвостов неистошмый!
Стихи твои — наш барабан,
128 Для слуха нестерпимый;
Везде с стихами ты готов,
Везде ты волком рыщешь,
Пускаешь притчу в тыл врагов,
132 Стихами в уши свещишь;
Лишь за поэму — прочь идут,
За оду — засыпают,
Ты за посланье — все бегут
136 И уши затыкают.
Хвала, псаломщик наш, старик,
Захаров-предложитель!
Ревет он так, как волк иль бык,
140 Лугов пустынных житель;

Хвала тебе, протяжный Львов,
 Ковач речений смелый!
 И Палицын, гроза певцов,
 144 В Поповке поседельный!
 Хвала, наш пасмурный Гервей,
 Обруганный Станевич,
 И с польской музыкой своей
 148 Холуй Анастасевич!
 Друзья, сей полный ковш пивной
 За здравье Соколова!
 Он, право, чтец у нас лихой
 152 И создан для Хвостова.
 В его устах стихи ревут,
 Как волны в уши плещут;
 От грома их невольно тут
 156 Все барыни трепещут.
 Хвала, беседы сей дьячок,
 Бездушный Политковский!
 Жует, гнусит и вдруг стихок
 160 Родит славянорусский.

 Их груди каменной хвала!
 Хвала скуле железной!

Сотрудники

.

 Их груди каменной хвала!
 164 Хвала скуле железной!
 Но месть тому, кто нас бранит
 И пишет эпиграммы,
 Кто пишет так, как говорит,
 168 Кого читают дамы.

П е в е ц

Сей кубок мщенью! Други! В строй!
И мигом — перья в длани!
Сразить иль пасть — наш роковой
172 Обет в чернильной брани.
Вотще свои, о Карамзин,
Ты издал сочиненья:
Я, я на Пинде властелин
176 И жажду лишь отмщенья!
Нет логики у нас в домах,
Грамматик не бывало;
Мы прѳлог в руки — гибни, враг,
180 С твоей дружиной вялой!
Отведай, дерзкий, что сильней —
Рассудок или мщенье;
Пришлец! мы в родине своей,
184 За глупых — провиденье!
Друзья! прощанью сей стакан,
Уж свечи погасили,
Пробили зорю в барабан,
188 К заутрени звонили;
Пора домой, пора ко сну;
От хмеля я шатаюсь.

Х в о с т о в

Дай, басню я прочту одну
192 И после распрощаюсь.

В с е

Ах! нет, друзья, домой, домой!
Чу... петухи пропели.
Прощай, Шишков, наш дед седой,
196 Прощай, мы охмелели —

И ты нас в путь благослови.
 А вы, друзья, — лобзанья!
 В завет — и новыя любви,
 200 И нового свиданья.

ЗАПРОС АРЗАМАСУ

Три Пушкина в Москве, и все они — поэты.
 Я полагаю, все одни имеют леты.
 Талантом, может быть, они и не равны,
 4 Один другого больше пишет,
 Один живет с женой, другой и без жены,
 А третий об жене и весточки не слышит
 (Последний — промеж нас я молвлю — страшный
 плут,
 8 И прямо в ад ему дорога!), —
 Но дело не о том: скажите, ради бога,
 Которого из них *Бобрищевым* зовут?

НАДПИСЬ К ПОРТРЕТУ П. А. ВЯЗЕМСКОГО

Кто это, так насупя брови,
 Сидит растрепанный и мрачный, как Федул?
 О чудо! Это он! .. Но кто же? Наш Катулл,
 4 Наш Вяземский, певец веселья и любви!

ПОСЛАНИЕ К А. И. ТУРГЕНЕВУ

Есть дача за Невой,
Верст двадцать от столицы,
У Выборгской границы,
4 Близ Парголы крутой:
Есть дача или мыза,
Приют для добрых душ,
Где добрая Элиза
8 И с ней почтенный муж,
С открытою душою
И с лаской на устах,
За трапезой простою
12 На бархатных лугах,
Без бального наряда,
В свой маленький приют
Друзей из Петрограда
16 На праздник сельский ждут.
Там муж с супругой нежной
В час отдыха от дел
Под кров свой безмятежной
20 Муз к грациям привел.
Поэт, лентяй, счастливец
И тонкий философ,
Мечтает там Крылов
24 Под тению березы
О басенных зверях
И рвет парнасски розы
В приютинских лесах.
28 И Гнедич там мечтает

О греческих богах,
Меж тем как замечает
Кипренский лица их
32 И кистию чудесной,
С беспечностью прелестной,
Вандиков ученик,
В один крылатый миг
36 Он пишет их портреты,
Которые от Леты
Спасли бы образцов,
Когда бы сам Крылов
40 И Гнедич сочиняли,
Как пишет Тянислов
Иль Балдусы писали,
Забыв и вкус, и ум.
44 Но мы забудем шум
И суеты столицы,
Издадим колесницы,
Ударим по коням
48 И пустимся стрелою
В Приютино с тобою.
Согласны? — По рукам!

«С. С. УВАРОВУ»

Среди трудов и важных муз,
Среди учености всемирной
Он не утратил нежный вкус,
4 Еще он любит голос лирной;

Еще в душе его огонь,
И сердце наслаждений просит,
И борзый Аполлонов конь
8 От муз его в Цитеру носит.
От пепла древнего Афин,
От гордых памятников Рима,
С развалин Трои и Солима,
12 Умом вселенной гражданин,
Он любит отдыхать с Эратой
Разнообразной и живой,
И часто водит нас с собой
16 В страны Фантазии крылатой.
Ему легко: он награжден,
Благословен, взлелеян Фебом;
Под сумрачным родился небом,
20 Но будто в Аттике рожден.

КНЯЗЮ П. И. ШАЛИКОВУ

*(при получении от него в подарок книги,
им переведенной)*

Чем заплачу вам, милый князь,
Чем отдарю почтенного поэта?
Стихами? Но давно я с музой рушил связь
4 И без нее кругом летаю света,
С востока к западу, от севера на юг —
Не там, где вы, где граций круг,
Где Аполлон с парнасскими сестрами,
8 Нет, нет, в стране иной,

- Где век не повстречаюсь с вами:
 В пыли, в грязи, на тряской мостовой,
 «В картузе с козырьком, с небритыми усами»,
 12 Как Пушкина герой,
 Воспетый им столь сильными стихами.
 Такая жизнь для мыслящего — ад.
 Страний вам моих не в силах я исчислить.
 16 Скачи туда, сюда, хоть рад или не рад.
 Где ж время чувствовать и мыслить?
 Но время, к счастью, есть любить
 Друзей, их славу и успехи
 20 И в дружбе находить
 Неизъяснимые для черствых душ утечи.
 Вот мой удел, почтенный мой поэт:
 Оставя отчий край, увижу новый свет,
 24 И небо новое, и незнакомы лица,
 Везувий в пламени и Этны вечный дым,
 Кастратов, оперу, фигляров, папский Рим
 И прах, священный прах всемирных столицы.
 28 Но где б я ни был (так я молвлю в добрый
 час),
 Не изменясь, душою тот же буду
 И, умирая, не забуду
 Москву, отечество, друзей моих и вас!

К ТВОРЦУ
«ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО»

Когда на играх Олимпийских,
В надежде радостных похвал,
Отец истории читал,
⁴ Как грек разил вождей азийских
И силы гордых сокрушал, —
Народ, любитель шумной славы,
Забыв ристанье и забавы,
⁸ Стоял и весь вниманье был.
Но в сей толпе многонародной
Как старца слушал Фукидид,
Любимый отрок аонид,
¹² Надежда крови благородной!
С какою жаждою внимал
Отцов деянья знамениты
И на горящие ланиты
¹⁶ Какие слезы проливал!
И я так плакал в восхищенье,
Когда скрижаль твою читал,
И гений твой благословляя
²⁰ В глубоком, сладком умиленье...
Пускай талант — не мой удел!
Но я для муз дышал недаром,
Любил прекрасное и с жаром
²⁴ Твой гений чувствовать умел.

ПРОЗА,
НЕ ВОШЕДШАЯ В «ОПЫТЫ»

ПРОГУЛКА ПО МОСКВЕ

Ты желаешь от меня описания Москвы, любезнейший друг, — вещи совершенно невозможной (для меня, разумеется) по двум весьма важным причинам. Первое — потому, что я не в силах удовлетворить твоему любопытству за неимением достаточных сведений исторических и проч. и проч., которые необходимо нужны, ибо здесь на всяком шагу мы встречаем памятники веков протекших, но сии памятники безмолвны для невежды, а я притворяться ученым не умею. Вторая причина — лень, причина весьма важная! Итак, мимоходом, странствуя из дома в дом, с гулянья на гулянье, с ужина на ужин, я напишу несколько замечаний о городе и о нравах жителей, не соблюдая ни связи, ни порядку, и ты прочтешь оные с удовольствием: они напомнят тебе о добром приятеле,

Который посреди рассеяний столицы
Тихонько замечал характеры и лица
Забавных москвичей;
Который с год зевал на балах богачей,
Зевал в концерте и в собрание,
Зевал на скачке, на гулянье,
Везде равно зевал,
Но дружбы и тебя нигде не забывал.

Теперь, на досуге, не хочешь ли со мною прогуляться в Кремль? Дорогою я невольно восклицать буду на каждом шагу: это исполинский город, построенный великанами; башня на башне, стена на стене, дворец возле дворца! Странное смешение древнего и новейшего зодчества, нищеты и богатства, нравов европейских с нравами и обычаями восточными! Дивное, непостижимое слияние суетности, тщеславия и истинной славы и великолепия, невежества и просвещения, людскости и варварства. Не удивляйся, мой друг: Москва есть вывеска или живая картина нашего отечества. Посмотри: здесь, против зубчатых башен древнего Китай-города, стоит прелестный дом самой новейшей италиянской архитектуры; в этот монастырь, построенный при царе Алексее Михайловиче, входит какой-то человек в длинном кафтане, с окладистой бородою, а там к бульвару кто-то пробирается в модном фраке; и я, видя отпечатки древних и новых времен, вспоминая прошедшее, сравнивая оное с настоящим, тихонько говорю про себя: «Петр Великий много сделал и ничего не кончил».

Войдем теперь в Кремль. Направо, налево мы увидим величественные здания, с блестящими куполами, с высокими башнями, и все это обнесено твердою стеною. Здесь все дышит древностью; все напоминает о царях, о патриархах, о важных происшествиях; здесь каждое место озаменовано печатью веков протекших. Здесь все противное тому, что мы видим на Кузнецком мосту, на Тверской, на бульваре и проч. Там книжные французские лавки, модные магазины, которых уродливые вывески заслоняют целые дома, часовые мастера, погребки, и, словом, все снаряды моды и роскоши. В Кремле все тихо, все имеет какой-то важный и спокойный вид; на Кузнецком мосту все в движении:

Корнеты, чепчики, мужья и сундуки.

А здесь одни монахи, богомольцы, должностные люди и несколько часовых. Хочешь ли видеть единственную картину? Когда вечернее солнце во всем великолепии склоняется за Воробьевы горы, то войди в Кремль и сядь на высокую деревянную лестницу. Вся панорама Москвы за рекою! Направо Каменный мост, на котором беспрестанно волнуются толпы проходящих; далее — Голицынская больница, прекрасное здание дома гр⟨афини⟩ Орловой с тенистыми садами, и, наконец, Васильевский огромный замок, примыкающий к Воробьевым горам, которые величественно довершают сию картину, — чудесное смещение зелени с домами, цветущих садов с высокими замками древних бояр; чудесная противоположность видов городских с сельскими видами. Одним словом, здесь представляется взорам картина, достойная величайшей в мире столицы, построенной величайшим народом на приятнейшем месте. Тот, кто, стоя в Кремле и холодными глазами смотрев на исполинские башни, на древние монастыри, на величественное Замоскворечье, не гордился своим отечеством и не благоговел России, для того (и я скажу это смело) чуждо все великое, ибо он жалостно ограблен природою при самом его рождении; тот поезжай в Германию и живи и умирай в маленьком городке, под тенью приходской колокольни с мирными германцами, которые, углубясь в мелкие политические расчеты, протянули руки и выи для принятия оков гнуснейшего рабства¹.

Но солнце медленно сокрывается за рощами. Взглянем еще на Кремль, которого золотые куполы и шпицы колоколен ярко отражают блистание зари вечерней. Шум городской замирает вместе с замирающим днем. Кругом нас все тихо; изредка пройдет человек. Здесь нищий отдыхает на красном крыльце, положив голову на котомку; он отдыхает беспечно у подножия палат царских,

не зная даже, кому они некогда принадлежали. Теперь встает и медленно входит в монастырь, где раздается мрачное пение иноков и где целыми рядами стоят гробы великих князей и царей русских (некогда обитавших в ближних палатах). Печальный образ славы человеческой... Но мы не станем делать восклицаний вместе с модными писателями, которые проводят целые ночи на гробах и бедное человечество пугают привидениями, духами, страшным судом, а более всего своим слогом; мы не предадимся мрачным рассуждениям о бренности вещей, которые позволено делать всякому в нынешнем веке меланхолии; а пойдем потихоньку на Кузнецкий мост, где все в движении, все спешит, а куда? — посмотрим.

Эта большая дедовская карета, запряженная шестью чальми тощими клячами, остановилась у дверей модной лавки. Вот из нее вылезает пожилая женщина в большом чепце, мадам, конечно, француженка, и три молодые девушки. Они входят в лавку — и мы за ними. «Дайте нам головных уборов, покажите нам эти шляпки, да по христианской совести, госпожа мадам!» И торговка, окинув взорами своих гостей, узнает, что они из степи, продает им лежалую старину вдвое, втрое дороже обыкновенного. Старушка сердится и покупает.

Зайдем оттуда в конфектный магазин, где жид или гасконец Гоа продает мороженое и всякие сласти. Здесь мы видим большое стечение московских франтов в лакированных сапогах, в широких английских фраках, и в очках, и без очков, и растрепанных, и причесанных. Этот, конечно, — англичанин: он, разиня рот, смотрит на восковую куклу. Нет! он русак и родился в Суздале. Ну, так этот — француз: он картавит и говорит с хозяйкой о знакомом ей чревовещателе, который в прошлом году забавлял весельчаков парижских. Нет, это ста-

рый франт, который не ездил далее Макарья и, промотав родовое имение, наживает новое картами. Ну, так это — немец, этот бледный высокий мужчина, который вошел с прекрасною дамою? Ошибся! И он русский, а только молодость провел в Германии. По крайней мере, жена его иностранка: она насилу говорит по-русски. Еще раз ошибся! Она русская, любезный друг, родилась в приходе Неопалимой Купины и кончит жизнь свою на святой Руси. Отчего же они все хотят прослыть иностранцами, картавят и кривляются? — отчего?.. Я на это буду отвечать после, а теперь прошу заметить этого пожилого человека в шпорах. Он изобрел прошлого года новые подковы для своих рысаков, дрожки о двух колесах и карету без козел. Он живет на конюшне, завтракает с любимым бегуном и ездил нарочно в Лондон, чтобы посоветоваться с известным коновалом о болезни своей английской кобылы.

Вздыхнем, любезный друг, от глубины сердца и скажем с Ариостом:

Дурачься, смертных род! В луне рассудок твой! ²

Теперь мы видим перед собою иностранные книжные лавки. Их множество, и ни одной нельзя назвать богатою в сравнении с петербургскими. Книги дороги, хороших мало, древних писателей почти вовсе нет, но зато есть мадам Жанлис и мадам Севинье — два катехизиса молодых девушек — и целые груды французских романов — достойное чтение тупого невежества, бессмыслия и разврата. Множество книг мистических, назидательных, казуистских и проч., писанных расстригами-попами (*ci-devant soit disant jésuites*) ^{1*} на чердаках парижских в пользу добрых женщин. Их беспрестанно раскупают и

^{1*} Бывшими так называемыми иезуитами (франц.).

в Москве, ибо наши модницы не уступают парижским в благочестии и с жадностью читают глупые и скучные проповеди, лишь бы только они были написаны на языке медоточивого Фенелона, сладостного друга почтенной девицы Гион. Но мы, разговаривая, пришли в город. Какое стечение народа, какое разнообразие! Это совершенный базар восточный! Здесь мы видим грека, татарина, турка в чалме и в туфлях; там сухого француза в башмаках, искусно перескакивающего с камня на камень, тут важного персианина, там ямщика, который бранится с торговкою, здесь бедного селянина, который устремил оба глаза на великолепный цуг, между тем как его товарищ рассматривает народные картины и любит их замысловатыми надписями. Вот и целый ряд русских книжных лавок; иные весьма бедны. Кто не бывал в Москве, тот не знает, что можно торговать книгами точно так, как рыбой, мехами, овощами и проч., без всяких сведений в словесности; тот не знает, что здесь есть фабрика переводов, фабрика журналов и фабрика романов и что книжные торгаши покупают ученый товар, то-есть переводы и сочинения, на вес, приговаривая бедным авторам: не качество, а количество! не слог, а число листов! Я боюсь заглянуть в лавку, ибо, к стыду нашему, думаю, что ни у одного народа нет и никогда не бывало столь безобразной словесности. К счастью, многие книги здесь в Москве рождаются и здесь умирают или, по крайней мере, на ближайших ярмонках. Теперь мы выходим на Тверской бульвар, который составляет часть обширного вала. Вот жалкое гульбище для обширного и многолюдного города, какова Москва; но стечение народа, прекрасные утра апрельские и тихие вечера майские привлекают сюда толпы праздных жителей. Хороший тон, мода требуют пожертвований: и фронт, и кокетка, и старая вестовщица, и жирный от-

кушник скачут в первом часу утра с дальних концов Москвы на Тверской бульвар. Какие странные наряды, какие лица! Здесь вы видите приезжего из Молдавии офицера, внука этой придворной ветхой красавицы, наследника этого подагрика, которые не могут налюбоваться его пестрым мундиром и невинными шалостями; тут вы видите провинциального щеголя, который приехал перенимать моды и который, кажется, пожирает глазами счастливец, прискакавшего на почтовых с берегов Секваны³ в голубых панталонах и в широком безобразном фраке. Здесь красавица ведет за собою толпу обожателей, там старая генеральша болтает с своей соседкою, а возле их откупщик, тяжелый и задумчивый, который твердо уверен в том, что бог создал одну половину рода человеческого для винокурения, а другую для пьянства, идет медленными шагами с прекрасною женою и с карлом. Университетский профессор в епанче, которая бы могла сделать честь покойному Кратесу⁴, пробирается домой или на пыльную кафедру. Шалун напевает водевили и травит прохожих своим пуделем, между тем как записной стихотворец читает эпиграмму и ожидает похвалы или приглашения на обед. Вот гулянье, которое я посещал всякий день и почти всегда с новым удовольствием. Совершенная свобода ходить взад и вперед с кем случится, великое стечение людей знакомых и незнакомых имели всегда особенную прелесть для ленивцев, для праздных и для тех, которые любят замечать физиономии. А я из числа первых и последних. Прибавлю к этому: на гулянье приезжают одни, чтоб отдохнуть от забот, другие — ходить и дышать свежим воздухом; женщины приезжают собирать похвалы, мужчины — удивляться, и лица всех почти спокойны. Здесь страсти засыпают; люди становятся людьми; одно самолюбие не дремлет; оно всегда на часах; но и оно

имеет здесь привлекательный вид, и оно заставляет улыбнуться старого игрока гораздо приветливее, нежели за карточным столом. Наконец, на гулянье все кажется счастливыми, и это меня радует как ребенка, ибо я никогда не любил скучных и заботливых лиц.

Теперь мы опять вышли на улицу. Взгляни направо, потом налево и делай сам замечания, ибо увидишь вдруг всю Москву со всеми ее противоположностями.

Вот большая карета, которую насилу тянет четверня: в ней чудотворный образ, перед ним монах с большою свечей. Вот старинная Москва и остаток древнего обряда прародителей!

Посторонись! Этот ландо нас задавит: в нем сидит щеголь и красавица; лошади, лакей, кучера — все в последнем вкусе. Вот и новая Москва, новейшие обычаи!

Взгляни сюда, счастливец! Возле огромных чертогов вот хижина, жалкая обитель нищеты и болезней. Здесь целое семейство, изнуренное нуждами, голодом и стужей — дети полунагие, мать за пряслицей, отец — старый заслуженный офицер в изорванном майорском камзоле — починивает старые башмаки и ветхий плащ, затем, чтоб поутру можно было выйти на улицу просить у прохожих кусок хлеба, а оттуда пробраться к человеколюбивому лекарю, который посещает его больную дочь. Вот Москва, большой город, жилище роскоши и нищеты.

Но здесь пред нами огромные палаты с высокими мраморными столбами, с большим подъездом. Этот дом открыт для всякого, кто может сказать роскошному Амфитриону:

Joignez un peu votre inutilité
А ce fardeau de mon oisiveté *)

*) Прибавьте немножко вашей бесполезности к бремени моей праздности⁵ (франц.).

Хозяин целый день зевает у камина, между тем как вокруг его все в движении, роговая музыка гремит на хорах, вся челядь в галунах, и роскошь опрокинула на стол полный рог изобилия. В этом человеке все страсти исчезли, его сердце, его ум и душа износились и обветшали. Самое самолюбие его оставило. Он, конечно, великий философ, если совершенное равнодушие посреди образованного общества можно назвать мудростью. Он окружен ласкателями, иностранцами и шарлатанами, которых он презирает от всей души, но без них обойтись не может. Его тупоумие невероятно. Пользуясь всеми выгодами знатного состояния, которым он обязан предкам своим, он даже не знает, в каких губерниях находятся его деревни; зато знает по пальцам все подробности двора Людовика XIV по запискам Сен-Симона, перечтет всех любовниц его и регента, одну после другой, и назовет все парижские улицы. Его дом можно назвать гостиницей праздности, шума и новостей, посреди которых хозяин осужден на вечную скуку и вечное бездействие. Вот следствие роскоши и праздности в сей обширнейшей из столиц, в сем малом мире!

Я думаю, что ни один город не имеет ниже малейшего сходства с Москвою. Она являет редкие противоположности в строениях и нравах жителей. Здесь роскошь и нищета, изобилие и крайняя бедность, набожность и неверие, постоянство дедовских времен и ветренность неимоверная, как враждебные стихии, в вечном несогласии, и составляют сие чудное, безобразное, исполинское целое, которое мы знаем под общим именем: *Москва*. Но праздность есть нечто общее, исключительно принадлежащее сему городу; она более всего приметна в каком-то беспокойном любопытстве жителей, которые беспрестанно ищут нового рассеяния. В Москве отдыхают, в других городах трудятся менее или более, и по-

тому-то в Москве знают скуку со всеми ее мучениями. Здесь хвалятся гостеприимством, но — между нами — что значит это слово? Часто — любопытство. В других городах вас узнают с хорошей стороны и приглашают навсегда; в Москве сперва пригласят, а после узнают. Музыка прошлой зимы вскружила всем головы; вся Москва пела: я думаю, от скуки. Ныне вся Москва танцует — от скуки. Здесь все влюблены или стараются влюбляться: я бьюсь об заклад, что это делается от скуки. Молодые женщины играют на театре, а старухи ездят по монастырям — от скуки, и это всякому известно. Карусель, который стоил столько издержек, родился от скуки⁶. Одним словом, здесь скуку можно назвать великою пружиною: она поясняет много странных обстоятельств. Для жителей московских необходимо нужны новые гулянья, новые праздники, новые зрелища и новые лица. Здесь славная актриса Жорж⁷ принята была с восторгом и скоро наскучила большому свету. Сию холодность к дарованию издатель «Русского вестника»⁸ готов приписать к патриотизму; он весьма грубо ошибается.

Москва есть большой провинциальный город, единственный, несравненный: ибо что значит имя столицы без двора? Москва идет сама собою к образованию, ибо на нее почти никакие обстоятельства влияния не имеют. Здесь всякий может дурачиться как хочет, жить и умереть чудачком. Самый Лондон беднее Москвы по части нравственных карикатур. Какое обширное поле для комических авторов, и как они мало чувствуют цену собственной неистощимой руды! Надобно еще заметить, что здесь семейственная жизнь, которую можно назвать хранительницею нравов, придает какое-то добродушие и откровенность всем поступкам. Это заметил мне англичанин-путешественник, который называл Москву преле-

стейшим городом в мире и прощался с нею со слезами.

Но время летит, и почти час обеда приходит. Мы опоздали зайти в этот дом, которого наружность вовсе непривлекательна. Здесь большой двор, заваленный сором и дровами; позади огород с простыми овощами, а под домом большой подъезд с перилами, как водилось у наших дедов. Войдя в дом, мы могли бы увидеть в прихожей слуг оборванных, грубых и пьяных, которые от утра до ночи играют в карты. Комнаты без обоев, стулья без подушек, на одной стене большие портреты в рост царей русских, а напротив — Юдифь, держащая окровавленную голову Олоферна над большим серебряным блюдом, и обнаженная Клеопатра с большой змиею — чудесные произведения кисти домашнего маляра. Сквозь окна мы можем видеть накрытый стол, на котором стоят щи, каша в горшках, грибы и бутылки с квасом. Хозяин в тулупе, хозяйка в салопе; по правую сторону приходский поп, приходский учитель и шут, а по левую — толпа детей, старуха-колдунья, мадам и гувернер из немцев. О! это дом старого москвича, богомольного князя, который помнит страх божий и воеводство. Пойдем далее. Вот маленький деревянный дом, с палисадником, с чистым двором, обсаженным сиренями, акациями и цветами. У дверей нас встречает учтивый слуга не в богатой ливрее, но в простом опрятном фраке. Мы спрашиваем хозяина: войдите! Комнаты чисты, стены расписаны искусной кистью, а под ногами богатые ковры и пол лакированный. Зеркала, светильники, кресла, диваны — все прелестно и кажется отделано самим богом вкуса. Здесь и общество совершенно противно тому, которое мы видели в соседнем доме. Здесь обитает приветливость, пристойность и людскость. Хозяйка зовет нас к столу: мы сядем, где хотим, без

принуждения, и, может быть, развеселенный старым вином, я скажу, только не вслух:

Налейте мне еще шампанского стакан,
Я сердцем славянин — желудком галломан!⁹

Вот ударило шесть часов: мы можем идти в театр. Я скажу тебе, что я видел в Петербурге дурных актеров, слышал на сцене нестройные крики, провинциальное наречие, видел кривляния, подлые жесты и самые дурные навыки, видел, что актер не умел и не хотел понимать своей роли, читал в глазах его самое глубокое невежество; одним словом, я видел русскую комедию, русскую трагедию и оперу; видел и сказал: «может ли что быть хуже этого?» Теперь, побывав в московском театре, могу смело отвечать самому себе: «может! — и есть хуже!» Здесь опера не хороша, комедия еще хуже, а трагедия и еще хуже комедии. Но французские актеры не лучше русских¹⁰. Я видел Тезея, которому мне хотелось сказать: «Братец, вычисти мне сапоги!» Я бьюсь об заклад, что он был честный артист-décrotteur* и, постепенно переходя из состояния в состояние, сделался, наконец, актером, вопреки уму и природе, и теперь весьма спокойно тиранит стихи Ивана Расина в белокаменной Москве. Я видел Ипполита, сего дикого скифа, которому в уста бессмертный автор Федры вложил прекраснейшие стихи, я видел сего гордого Ипполита в самом жалком положении: черные его волосы, которые до сих пор, падая по высокому стройному челу, вились кудрями, подобно кудрям Аполлона Бельведерского, сии волосы — порыжели! чистые пламенные глаза его сделались от времени свинцовыми. Конечно, наш скиф немного поразвратился. Ноги и руки жалким образом высохли

* Чистильщик сапог (франц.).

и пожелтели. Голос звонкий, чистый, голос девственника Ипполита, сделался вял, тяжел и совершенно охрип. Одним словом, Ипполит Расинов или Эврипидов превратился в бедного Фаржа, француза, который живет на Кузнецком мосту в магазине духов и помад.

Занавес поднимается. Ты можешь поверить мои замечания или, лучше, не дождавшись конца французской трагедии, воспользоваться прекрасным майским вечером на Пресне.

Пруды украшают город и делают прелестное гулянье. Там собираются те, которые не имеют подмосковных, и гуляют до ночи. Посмотри, как эти мосты и решетки красивы. Жаль, что берега, украшенные столь милыми домами и зеленым лугом, не довольно широки. Большое стечение экипажей со всех концов обширного города, певчие и роговая музыка делают сие гульбище одним из приятнейших. Здесь те же люди, что на бульваре, но с большею свободою. Какое множество прелестных женщин! Москву поистине можно назвать Цитерою. Посмотри! Этой малютке четырнадцать лет, и она так невинно улыбается! Но вот идет красавица: ее все знают под сим названием, теперь она первая по городу. За ней толпа — а муж, спокойно зевая позади, говорит о турецкой войне и о травле медведей. Супруга его уронила перчатку, и молодой человек ее поднял. Жаль, что этого не видал старый болтун N. . . , отставной полковник, который промышляет новостями. Посторонитесь! Посторонитесь! Дайте дорогу куме-болтунье-спорщице, пожилой бригадирше, жарко нарумяненной, набеленной и закутанной в черную мантилью. Посторонитесь, вы, господа, и вы, молодые девушки! Она ваш Аргус неусыпный, ваша совесть, все знает, все замечает и завтра же поедет рассказывать по монастырям, что такая-то наступила на ногу такому-то, что этот поблед-

нел, говоря с той, а та накануне поссорилась с мужем, потому что сегодня, разговаривая с его братом, разгорелась, как роза. Какой это чудак, закутанный в шубу, в бархатных сапогах и в собольей шапке? За ним идет слуга с термометром. О, это человек, который более полувека, как все простужается! Заметим этих щеголей; они так заняты собою! Один в цветном платочке с букетом цветов, с лорнетом, так нежно улыбается, и в улыбке его виден след труда. Другой молчит, завсегда молчит: он умеет одеваться, ерошить волосы, а говорить не мастер. Там вдали, на лавке, сидит красавица полупоблеклая. Она вздохнула... еще раз... о том, что ее место заступила новая, которая идет мимо ее и гордо улыбается. Постой, прелестница! Еще две весны, и ты, в свою очередь, будешь сидеть одна на лавке; ты идешь, и время за тобою. Куда спешит этот пожилой холостяк? Он задыхается от жиру, и пот с него катится ручьями. Он спешит в Английский клуб пробовать нового повара и заморский портер. А этот гусар о чем призадумался, опершись на свою саблю! О, причина важная! Вчера он был один во всей Москве, — теперь явился другой гусар, во сто раз милее и любезнее: по крайней мере, так говорят в доме княгини N..., которая по произволению раздает ум и любезность — и его бедного забыла! Но кто это болтает палкою в пруде с большим успехом, ибо на него посмотрели две мимоидущие старухи, две столетние парки. О! не мешайте ему. Это тот важный, глубокомысленный человек, который мутит в делах государственных и теперь пузырит воду. Вот два чудака: один из них бранил погоду — а время очень хорошо; другой бранит людей — а люди все те же; и оба бранят правительство, которое в них нужды не имеет и, что всего досаднее, не заботится о их речах. Оба они недовольные. Они очень жалки! Один имеет

сто тысяч доходу, и желудок его варить не может. Другой прожился на фейерверках и называет людей неблагодарными за то, что они не собираются в его сад в глубокую полночь. Но кто этот пожилой человек, высокий и бледный, как покойный капитан Хин-Хилла¹¹? Старый щеголь, великий мастер делать визиты, который на погребениях и на свадьбах является как тень, как памятник времен екатерининских; он человек праздный, говорун скучный, ибо лгать не умеет за недостатком воображения, а молчать не может за недостатком мысленной силы.

Это гульбище имеет великое сходство с Полями Елисейскими. Здесь мы видим тени великих людей, которые, отыграв важные роли в свете, запросто прогуливаются в Москве. Многие из них пережили свою славу. Eheu, fugaces! . . *

Но заря потухает. Все разъехались. Прости до будущей прогулки!

* Увы, быстротекущие. . .¹² (лат.).

МЫСЛИ

Молчание есть украшение и щит юности.

Скупые на похвалу доказывают, что они небогаты достоинствами.

Путешественник имеет много хозяев и мало друзей.

Не делай ничего такого, чего б не должен был знать твой неприятель.

Если ты хочешь взвесить услугу и обиду, то отними весу у одной, прибавь отнятое к другой — и будешь справедлив.

Что есть благодарность? — Память сердца.

Добродетель идет мимо счастья и злополучия, на то и на другое бросая презрительные взоры.

Боги, даруйте мне мудрость, остальное все — вам!

Философия господствует над протекшим и будущим; настоящее убивает ее.

Любовь стареется, почтение также.

Великие люди предпринимают великие дела, потому что они велики, а дураки — потому, что считают их безделками.

Великие мысли истекают из сердца¹.

Кондильяк² говорит, что чтение стихотворцев образует лучше способность мыслить верно, нежели чтение философов: в трагедиях Расиновых более логики, нежели в Сенеке, и проч.

ВОСПОМИНАНИЕ МЕСТ, СРАЖЕНИЙ И ПУТЕШЕСТВИЙ

Добрый человек может быть счастлив воспоминанием протекшего. В молодости мы все переносим в будущее время; в некоторые лета начинаем оглядываться. Часто предмет маловажный — камень, ручей, лошадь, на свободе гуляющая по лугам, отдаленный голос человека или звон почтового колокольчика, шум ветра, запах цветка полевого, вид облаков и неба, одним словом, — все, даже безделка, пробуждают во мне множество приятнейших воспоминаний. Я весь погружаюсь в протекшее, и сердце мое отдыхает от забот. Я чувствую облегчение от бремени настоящего, которое, как свинец, лежит на сердце.

Здесь, в Каменце¹, я вижу развалины замка и укреплений турецких, польских и русских; прогуливаюсь по ветхим бастионам и замечаю их живописные стороны. Виды развалин старой крепости и новых укреплений прелестны. Это большие башни, остроконечные, полуразрушенные, поросшие мохом и полынью, весьма высокою в полуденных краях; укрепления, раскаты, окруженные или, вернее сказать, опоясанные быстрою рекою, которая в иных местах образует красивые водопады и шумом и сверканьем волн смягчает угрюмость воинскую и однообразие крепостного строения. Здесь шумит мельница; там брод, по которому пробирается великое стадо; немного подалее источник, падающий с каменной кру-

тизны; вокруг его множество детей и женщин с коромыслами и толпы евреев, наклоненных на белые трости, в самом живописном положении. За рекою ряды домов с цветущими садами: веселая картина изобилия, промышленности, жизни общественной, в противоположность к холодным развалинам. Одним словом, — множество живых картин на малом пространстве, картин, напоминающих свежие ландшафты Руисдаля², отдыхи (haltes) Вовермана³, своенравные черты Сальватора Розы и величественные вымыслы самого Пуссеня. Целые часы я стою, облокотясь на зубцы башенные, и взоры мои с неизъяснимою радостью скользят по крутизне каменной стены или бродят по волнам кипящего Смотрича. Несколько раз стены сии переходили из рук в руки. Турки брали их у поляков, поляки у турок, и, наконец, русские отбили их у гордых республиканцев. Повсюду древние следы войны и времени. Там ядро оторвало край стены, здесь врезалось в камни и заросло плющом. Укрепления сии часто были осаждаемы смелым и беспокойным Хмельницким, который, в смутные времена республики, внезапно являлся в Подолии, разорял цветущие села и плодоносные берега древнего Тираса⁴, осаждал Каменец, грозил Варшаве и исчезал, как призрак. На дальних холмах, за рекою, стояло его войско, усиленное толпами татар. Сколько воспоминаний исторических!.. Правда! Но «мое воображение хозяин в доме», как говорит Монтань⁵. Я забываю невольно и вождей польских, и гетмана, окруженного мурзами, и переносюсь в Богемию, в Теплиц, к развалинам Бергшлосса и Гайереберга, около которых стоял наш лагерь после Кульмской победы.

Одно воспоминание рождает другое, как в потоке одна струя рождает другую. Весь лагерь воскресает в моем воображении, и тысячи мелких обстоятельств оживляют

мое воображение. Сердце мое утопает в удовольствии: я сижу в шалаше моего Петина⁶, у подошвы высокой горы, увенчанной развалинами рыцарского замка. Мы одни. Разговоры наши откровенны; сердца на устах; глаза не могут насмотреться друг на друга после долгой разлуки. Опасность, из которой мы исторглись невредимы, шум, движение и деятельность военной жизни, вид войска и снарядов военных, простое угощение и гостеприимство в ставке приятеля, товарища моей юности, бутылка богемского вина на барабане, несколько плодов и кусок черствого хлеба, *ragса mensa*⁷, умеренная трапеза, но приправленная ласкою, — все это вместе веселило нас как детей. Мы говорили о Москве, о наших надеждах, о путешествии на Кавказ и мало ли о чем еще! Время пролетало в разговорах, и месяц, выходя из-за гор, отделяющих Богемию от долины дрезденской, заставал нас, беспечных и счастливых, посреди сердечных излияний откровеннейшей дружбы, дружбы, которой одно воспоминание мне драгоценнее и честей, и славы.

Вот что рождают во мне башни и развалины Каменца: сладкие воспоминания о лучших временах жизни! Приятель мой уснул геройским сном на кровавых полях Лейпцига. Время изгладило его из памяти холодных товарищей, но дружество и благодарность запечатлели его образ в душе моей. Я ношу сей образ в душе, как залог священный; он будет путеводителем к добру; с ним неразлучный, я не стану бледнеть под ядрами, не изменю чести, не оставляю ее знамени. Мы увидимся в лучшем мире; здесь мне осталось одно воспоминание о друге, воспоминание, прелестный цвет посреди пустыней, могил и развалин жизни.

ВОСПОМИНАНИЕ О ПЕТИНЕ

Уваров написал послание «о выгодах умереть в молодости»¹. Предмет обильный в красивых и возвышенных чувствах! Конечно, утро жизни, молодость, есть лучший период нашего странствования по земле. Напрасно красноречивый римлянин² желает защитить старость, — все цветы красноречия его вянут при одном воззрении на дряхлого человека: опираясь на клюки свои, старость дрожит над могилою и страшится измерить взором ее неприступные мраки. Опытность должна бы отучать от жизни, но в некоторые лета мы видим тому противное. Одна религия может согреть сердце старика и отучить его от жизни — тягостной, бедной, но милой до последнего дыхания. «Это есть благо провидения», говорят некоторые философы. Может быть: но зато великие движения души, глубокие чувствования, божественные пожертвования самим собою, сильные страсти и возвышенные мысли принадлежат молодости, деятельность — зрелым летам, старости — одни воспоминания и любовь к жизни. И что теряет юноша, умирая на заре своей, подобно цветку, который видел одно восхождение солнца и увянул прежде, нежели оно потухло? Что теряем мы, умирая в полноте жизни на поле чести, славы, в виду тысячи людей, разделяющих с нами опасность? Несколько наслаждений кратких, но зато лишаемся с ними и терзаний честолюбия, и сей опытности, которая встре-

чает нас на середине пути, подобно страшному призраку. Мы умираем, но зато память о нас долго живет в сердце друзей, не помраченная ни одним облаком, чистая, светлая, как розовое утро майского дня.

Такими рассуждениями я желаю утешить себя об утрате И. А. Петина, погибшего на 26-м году жизни на полях Лейпцига. Но при одном имени сего любезного человека все раны сердца моего растворяются, ибо тесно была связана его жизнь с моею. Тысячи воспоминаний смутных и горестных теснятся в сердце и облегчают его. Сердце мое с некоторого времени любит питаться одними воспоминаниями.

В 1807 году³ мы оставили оба столицу и пошли в поход. Я верю симпатии, ибо опыт научил верить неизъяснимым таинствам сердца. Души наши были сродны. Одни пристрастия, одни наклонности, та же пылкость и та же беспечность, которые составляли мой характер в первом периоде молодости, пленяли меня в моем товарище. Привычка быть вместе, переносить труды и беспокойства воинские, разделять опасности и удовольствия стеснили наш союз. Часто и кошелек, и шалаш, и мысли, и надежды у нас были общие.

Тысячи прелестных качеств составляли сию прекрасную душу, которая вся блистала в глазах молодого Петина. Счастливое лицо, зеркало доброты и откровенности, улыбка беспечности, которая исчезает с годами и с печальным познанием людей, все пленительные качества наружности и внутреннего человека достались в удел моему другу. Ум его был украшен познаниями и способен к науке и рассуждению, ум зрелого человека и сердце счастливого ребенка: вот в двух словах его изображение.

Он воспитывался в Московском университетском пансионе и потом в пажемском корпусе и в обоих училищах

отличался редким прилежанием и примерным поведением; матери ставили его в пример детям своим, и наставники хвалились им, как лучшим плодом своих попечений. Несколько басен, написанных им в ребячестве, и переводов из книг математических показывали редкую гибкость ума, способного на многое; словесность требует воображения, науки — внимания и точности. Вот что он принес в гвардейский егерский полк, и к этому — еще лучшее сокровище: доброе сердце, редкое сердце, которое ему приобрело и сохранило любовь товарищей. Оно, по собственному его признанию, спасало его в буре страстей и посреди обольщений света. Ни опытность, ни горестное познание людей, ничто не могло изгладить первых даров природы. Но сия доброта сердечная в последствии времени соединилась с размышлением и сделалась общею рассудку и сердцу: редкое качество в столь нежном возрасте. Вот доказательство. Мы были ранены в 1807 году, я — сперва, он — после, и увиделись в Юрбурге. Не стану описывать моей радости. Меня поймут только те, которые бились под одним знаменем, в одном ряду и испытали все случайности военные. В тесной лачуге, на берегах Немана, без денег, без помощи, без хлеба (это не вымысел), в жестоких мучениях, я лежал на соломе и глядел на Петина, которому перевязывали рану. Кругом хижины толпились раненые солдаты, пришедшие с полей несчастного Фридланда⁴, и с ними множество пленных. Под вечер двери хижины отворились, и к нам вошло несколько французов, с страшными усами, в медвежьих шапках и с гордым видом победителей.

Петин был в отсутствии, и мы пригласили пленных разделить с нами кусок гнилого хлеба и несколько капель водки; один из моих товарищей поделился с ними деньгами и из двух червонцев отдал один (истинное со-

кровище в таком положении). Французы осыпали нас ласками и фразами — по обыкновению, и Петин вошел в комнату в ту самую минуту, когда наши болтливые пленные изливали свое красноречие. Посудите о нашем удивлении, когда вместо приветствия, опираясь на один костыль, другим указал он двери нашим гостям. «Извольте идти вон, — продолжал он, — здесь нет места и русским: вы это видите сами». Они вышли не прекословя, но я и товарищи мои приступили к Петину с упреками за нарушение гостеприимства. «Гостеприимства, — повторял он, краснея от досады, — гостеприимства!» — «Как!» — вскричал я, приподнимаясь с моего одра, — ты еще смеешь издеваться над нами?» — «Имею право смеяться над вашею безрассудною жестокостию». — «Жестокостию? Но не ты ли был жесток в эту минуту?» — «Увидим. Но сперва отвечайте на мои вопросы! Были ли вы на Немане у переправы?» — «Нет». — «Итак, вы не могли видеть того, что там происходит?» — «Нет! Но что имеет Неман общего с твоим поступком?» — «Много, очень много. Весь берег покрыт ранеными; множество русских валяется на сыром песку, на дожде, многие товарищи умирают без помощи, ибо все дома наполнены; итак, не лучше ли призвать сюда воинов, которые изувечены с нами в одних рядах? Не лучше ли накормить русского, который умирает с голоду, нежели угощать этих ненавистных самохвалов? спрашиваю вас. Что же вы молчите?»

Вот другой случай, который еще разительнее изображает его. По окончании шведской войны мы были в Москве (1810). Петин лечился от жестоких ран и свободное время посвящал удовольствиям общества, которого прелесть военные люди чувствуют живее других. Не один вечер мы просидели у камина в сих сладких разговорах, которым откровенность и веселость дают

чудесную прелесть. К ночи мы вздумали ехать на бал и ужинать в собрании. Проезжая мимо Кузнецкого моста, пристяжная оторвалась, и между тем как ямщик заботился около упряжки, к нам подошел нищий, ужасный плод войны, в лохмотьях, на костылях. «Прия-тель, — сказал мне Петин, — мы намеревались ужинать в собрании; но лучше отдадим серебро наше этому бед-няку и возвратимся домой, где найдем простой ужин и камин». Сказано — сделано. Это безделка, если хо-тите, но ее не надобно презирать. «От малого пожертво-вания до большого один шаг», — скажет наблюдатель сердца. Это безделка, согласен; но молодой человек, который умеет пожертвовать удовольствием другому, чистейшему, есть герой в моральном смысле. Меня пой-мут благородные души.

Возвратимся к военной жизни. В 1808 году один ба-талион гвардейских егерей был отряжен в Финляндию. Близ озера Саймы, в окрестностях Куопио, он встретил неприятеля. Стычки продолжались беспрестанно, и Пе-тин, имевший под начальством роту, отличался бес-престанно; день проходил в драке, а вечер посвящал он на сочинение своего военного журнала: полезная при-вычка для офицера, который любит свою должность и желает себя усовершенствовать. Полковник Потемкин, командовавший батальоном, уважал молодого офицера, и самые блестящие и опаснейшие посты доставались ему в удел, как лучшее награждение. К несчастью, другие ротные командиры получили георгиевские кресты, а Петин был обойден. Все офицеры единодушно сожа-лели и обвиняли судьбу, часто несправедливую, но моло-дой Петин, более чувствительный к лестному уважению товарищей, нежели к неудаче своей, говорил им с редким своим добродушием: «Друзья, этот крест не уйдет от офицера, который имеет счастье служить с вами: я его

завоюю; но заслужить ваше уважение и приязнь — вот чего желает мое сердце, и оно радуется, видя ваши ласки и сожаления».

Мы подвинулись вперед. Под Иденсальми шведы напали в полночь на наши биваки, и Петин с ротой егерей очистил лес, прогнал неприятеля и покрыл себя славою. Его вынесли на плаще, жестоко раненного в ногу. Генерал Тучков осыпал его похвалами, и молодой человек забыл и болезнь, и опасность. Радость блистала в глазах его, и надежда увидеться с матерью придавала силы. Мы расстались и только через год увиделись в Москве.

С каким удовольствием я обнял моего друга! С каким удовольствием просиживали мы целые вечера и не видели, как улетало время! Посвятив себя военной жизни, Петин и в мирное время не выпускал из рук военных книг, и я часто заставал его за картой в глубоком размышлении. Откровенный с приятелем наедине, застенчивый как девица в обществе, он питал в груди своей честолюбие благородной души, желание быть отличным офицером и полезным членом сословия храбрых, но часто, по излишней скромности своей, таил свои занятия и хотел казаться рассеянным. Казалось, что его прекрасная душа страшилась обнаружить свое преимущество перед товарищами. Но нам известно, что посреди рассеяния, мирных трудов военного ремесла и балов он любил уделять несколько часов науке, требующей самого постоянного внимания, и обогащал «Военный Журнал», издаваемый покойным полковником Рахмановым (пламенным любовником математики), прекрасными переводами по части артиллерии, егерских эволюций и практики полевой. Словесность не была забыта, и однажды — этот день никогда не выйдет из моей памяти — он пришел ко мне с свитком бумаг: «Опять ма-

тематика?» — спросил я улыбаясь. — «О, нет! — отвечал он, краснея более и более, — это... стихи, прочитай их и скажи мне твое мнение». Стихи были писаны в молодости и весьма слабы, но в них приметны были смысл, ясность в выражении и язык довольно правильный. Я сказал, что думал, без прикрасы, и добрый Петин прижал меня к сердцу. Человек, который не обидится подобным приговором, есть добрый человек; я скажу более: в нем, конечно, тлеется искра дарования, ибо, что ни говорите, сердце есть источник дарования; по крайней мере, оно дает сию прелесть уму и воображению, которая нам всего более нравится в произведениях искусства.

Два года спустя я получил от него письмо из армии, с поля Бородинского, накануне битвы. Мы находились в неизъяснимом страхе в Москве, и я удивился спокойствию душевному, которое являлось в каждой строке письма, начертанного на барабане в роковую минуту. В нем описаны были все движения войска, позиция неприятеля и проч. со всею возможною точностию: о самых важнейших делах Петин, свидетель их, говорил хладнокровно, как о делах обыкновенных. Так должен писать истинно военный человек, созданный для сего звания природою и образованный размышлением; все внимание его должно устремляться на ратное дело, и все побочные горести и заботы должны быть подавлены силою души. На конце письма я заметил несколько строк, из которых видно было его нетерпение сразиться с врагом, впрочем, ни одного выражения ненависти. Счастливый друг, ты пролил кровь свою на поле Бородинском, на поле славы и в виду Москвы, тебе любезной, а я не разделил с тобой этой чести! В первый раз я позавидовал тебе, милый товарищ, в первый раз с чувством глубокого прискорбия и зависти смотрел я на

почтенную рану твою! ^{1*} Долго я страшился за него, ибо рана была опасна; но молодость, искусство лекаря и — что всего целебнее — попечительность нежной матери, которая имела счастье ходить за раненым сыном своим в собственном его поместье, избавили его от смерти или продолжительного страдания. Но русские уже были за Неманом, и нетерпеливый Петин, едва вставший с постели, вырвался из объятий матери своей и поспешил в Богемию по призыванию строгого долга чести и, может быть, честолюбия, которое час от часу более усиливалось в его душе, чуждой только низких пристрастий. Напрасно благословения матери сопровождали сына, опору и надежду преклонных лет; напрасно прижимала его к горячему сердцу; простым языком чувства — глас матери всегда красноречив и силен — повторяла она: «Друг мой, сын мой, скажи мне, зачем ты так добр и умен? Зачем не оскорбишь меня чем-нибудь и не отучишь меня любить тебя так горячо, так сильно?»

На высотах Кульма я снова обнял его посреди стана военного, после победы. Несколько часов мы провели наедине, и я заметил, что сердце его не было спокойно. Ни шум и деятельность военной жизни, ни блестящая победа при Кульме, где каждое место напоминало воинам цепь свежих подвигов и чудес храбрости, и где Петин (уже полковник) участвовал с батальоном егерей, ни обещание новой награды и надежды расширить поприще чести, — ничто не могло рассеять его тоски душевной. Конечно, воспоминание о матери, оставленной в слезах, и три тяжелые раны, ослабившие его здоровье, имели влияние на его душу. Или провидение, которого пути неисповедимы, посылает сие уныние и смут-

^{1*} В Владимире, во время бегства из Москвы.

ное предчувствие, как вестник страшного события или близкой кончины, затем чтобы сердца ему любезные приуговаривались к таинствам новой жизни или укрепились глубоким размышлением к новой победе над судьбою или собственными страстями? Часто мы просиживали на высотах Шлосберга посреди романтических развалин и любовались необозримым лагерем, который растянулся под нашими ногами от башен Теплица вдоль по необозримой долине, огражденной лесистыми, неприступными утесами Богемии. Вечернее солнце и звезды ночи заставляли в сладкой задумчивости или в сих откровеннейших излияниях два сердца, сродные и способные чувствовать разлуку. Часто мы бродили по лагерю рука в руку посреди пушек, пирамид, ружей и биваков и веселились разнообразием войск, столь различных и одеждою, и языком, и рождением, но соединенных нуждою победить. Никогда лагерь не являл подобного зрелища, и никогда сии краткие минуты наслаждения чистейшего посреди забот и опасностей, как будто вырванные из рук скупой судьбины, не выйдут из моей памяти. И окрестности Дрездена и Теплица, и живописные горы Богемии, и победа при Кульме, и подвиги наших спартанцев сливаются в душе моей с воспоминанием о незабвенном товарище.

В Альтенбурге, на походе, он навел меня и, прощаясь, крепко сжимал мою руку. Слабость раненой ноги его была так сильна, что он с трудом мог опираться на стремя и, садясь на лошадь, упал. «Дурной знак для офицера», — сказал он, смеясь от доброго сердца. Он удалился и с тех пор я его не видал. 4-го октября началась ужасная битва под Лейпцигом. Я находился при генерале Раевском и с утра в жестоком огне, но сердце мое было спокойно насчет моего Петина: я знал, что гвардия еще не вступила в дело. В четвертом часу, на

том пункте, где гренадеры железною грудью удержали стремление целой армии неприятельской, генерал был ранен пулею в грудь и, оборотясь ко мне, велел привести лекаря. Я поскакал к резервам, которые начинали двигаться вправо, по направлению к деревне Госсе, и встретил гвардейских егерей, но, к несчастью, не мог видеть Петина: он был в голове всей колонны, в дальнем расстоянии, и мне время было дорого. На другой день поутру, на рассвете, генерал поручил мне объехать поле сражения там, где была атака гвардейских гусаров, и отыскивать тело его брата, которого мы полагали убитым. С другим товарищем я поехал по дороге к Аунгейну, где мы остановились в первый день битвы, для исполнения печального долга. Какое-то непонятное, мрачное предчувствие стесняло мое сердце; мы встречали множество раненых, и в числе их гвардейских егерей. Первый мой вопрос — о Петине; ответ меня ужаснул: полковник ранен под деревнею — это еще лучшее из худшего! Другой егерь меня успокоил (по крайней мере, я старался успокоиться его словами), уверив, что полковник его жив, что он видел его сию минуту в лагере и проч., но раненый офицер, который встретился немного далее, сказал мне, что храбрый Петин убит и похоронен в ближайшем селе, которого видна колокольня из-за лесу: нельзя было сомневаться более.

Этот день почти до самой ночи я провел на поле сражения, объезжая его с одного конца до другого и рассматривая окровавленные трупы. Утро было пасмурное. Около полудня полился дождь реками; все усугубляло мрачность ужаснейшего зрелища, которого одно воспоминание утомляет душу, зрелища свежего поля битвы, заваленного трупами людей, коней, разбитыми ящиками и проч. В глазах моих беспрестанно мелькала колокольня, где покоилось тело лучшего из людей, и

сердце мое исполнилось горестию несказанной, которую ни одна слеза не облегчила. Проезжая через деревню Госсу, я остановил лошадь и спросил у егеря, обезображенного страшными ранами: — «Где был убит ваш полковник?» — «За этим рвом, там, где столько мертвых». — Я с ужасом удалился от рокового места.

На третий день по взятии Лейпцига я проезжал по дороге, ведущей к местечку Роте, и встретил верного слугу моего приятеля, который возвращался в Россию с его верховыми лошадьми: несчастный вестник величайшего злополучия для сердца матери. Он привел меня на могилу доброго господина. Я видел сию могилу, из свежей земли насыпанную; я стоял на ней в глубокой горести и облегчил сердце мое слезами. В ней сокрыто было навеки лучшее сокровище моей жизни — дружба. Я просил, умолял почтенного и престарелого священника того селения сохранить бранный памятник — простой деревянный крест, с начертанием имени храброго юноши, в ожидании прочнейшего — из мрамора или гранита. Несколько могил окружали могилу Петина. Священные могилы храбрых товарищей на поле битвы и неразлучных в утробе земной до страшного и радостного дня воскресения! Я оставил сии бранные остатки в глубоком унынии и, при громе отдаленных выстрелов, воскликнул от глубины сердца с поэтом, который сильно чувствует и сильно выражает горечь:

Уже не придут в сонм друзей,
Не станут в ратном строе!
Уж для врага их грозный лик
Не будет вестник мщенья,
И не помчит их мощный клик
Дружину в пыл сраженья!

Их празден меч, безмолвен щит,
Их ратники унылы,
И сир могучих конь стоит
Близ тихой их могилы! ⁵

Конечно, сияющая слава не была бы призраком для душ благородных, если бы она не доставалась иногда в удел порочным и недостойным. Часто слепая судьба раздает ее по своему произволу и добродетель и лучшие качества души обрекает на вечное забвение. Имя молодого Петина изгладится из памяти людей. Ни одним блестящим подвигом он не ознаменовал течения своей краткой жизни, но зато ни одно воспоминание не оскорбит его памяти. Исполняя свой долг, был он добрым сыном, верным другом, неустрашимым воином: этого мало для земного бессмертия. Конечно, есть другая жизнь за пределом земли и другое правосудие; там только ничто доброе не погибнет: есть бессмертие на небе!

Каменец. Ноября 9-10

ЧУЖОЕ — МОЕ СОКРОВИЩЕ

⟨Из записной книжки 1817 г.⟩

Надобно, чтобы в душе моей никогда не погасла прекрасная страсть к прекрасному, которое столь привлекательно в искусствах и в словесности, но не должно пресытиться им. Всему есть мера. Творения Расина, Тасса, Вергилия, Ариоста пленительны для новой души: счастлив — кто умеет плакать, кто может проливать слезы удивления в тридцать лет. Гораций просил, чтобы Зевес прекратил его жизнь, когда он учинится бесчувствен ко звукам лир. Я очень его понимаю молитву...

Мая 3-го 1817.

Болезнь моя не миновала, а немного затихла. Кругом мрачное молчание, дом пуст, дождик накрапывает, в саду слякоть. Что делать? Все прочитал, что было, даже «Вестник Европы». Давай вспоминать старину. Давай писать набело, *impromptu* *, без самолюбия, и посмотрим, что выльется; писать так скоро, как говоришь, без претензий, как мало авторов пишут, ибо самолюбие всегда за полу дергает и на место первого слова заставляет ставить другое. Но Монтань писал, как на ум приходило ему. Верю. Но Монтань — человек истинно необыкновенный. Я сравниваю его ум с запруженным источником: поднимите шлюзу, и вода хлынет и течет

* Экспромтом (франц.).

беспрестанно, пенясь, кипя, течет всегда чистая, всегда здоровая — отчего? Оттого, что резервуар был обилен. С маленьким умом, с вялым и небыстрым, каков мой, писать прямо набело очень трудно, но сегодня я в духе и хочу сделать *tour de force**. Перо немного рассеет тоску мою. И так... Но вот уж я и в тупик стал. С чего начать? О чем писать? Отдавать себе отчет в протекшем, описывать настоящее и планы будущего. Но это — признаться — очень скучно. Говорить о протекшем хорошо на старости, и то великим людям или богатым перед наследниками, которые из снисхождения слушают:

On en vaut mieux quand on est écouté**.

Что говорить о настоящем! Оно едва ли существует. Будущее... о, будущее для меня очень тягостно с некоторого времени!¹ И так, пиши о чем-нибудь; рассуждай! Рассуждать несколько раз пробовал, но мне что-то все не удается: для меня — говорят добрые люди — рассуждать все равно, что иному умничать. Это больно. Отчего я не могу рассуждать?

Первый резон: мал ростом.

2-й	»	не довольно дороден.
3-й	»	рассеян.
4-й	»	слишком снисходителен.
5-й	»	ничего не знаю с корня, а одни
вершки, даже и в поэзии, хотя целый
век бледнею над рифмами.
6-й		не чиновен, не знатен, не богат.
7-й		не женат.
8-й		не умею играть в бостон и в вист.
9-й		ни в шах и мат.

* Героическое усилие (франц.).

** Когда вас слушают, ваша цена возрастает (франц.).

10-й »

11-й » После придумаю остальные резоны, по которым рассудок заставляет меня смиряться. Но писать надобно. Мне очень скучно без пера. Пробовал рисовать — не рисуется; что же делать, научите добрые люди, а говорить не с кем. Не знаю, как помочь горю. Давай подумаю. Кстати, вспоминаю чужие слова — Вольтера, помнится: *et voilà comme on écrit l'histoire!* *², — вспомнил их машинально, почему не знаю, а эти слова заставляют меня вспомнить о том, чему я бывал свидетелем в жизни моей, и что видел после в описании. Какая разница, боже мой, какая! *Et voilà comme on écrit l'histoire!*

Простой ратник, я видел падение Москвы, видел войну 1812, 13 и 14 г., видел и читал газеты и современные истории. Сколько лжи! И вот тому пример в «Северной почте».

Мы были в Эльзасе. Раевский³ командовал тогда гренадерами. Призывает меня вечером кой о чем поболтать у камина. Войско было тогда в совершенном бездействии, и время, как свинец, лежало у генерала на сердце. Он курил очень много, по обыкновению, читал журналы, гладил свою американскую собачку — животное самое гнусное, не тем бы вспомнать его, и которое мы, адъютанты, исподтишка били, и ласкали в присутствии генерала, что очень не похвально, скажете вы; но что же делать? Пример подавали свыше — другие генералы, находившиеся под начальством Раевского. Мало-помалу все разошлись, и я остался один. «Садись!» Сел. «Хочешь курить?» — «Очень благодарен». Я из гордости не позволял себе никакой вольности при его высокопревосходительстве. «Ну, так давай

* И вот как пишут историю! ² (франц.).

говорить!» — «Извольте». Слово за слово, разговор сделался любопытен. Раевский очень умен и удивительно искренен, даже до ребячества, при всей хитрости своей. Он же меня любил (в это время), и слова лились рекою. Всем доставалось: *Silis a cela de bon, c'est que quand il frappe, il assomme* *. Он вовсе не учен, но что знает, то знает. Ум его ленив, но в минуты деятельности ясен, остер. Он засыпает и просыпается. Но дело теперь о том, что он мне говорил. Кампания 1812 года была предметом нашего болтанья.

«Из меня сделали римлянина, милый Батюшков», сказал он мне, — «из Милорадовича ⁴ — великого человека, из Витгенштейна ⁵ — спасителя отечества, из Кутузова — Фабия ⁶. Я не римлянин, но зато и эти господа — не великие птицы. Обстоятельства ими управляли, теперь всем движет государь. Провидение спасало отечество. Европу спасает государь, или провидение его внушает. Приехал царь — все великие люди исчезли. Он был в Петербурге — и карлы выросли. Сколько небылиц напечатали эти карлы! Про меня сказали, что я под Дашковкой принес на жертву детей моих. «Помню, — отвечал я, — в Петербурге вас до небес превозносили». — «За то, чего я не сделал, а за истинные мои заслуги хвалили Милорадовича и Остермана. Вот слава, вот плоды трудов!» — «Но помилуйте, ваше высокопревосходительство, не вы ли, взяв за руку детей ваших и знамя, пошли на мост, повторяя: вперед, ребята; я и дети мои откроем вам путь ко славе, или что-то тому подобное». Раевский засмеялся. «Я так никогда не говорю витиевато, ты сам знаешь. Правда, я был впереди. Солдаты пятились, я ободрял их. Со

* У Силиса то хорошо, что когда он бьет, то наповал (франц.).

мною были адъютанты, ординарцы. По левую сторону всех перебило и переранило, на мне остановилась картечь. Но детей моих не было в эту минуту. Младший сын собирал в лесу ягоды (он был тогда сущий ребенок, и пуля ему прострелила панталоны); вот и все тут, весь анекдот сочинен в Петербурге. Твой приятель (Жуковский) воспел в стихах⁷. Граверы, журналисты, нувеллисты воспользовались удобным случаем, и я пожалован римлянином. *Et voilà comme on écrit l'histoire!* *

Вот что мне говорил Раевский.

Но охотникам до анекдотов я могу рассказать другой, не менее любопытный, и который доказывает его присутствие ума и обнажает его душу. Он мне не сделал никакого добра, но хвалить его мне приятно, хвалить как истинного героя, и я с удовольствием теперь, в тишине сельского кабинета, вспоминаю старину. Под Лейпцигом мы бились (4-го числа) у красного дома. Направо, налево все было опрокинуто. Одни гренадеры стояли грудью. Раевский стоял в цепи мрачен, безмолвен. Дело шло не весьма хорошо. Я видел неудовольствие на лице его, беспокойства ни малого. В опасности он истинный герой, он прелестен. Глаза его разгораются, как угли, и благородная осанка его поистине делается величественною. Писарев⁸ летал, как вихорь, на коне по гудам тел, точно по гудам, и Раевский мне говорил: «Он молодец». Французы усиливались, мы слабели, но ни шагу вперед, ни шагу назад. Минута ужасная. Я заметил изменение в лице генерала и подумал: «Видно дело идет дурно». Он, оборотясь ко мне, сказал очень тихо, так что я едва слышал: «Батюшков, посмотри, что у меня», взяв меня за руку (мы были верхами), и руку мою положил себе под плащ, потом

* И вот как пишут историю! (франц.).

под мундир. Второпях я не мог догадаться, чего он хочет. Наконец, и свою руку освободя от поводов, положил за пазуху, вынул ее и очень хладнокровно поглядел на капли крови. Я ахнул, побледнел. Он сказал мне довольно сухо: «Молчи!» Еще минута, еще другая, пули летали беспрестанно; наконец, Раевский, наклонясь ко мне, прошептал: «Отъедем несколько шагов: я ранен жестоко». Отъехали. «Скачи за лекарем!» Поскакал. Нашли двоих. Один решился ехать под пули, другой воротился. Но я не нашел генерала там, где его оставил. Казак указал мне на деревню пикою, проговоря: «Он там ожидает вас». Мы прилетели. Раевский сходил с лошади, окруженный двумя или тремя офицерами — помнится — Давыдовым⁹ и Медемом, храбрейшими и лучшими из товарищей. На лице его видна бледность и страдание, но беспокойство не о себе, о гренадерах. Он все поглядывал за ворота на огни неприятельские и наши. Мы раздели его; сняли плащ, мундир, фуфайку, рубашку. Пуля раздробила кость грудную, но выпала сама собою. Мы суетились, как обыкновенно водится при таких случаях. Кровь меня пугала, ибо место было весьма важно; я сказал это на ухо хирургу. «Ничего, ничего, — отвечал Раевский, который, несмотря на свою глухоту, вслушался в разговор наш, и потом, оборотясь ко мне, — чего бояться, господин поэт» (он так называл меня в шутку, когда был весел):

Je n'ai plus rien du sang qui m'a donné la vie.
Il a dans les combats coulé pour la patrie*.

И это он сказал с необыкновенною живостью. Издранная его рубашка, ручьи крови, лекарь, перевязывающий

* У меня нет больше крови, которая дала мне жизнь. Она в сраженьях пролита за родину¹⁰ (франц.).

рану, офицеры, которые сустились вокруг тяжело раненого генерала, лучшего, может быть, из всей армии, беспрестанная пальба и дым орудий, важность минуты, одним словом — все обстоятельства придавали интерес этим стихам.

Вот анекдот. Он стоит тяжелой прозы «Северной почты»: «Ребята, вперед» и проч. За истину его я ручаюсь. Я был свидетелем, Давыдов, Медем и лекарь Витгенштейновой главной квартиры. Он тем более важен, сей анекдот, что про Раевского набрать немного. Он молчалив, скромен отчасти, скрыт, недоверчив, знает людей, не уважает ими. Он, одним словом, во всем контраст Милорадовичу и, кажется, находит удовольствие не походить на него ни в чем. У него есть большие слабости и великие военные качества. С лишком одиннадцать месяцев я был при нем неотлучен, спал и ел при нем; я его знаю совершенно, более нежели он меня, и здесь, про себя, с удовольствием отдаю ему справедливость, не угождением, но признательностию исторгнутую. Раевский славный воин и иногда хороший человек, иногда очень странный.

Вот что я намарал не херя. Слава богу! Часок пролетел, так что я его и не приметил. Я могу писать скоро, без поправок, и буду писать все, что придет на ум, пока лень не выдернет пера из руки.

8-го мая

Я предполагал — случилось иначе — что нынешнею весною могу предпринять путешествие для моего здоровья по России: в половине апреля быть в Москве, закупить все нужное, книги, вещи, экипаж, провести три недели посреди шума городского, посоветоваться с лекарями и в первых числах мая отправиться на Кавказ, побыть там два курса, а на осень в Тавриду; конец

сентября, октябрь и ноябрь весь пробыть на берегах Черного моря, в счастливейшей стране, и потом через Киев, к Новому году, воротиться в Москву. Но ветры унесли мои желания!

В молодости мы полагаем, что люди или добры или злы; они белы или черны. Вступая в средние лета, открываем людей ни совершенно черных, ни совершенно белых; Монтань бы сказал: серых. Но зато истинная опытность должна научить снисхождению, без которого нет ни одной общественной добродетели: надобно жить с серыми или жить в Дногеновой бочке.

Для того, чтобы писать хорошо в стихах — в каком бы то ни было роде, — писать разнообразно, слогом сильным и приятным, с мыслями незаемными, с чувствами, надобно много писать прозою, но не для публики, а записывать просто для себя. Я часто испытал на себе, что этот способ мне удавался; рано или поздно писанное в прозе пригодится: «Она питательница стиха», — сказал Альфьери — если память мне не изменила. Кстати о памяти, моя так упряма, своенравна, что я прихожу часто в отчаяние. Учю стихи наизусть и ничего затвердить не мог: одни италиянские врезываются в моей памяти. Отчего? Не оттого ли, что они угождают слуху более других.

Я прежде мало писал от лени, теперь от болезни, и мир ушам! Сен-Ламбер¹¹ советует экзаменовать себя по истечении некоторого времени: прекрасный способ, лучшее средство уничтожить некоторую часть своего самолюбия! Самый ученейший человек без книг, без пособий знает мало и не твердо. Знание профессоров науки есть знание или искусство пользоваться чужими сведениями.

В прекрасных садах Швенцина и потом в трактире местном я видел в первый раз Ланского и Ушакова. Генералы оба, и оба убиты в 1814 году под Лаоном,

если не ошибаюсь. Блюхера видел в первый раз во Франкфурте-на-Майне, потом в сражении под Бриенном, Клейста в Богемии и под Лейпцигом часто, Цитена — в Ноллендорфе часто, Шварценберга — везде. Славного Воронцова¹² я видел в окрестностях Парижа.

«Быть весьма умным, весьма сведущим — не в нашей состоит воле; быть же героем в деле зависит от каждого. Кто же не захочет быть героем?» Так говорит Воронцов в приказе 12-й дивизии 1815 г. Но я здесь в тишине думаю, и, конечно, не ошибаюсь, что эти слова можно приложить и к дарованию — вот как: не в нашей воле иметь дарования, часто не в нашей воле развить и те, которые нам дала природа, но быть честным в нашей воле: ergo *! Но быть добрым в нашей воле: ergo! Но быть снисходительным, великодушным, постоянным в нашей воле: ergo!

Карамзин мне говорил однажды: «Человек создан трудиться, работать и наслаждаться. Он всех тварей живущее, он все перенести может. Для него нет совершенного лишения, совершенного бедствия: я, по крайней мере, не знаю... кроме бесславия», — прибавил он, подумав немного.

Может быть, лучший признак мудрости есть кротость, «тихий нрав в крови», как говорит Державин¹³.

Слава богу, еще можно жить и наслаждаться жизнью: прогулка в поле не скучна; это я сегодня с радостью испытал.

С какой стороны ни рассматривай человека и себя в обществе, найдешь, что снисхождение должно быть первою добродетелию. Снисхождение в речах, в поступках, в мыслях, оно-то дает эту прелесть доброты, кото-

* Следовательно! (лат.).

рая едва ли не любезнее всего на свете. Наморщить лоб и взять Ювеналову дубину не так-то трудно, но шутить с жизнью, как Гораций, вот истинный камень философии. Снисхождение должно иметь границы: брань пороку, прощение слабости! Рассудок отличит порок от слабости. Надобно быть снисходительным и к себе: сделал дурно сегодня, не унывай — теперь упал, завтра встанешь. Не валяйся только в грязи. Мемнон хотел быть совершенно добродетельным и очутился без глаза. Александр убил Клита и загладил преступление свое великими делами. Несчастия, болезни часто лишают нас снисхождения или благоволения, но должно стараться вырвать их из рук несчастья и вечно таить в сердце.

В 1814 г., в бытность мою в Париже, я жил у Д.¹⁴ и сделался болен. Послал в ближайшую библиотеку за книгами. Приносят «Paul et Virginie» *¹⁵, которую я читал уже несколько раз, читал и заливался слезами, и какие слезы! Самые приятнейшие, чистейшие! После шума военного, после ядер и грома, после страшного зрелища разрушения и, наконец, после всей роскоши и прелести нового Вавилона, которые я успел уже вкушать до пресыщения, чтение этой книги облегчило мое сердце и примирило с миром. Автор оной, Bernardin de St.-Pierre, умер незадолго перед нами. Он много странствовал, служил в России офицером и, видно, был несчастлив. Мечтатель, подобный Руссо. Его философия — бред, в котором сияет воображение и всегда видно доброе и чувствительное сердце.

* «Поля и Виргинию» (франц.).

Выслушайте меня, бога ради! Я намекну вам только, каким образом можно составить книгу приятную и полезную. Удивляюсь, что ни один из наших литераторов не принялся за подобный труд. Вот план en grand*.

Говорить об одной русской словесности, не начиная с Лединых яиц, не излагая новых теорий, но говорить просто, как можно приятнее и яснее для людей светских, и предполагая, что читатели имеют обширные сведения в иностранной литературе, но своей собственной не знают; показать им ее рождение, ход, сходство и разницу ее от других литератур, все эпохи ее и, наконец, довести до времен наших. Дайте форму, какую вздумаете, но вот изложение материй:

1) О славенском языке. Опять не начинать от Сима, Хама и Иафета, а с Библии, которую мы, по привычке, зовем славенскою. О русском языке.

2) О языке во времена некоторых князей и царей. Влияние (пагубное) татар.

3) О языке во времена Петра I. Проповедники. Переводы иностранных книг по именному указу.

4) Тредьяковской и его товарищи. Путешественники и ученые.

5) и 6). Кантемир — статья интересная. Академия наук. Ученые иностранцы. Борьба старых нравов с новыми, старого языка с новым. Влияние искусств, наук, роскоши, двора и женщин на язык и литературу.

7) Ломоносов.

8) Сумароков.

9) Современные им писатели.

10) Фон-Визин. Образование прозы.

* В целом (франц.).

11) Болтин, Елагин, историки, переводчики.

12) Обзорение журналов. Влияние их. Участие Екатерины в издании «Собеседника». Придворный театр. Господствование французской словесности и вольтеррианизм. Желание воскресить старинный язык русский. Несообразности.

13) Петров. Майков.

14) Державин:

Он памятник себе воздвиг чудесный, вечный¹⁶.

15) Подражатели его. Взгляд на словесность вообще. Успехи. Недостатки.

16) Богданович. Влияние его.

17) Херасков. Проза его и стихи.

18) Карамзин. Ход его. Влияние на язык вообще.

19) Дмитриев. Характер его дарования, красивость и точность. Он то же делает у нас, что Буало или Попе у себя.

20) Подражатели их.

21) Княжнин. Взгляд на театр вообще¹⁷. Княжнина комедия и трагедия. Может быть, климат и конституция не позволяют нам иметь своего национального театра.

22) Озеров.

23) Хемницер. Крылов. Жуковский.

24) Муравьев. Книги его изданы недавно¹⁸; он первый говорил о морали. Он выше своего времени и духом, и сведениями.

25) Бобров. Мерзляков. Востоков. Воейков. Переводы Кострова и Гнедича¹⁹. Пушкин²⁰. Вяземский. Сумароков Панкратий²¹. Нелединский. Взгляд на издание Жуковского и потом Кавелина²². Замечание на письма И. М. из Нижнего²³.

26) Шишков. Его мнения. Он прав, он виноват. Его противники: Макаров²⁴, Дашков²⁵, Никольской²⁶.

27) Обзорение словесности с тех пор, как Карамзин оставил «Вестник»²⁷. Труды Каченовского.

28) Статьи интересные о некоторых писателях, как-то: Радищев, Пнин, Беницкий²⁸, Колычев²⁹.

Словесность надлежит разделить на эпохи: I) Ломоносова; II) Фон-Визина; III) Державина; IV) Карамзина; V) до времен наших. Сии эпохи должны быть ясными точками. Потом, не должно из виду упускать действие иностранных языков на наш язык. Переводы ученых с греческого и латинского. Что заняли мы у французов, и какое действие имели переводы романов Вольтера и проч.

Новикова труды. Влияние новорожденной немецкой словесности и отчасти английской. В чем мы успели? Почему лирический род процветал и должен погаснуть? Что всего свойственнее русским? Богатство и бедность языка. Может ли процветать язык без философии и почему может, но не долго? Влияние церковного языка на гражданский и гражданского на духовное красноречие. Все сии вопросы требуют ясного разрешения и должны быть размещены по приличным местам.

Должно представить картину нравов при Петре, Елисавете и Екатерине: до Ломоносова, при нем, при Державине, при Карамзине. Пустословить на кафедре по следам Батте и Буттервека³⁰ легко, но какая польза? Здесь надобно говорить дело просто, свободно, приятно.

Мысли о литературе

«Tout vouloir est d'un fou» *, — сказал Вольтер, который сам погрешил, желая успеть во всех родах словесности: границы есть уму, и даже величайшему. Может ли

* Всего желать свойственно безумцу (франц.).

один человек написать басни Лафонтеновы, Шекспирова *Отелло*, Мольерова *Мизантропа* и д'Аламбертово предисловие к *Энциклопедии*? Нет, конечно. Зачем же Вольтер... но бог с ним!

Не надобно любителю изящного отставать от словесности. Те, которые не читали Виланда, Гете, Шиллера, Миллера³¹ и даже Канта, похожи на деревенских старух, которые не знают, что мы взяли Париж, и что Москва сожжена — до сих пор сомневаются. Не надобно вдаваться в другую крайность. Не надобно беспрестанно слоняться из одной литературы в другую или заниматься одною древностию. И те, и другие *шалеют*, как говорит мой чистосердечный Кантемир о сытом и моте. Есть середина.

Какая пучина! Англичане, немцы, итальянцы, португальцы, гишпанцы, французы, восточные полуденные народы и вечные древние! Кто обнимет все творение ума человеческого и зачем? Крылов ничего не читает, кроме «*Всемирного путешественника*», расходной книги и календаря, а его будут читать и внуки наши. Талант любопытен; ум жаден к новости, но что в уме без таланта, скажите, бога ради! И талант есть ум, правда, но ум сосредоточенный.

Каждый язык имеет свое словотечение, свою гармонию, и странно бы было русскому или итальянцу, или англичанину писать для французского уха, и наоборот. Гармония, мужественная гармония не всегда прибегает к плавности. Я не знаю плавнее этих стихов:

На светлоголубом эфире
Златая плавала луна и пр.³²

и оды «*Соловей*» Державина. Но какая гармония в «*Водопаде*» и в оде на смерть Мещерского:

Глагол времен, металла звон!

Данте — великий поэт: он говорит памяти, уху, глазам, рассудку, воображению, сердцу. Есть писатели, у которых слог темен; у иных мутен; мутен, когда слова не на месте; темен, когда слова не выражают мысли, или мысли не ясны от недостатка точности и натуральной логики. Можно быть глубокомысленным и не темным, и должно быть ясным, всегда ясным для людей образованных и для великих душ.

Ученость сушит ум, рассеяние — сердце.

Театральные издержки в Греции были столь велики, что представление одной трагедии Софокла и Эврипида стоило государству более, нежели война с персами, говорит Плутарх. Мы платим актерам по двести, по триста рублей, лучшему тысячи две в год. Наши декорации не стоят ничего. Зато... у нас и трагики, и комики, и зрители!

.

Недавно я имел случай познакомиться с странным человеком, *каких много!* Вот некоторые черты его характера и жизни.

Ему около тридцати лет. Он то здоров, очень здоров, то болен, при смерти болен. Сегодня беспечен, ветрен, как дитя; посмотришь завтра — ударился в мысли, в религию и стал мрачнее инока. Лице у него точно доброе, как сердце, но столь же непостоянно. Он тонок, сух, бледен, как полотно. Он перенес три войны и на биваках был здоров, в покое — умирал! В походе он никогда не унывал и всегда готов был жертвовать жизнью с чудесною беспечностью, которой сам удивлялся; в мире для него все тягостно, и малейшая обязанность, какого бы рода ни было, есть свинцовое бремя. Когда долг призывает к чему-нибудь, он исполняет велико-

душно, точно так, как в болезни принимает ремень, не поморщившись. Но что в этом хорошего? К чему служит это? Он мало вещей или обязанностей считает за долг, ибо его маленькая голова любит философствовать, но так криво, так косо, что это вредит ему беспрестанно. Он служил в военной службе и в гражданской: в первой очень усердно и очень неудачно; во второй удачно и очень не усердно. Обе службы ему надоели, ибо, поистине, он не охотник до чинов и крестов. А плакал, когда его обошли чином и не дали креста. Как растолкуют это? Он вспыльчив, как собака, и кроток, как овечка. В нем два человека: один — добр, прост, весел, услужлив, богобоязлив, откровенен до излишества, щедр, трезв, мил; другой человек — не думайте, чтобы я увеличивал его дурные качества, право нет, и вы увидите сами почему, — другой человек — злой, коварный, завистливый, жадный, иногда корыстолюбивый, но редко; мрачный, угрюмый, прихотливый, недовольный, мстительный, лукавый, сластолюбивый до излишества, непостоянный в любви и честолюбивый во всех родах честолюбия. Этот человек, то-есть черный — прямой урод. Оба человека живут в одном теле. Как это? Не знаю; знаю только, что у нашего чудака профиль дурного человека, а посмотришь в глаза, так найдешь доброго: надобно только смотреть пристально и долго. За это единственно я люблю его! Горе, кто знает его с профили! Послушайте далее. Он имеет некоторые таланты и не имеет никакого. Ни в чем не успел, а пишет очень часто. Ум его очень длинен и очень узок. Терпение его, от болезни ли, или от другой причины, очень слабо; внимание рассеянно, память вялая и притуплена чтением: посудите сами, как успеть ему в чем-нибудь? В обществе он иногда очень мил, иногда очень нравился каким-то особенным манером, тогда, как приносили

в него доброту сердечную, беспечность и снисходительность к людям; но как стали приносить самолюбие, уважение к себе, упрямство и душу усталую, то все увидели в нем человека моего с профили. Он иногда удивительно красноречив: умеет войти, сказать; иногда туп, косноязычен, застенчив. Он жил в аде; он был на Олимпе. Это заметно в нем. Он благословен, он проклят каким-то гением. Три дни думает о добре, желает сделать доброе — вдруг недостанет терпения, на четвертый он сделается зол, неблагодарен; тогда не смотрите на профиль его! Он умеет говорить очень колко; пишет иногда очень остро насчет ближнего. Но тот человек, то-есть добрый, любит людей и горестно плачет над эпиграммами черного человека. Белый человек спасает черного слезами перед творцом, слезами живого рассказания и добрыми поступками перед людьми. Дурной человек все портит и всему мешает: он надменнее сатаны, а белый не уступает в доброте ангелу-хранителю. Каким странным образом здесь два составляют одно, зло так тесно связано с добром и отличено столь резкими чертами? Откуда этот человек, или эти человеки, белый и черный, составляющие нашего знакомого? Но продолжим его изображение.

Он — который из них, белый или черный? — он или они оба любят славу. Черный все любит, даже готов стать на колени и Христа ради просить, чтобы его похвалили: так он суетен; другой, напротив того, любит славу, как любил ее Ломоносов, и удивляется черному нахалу. У белого совесть чувствительна, у другого — медный лоб. Белый обожает друзей и готов для них в огонь; черный не даст и ногтей обстричь для дружества, так он любит себя пламенно. Но в дружестве, когда дело идет о дружестве, черному нет места: белый на страже! В любви... но не кончим изображение, оно и

гнусно, и прелестно! Все, что ни скажешь хорошего на счет белого, черный припишет себе. Заключим: эти два человека, или сей один человек живет теперь в деревне и пишет свой портрет пером по бумаге. Пожелаем ему доброго аппетита, он идет обедать.

Это я! Догадались ли теперь?

.....

Сен-Ламбер (или Ларошфуко) решительно сказал, что мы вылечиваемся от всех недостатков, если имеем на то добрую волю, но слабость характера неизлечима. Полно, верить ли этому? Внимание есть удивительный рычаг в морали. Оно делает чудеса. Внимание может даровать некоторое последование, некоторый порядок в поступках наших, некоторое равновесие мыслям и делам, и мы уже вылечены от половины слабости. Часто лучшие свойства сердца называются слабостию людьми непрозорливыми. С первого взгляду Сократ казался слабым человеком; его Ксантиппа делала из него что хотела и проливала на его священную голову помои из окна своего. «После бури бывает дождь», — повторял мудрец, отряхая с себя воду. Но какую надобно иметь твердость души, чтобы сказать сии слова без гнева, с кротостию и с этою ирониею, исполненною человеколюбия, с этою усмешкою, которой Сократ дал имя свое! От слабого человека требуется вдвое добродетели. Ибо, как говорит седой Державин, —

Как бедный часовой тот жалок,
Который вечно на часах!³³

Слабому человеку необходимо надобно держать в узде не только порочные страсти, но даже самые благороднейшие. Один поступок твердости дает силу учинить другой подобный. Ничто не дает такой силы уму, сердцу,

душе, как бесперестанная честность. Честность есть прямая линия: она ближе к истине, нежели кривые. Как легко развратиться в обществе, но зато какая честь выдержать все его отравы и прелести, не покидая копья! Великая душа находит, отверзает себе повсюду славное и в безвестности поприще: нет такого места, где бы не можно было воевать с собою и одерживать победы над самим собою. Повинуемся судьбе не слепой, а зрячей, ибо она есть не что иное, как воля творца нашего. Он простит слабость нашу: в нем сила наша, а не в самом человеке, как говорят стоики.

.

У Гнедича есть прекрасное и самое редкое качество: он с ребяческим простодушием любит искать красоты в том, что читает; это самый лучший способ с пользою читать, обогащать себя, наслаждаться. Он мало читает, но хорошо. И горе тому, кто раскрывает книгу с тем, чтобы хватать погрешности, прятать их и при случае закричать: «Поймал! Смотрите! Какова глупость!» Простодушие и снисхождение есть признак головы, образованной для искусств. И впрямь, мало таких произведений пера, живописи, искусств вообще, в которых бы ничего занять было не возможно; иногда погрешности самые — наставительны. С одной стороны, и ученик опрокинет одним махом руки все здания Шекспира и Державина; с другой стороны, основания их вечны. Станем наслаждаться прекрасным, более хвалить и менее осуждать! Слова спасителя о нищих духом, наследующих царством небесным, можно применить и к области словесности.

ПРИЛОЖЕНИЯ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Амф.* — «Амфион»
- Ас. 34* — Сочинения (под ред. Д. Д. Благого). М., Academia, 1934
- ВЕ* — «Вестник Европы»
- БТ* — Блаудовская тетрадь. Авторизованные копии текстов Батюшкова, переданные в 1815 г. Д. Н. Блаудову (ГПБ)
- БЧТ* — «Библиотека для чтения»
- ГПБ* — Рукописный отдел Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
- ДВ* — «Драматический Вестник»
- Изд. 1834* — Сочинения в прозе и стихах, ч.ч. 1—2. Спб., 1834
- ИРЛИ* — рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР
- ЛС* — «Любитель словесности»
- М* — Сочинения (под ред. Л. Н. Майкова), т. I—III. Спб., 1885—1887
- Москва.* — «Москвитянин»
- НРЛ* — «Новости русской литературы» (Прибавление к «Русскому инвалиду»)
- Опыты* — «Опыты в стихах и прозе», ч.ч. 1—2. Спб., 1817
- ПЗ* — «Полярная Звезда»
- ПОМ* — «Памятник отечественных муз»
- ППП* — «Пантеон русской поэзии», ч.ч. 1—3. Спб., 1814; ч. 4—6. Спб., 1815

Список сокращений

- ПССт.* — Полное собрание стихотворений (под ред. Н. В. Фридмана). М.—Л., «Сов. писатель», 1964
- РА* — «Русский архив»
- РБ* — «Русская беседа»
- РВ* — «Русский вестник»
- РМ* — «Российский музей»
- РС* — «Русская старина»
- Сл.* — «Славянин»
- СО* — «Сын отечества»
- СОСП* — «Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах», ч. 1—3. Спб., 1815; ч. 4—5. СПб., 1817
- Совр.* — «Современник»
- Соч.* — Сочинения. Госуд. изд-во худож. л-ры, М., 1955
- С.-П. В.* — «Санкт-Петербургский вестник»
- СРС* — «Собрание русских стихотворений»
- Ст. 1948* — Стихотворения (под ред. Б. В. Томашевского). М., «Сов. писатель», 1948
- СЦ* — «Северные Цветы»
- Т* — «Талия»
- ТОЛРС* — Труды общества любителей российской словесности
- ЦВ.* — «Цветник»
- ЦГАЛИ* — Центральный Государственный архив литературы и искусства СССР
- Фридман* — Н. В. Фридман. Проза Батюшкова. М., «Наука», 1965

И. М. Семенко

БАТЮШКОВ И ЕГО «ОПЫТЫ»

Первый биограф поэта, Л. Н. Майков, сравнивает Батюшкова с добайроновским героем начала века — Рене из одноименного романа Шатобриана¹. Батюшкову было глубоко свойственно чувство разлада между идеалом и действительностью. Его мировоззрение и творчество имеют ярко выраженную гуманистическую основу, которая опиралась на широкую традицию европейской мысли. С этих позиций поэт расценивал свою современность.

Болезненно переживая недавние тогда события, Батюшков считал, что французская революция уничтожила самую возможность возводить жизненный идеал на основе политической активности. Он писал Н. И. Гнедичу в 1811 г.: «И вот передо мной лежит на столе

¹ Л. Н. Майков. Батюшков, его жизнь и сочинения. СПб., 1896. Здесь приведен обширный материал об эстетических воззрениях Батюшкова. О взглядах и поэтике Батюшкова см.: Д. Д. Благой. Судьба Батюшкова. Ас. 34: Г. А. Гуковский. Пушкин и русские романтики. В. Б. Сандомирская. К. Н. Батюшков. В кн.: «История русской поэзии». Л., «Наука», 1968; Н. В. Фридман. Поэзия Батюшкова. М., «Наука», 1971.

третий том *Esprit de l'histoire, par Ferrand*², который доказывает, что люди режут друг друга затем, чтоб основывать государства, а государства сами собою разрушаются от времени, и люди опять должны себя резать и будут резать, и из народного правления всегда родится монархическое, и монархий нет вечных, и республики несчастнее монархий, и везде зло, а наука политики есть наука утешительная, поучительная, назидательная... и еще бог знает что такое! Я закрываю книгу. Пусть читают сии кровавые экстракты те, у которых нет ни сердца, ни души»³.

В первой половине своей творческой жизни, до войны 1812 года, Батюшков выработал собственную «маленькую», по его выражению, философию. Поклонник Монтеня и Вольтера (последнего он односторонне понимал как преимущественно рассудительного мудреца-эпикурейца), Батюшков своеобразно соединил скептицизм с чувствительностью и гедонизмом. Парадоксальным образом именно жестокий исторический опыт породил жизненную и политическую философию Батюшкова — гуманное эпикурейство его юности, обожествление личного счастья. Гедонизм его имел, однако, эстетически возвышенный характер, был в целом лишен «либертенского» вольнодумства; наоборот, сочетаясь с «прекраснодушием», сближался с карамзинским сентиментализмом. Поклонник Карамзина и воспитанник его друга, М. Н. Муравьева, Батюшков считал, что истинное на-

² Дух истории Феррана (франц.). Имеется в виду 4-х томный труд А. Феррана «Дух истории, или письма отца к сыну о политике и морали...». Paris, 1802.

³ К. Н. Батюшков. Сочинения под ред. Л. Н. Майкова, т. III. СПб., 1886, стр. 136. Далее всюду цитируется это издание.

слаждение жизнью возможно только для добродетельной души.

«Маленькая» философия Батюшкова, окруженная с самого начала разбушевавшейся стихией европейской истории, была пронизана тревожными нотами, которые проходят и через все его творчество. Новые исторические события, тяжелый опыт личных неудач повлияли на строй его мыслей. В результате событий 1812—1814 гг. его мировоззрение и творчество изменились⁴.

Батюшков в 1813 г. добровольно вступил в действующую армию, был адъютантом генерала Н. Н. Раевского, участвовал в сражении под Лейпцигом и вместе с русскими войсками вступил в Париж. Однако события Отечественной войны он воспринял во многом иначе, чем большинство его современников. Несмотря на победоносный ход войны, в нем росли горечь и разочарование. Самый факт «образованного варварства» и разрушение прежней картины мира омрачали для него радость и гордость победы. В этом Батюшков был одинок — в русском обществе господствовало настроение общего подъема и радужных надежд. Тот самый 1812 год, который оживил общество и дал толчок движению декабристов, Батюшкова погрузил в мрачные раздумья.

«Москвы нет! Потери невозвратные! Гибель друзей, святыня, мирное убежище наук, все осквернено шайкою варваров! Вот плоды просвещения или, лучше сказать, разврата остроумнейшего народа, который гордился именами Генриха и Фенелона. Сколько зла! Когда будет ему конец? На чем основать надежды? Чем наслаждаться?»⁵

⁴ Наиболее подробное изложение биографии Батюшкова см. в указ. книге Л. Н. Майкова,

⁵ М III, 205—206,

Жуковский пишет «Певца во стане русских воинов», с его светлым одушевлением, Батюшков — трагическое послание «К Дашкову» — реквием на гибель Москвы. Он разочаровывается в «разумности» и «гармоничности» человека. Историческая роль революционного просветительства рисуется ему уже гибельной: «Ужасные происшествия нашего времени, происшествия, случившиеся как нарочно перед моими глазами, зло, разлившееся по лицу земли во всех видах, на всех людей, так меня поразило, что я насилу могу собраться с мыслями и часто спрашиваю себя: где я? что я? <...> Ужасные поступки вандалов, или французов в Москве и в ее окрестностях; поступки беспримерные и в самой истории, вовсе расстроили мою маленькую философию и поссорили меня с человечеством...»⁶.

В 1815 г. Батюшков пишет в статье «Нечто о морали, основанной на философии и религии»: «Мы видели зло, созданное надменными мудрецами, добра не видели».

Общественно-политическая позиция Батюшкова может быть охарактеризована как просветительский патриотизм. Для него еще актуальны петровские преобразования (европеизация России); он полон гордости достигнутыми успехами; отсюда — его восторженное отношение к Петру I и одобрительное — к русскому самодержавию. Совершенно очевидно, что Батюшков — сторонник просвещенной монархии. Молодого Никиту Муравьева шокировали «верноподданнические» высказывания Батюшкова и уже нисколько не умиляли успехи государства в градостроительстве и просвещении: «Через 20 лет не диво», — писал он по поводу восторгов Батюшкова «но-

⁶ М III, 208—210.

вым городом» и «новыми людьми» в «Прогулке в Академию художеств»⁷.

Батюшков принадлежал к преддекабристскому поколению и по возрасту, и по историческому опыту, и по пониманию задач современности. Когда слухи о существовании в России тайных обществ дошли до Батюшкова, они вызвали у него тревогу и даже панику, что явствует из скупых свидетельств современников. В катастрофическом обострении наследственной душевной болезни, выключившей Батюшкова из жизни в начале 20-х годов, некоторую роль, по-видимому, сыграла и его осведомленность о существовании тайных декабристских обществ. Сын его старшего друга и учителя, М. Н. Муравьева, Никита Муравьев, был одним из организаторов движения, и это усугубляло тревогу поэта: «Батюшков отчасти с ума сошел в Неаполе страхом либерализма, а о тебе думает он, яко сумасшедший, верно, не лучше» (из письма А. И. Тургенева П. А. Вяземскому)⁸.

Это была не просто тревога за близких и друзей. Батюшков — противник революции. «Пора быть умными, то есть покойными» — такой формулой он выразил свое недовольство неаполитанской революцией, свидетелем которой оказался в 1820 г.⁹ Тогда же он, по-видимому, написал и стихи, направленные против неаполитанской революции (не сохранились).

Но по своим общественно-политическим воззрениям Батюшков был либералом, в том положительном смысле,

⁷ Замечания декабриста Никиты Муравьева на полях I тома «Опытов» см. М II, 443—445, 451, 526—528.

⁸ «Остафьевский архив князей Вяземских», т. II. СПб., 1899, стр. 295.

⁹ См. в книге: «Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов», т. I. М., 1931, стр. 146.

который тогда имело это слово. Феодалная реакция, искоренение возбужденного революцией «вольного духа» заставляли его иногда и резко осуждать внутреннюю и внешнюю политику властей. Об этом сохранились интересные свидетельства современников. А. И. Тургенев сообщил П. А. Вяземскому, что Батюшков при встрече с ним «либеральничал»: «Мы читали новые стихи Пушкина, которые он критиковал; что касается палача и кнута — весьма пикантным образом»¹⁰. Тургенев не счел возможным посвятить почтовое ведомство в смысл этой критики. Батюшков должен был считаться с нарастанием оппозиционных настроений в близком ему кругу. И все же вместе с Карамзиным и Жуковским он видит только в гуманной и снисходительной «просвещенности» основу общественного благополучия.

Всего дороже для Батюшкова — культура и искусство; их состояние было для него мерилom всего. Батюшков заворочен искусством; в упомянутых замечаниях Никита Муравьев возразил на его фразу в «Речи о влиянии легкой поэзии на язык» («... искусство, как лучшее достояние человека»): «поэзия не есть лучшее достояние человека»¹¹. Подлинное обожание, обоготворение искусства, поэзии отличало Батюшкова и от многих его сверстников-поэтов, например, от Вяземского, обладавшего сильным политическим темпераментом. Впрочем, Вяземский, метавший громы в тиранов (стихотворение «Негодование»), отказался от предложения войти в тайное общество декабристов.

Искусство понималось Батюшковым как святая святых образованности и гуманности. Его кумиры — итальянские поэты Тассо и Петрарка. Он считал, что, чем выше уро-

¹⁰ Речь идет о «Братьях-разбойниках». — «Остафьевский архив князей Вяземских», т. II, стр. 322.

¹¹ М II, 527.

вень общественной культуры страны, тем совершеннее ее искусство: «Италийские критики <...> на каждый стих Петрарки написали целые страницы толкований <...> Только в тех землях, где умеют таким образом уважать отличные дарования, рождаются великие авторы»¹². Для русской поэзии Батюшков видел лишь один — общеевропейский — путь.

Как в своем понимании истории, так и в понимании задач литературы Батюшков — несомненный карамзинист.

В программной «Речи о влиянии легкой поэзии на язык» (1816) Батюшков совмещает европеизм с просветительским патриотизмом. Понятие просвещенности для него неотделимо от понятия «людскости», т. е. светскости в смысле европейской цивилизованности, *urbanité*¹³.

Батюшков настаивает на взаимодействии, обратной связи между языком литературы и разговорным языком общества; он сторонник карамзинистского принципа «писать как говорят и говорить как пишут». Несомненно, для него имело большое значение и практическое обогащение Карамзиным-писателем русского языка и фразеологии. Самый термин «легкая поэзия», который Батюшков употребляет вслед за М. Н. Муравьевым (от французского *poésie fugitive* — «скользящая поэзия») подразумевает у него не только малые лирические жанры, но — шире — разговорный (в отличие от книжно-торжественного) стиль поэзии. Вслед за Карамзиным и

¹² Статья «Петрарка» (1815). Батюшков с большим уважением относился к европейской философии и, подобно Пушкину, сожалел, что у нас она была еще недостаточно развита (Пушкин писал об этом А. Бестужеву в конце мая—начале июня 1825 г.). Батюшков очень гордился тем, что сделал историко-литературное открытие, обнаружив в «Освобожденном Иерусалиме» Тассо многие выражения и стихи Петрарки.

¹³ См. в письме Н. И. Гнедичу от 19 сентября 1809 г.

М. Н. Муравьевым оценивая чрезвычайно высоко «услуги языку» в одах и теоретических работах Ломоносова, Батюшков акцентирует роль его анакреонтики, а успехи русской поэзии после Ломоносова связывает с развитием «разговорного» слога. Не вступая в полемику прямо, он косвенно полемизирует в «Речи» с архаизирующими языковыми концепциями «шишковистов».

«Ясность, плавность, точность, поэзия и... и... и... как можно менее славянских слов» — таков был для Батюшкова критерий совершенства еще в 1809 г., когда, в сущности, произошло его окончательное поэтическое самоопределение. Он постоянно в своих письмах, изобилующих литературными высказываниями, противопоставляет понятия *ясности* и *дикости* выражения и смысла. Алогичная и в некоторых отношениях «барочная» образность поэтов, примыкавших к «Беседе любителей русского слова», для него совершенно неприемлема; это «бессмыслица» и «галиматья». Теоретически и практически Батюшков — сторонник гармонического равновесия образов. Он во многом и эстет; красота, даже красивость — для него важнейшие свойства поэзии.

В начале XIX в. в европейском искусстве классицизм уступал место романтизму¹⁴. В самом центре новой поэзии стояли задачи лирического выражения личности. «Важный род» эпопеи, трактующей проблематику большого масштаба, общечеловеческую по значению, не утратил еще для Батюшкова своего обаяния; этот жанр для него — живой, он способен им наслаждаться, — разумеется, в высоких образцах (статья «Ариост и Тасс»).

¹⁴ Романтическое движение в русской поэзии изучено в работах: Г. А. Гуковский. Пушкин и русские романтики; Г. А. Гуковский. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., Гослитиздат, 1957; Л. Я. Гинзбург. О лирике. М.—Л., «Советский писатель», 1964.

Но он уже убежден в том, что в поэзии необходимо изображение современного человека и современного мира.

«Почему лирический род процветал и должен погаснуть? Что всего свойственнее русским? Богатство и бедность языка. Может ли процветать язык без философии и почему может, но не долго?» — такие вопросы задавал себе Батюшков в 1817 г. в «Записной книжке».

«Лирический род» — это, по терминологии того времени (восходящей к античной традиции), ода. Итак, ода должна «погаснуть», потому что ее язык, ее выразительные средства отстали от мысли, от «философии» современного человека. Ода отстала от «людскости».

О лирической поэзии в новом значении этого слова — о «легкой поэзии» — он писал другое: «Сей род словесности беспрестанно напоминает об обществе; он образован из его явлений, странностей, предрассудков и должен быть ясным и верным его зеркалом» («Речь о влиянии легкой поэзии на язык»).

«Легкая поэзия» как жанр развилась в России в последней трети XVIII в. (застольные песни, романсы, дружеские послания, элегии), но представляла собой и в идейном и в художественном отношении периферию поэзии, так как воссоздаваемый в ней «малый», «внутренний» мир был согласно жанровому мышлению классицизма изолирован от «большого», «внешнего». В XVIII в. ода должна была решать серьезные проблемы человеческой жизни (такова и ода Державина). У Батюшкова этой цели начинает служить элегия.

Будучи многим обязан и Карамзину, и Муравьеву, и анакреонтике Державина, Капниста, Н. Львова, и западноевропейским элегикам¹⁵, Батюшков создал свой собственный тип лирики.

¹⁵ Истоки батюшковской элегии, в частности — значение Э. Парни, изучены Н. П. Верховским в статье «Ба-

Поэзия Батюшкова, где автобиографизма, по сравнению с Державиным, формально меньше, по существу больше погружает нас в глубины индивидуального сознания. Предметом ее изображения является душевная жизнь человека — не как «малая» часть большого мира, а как мерило ценности этого мира.

В применении к Батюшкову еще невозможно говорить о романтическом индивидуализме, но у него уже появилось не свойственное прежней литературной эпохе представление об обязанности поэта избирать тот род жанра, который соответствует его духовному опыту. «Эпическому стихотворцу надобно все испытать... подобно Тассу, любить и страдать всем сердцем: подобно Камюэнсу, сражаться за отечество, обтекать все страны, вопрошать все народы...» («Нечто о поэте и поэзии», 1815). Там же: «Надобно, чтобы вся жизнь, все тайные помышления, все пристрастия клонились к одному предмету, и сей предмет должен быть — Искусство. Поэзия, осмелюсь сказать, требует всего человека... Живи, как пишешь, и пиши, как живешь».

Все же Батюшков — решительный противник «исповеди».

В его сознании еще жила не только жанровая иерархия, но и представление о том, что авторский образ в лирике в значительной мере определяется избранным жанром.

П. А. Вяземский писал: «О характере певца судить не можно по словам, которые он поет... Неужели Батюшков на деле то же, что в стихах? Сладострастие совсем не в нем»¹⁶. Имея в виду героиню эротических

тешков» («История русской литературы», т. 5. М.—Л., 1941).

¹⁶ «Остафьевский архив князей Вяземских», т. II, стр. 382.

стихов Парни, он в шутку называл Батюшкова «певцом чужих Элеонор». Батюшков пишет Н. И. Гнедичу 21 июля 1821 г. о раздражившем его стихотворении П. А. Плетнева: «... мой прадед был не Анакреон, а бригадир при Петре Первом, человек нрава крутого и твердый духом. Я родился не на берегах Двины... Скажи бога ради, зачем не пишет он биографии Державина? Он перевел Анакреона — следственно, он прелюбодей; он славил вино, следственно — пьяница; он хвалил борцов и кулачные бои, ergo — буйан; он написал оду «Бог», ergo — безбожник? Такой способ очень легок»¹⁷.

В своей лирике Батюшков создает своеобразную, очень сложную систему художественных опосредствований и преобразований, при помощи которых он строит свой авторский образ. Его проза, как увидим, строилась иначе.

Известен выразительный автопортрет, набросанный поэтом в записной книжке. Его черты — противоречивость, дисгармоничность, склонность к рефлексии:

«Он перенес три войны и на биваках был здоров, в покое — умирал! В походе он никогда не унывал и всегда готов был жертвовать жизнью с чудесною беспечностью, которой сам удивлялся; в мире для него все тягостно, и малейшая обязанность, какого бы рода ни было, есть свинцовое бремя <...> Оба человека живут в одном теле. Как это? не знаю; знаю только, что у нашего чудака профиль дурного человека, а посмотришь в глаза, так найдешь доброго <...> Он жил в аде; он был на Олимпе <...> Он благословен, он проклят каким-то гением <...> Белый человек спасает черного слезами перед творцом, слезами живого раскаяния и доб-

¹⁷ М III, 567. Речь идет о неудачном стихотворении П. А. Плетнева «Б...-в из Рима», напечатанном в «Сыне отечества», 1821, ч. 68, № 8, стр. 35—36.

рыми поступками перед людьми. Дурной человек все портит и всему мешает: он надменнее сатаны, а белый не уступает в доброте ангелу-хранителю. Каким странным образом здесь два составляют одно, зло так тесно связано с добром и отличено столь резкими чертами? Откуда этот человек, или эти человеки, белый и черный, составляющие нашего знакомого?.. У белого совесть чувствительна, у другого — медный лоб. Белый обожает друзей и готов для них в огонь; черный не даст и ногтей обстричь для дружества, так он любит себя пламенно».

В своей лирике Батюшков еще не мог воссоздать этот чисто романтический характер, со столь отчетливой установкой на «демонизм», — характер, прямо ведущий к Онегину и Печорину. Кроме того, он и не хотел изобразить себя таким в своей поэзии.

Впервые в русской поэзии Батюшковым был создан «лирический герой». Стихийный автобиографизм Державина — явление совсем иного порядка.

О «лирическом герое» нам кажется уместным говорить не тогда, когда у поэта есть установка на спонтанную поэтическую «исповедь», а, наоборот, когда у него есть сознательно построенный образ автора, как своего рода *персонаж*. Лирический герой затушевывает авторскую индивидуальность. Лирическому герою близок образ «автора» в пушкинском «Евгении Онегине»: Он строится, конструируется Пушкиным. Соотношение автора с самим Пушкиным сложно; их точки зрения соприкасаются, часто совпадают, но могут и не совпасть¹⁸.

Лирический герой всегда — *персонафикация* в образе

¹⁸ См. нашу статью «О роли образа автора в «Евгении Онегине». — «Труды Ленинградского библиотечного института», т. II, №, 1957,

«автора» тех или иных понятий поэта о жизни. Он сродни героям эпическим и драматическим, и, создавая его, поэт пользуется средствами этих искусств. Гете, имея в виду другой, «непосредственный» тип лирики, заметил, что каждое стихотворение есть «стихотворение на случай». Для «лирического героя» случай зачастую оказывается вымышленным. Например, любимый Батюшковым Тибулл переносил в свои стихи сюжеты из современных ему драматических жанров (цикл, обращенный к Делии).

Индивидуальность в стихах Батюшкова не чужда своего рода «многозначности», и здесь, может быть, одна из разгадок привлекательности его поэзии. В поэзии классицизма авторский образ в существенных чертах обуславливался жанром, в котором написано произведение; и автор-«эпикурец», так же как «автор» одический и т. п., был абстракцией. Не он, носитель чувств радости, любви, дружества, был предметом изображения, а сами эти чувства в их абстрактном, «чистом» виде. В батюшковской же элегии жанровый по своей природе «автор» превращен в «лирического героя» — в предмет изображения, в характер, в индивидуальность. Эпикурейство, жанровое по своему происхождению, становится индивидуальной характеристикой лирического героя, *олицетворившего ценности жизни*.

Вяземский, как мы видели, подчеркивал, что лично Батюшков вовсе не любитель эротки. Эротическая тема отдана поэтом лирическому герою и имеет не автобиографическую (также и не жанровую), а эстетически более широкую функцию. Любовь для Батюшкова, как и красота, — «олицетворение» жизни, образ, символ земной жизни. Качества, которыми наделен батюшковский лирический герой, призваны символизировать полноту физического бытия. Это молодость, влюбленность, красота,

Возлюбленная батюшковского героя всегда идеально прекрасна. Ее уста непременно алые, очи — голубые, «ланины» подобны розам, локоны ниспадают золотой или каштановой волной; руки — лилейны и т. п. Она украшена душистыми цветами.

Батюшковское восхищение красотой глубже, чем эстетство и эротизм французской легкой поэзии XVIII в. Любовь батюшковского лирического героя (на что обратил внимание еще Белинский) овеяна ореолом духовности. В ней «много нежности, — писал Белинский, — а иногда много грусти и страдания»¹⁹.

Батюшков высоко поднялся над уровнем эротической поэзии своих предшественников, прежде всего — своего прославленного учителя Эвариста Парни. Любовь у Батюшкова не выделена в некий обособленный мир наслаждений, а связана с обширным кругом высоких ценностей человеческой жизни. Герой эротических стихов Батюшкова не только пылкий любовник: он наделен также жаждой независимости, бескорыстием, гуманностью. Пафос батюшковской лирики уходит в почву более глубокую и духовно более насыщенную, чем галантная эротика XVIII в. Недаром Батюшков употребил в своих рассуждениях о судьбах современной ему поэзии слово «философия». В отличие от Баратынского, он, разумеется, не философский поэт. Но философский смысл его поэзии неизмеримо значительнее по сравнению с упрощающим мир гедонизмом и рационализмом. Это в особенности сказывается на его трактовке античной темы.

Лирический герой Батюшкова зачастую дан как некий античный персонаж, воскуряющий фимиам пред

¹⁹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VII. М., изд-во АН СССР, 1955, стр. 227, Далее всюду цитируется это издание.

алтарем домашних богов, преследующий вакханку на празднике Эригоны и т. п. Он обрисован с помощью атрибутов античности, окружен музами, нимфами, изображениями богов. Сама его психологическая характеристика содержит свойства античного мировоззрения, как его представлял себе Батюшков (гармоничность, непосредственность, эпикуреизм).

Античность была для Батюшкова идеалом гармонических взаимоотношений между человеком и миром. Вот почему так велико в его поэзии значение античной темы.

Тема античности — средоточие важнейшей проблематики классицизма — постепенно уступала свои позиции теме средневековья, выдвинутой романтиками. Но она еще притягивала к себе художественную мысль. «Неоклассицизм» Батюшкова сродни немецкому «неоклассицизму» конца XVIII в., с его глубоким пониманием античности как определенного исторического этапа в развитии человечества (Винкельман, «веймарский классицизм» Гете, Гёльдерлина). В начале XIX в. в России новое понимание античности пропагандировалось президентом Академии художеств А. Н. Олениным (Батюшков был частым гостем в его художественном «салоне»). Влияние оленинского кружка испытал и Гнедич.

Свойственная классицизму трактовка античности как нормы, образца для подражания преобразилась у Батюшкова в романтическую мечту, облекшуюся в плоть его лирического героя и того прекрасного мира, в котором он живет²⁰.

Батюшков сам ясно сознает нереальность мечты (ведь современному человеку уже не стать человеком «древ-

²⁰ О романтической сущности батюшковской мечты, идеала пишет Г. А. Гуковский в книге «Пушкин и русские романтики».

ним»), но он наделяет свою античность всеми красками жизни, лучшими ее свойствами — любовью, радостью, наслаждениями, молодостью, красотой. Особенность поэзии Батюшкова — в переплетении иллюзорного и действительного.

Жизнь батюшковского лирического героя дана как заведомая утопия, как «украшенный мир вымыслов» (выражение В. В. Виноградова). Отсюда — нарочитое использование мотивов, сюжетов, образов античной и новой европейской лирики. Стихи Батюшкова населены условно литературными образами. «Стройный стан» и «простой» наряд «пастушки», ее «золотые кудри» («Мой гений», «Мои пенаты») — общее место античной и европейской лирики. Лирический герой попадает в ситуации, изображенные Горацием (бегство с поля боя); в месте его сельского уединения протекает домашний ключ — тот самый, который был всемирно известен по поэзии Горация, воспевшего свой источник Бандузию в сабинском поместье²¹.

Античные персонажи и атрибуты формируют образную систему лирики Батюшкова. Но наряду с античными богами и жертвоприношениями в стихотворении фигурируют «книжки выписные», «камелек», имена друзей поэта — Жуковского и Вяземского. Поэт боится прогневить древних божков и в то же время читает Лафонтена и своих современников — Крылова и Карамзина. Здесь же «явное смешение», как выразился Пушкин, античной и христианской погребальной церемоний (заметки на полях «Опытов»). Но античные «куренья» — это не художе-

²¹ История этого мотива в европейской лирике рассмотрена И. Н. Голенищевым-Кутузовым в статье «Гораций в эпоху Возрождения». — В сб. «Проблемы сравнительной филологии». М.—Л., 1964, стр. 303—346.

ственный недосмотр. Это поэтическая условность, способ выразить нужную поэту *дистанцию* между лирическим героем и автором. Б. В. Томашевский, писавший о связях Батюшкова с Н. И. Гнедичем и А. Н. Олениным, определил батюшковский стиль как стиль «ампир», как применение античных аксессуаров в современных, в частности сентименталистских, целях²².

У Батюшкова есть ряд стихотворений, где герой в наибольшей мере удален от эмпирического авторского «я», где идеал дан как бы в чистом виде и изображение античности максимально приближено к «действительной» античности, как Батюшков ее понимал. Таковы «Вакханка», «Радость», «Гезиод и Омир соперники». Таковы же, в сущности, и позднейшие «Подражания древним» и стихи из «Антологии», не вошедшие в «Опыты». Во многих из них воплощен уже не идеал радости, а своего рода идеал мудрой и мужественной скорби, напоминающий античное понимание рока.

Здесь видна грань между античностью Батюшкова и «орнаментальным мифологизмом» литературного «рококо» французской поэзии XVIII в. (Батюшков хорошо знал Бернара, Дорá, Грессé и др.)²³. В «орнаментальной» поэзии античная мифология и ее аксессуары использовались как аллегории, а сами эти аллегории служили украшением. Батюшков возмущался суждениями критика-архаиста М. Т. Каченовского: «...меня считает за галла (??? !!! ..) Меня!»²⁴ Лучшие стихи Батюшкова

²² См. вступительную статью Б. В. Томашевского к «Стихотворениям» Батюшкова («Б-ка поэта». Малая серия). Л., «Советский писатель», 1948.

²³ Об «орнаментальной» поэзии — см.: Б. В. Томашевский. Пушкин и Франция. Л., «Советский писатель», 1960.

²⁴ М III, 111.

далеки от украшательности. Так, в «Радости» «топанье» и «скаканье» передает наивно-простодушное, почти детское проявление чувства юноши эпохи «детства человечества». Счастливый, наивный юноша как бы действительно живет в мире, где Киприда мчится в облаках в запряженной птицами колеснице и осыпает цветами влюбленных. Это совсем не похоже на аллегорическую Киприду и ее «игры и смехи» (общее место в «орнаментальных» французских стихах). Мифы сплетаются с реальностью, будни состоят из пиров и плясок, а любовная погоня есть ритуальное действие («Вакханка»).

Отказ от аллегорий обусловил рельефность, живописность, «телесность» античных персонажей Батюшкова.

Сравним несколько батюшковских подражаний и переложений с подлинниками. В «Моих пенатах» использован мотив стихотворения Грессе «Обитель» («когда Парка увезет на той же ладье наши игры, наши сердца и наши наслаждения»).

Когда же парки тощи
Нить жизни допрядут
И нас в обитель нощи
Ко прадедам снесут —

вместо аллегорического отплытия вместе с парками «игр», «сердец» и «наслаждений» Батюшков вводит античный миф как элемент античного мирозерцания («нить жизни допрядут»). Миф этот живет в его стихах как зримая, действительная картина. Она создается и зрительным впечатлением (худоба сидящих за пряжей богинь судьбы), и лексической окраской («парки тощн»). В начальных стихах «Моих пенатов» (1—8) глубоко преобразовано стихотворение «К богам пенатам» Дюси: «Маленькие боги, с которыми я живу, товарищи моей

бедности; вы, чье око взирает с благостью на мое кресло, мои таганы отшельника, мою постель бледно-темного цвета и мой шкаф...». Пенаты у Дюси — пассивные адресаты авторских обращений. У Батюшкова они обрели «личность» и даже «характер»; они диковаты (живут в норах и темных кельях) и в то же время домовиты (любят свои норы и т. д.). Нрав их определяется лексической окраской слов («отечески», «кельи», «пестуны»). Нора — признак их непритязательности; выражение «темны кельи», с усеченным прилагательным, имеет одновременно оттенок патриархальной архаичности и простоты.

Что касается Парни, то и у него образы античности выполняли аллегорически орнаментальную роль («Переводения Венеры»). Переложение этого стихотворения Батюшковым справедливо считают превосходящим оригинал («Вакханка»). Пушкин заметил, что оно «лучше подлинника, живее».

Парни рисует любовный эпизод, где героями выступают галантный пастушок Миртис (персонаж пасторалей XVIII в.) и переодетая вакханкой Венера. Пылкость героини не требуется мотивировать, так как изображается богиня любви. У Парни полностью отсутствует атмосфера языческой страсти. Венера соблазняет понравившегося ей пастушка: «Самая юная, однако, остановилась, позвала Миртиса и устремилась вдруг под тень соседнего леса». Описание наряда и внешности богини чисто статуарное. Даем построчный перевод:

Лавр венчает ее голову,
Волосы развеваются.
Ткань, которая едва прикрывает ее,
Колеблемая дыханием ветра,
Небрежно наброшена на тело...

Хмель опоясывает ее и служит украшением
рук...

В руке ее легкий тирс.

У Батюшкова все пронизано экспрессией неистового бега, «вакхической» погони:

В чаще дикой и глухой
Нимфа юная отстала;
Я за ней — она бежала
Легче серны молодой.
Эвры волосы взвевали,
Перевитые плющом;
Нагло ризы поднимали
И свивали их клубком...

Экстатическое состояние влюбленных, языческое мироощущение создано Батюшковым.

Стройный стан, кругом обвитый
Хмеля желтого венцом,
И пылающи ланиты
Розы ярким багрецом,
И уста, в которых тает
Пурпуровый виноград, —
Все в неистовой прельщает!
В сердце льет огонь и яд!

Этому у Парни соответствует только: «Ее уста, смеющиеся и свежие, предлагают устам пастуха красочный (sologé) плод винограда».

Парни перечисляет «прелести» Венеры в духе фривольной поэзии XVIII века: «Ее небрежность, ее нагота, ее томные глаза и ее улыбка обещали любовные наслаждения и исступление сладострастия». Батюшков добавляет отсутствующее у Парни: «Жрицы Вакховы текли»,

«Жрицы Вакховы промчались», а также сам мотив погони («Я за ней — она бежала») и победы юноши. У Парни в конце стихотворения девушки вдалеке «цимбалами утомляли эхо гор». Батюшков не взял эту перифразу, как и концовку Парни — фривольное описание танца девушек. Его вакханки — жрицы культа, и они бегут мимо влюбленных с ритуальным «воплем».

Нет сомнения, что Батюшков сознательно стремился к созданию поэтических структур, воплощающих его понимание античности. Недаром он писал: «Большая часть людей принимает за поэзию рифмы, а не чувства, слова, а не образы»²⁵.

Батюшков, как мы уже отметили, сумел воплотить одновременно и действительность и иллюзорность создаваемого им прекрасного мира. С большой осторожностью следует поэту говорить о «предметности», «конкретности» в стихах этого рода. Образы Батюшкова иногда таят незаметное на первый взгляд отрицание реальности их предметно-чувственного плана:

Скалы чувствительны к свирели;
Верблюд прислушивать умеет песнь любви,
Стеня под бременем; румянее крови —
Ты видишь — розы покраснели
В долине Йемена от песней соловья...
А ты, красавица... Не постигаю я.

(«Подражания древним»)

²⁵ М III, 356. О переводах Батюшкова см.: Г. А. Гукковский. Пушкин и русские романтики; В. Н. Горюнов. «Источники» Батюшкова в связи с «Le torrent» Парни. «Труды по знаковым системам», 4. Тарту, 1969; Н. В. Фридман. Поэзия Батюшкова. М., «Наука», 1971, стр. 123—140; Р. М. Горохова. Из истории восприятия Ариосто в России. В кн.: «Эпоха романтизма». Л., «Наука», 1975.

«Верблюд», стелящийся «под бременем»... Казалось бы, есть все основания отметить здесь «конкретность», «реальность» и т. п. Однако в этих стихах скалы, верблюд и розы обозначают совсем не непосредственный мир представлений и быта «действующих лиц» этой сцены, а три прославленных мотива мифологии и литературы: греческий миф о певце Орфее, игрой на свирели двигавшем скалы; традиционный образ верблюда из древних арабских касид²⁶; наконец, образы соловья и розы в средневековой лирике Востока. Сцена любовного объяснения, ее действующие лица, ее яркая экзотически патриархальная обстановка оказываются «мнимыми»... Стихи Батюшкова замечательны этими переходами от иллюзорного к действительному.

У Батюшкова лирический герой зачастую оказывается подлинным действующим лицом, характер которого выявляется в ходе сюжета и фабулы. Между тем фабула специфична не для лирики, а для других родов словесного искусства — эпоса и драмы. Эпический элемент, как и использование средств драматического искусства, свойствен элегии Батюшкова.

Поэзия Батюшкова «театральна» (эта черта в принципе восходит к особенностям поэзии классицизма). Таков эпизод с переодеванием Лилеты в стихотворении «Мои пенаты»: Лилета входит в одежде воина, затем сбрасывает ее и предстает перед героем и «зрителями» в наряде пастушки. Природа этого «действия» сценична, как и эпизод с воином (воин, в свою очередь, должен «постучаться, войти, обсушиться» и завести песню о своих походах). Часто у Батюшкова стихотворение строится как обращение героя к присутствующим тут же лицам («Радость», «Привидение», «Ложный страх».

²⁶ Касыды были не только любовными песнями.

«Счастливец» и многие другие). Герой как бы комментирует сцену, происходящую перед его взором.

Внутренние переживания у Батюшкова обычно даны посредством изображения их внешних признаков: голоса, движения руки («Сосуды полные в десницах их дрожали», «твоя рука в моей то млела, то пылала» и т. п.). Эти черты стиля отметил В. В. Виноградов: «Чувство, сложная ситуация изображаются у Батюшкова... косвенно, через характерный, иногда поэтически-бытовой эпизод. Изображается то, что находится к основной теме в побочном, завуалированном отношении»²⁷.

Выразительность внешних признаков чувства дала основание называть поэзию Батюшкова пластически скульптурной. Однако это не пластичность «неподвижных» поз живописи и скульптуры, а пластичность движений: «Там девы юные, сплетаясь в хоровод...» («Элегия из Тибулла»); «Под плясовой напев вы резвитесь в лугах» («Надпись на гробе пастушки»); наконец, еще отчетливее в «Радости» — «Толпами собирайтесь / Руками сплетайтесь» и т. д. Сюжетно и ритмически воспроизводится хороводная пляска. Танец, вернее, «плясовой напев» — одна из моделей батюшковского стиха. И в самую его мечту о прекрасном мире гармонии и счастья входило представление об античном ритуальном танце, как вечном хороводе «муз и граций», юношей и «стыдливых дев».

Батюшковские ритмы далеки от напевности лирической песни (важное отличие от Жуковского), но они музыкальны по-иному. Мелодически и ритмически некоторые стихи Батюшкова действительно приближены к хороводной пляске.

Лирический герой Батюшкова — не одинокий романтический «певец», как у Жуковского: он скорее напоминает «корифея» античного хора.

²⁷ В. В. Виноградов. Стиль Пушкина, стр. 181 и след.

С годами мысль об иллюзорности «благ земных» выражается в поэзии Батюшкова все сильнее. Поэт и прежде не оставался чужд «унылой» элегии сентименталистского типа («Элегия» — «Как счастье медленно приходит» и т. п.), однако не она определяла тональность творчества раннего периода. В дальнейшем мотивы разочарования приобретают у Батюшкова все большее значение и глубину. Л. Н. Майков и Н. П. Верховский правы, считая, что батюшковская скорбь сильнее «сладостной меланхолии» Жуковского и что именно Батюшковым намечен первый в русской литературе образ разочарованного²⁸. В творчестве Батюшкова возникает монументальная историческая «элегия разочарования» («На развалинах замка в Швеции», 1814), появляется скандинавская, «северная» тема с ее сумрачным романтическим колоритом, созвучным тревожности мироощущения поэта²⁹. Даже тема Италии, наследницы античности, родины «красоты», порождает элегию «Умиравший Тасс» (1817), где Батюшков создал трагический образ стихотворца, одного из своих кумиров — Торквато Тассо.

Батюшков увлекается «Песнями Оссиана» Макферсона. Оссиановские и скандинавские темы овеяны скорбным ореолом грусти об исчезнувших временах и героях. Эта грусть есть даже в патриотической элегии «Переход через Рейн, 1814», подержавински героичной и живописной. Философский смысл скандинавской темы близок поздним стихам Батюшкова о невозвратимости античного

²⁸ См. Н. П. Верховский, глава «Батюшков» в кн.: «История русской литературы», т. V. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1941.

²⁹ См. Д. М. Шарыпкин. Скандинавская тема в русской романтической литературе. — В кн.: «Ранние романтические веяния». Л., 1972.

мира («Ты пробуждаешься, о Байя, из гробницы...», 1819).

Еще один тип батюшковской элегии — интимная элегия разочарования. Она вела к Пушкину, к психологической лирике.

Среди произведений Батюшкова выделяется несколько написанных в разное время интимных элегий, где личное чувство поэта выражено более непосредственно. Это — «Воспоминание» и «Выздоровление» (оба между 1807—1809 гг.); «Вечер» (1810); «Тень друга» (1814); «Воспоминания» («Я чувствую, мой дар в поэзии погас...», 1815); «Разлука» («Напрасно покидал страну моих отцов...»); «Пробуждение» (1815). Чувство горести обусловлено несчастливой любовью, потерей дружбы, личным душевным опытом. Батюшков достигает здесь не только эмоциональной напряженности, но и подлинного психологизма.

Лиризм наиболее интимных элегий Батюшкова — очень мягкий, сдержанный, чуждый какой бы то ни было аффектации, не только патетической, но и «чувствительной». Лирическое самораскрытие осуществляется не столько погружением в себя, сколько изображением внешнего мира, пробуждающего чувства поэта. Так, в «Выздоровлении» и особенно в «Моем гении» композиционным центром является образ любимой женщины, к которой обращен восторг поэта. В «Пробуждении» интенсивность любовной тоски дана как бесчувственность к красоте природы, ставшей главным предметом изображения.

Разлад между бесконечно привлекательным миром и душой, которая в тоске своей чужда наслаждению, впервые в русской поэзии положен в основу самой композиции. Сходным образом Баратынский, наследник Батюшкова, построит впоследствии свою «Осень».

Поэзия Батюшкова очень сложна, многослойна и полисемантическая, насыщена книжными, историко-культурными и т. п. ассоциациями. Так, в «Последней весне» Батюшкова предвиденье собственной гибели, горечь утрат воплощены в смерти традиционного элегического юноши; его возлюбленная названа Делией. Верная Делия неизменно присутствует в батюшковских переводах из Тибулла. Ее имя, прославленное поэтом, само по себе некий символ. Или другой пример. «Яркий голос Филомелы» — пишет Батюшков в «Последней весне». Пушкин воспользуется впоследствии находкой Батюшкова, но изменит на «голос яркий соловья» («Не дай мне бог сойти с ума...»).

Ни Филомелы, ни Делии в стихотворении французского поэта Мильвуа («Последняя весна» — переложение его стихотворения «Падение листьев») ⁸⁰ нет.

Тяготение Батюшкова к широким обобщающим образам-символам выразилось в приглушении им прямого, конкретного значения слов. Роза у него — не столько цветок, сколько символ красоты; чаша — не столько пиршественный сосуд, сколько символ веселья; урна — не столько реальная урна, сколько символ утрат. У Батюшкова есть стихи, где эти же «предметы» являются простыми иносказаниями. В стихах «На смерть супруги Ф. Ф. К<окошки>на» тисы, кипарисы и урна — условные знаки печали и смерти, так же как плач Гимена — знак супружеской скорби. Это аллегорический стиль, свойственный европейской поэзии XVIII в. Но не этот стиль у Батюшкова наиболее интересен. Эстетически самая важная тенденция в другом. То же слово «урна»

⁸⁰ У Мильвуа герой умирает осенью, вместе с природой. Это более меланхолично, но менее трагично: у Батюшкова расцвет весны и «яркий голос Филомелы» контрастируют со смертью.

в стихотворении «К другу» не только заменяет слово «могила», но и становится трагическим символом. В строке «Где твой Фалерн и розы наши», конечно, розы не «настоящие» розы и фалерн — не «настоящее» вино. В той же тематической традиции было у Державина «И алеатико с шампанским — И пиво русское с британским...» («К первому соседу»). Но батюшковский «фалерн» усиливает скорбность стихотворения, внося печаль о древней культуре, которая «исчезла» так же, как исчезает отдельная человеческая жизнь; о поэзии античности с ее изящным эпикурейством.

Различие символов и аллегорий помогает понять природу художественного образа, предполагающего непременно синтез конкретно-чувственного представления и его смысловой интерпретации. Аллегория потому художественно более элементарна, что в ней нет этой синтетичности, ее вещественный план совсем отключен (как и в некоторых батюшковских перифразах).

Между тем в уже цитированных выше стихах «Скалы чувствительны к свирели...» действенность предметного плана так велика, что можно совсем не догадываться о скрытом в них сюжете «соловей — роза» и даже об Орфее. Но можно и нужно вообразить, как краснеют розы и как «верблюды прислушивать умеет песнь любви».

Молодой Пушкин (в особенности, как известно, в лицейской поэзии) довел до высокой степени совершенства культуру батюшковской перифразы. Постепенно он осваивал все более сложный опыт батюшковских художественных образов³¹. Особенность стиля Батюшкова — употребление повторяющихся слов и словосочетаний,

³¹ В книге В. В. Виноградова «Стиль Пушкина» подробно освещены связи пушкинской поэзии с Батюшковым.

своеобразных поэтических клише, переходящих из одного стихотворения в другое, а от Батюшкова — к элегическим поэтам пушкинской поры и к самому Пушкину. Однако Батюшков не только воспользовался формулами, выработанными французской поэзией XVIII в., но и создал их сам («пламень любви», «чаша радости», «упоенье сердца», «жар (хлад) сердца», «пить дыханье», «томный взор» и т. п.)³².

В. В. Виноградов отметил у поэта «несколько сфер образов», особенно углубленно разработанных³³. Г. А. Гуковский в «общих местах» батюшковской поэзии тонко усмотрел наличие эмоциональных ореолов³⁴. В этом смысле сублимирующего, возвышающего принципа в эротических стихах Батюшкова (давно замечено, что он последовательно смягчал эротические «вольности» в своих переложениях и переводах³⁵⁻³⁶).

И у Батюшкова и у Пушкина стилистическое *опоэтизирование* выражало стремление создать гармонический образ человека и мира. У Пушкина оно имело более широкий, чем у Батюшкова, размах, и этим обуславливалась его языковая широта. Батюшков (в этом он подобен Жуковскому) более однотонен в своей поэтичности. Здесь выразилась романтическая сторона творчества Ба-

³² М. Гершензон. Пушкин и Батюшков. — «Атеней». Историко-литературный временник», кн. 1—2. Л.—М., 1924.

³³ См. В. В. Виноградов. Стиль Пушкина, стр. 181.

³⁴ См. Г. А. Гуковский. Пушкин и русские романтики, стр. 99.

³⁵⁻³⁶ См. Л. Н. Майков. Батюшков, его жизнь и сочинения. СПб., 1896, стр. 74; Н. П. Верховский. Батюшков. — В кн.: «История русской литературы», т. V, стр. 399; Б. В. Томашевский. Пушкин и Франция, стр. 78.

тюшкова, стремление к единству и эмоциональной цельности мироощущения.

Стихи Батюшкова уникальны в русской поэзии по богатству чисто языковой — фонетической и синтаксической — выразительности. Уже современники отмечали «сладкогласие», «благозвучие», «гармонию» батюшковских стихов. Сводить их фонетический строй к «сладкогласию», конечно, нельзя. Но нельзя отрицать и того, что сам Батюшков придавал большое значение красоте поэтического языка, — это соответствовало его пониманию искусства: «Надобно, чтобы в душе моей никогда не погасла прекрасная страсть к прекрасному, которое столь привлекательно в искусствах и в словесности...» («Чужое — мое сокровище»).

Красота языка в понимании Батюшкова — не просто «форма», а неотъемлемая часть содержания. Поэт умело создавал языковой «образ» красоты.

Один из многочисленных примеров — гармоническое сочетание звуков, на всем протяжении текста группирующихся вокруг звука «л» в стихотворениях «Привидение» («... Если лилия листьями... прильнет... лучами... блеснет... пламень... ланитам...»), «Последняя весна» («В полях блистает май веселый... зажурчал... Филемелы... уныл...») и т. д.

В. В. Виноградов обстоятельно исследовал разнообразные синтаксические конструкции в стихах Батюшкова, глубоко усвоенные младшими современниками и наследниками, в особенности Пушкиным. «Экспрессивно смысловые разрывы» и «скачки в лирической композиции» (в «Тени друга», «Воспоминании», «Выздоровлении» и др.) усиливали драматизм стиля³⁷.

³⁷ См. В. В. Виноградов. Стиль Пушкина, стр. 306—317.

Языковой образ у Батюшкова создавался не только фонетическими и синтаксическими средствами. Использование лексической окраски слов — одно из главных новаторских свойств поэзии Батюшкова. В лирике использование лексической окраски дает глубокие смысловые эффекты. Исторически сложилось так, что в русской поэзии (это было связано с трудностями формирования в XVIII в. общенационального литературного языка) выработалась обостренная чувствительность к лексической окраске. Батюшков первый пользуется ею в полной мере.

Вернемся еще раз к батюшковской «Вакханке», где с интересующей нас стороны наблюдается самое, может быть, разительное расхождение из всех расхождений Батюшкова с Парни:

Все на праздник Эригоны
Жрицы Вакховы текли;
Ветры с шумом разнесли
Громкий вой их, плеск и стоны.

«Текли» вместо «бежали», или «мчались», или «шли» (именно «бежали» — *couraient* у Парни). Это слово, много раз осмеянное как тяжеловесный, книжный одический оборот, Батюшков смело применил в описании своих юных вакханок. Возникает атмосфера архаической торжественности ритуала. Жрицы «текут» при этом с «воем». Слово «вой» здесь также одического происхождения; оно допускалось в оду благодаря своей батальной и т. п. экспрессивности. Это относится и к слову «нагло» («нагло ризы поднимали»). Оно включает в себя значение «внезапно» (ср. старинное выражение «наглая смерть»). Лишь как дополнительное сквозит значение более бытовое (ср. современное «наглость»). Блестящую игру словом отметил Пушкин, сказавший об этом

стихе: «смело и счастливо» (замечания на полях «Опытов»).

Четыре церковнославянизма в описании античных вакханок! Этим достигается не только бóльшая возвышенность, но и подчеркнутая литературность стиля. И благодаря стилистическому оттенку книжности вакханка предстает в стихотворении не только пылкой «девой» и даже не только жрицей культа. Ее изображение, столь приближенное к нам и «зримое», в то же время удалено от нас в особый мир искусства. Этот достигаемый исключительно лексической окраской смысл образа также полностью отсутствует у Парни. Никогда до Батюшкова лексическая окраска не использовалась столь сознательно и не играла столь решающей роли. После Батюшкова — и прежде всего у Пушкина — она станет в русской поэзии одним из главных стилистических факторов.

Проза Батюшкова до настоящего времени изучена меньше, чем его стихи³⁸. Не конкурируя, разумеется, со стихами, она очень интересна по тематике и стилю, выразительно представляет круг интересов, моральных, эстетических, политических, характерных для времени Батюшкова.

Вместе со своим веком Батюшков ставил прозу, как род словесного искусства, ниже поэзии. Так интерпретировался самый тот факт, что проза менее «украшена», менее подчинена «воображению»³⁹, более непосредственно, чем поэзия, связана с эмпирической жизнью. Батюшков считал необходимым для русской литературы

³⁸ Наиболее подробно, хотя, к сожалению, очень выборочно, она рассмотрена в книге Н. В. Фридмана «Проза Батюшкова». М., «Наука», 1965.

³⁹ См. в письме к Жуковскому от августа 1815 г.

развитие прозы, но искусством *par excellence* была, с его точки зрения, поэзия. Показательны в одном из его суждений эпитеты: «Прекрасный стих и страница живой, красноречивой прозы суть сокровища истинные («Нечто о поэте и поэзии»).

Так же, как отношение к прозе, тесно связаны со своим временем, и в особенности с русской традицией, ее формы в творчестве Батюшкова. Образцы для него — «Эмилевы письма» и «Письма обитателя предместья» М. Н. Муравьева; они для него ценны тем, что «заставляют размышлять». Между тем «Исповедь» Руссо устрасила и шокировала Батюшкова своим содержанием, а «слог» ее показался простецким, недостойным «философа»: «Руссо начал софизмами, кончил ужасною книгою, — он пожелал оправдаться перед людьми, как перед богом, со всею искренностию человека глубоко растроганного, но гордого в самом унижении (<...> Кто требовал у него сих признаний, сей страшной повести целой жизни? Не люди, а гордость его...» («Нечто о морали, основанной на философии и религии»). И далее в сноске: «Без смеха и жалости нельзя читать признаний женева-ского мечтателя. Я не стану выписывать тех мест из книги его, которые могут оскорбить нравственность самую светскую, самую снисходительную: их множество (<...> Где тут достоинство человека и мудреца? О слоге ни слова. В таком случае слог есть верное выражение души».

На недостижимой высоте стоит для Батюшкова проза Шатобриана, а в русской литературе — Карамзина. Чем больше проза приближается к поэзии, тем она для Батюшкова эстетически ценнее. От пушкинского принципа «нагой простоты» он очень далек. Он и в прозе — стилист, эстет, причем полностью в духе своего времени: ценит прозу и Шатобриана и Карамзина за «поэтич-

ность», близость к стихотворности⁴⁰. «Приятности» требовал от прозы и Карамзин⁴¹. Как прозаик, Батюшков сам склонен к украшенному стилю, к перифразам и тропам.

По сравнению со стихами, в его прозе очень сильна стихия нравоучительности. Это также связано со временем, когда морализаторство было неотъемлемо от прозы как жанра.

В прозе Батюшков видел и форму словесного искусства, вспомогательную по отношению к поэзии, как бы ее подготовительную фазу: «Она питательница стиха», — цитирует он Альфиери в записной книжке 1817 г. и замечает: «Для того, чтобы писать хорошо в стихах — в каком бы то ни было роде, — писать разнообразно, слогом сильным и приятным, с мыслями незаемными, с чувствами, надобно много писать прозою, но не для публики, а просто записывать для себя. Я часто испытывал на себе, что этот способ мне удавался; рано или поздно писанное в прозе пригодится...»

К собственной прозе Батюшков относился противоречиво. В его письмах есть и чувство авторской удовлетворенности («том прозы будет интересен»⁴²), и почти отчаяние, извинения за несовершенство: «Я и не смею думать, чтоб моя проза имела какое-нибудь достоинство»⁴³. «Я знал слабость моей прозы (<...> Большая часть моей книги писана для себя»⁴⁴.

Современная Батюшкову критика отнеслась к его

⁴⁰ Письма Н. И. Гнедичу от августа 1811 г. и 19 сентября 1809 г.

⁴¹ «Отчего в России мало авторских талантов». — Сочинения Карамзина, т. III. СПб., 1848, стр. 528.

⁴² Письмо Н. И. Гнедичу от начала сентября 1816 г.

⁴³ Письмо В. А. Жуковскому от 3 ноября 1814 г.

⁴⁴ Письмо И. И. Дмитриеву от 10 августа 1817 г.

прозе очень благожелательно: «Самый выбор предметов делает уже честь автору, — писал В. И. Козлов⁴⁵. Это отмечал и С. Н. Глинка: «Прозаические произведения его, по скромности сочинителя названные опытами, отличаются разнообразием, вкусом и силой <...> проза г. Батюшкова не уступает его стихам»⁴⁶. Гораздо позднее Белинский ставил прозу Батюшкова (и Жуковского) выше прозы их учителя Карамзина: «Проза их богаче содержанием прозы Карамзина, а оттого кажется лучше и по форме своей» (отзыв в статье «Русская литература в 1841 году»). Пушкин судил, по всей видимости, более строго. Батюшковская проза слишком не соответствовала принципу «нагой простоты» по своей художественной структуре. Ее перифрастичность, условность шла вразрез с собственными исканиями Пушкина-прозаика. Надо сознаться, что, если исходить из пушкинских критериев, то к прозе Батюшкова частично применимы суждения Пушкина в наброске его статьи «О прозе» (1822), хотя Батюшков там не упоминается, а фигурирует «отчет какого-нибудь любителя театра» и т. п.: «Д'Аламбер сказал однажды Лагарпу: «Не выхваляйте мне Бюфона. Этот человек пишет: Благороднейшее из всех приобретений человека было сие животное гордое, пылкое и проч. Зачем просто не сказать лошадь». Лагарп удивляется сухому рассуждению философа. Но д'Аламбер очень умный человек — и, признаюсь, я почти согласен с его мнением. <...> Но что сказать об наших писателях, которые, почитая за низость изъяснить просто вещи самые обыкновенные, думают оживить детскую прозу дополнениями и вялыми метафорами? Эти люди никогда не скажут *дружба*, не

⁴⁵ «Русский инвалид», 17 июля 1817 г.

⁴⁶ «Русский вестник», 1817, № 15—16.

прибавя: сие священное чувство, коего благородный пламень и пр. Должно бы сказать: рано поутру, — а они пишут: Едва первые лучи заходящего солнца озарили восточные края лазурного неба <...> Точность и краткость — вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат. Стихи дело другое <...> Вопрос, чья проза лучшая в нашей литературе. Ответ — *Карамзина*. Это еще похвала не большая...»⁴⁷ Все это написано не о Батюшкове, но вряд ли стилистика батюшковской прозы была вполне приемлема для Пушкина.

При всем том, мысли и даже отдельные картины из прозы Батюшкова были заимствованы Пушкиным — однако не в прозе, а в «Медном Всаднике»⁴⁸. Это наиболее значительное из заимствований. Попало к Пушкину, причем также не в прозу, а в стихи, несколько отдельных выражений: «суровый Дант» (из «Речи о влиянии легкой поэзии на язык» — в пушкинский «Сонет»: «Суровый Дант не презирал сонета»); «народ, достойный сожаления и смеха» (из письма Гнедичу от 27 марта 1814 г. — по-видимому, известного Пушкину — в стихотворение «Полководец»: «...О люди, жалкий род, достойный слез и смеха») и т. д. Чуждая Пушкину как жанровая и стилистическая система, проза Батюшкова в своих изолированных от контекста частях могла поражать его верностью концепций, значительностью образов, как это и случилось с описанием в «Медном Всаднике» строящегося Петербурга, почти полностью, местами дословно, заимствованном из «Прогулки в Академию художеств».

⁴⁷ Пушкин. Полн. собр. соч. в 10-ти томах, т. 7. М., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 14—16. Далее ссылки на это изд. даются сокращенно.

⁴⁸ См. стр. 513.

В расположении своих прозаических произведений в «Опытах» Батюшков, как и в отношении стихов, оказался от хронологии. Произведения сгруппированы по тематическим и проблемным признакам; сами же группы (как бы разделы, но не названные) также расположены обдуманно.

Книга прозы начинается программными статьями о поэзии, предваряющими все собрание сочинений («Речь о влиянии легкой поэзии на язык» и «Нечто о поэте и поэзии»). Далее следуют очерки, посвященные самым истокам новой русской литературы («О характере Ломоносова» и «Вечер у Кантемира»). К ним примыкает «Письмо» о сочинениях М. Н. Муравьева, старшего современника Батюшкова. Все начало книги пронизано пафосом, который можно определить как «просветительский патриотизм» (подробнее об этом сказано в примечаниях). «Прогулка в Академию художеств» продолжает развитие той же концепции просветительского патриотизма, на материале современном. Здесь уже как воспоминание, как образ прошлого, дано градостроительство петровских времен; от этих начинаний — последовательный переход к созерцанию и оценке плодов искусства, возросших на почве новой, европеизированной России; осуществление прогнозов, которые делал Кантемир в «Вечере у Кантемира». «Прогулкой в Академию художеств» заканчивается тема судеб русского искусства.

Следующие за этим «Отрывок из писем русского офицера о Финляндии» и «Путешествие в замок Сирей» являются путевыми очерками, при этом они объединены между собой военной темой; а «Путешествие в замок Сирей» многими нитями связано с «Вечером у Кантемира» (Россия в начале прошлого века глазами француза; Франция в начале нового века глазами русского),

Своего рода интервалом между всей этой группой текстов и следующими служат «Две аллегории» и «Похвальное слово сну»; между собой их объединяет условность, жанровая традиционность; может быть, этими-то вещами и был более всего недоволен сам автор, расположивший их по принципу, о котором писал Гнедичу: «плохих солдат в середину, так, как полк строят». Как бы то ни было, далее следуют еще две группы текстов: две статьи об итальянской поэзии и перевод из Боккаччо («Ариост и Тасс», «Петрарка», «Гризельда») и две статьи на сугубо моральные темы: «О лучших свойствах сердца» и «Нечто о морали, основанной на философии и религии». Так завершается первый том, а второй открывается (после вводного посвящения «К друзьям») стихотворением «Надежда», продолжающим проблематику последней статьи.

В своих очерках на моральные темы Батюшков опирается на религиозную доктрину. Религиозные понятия, как известно, укреплялись в нем с годами; статья «Нечто о морали, основанной на философии и религии» (1815) и композиционно, и хронологически имеет итоговый характер. Эволюцию Батюшкова можно в какой-то мере представить как путь от Монтеня к Паскалю. Кроме того, в его религиозности есть оттенок провиденциальности, и — в отличие от Жуковского, — национальный пафос, убежденность в том, что не случай, а божественное провидение «устроило» испытания и торжество России. Война 1812 года оказала на нравственно-философские и религиозные воззрения Батюшкова решающее воздействие. И это очень сказалось в прозе.

Религиозность Батюшкова — скорбная, в ней мало просветляющего и утешающего (также отличие от Жуковского). Всем своим жизнеощущением Батюшков

слишком привязан к «сладостному» земному; разрушение и неверность прекрасного — источник батушковской скорби.

События 1812 г., как уже отмечалось выше, в особенности поразили Батушкова своей разрушительностью; исчезновение на его глазах, в короткий срок, «прежней» Москвы, с ее укладом и людьми, с ее довоенной психологической цельностью, он воспринимал как необратимое крушение целого мира. Его воображение было ранено наглядностью гибелей. Исчезновение «довоенного» русского мира, мира античности, мира скандинавского средневековья — трагически равновеликие темы «позднего» Батушкова и в поэзии и в прозе. Его разочарование питалось этими мыслями. «Поздний» Батушков — из всех поэтов ближе всего Баратынскому с его «разузвереньем».

В статьях Батушкова о поэзии совмещены эстетические понятия эпохи классицизма с понятиями романтическими⁴⁹. Батушков — фигура во многом характерная для своего переходного времени. Исключительность его отношения к классической античной и итальянской поэзии — черта эпохи, еще столь недалеко отстоящей от XVIII в. Античная и итальянская культура в прозаических очерках Батушкова — точка отсчета для его теоретических размышлений и конкретных оценок. Пройдет всего несколько лет — и точка отсчета в эстетических представлениях его младших современников изменится радикально. Для молодого Пушкина это уже — Байрон и затем Шекспир. Своеобразие батушковского неоклассицизма зафиксировано в прозе «Опытов». Батушков был прав, чувствуя, что «Опыты» подводят итог пред-

⁴⁹ См.: Н. П. Верховский. Батушков. В кн.: «История русской литературы», т. V.

шествующему, что перед ним открываются новые возможности творчества. В частности, вскоре после издания «Опытов» произошло и его литературное знакомство с Байроном. Батюшков был на пороге не только своей новой жизни как поэта, но, надо полагать, ему предстояло во многом отойти еще далее от авторитетов XVIII в.

Уже в том, что Ариосто (которого теоретики классицизма расценивали всего лишь как автора шуточной поэмы) стоит у Батюшкова в одном ряду с Тассо, автором поэмы героической, проявлялись романтические тенденции его эстетики⁵⁰. И все же, хотя Батюшков затронут веяниями европейского романтизма, самый этот романтизм — ранний; это, например, Жермена де-Сталь, воззрения которой повлияли на «итальянские» статьи Батюшкова.

Батюшков — единственный в кругу современных ему литераторов и поэтов — прекрасно знал итальянский язык, изучавшийся им с 1801 г. Итальянский язык (литературное «тосканское» наречие) был для него синонимом языка поэзии, а итальянское Возрождение оказало глубокое влияние на общее представление Батюшкова об искусстве.

Поэзия итальянского Возрождения, наряду с античной, для Батюшкова не только высший образец поэзии.

⁵⁰ Об изменении отношения к рыцарской тематике и фантастике поэмы Ариосто «Неистовый Роланд» см. в статье Р. М. Гороховой «Из истории восприятия Ариосто в России. (Батюшков и Ариосто)». — В кн.: «Эпоха романтизма. Из истории международных связей русской литературы». Л., «Наука», 1975. Р. М. Горохова рассматривает и другие аспекты темы «Батюшков и Италия» и дает краткий обзор современных итальянских работ на эту тему.

но она для него всецело актуальна тематически и по приемам творчества. Коллизии и стиль поэм Ариосто и Торквато Тассо, которым вскоре предстояло отойти в историю литературы, для Батюшкова трепещут жизнью, цитаты из них у него на устах; их сюжетные положения полны для него актуального трагизма или столь же живого юмора.

Русской поэзии, на необработанный язык которой Батюшков, по собственному выражению, «начинал сердиться» (известны его сетования по поводу звучаний «щ», «при», «тры» и т. п.), он умел придать красоту идеальной формы, исходя из звучания стихов своих любимых итальянцев. В статье «Ариост и Тасс» он опровергает мнение (кстати, высказывавшееся Жерменой де Сталь) о несколько однотонной благозвучности итальянского языка; со знанием дела и художественной интуицией Батюшков приводит интересные примеры фонетического разнообразия — «мужественности», резкости, суровости в стихах из «Освобожденного Иерусалима» Торквато Тассо⁵¹.

Статья «Петрарка» написана в одном году со статьей «Нечто о морали, основанной на философии и религии» (1815) и имеет с ней много общего в понимании душевных коллизий. Рефлексия и трагизм итальянского лирика рассматриваются как борение светского и религиозного начал. Петрарка противопоставлен античным поэтам как поэт новой, христианской эры, углубившей нравственные

⁵¹ О Батюшкове и Тассо см.: *M. F. Varese. Le Tasso nella poesia e nella critica di uno scrittore russo dell'Ottocento: K. N. Batjushkov. Bergamo, 1969.* О Тассо в России XVIII в. см.: *Р. М. Горохова. Торквато Тассо в России XVIII в. — В кн.: «Россия и Запад». Из истории литературных отношений. Под ред. М. П. Алексева. Л., 1973.*

понятия, усложнившей идеей бессмертия души самое любовную лирику. Если древние «наслаждались и воспевали свои наслаждения», «страдали и описывали ревность, тоску в разлуке или надежду близкого свидания», то Петрарка «услаждается мыслью о бессмертии души, строгою мыслью, которая одна в силах искоренить страсти земные; но поэзия не теряет своих красок. Стихотворец умел сочетать землю и небо; он заставил Лауру заботиться о славе земной <...> Иначе плачет над урною любовницы древний поэт; иначе Овидий сетует о кончине Тибулла: ибо все понятия древних о душе, о бессмертии были неопределенны».

Батюшков опровергает представление о Петрарке, как поэте, у которого выражение значительнее содержания. «В прозе остаются одни мысли», — заявляет Батюшков, и дает целые страницы замечательных прозаических переводов сложных текстов Петрарки.

Эта статья важна не только как статья о Петрарке. В ней подчеркнуты такие особенности лирики итальянского поэта, которые останавливают внимание в «поздней» лирике самого Батюшкова, и это должно помочь изучению влияния на нее Петрарки⁵². Текстуальных совпадений (заимствований) из Петрарки у Батюшкова в сущности не так много. Наиболее значительное заимствование — в стихотворении «Пробуждение». Но на Батюшкова явно повлияла общая религиозная устрем-

⁵² Это изучение, в сущности, только начато в работах А. Некрасова «Батюшков и Петрарка». — «Известия отделения русского языка и словесности» имп. Акад. наук, 1911, т. XVI, кн. 4; *N. Contieri. Batjuškov e il Petrarca.* — «Annali... istituto Universitario Orientale di Napoli». Sez. slava, II. Napoli, 1959; *M. F. Varese. Batjuškov — un poeta tra Russia e Italia.* Padova, 1970.

ленность второй части «Канцоньере», о которой он особенно много пишет в статье. Отсюда — мотивы земного странничества, отрясения земных риз, пути к богу, на который оба поэта вступают «уверенной» (у Петрарки), «надежной» (у Батюшкова) «ногой» (в стихотворениях «Надежда» и «К другу»).

Quel sol che mi mostrava il cammin destro
Di gire al ciel con gloriosi passi *.

Эти начальные стихи CCCVI сонета Петрарки узнаются в заключительной строфе стихотворения «К другу»:

Ко гробу путь мой весь как солнцем озарён...

Проза Батюшкова в «Опытах» — не сюжетная и в этом смысле не «художественная». «Старинную повесть» из русской истории («Предслава и Добрыня») в духе Карамзина Батюшков в «Опыты» не включил. Его жанры — очерки, историко-литературная статья, эпистолярное «путешествие» или «прогулка». В этих рамках он владеет вымыслом, изобретателен и увлекателен. Проза Батюшкова чрезмерно цветиста в «Письме к И. М. Муравьеву-Апостолю» и «Двух аллегориях»; в очерке «О характере Ломоносова» — подлинно поэтична. Замечателен «Отрывок из писем русского офицера о Финляндии»: не мифологическими экскурсами и фантазиями, но описанием северной природы. По старинной схеме «времен года» прослежен весь ее жизненный цикл, с достоверностью как мельчайших подробностей, так и общего колорита. Эта вещь — наиболее романтическая во всем томе. Она лишена обычного недостатка

* То солнце, которое мне указывало правый путь.
Чтоб идти к небу гордыми шагами (итал.).

описательной прозы того времени — статичности, удаленности предмета созерцания от созерцателя. Описание актуализовано; «времена года» напоминают сценарий; даже глаголы употребляются в настоящем времени (сознательный прием).

В жанре путевых очерков («писем» — вслед за «Письмами русского путешественника» Карамзина) написано «Путешествие в замок Сирей».

Батюшков не раз употреблял в письмах выражение «внутренний человек». Если применить его к самому поэту, то в «Отрывке из писем русского офицера о Финляндии» и в «Путешествии в замок Сирей» голос этого «внутреннего человека» звучит всего непосредственнее. Фактическая часть «Путешествия в замок Сирей» представляет и сейчас ценность точных свидетельств мыслящего и наблюдательного поклонника Вольтера, в глазах которого священна каждая связанная с ним реликвия и еще совершенно непоколебим авторитет «бессмертного автора «Альзиры». Пройдет не так уж много времени — и Пушкин в статье «Вольтер»⁵³ будет говорить о недавнем кумире (еще в лицейские годы Вольтер был кумиром для него самого) скептически, без всякого священного трепета. Батюшковское «Путешествие» запечатлело один из последних этапов поклонения Вольтеру в России. Но предвестием новой литературной эры является здесь образ самого автора, «внутреннего человека». Его подвластность настроениям, чувствительность, рефлексивность, психическая неустойчивость выразились в троекратном слове повествования, в меланхолических мыслях о смерти, о тщетности славы, в глубокой печали и неуверенности, сменивших первоначально взятые мажорные тона. И самое существенное то, что

⁵³ «Современник», 1836, III.

это нисколько не литературный прием, а спонтанное обнаружение «внутреннего человека». Здесь внезапно исчезает та дистанция между автором и читателем, которую Батюшков соблюдал и в стихах и в прозе.

В книгу «Опытов» не вошли дневники и воспоминания Батюшкова, в еще большей мере приближающие к нам «внутреннего человека». Они печатаются в разделе «Приложений», так же как «Прогулка по Москве». Не вошли, разумеется, и его частные письма, изобилующие литературным материалом, составляющие целостный фон для его прозы; их живость и свобода способствовали формированию стиля Батюшкова-прозаика⁵⁴.

* * *

«Опыты в стихах и прозе» — первый сборник произведений Батюшкова⁵⁵. До этого, начиная с 1805 г., он печатался в журналах и альманахах. И в том и в другом

⁵⁴ Весь массив писем опубликован в М II, с немногими пропусками, восполненными в позднейших публикациях.

⁵⁵ Возможно, мысль об издании сборника возникла у Батюшкова еще в 1810 г.; об этом свидетельствует составленное им тогда «Расписание моим сочинениям», содержащее 44 стихотворения. Впрочем, этот перечень мог быть сделан и без цели издания. Из перечисленных в нем стихотворений не сохранились: «К Ч-ой», «Желания», «Семь грехов», «Ода Лебрюна на старость», «Блестящий червяк», «Орел и уж», «На смерть Хераскова», «Урок красавице», «Хлоини ответ», «А. П. С. Приписание», «Лиса и пчелы». «Песнь песней». Под названием «Русский витязь» подразумевается, вероятно, стихотворение «Истинный патриот». Остальные могли быть уничтожены самим Батюшковым, как не удовлетворяющие его. Батюшков не оставил архива, уничтожал автографы (среди сохранившихся почти нет черновых).

его на несколько лет опередил Жуковский⁵⁶. Выход в свет, в двух частях, «Стихотворений Василия Жуковского» укрепил Батюшкова в намерении выпустить свой сборник.

Структура батюшковских «Опытов» своеобразна, хотя объединение в одном собрании сочинений прозы и стихов — не новшество. Например, так было задумано издание произведений М. Н. Муравьева⁵⁷. Для Батюшкова имело значение то, что проза здесь предшествовала стихам. Название «Опыты», данное в подражание книге Монтеня, часто встречалось во французской литературе и было употребительно в русской (собрание сочинений Муравьева было озаглавлено «Опыты истории, словесности и нравоучения»; С. С. Бобров издал в 1804 г. «Рассвет полночи, или созерцание славы (<...> в стихах и прозе опытов»).

Обдумывая состав своего собрания, Батюшков сначала предполагал печатать только стихи и советовался об этом с Н. И. Гнедичем в письме от начала августа 1816 г. Он боялся недобросовестности профессиональных издателей, и Гнедич, с которым его связывала давняя дружба, предложил свои услуги в качестве издателя. Упомянутое издание произведений Жуковского также было выпущено друзьями автора. Батюшков полагался на дружеское понимание и художественный вкус переводчика Гомера.

Хотя Батюшков поставил условие, чтобы издание осуществлялось без предварительной подписки, Гнедич тем не менее счел нужным объявить подписку на второй,

⁵⁶ Первое выступление в печати в 1802 г., первое собрание сочинений в 1815—1816 гг.

⁵⁷ Два тома прозы вышли в 1810 г., выход третьего тома — стихов — задерживался.

стихотворный том сразу по выходе первого тома. Батюшков переживал это болезненно и боялся насмешек критики⁵⁸. Однако подписка прошла успешно; подписалось 183 человека, в основном из Петербурга и Москвы. Число подписчиков было по тому времени внушительным.

Казалось, все шло хорошо. Между тем Батюшкова мучительно терзала неуверенность в успехе. Он был глубоко неудовлетворен собой и полон робости. В написанной Гнедичем заметке «От издателя» он вычеркнул хвалебный отзыв о своих стихах; просил выпустить «все вдруг, без шума, без похвал, без артиллерии, бога ради!» (письмо от второй половины февраля 1817 г.). Поместить в издании свой портрет отказался наотрез: «Портрета никак! На место его виньетку, на место его «Умиряющего Тасса», если кончить успею...» (там же; далее перечисляются «Странствователь и домосед» и неосуществленная, по-видимому, имевшая автобиографическую подоснову, сказка «Бальядера»).

О своем страхе «провалиться» Батюшков иногда пишет в шутовском тоне: «Ах, страшно! Лучше бы на батарею полез, выслушал всего Расина Хвостова и всего новорожденного Оссиана⁵⁹, нежели вдруг, при всем Израиле, растянуться в лавках Глазунова, Матушкина, Бабушкина, Душина, Свешникова, и потом — бух!.. в знакомые подвалы» (цитата из собственного «Певца в Беседе...»). — Письмо Н. И. Гнедичу от начала

⁵⁸ «Но ты меня убьешь подпискою. Молю и заклинаю не убивать. Ну скажи бога ради, как заводить подписку на любовные стишки», — письмо от мая 1817 г.

⁵⁹ Имеются в виду переводы из Оссиана В. Н. Олина, печатавшиеся в 1817 г. в «Сыне отечества».

июля 1817 г.). В письмах 1817 г. преобладают жалобы на неблагоприятные для творчества обстоятельства: «Что скажешь о моей прозе? С ужасом делаю этот вопрос. Зачем я вздумал это печатать. Чувствую, знаю, что много дряни; самые стихи, которые мне стоили столько, меня мучат. Но могло ли быть лучше? Какую жизнь я вел для стихов! Три войны, все на коне и в мире на большой дороге. Спрашиваю себя: в такой бурной, непостоянной жизни можно ли написать что-нибудь совершенное? Совесть отвечает: нет. Так зачем же печатать? Беда, конечно, не велика: побранят и забудут. Но эта мысль для меня убийственна, убийственна, ибо я люблю славу и желал бы заслужить ее, вырвать из рук фортуны, не великую славу, нет, а ту маленькую, которую доставляют нам и безделки, когда они совершенны. Если бог позволит предпринять другое издание, то я все переправлю; может быть, напишу что-нибудь новое...» (письмо Жуковскому от июня 1817 г.). В письме к П. А. Вяземскому от 23 июня 1817 г.: «Скажи по совести, какова моя проза: можно ли читать ее? Если просвещенные люди скажут: это приятная книга, и слог красив, то я запрыгаю от радости. Сам знаю, что есть ошибки против языка, слабости, повторения и что-то ученическое и детское: знаю и уверен в этом, но знаю и то, что если меня немного окуражит одобрение знатоков, то я со временем сделаю лучше. Пускай говорят, что хотят, строгие судьи и кумы славенофиловы! Не для них пишу, и они не для меня; но не понравиться тебе и еще трем или четверем человекам в России больно, и лучше бросить перо в огонь».

Предполагалось вначале, что подготовка тома стихов займет не более месяца, однако она потребовала около года, тем более, что поэт хотел закончить и включить в собрание несколько новых произведений. Не имея

средств для жизни в Петербурге или Москве, Батюшков занимался подготовкой собрания в своей деревне Хантоново, где его отвлекали и раздражали материальные заботы. Времени стало не хватать. «Нет покоя! Такой ли бы том отпустил стихов?..» Батюшков опасался, что в издание войдут заведомо, как он считал, слабые вещи. В этом отношении проза беспокоила его меньше, чем стихи. Что касается стихов, то почти в каждом письме 1816 г. Гнедичу повторяется просьба о строгости отбора. «Дряни не печатай. Лучше мало, да хорошо. И то половина дряни». Состав стихотворного тома был в значительной мере в ведении Гнедича. Но Батюшков отказался от хронологического принципа и сам установил деление на отделы («Элегии», «Послания», «Смесь»). Отбор и расположение внутри отделов были поручены Гнедичу. Поэт просил Жуковского и Вяземского также принять участие в отборе и правке текстов. «Дряни, ой, как много! Вяземский у вас теперь. Он обещал взглянуть на издание. Посоветуйся с ним. Я знаю его: он без предрассудков и рука у него не дрогнет выбросить дрянь. Я уже просил его об этом» (письмо от мая 1817 г.). С разрешения Батюшкова Гнедич кое-что поправлял в самих текстах (например, в «Беседке муз»). Колебания в выборе текстов продолжались до последнего момента. Уже когда часть тиража была сброшюрована, из отдела «Смесь» были выкинуты несколько эпиграмм («Известный откупщик. Фадей», «Теперь сего же дня..», «О хлеб-соль русская») и стихотворение «Отъезд» («Ты хочешь горсткой фимиама...»). Монументальные элегии «Переход через Рейн» и «Умиравший Тасс», сказка «Странствователь и домосед» (их Батюшков собирался поместить «вместо портрета») и «Беседка муз» попали в самый конец книги, причем элегии — с повторной рубрикацией.

Именно по книге «Опыты» знал Батюшкова современный ему читатель.

Отвергнув в «Опытах» хронологический принцип, Батюшков в предваряющем второй том обращении «К друзьям» тем не менее говорит об «истории» его страстей, которую читатель найдет в стихотворениях. Слово «история» здесь приближается по значению к слову «прошлое». «Журнал» (дневник), которому Батюшков уподобляет здесь собрание своих стихов, — это смена событий, настроений, удач и неудач «прежних дней». Батюшков не прибегает к биографической циклизации, не дает «истории» в смысле развития той или иной ситуации или чувства. В этом отношении он не следует ни примеру своего любимого Петрарки, ни примеру Парни, создавшего лирический роман о любви к Элеоноре. Чтоб усилить впечатление единства цикла, Парни даже заменял имена других женщин, героинь его любовной лирики, на имя Элеонора.

Батюшков, как об этом и говорится в стихотворении «К друзьям», стремился представить свою жизнь в разнообразии ситуаций и переживаний, свое лирическое творчество — в разнообразии жанров.

В «Опыты» включены медитативные, исторические, любовные элегии Батюшкова, переложения элегий античных, дружеские послания, стихотворная сказка, эпиграммы, басни, надписи. Свои блестящие литературные сатиры Батюшков печатать в «Опытах» отказался наотрез (в настоящем издании они публикуются в отделе дополнений), так как не хотел в первом собрании сочинений выступить в роли обидчика собратьев по поэзии. В «Опыты» входит 52 стихотворения, то есть в сущности очень мало; деление на три раздела («Элегии», «Послания», «Смесь») создает стройную архитеконику сборника и увеличивает смысловое пространство.

Лирика Батюшкова — лирика жанровая. При этом некоторые жанры (например, историческая элегия) вводятся поэтом в русскую поэзию впервые.

Новые лирические формы, созданные и отточенные Батюшковым — в элегиях «Выздоровление», «Мой гений», «Пробуждение»; они имели значение для Пушкина. Любовные элегии в «Опытах» отличаются большим лаконизмом и экспрессивностью, чем это предусматривалось традицией (в том числе Парни)⁶⁰. Послание «Мои пенаты» также отклоняется от принятого в русской поэзии того времени «дмитриевского» канона дружеского послания. Но эти отклонения были не разрушением жанров, а созданием новых, батюшковских. Так, «Мои пенаты» явились эталоном для молодого Пушкина («Горюнок»). В других своих посланиях Батюшков ближе следует жанровой традиции, созданной в основном И. И. Дмитриевым. В стиле литературно-разговорной «болтовни» (как выражался Пушкин, использовавший его в лирических отступлениях «Евгения Онегина») свободно объединяется серьезное с шутливым. Батюшков окончательно закрепляет этот канон. Не должно поэтому удивлять, что патетическое стихотворение «К Дашкову» помещено не в разделе посланий, а в разделе элегий. В батюшковском представлении о жанре дружеского послания важнее интонация, чем наличие обращения «мой друг». Стихотворение «К Гнедичу» и вовсе не является посланием.

Три основных раздела «Опытов» представляют разные типы стихотворного повествования.

⁶⁰ В. В. Виноградов подробно исследовал особенности специфически-батюшковской архитектоники. В. В. Виноградов. Стиль Пушкина. М., Гослитиздат, 1941, стр. 306—307.

В элегиях — полностью господствует авторский мир, в ряде случаев — опосредствованно (в переложениях из Тибулла, «Судьбе Одиссея», «Пленном», в монументальных «исторических» элегиях).

В посланиях почти непременно присутствует адресат; он вводится в текст со своими мнениями, привычками, суждениями, поведением и т. п.

Отдел «Смесь» в подавляющем большинстве представляет некую «стороннюю» точку зрения, за исключением стихотворения «К Никите» (на его месте первоначально было стихотворение «Отъезд»). Возможно, по типографским причинам его уже нельзя было поместить в разделе посланий, хотя по своей структуре это именно послание (предшествовавший ему «Отъезд», обращенный к условной «Хлое», жанру «дружеского послания» не соответствовал).

После выхода в свет «Опытов» Батюшков хотел повторить издание тома стихов, сначала предполагая назвать книгу «Опыты в стихах», затем остановился на названии «Стихотворения Константина Батюшкова». Книге должна была быть предпослана в качестве введения «Речь о влиянии легкой поэзии на язык». Батюшковский экземпляр второй части «Опытов» хранится в ГПБ. Подготовку нового издания Батюшков начал в 1819—1821 гг. во время пребывания в Италии и Германии. В текст «Опытов» внесено несколько стилистических поправок. Зачеркнуты 10 стихотворений⁶¹. Име-

⁶¹ «Тибуллова элегия III», «Веселый час», «К Петину», «Сон воинов», «Сон могольца», «Надпись к портрету Н. Н.», «Надпись на гробе пастушки», эпиграммы «Всегдашний гость, мучитель мой», «Памфил забавен за столом», «Как трудно Бибрису со славою ужиться». «Хор для выпуска» сначала был вычеркнут, затем восстановлен.

ется помета: «В будущем издании выкинуть все, что зачеркнуто». Взамен Батюшков хотел ввести в книгу переводы из «Антологии», созданные в 1817—1818 гг., после выхода «Опытов» и «Подражания древним» (1821). Он вписал их на чистых страницах книги. Также вписана «Надпись для гробницы дочери Малышевой». Вписаны и затем зачеркнуты названия девяти стихотворений: «Воспоминания Италии», «Море», «Судьба поэта», «Псалмы» (остальные не поддаются прочтению); тексты этих произведений не сохранились; неясно, были ли они написаны или только задуманы. Зачеркнута заключительная фраза предисловия от издателя («Издатель надеется...» и т. д.).

После издания книги Батюшков лелеял замыслы сказок, поэм, новых монументальных элегий. Они написаны не были, сохранились лишь названия: «Бальядера», «Рурик», «Овидий в Скифии», «Ромео и Юлия». «Мне хотелось бы дать новое направление моей крохотной музе и область элегии расширить», — слова в письме к Жуковскому от июня 1817 г. Внимание к монументальным элегиям сказалось и в структуре «Опытов»: ими начинается и ими оканчивается том стихов. Была задумана также статья о Данте.

Книгу «Опытов» Батюшков рассматривал как подведение итога своему поэтическому прошлому. В письмах 1816—1817 гг. Гнедичу, Вяземскому, Жуковскому он повторяет не раз, что ему хочется «сбыть все старое с рук», начать некий новый этап жизни и творчества.

Несмотря на опасения автора, «Опыты» были благожелательно приняты критикой. После выхода первого тома появилась упомянутая рецензия В. И. Козлова в газете «Русский инвалид» (1817, № 156), восторженная по отношению ко всему творчеству Батюшкова.

«Кто из просвещенных любителей отечественной словесности не читал, кто не восхищался стихотворениями г. Батюшкова?.. Кто не видел в нем одного из достойнейших поэтов века Александрова? Кто не отдавал справедливости отличному и вместе образованному его таланту, пламенному воображению, богатству мыслей, силе чувств, приятности выражения и сладостной гармонии стихов его? Прозаические его произведения, рассеянные в разных журналах и по большей части напечатанные без имени автора, вообще не столь известны, хотя не менее того заслуживают. Полное собрание как тех, так и других есть прекраснейший подарок, какой только сочинитель и издатель могли сделать публике...» Хвалебные заметки о первой части «Опытов» были помещены в «Сыне отечества» — 1817, № 27, о второй части — 1817, № 41. Но Батюшкова самые эти похвалы тревожили своей, как ему казалось, неумеренностью.

«Достал и читал я объявление в «Инвалиде» и ужаснулся. Козлов или смеется или дурачит меня (<...> Необычайные похвалы мне повредят только, дадут врагов, а к достоинству книги ничего не прибавят. Теперь, перечитывая книгу, вижу все ее недостатки. Если какой-нибудь просвещенный человек скажет, прочитав ее: «Вот приятная книжка, слог довольно красив, и в писателе будет путь», то я останусь довольным. (<...> Сделают идолом, а завтра же в грязь затопчут» (письмо Гнедичу от второй половины июля 1817 г.). Большая рецензия на все собрание, написанная С. С. Уваровым, появилась в издававшейся в Петербурге на французском языке газете «Le Conservateur impartial» (1817, № 83). В ней говорилось о различии и значительности двух направлений в русской поэзии, созданных Жуковским и Батюшковым. Этой статьей Батюшков был, вероятно, доволен.

В 1818 г. Н. И. Греч положительно отозвался об «Опытах» в № 1 «Сына Отечества»⁶².

В конце 1810-х—начале 1820-х годов ситуация в литературной жизни с большой быстротой менялась, и это сказалось на отношении к Батюшкову. Формировалась декабристская критика, которая отнеслась к поэту сурово. Батюшкову, вероятно, остались неизвестны крайне резкие, презрительные замечания на полях первого тома «Опытов» (проза) близкого ему человека, Никиты Муравьева, который расценил прозу Батюшкова с чисто политической точки зрения и даже приписал ему сервильизм перед властями⁶³. Декабристская критика, отставившая «гражданское» искусство и боровшаяся против «личной» лирики, резко осудила личную поэзию в известной переписке 1825 г. Рылеева и А. Бестужева с Пушкиным. Кюхельбекер, в 1820 г. еще восторженно разобравший поэтику Батюшкова в рецензии на не вошедшие в «Опыты» переводы из «Антологии», в статье «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие»⁶⁴ осудил Батюшкова за «подражание» иностранным авторам.

Пушкин в письмах 1825 г. спорил с Рылеевым и Бестужевым и писал о Батюшкове: «Что касается до Батюшкова, уважим в нем несчастья и не созревшие надежды»⁶⁵. Отношение Пушкина к Батюшкову выражено

⁶² Подробнее библиографию см.: Н. В. Фридман. Творчество Батюшкова в оценке русской критики 1817—1820 годов. — «Ученые записки Московского университета», вып. 127. Труды кафедры русской литературы. М., 1948.

⁶³ См. примечание на стр. 563.

⁶⁴ «Мнемозина», ч. II. М., 1824.

⁶⁵ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10-ти томах, т. 10, стр. 118.

в его известных замечаниях по поводу книги «Опыты».

На полях своего экземпляра второй (стихотворной) части «Опытов» Пушкин сделал множество пометок, зачеркиваний и замечаний⁶⁶. Замечания почти поровну делятся на отрицательные («вяло», «плохо», «черт знает что такое») и восторженные («прекрасно», «прелесть», «совершенство», «гармония»). Пушкин выступает как нелицеприятный рецензент, озабоченный при этом интересами автора; более того, он правит местами текст, зачеркивает длинноты, куски текста, которые считает «вялыми». Происходит как бы повторная подготовка текста «Опытов» к печати. Но это, конечно, впечатление кажущееся. Пушкин делал свои замечания для себя. По поводу стихотворения «Мечта», которое он считает не удавшимся, Пушкин пишет то самое словечко «дрянь», которое так часто встречалось в письмах Батюшкова, умолявшего выкидывать неудавшиеся стихотворения. Пушкин в сущности проделал именно тот отбор, о котором Батюшков просил Гнедича, Вяземского, Жуковского. Нельзя исключить того, что одним из поводов для Пушкина взяться за это, по существу, редактирование «Опытов в стихах» было чтение указанных выше писем Батюшкова, хранившихся у общих друзей. Критикуя неудавшиеся, по его мнению, стихи, Пушкин употребляет еще одно выражение из самокритичных суждений Батюшкова, считавшего, что в некоторых его писаниях есть что-то «детское». Дважды это слово употребляет и Пушкин (по поводу отдельных кусков из стихотворений «Мечта» и «К Г<неди>чу»). То, что Пушкин был в курсе этой переписки, во всяком случае знал о просьбах Батюшкова «выкидывать лишнее», доказывается за-

⁶⁶ Там же, т. 7, стр. 564—592.

мечанием об отборе текстов: «Батюшков — не виноват»⁶⁷.

Многие суждения Пушкина об «Опытах» представляют интерес исторический. Пушкин выступает по отношению к Батюшкову как собрат по перу и судит строго и профессионально. Как младший современник, Пушкин еще не находится от Батюшкова на такой дистанции, чтобы дорожить его архаическими чертами, которые он так умел ценить у писателей XVIII в. Раздражали Пушкина такие вещи, как «Мечта» и вообще «стихи, достойные Василя Львовича». Правда, Пушкин отмечает как заслуживающие подражания батюшковские «счастливые усечения» прилагательных.

Для понимания поэтики зрелого Пушкина его «Замечания» дали бесценный материал; их многократно использовали в литературе о Пушкине.

Пушкин критикует аллегорический и перифрастический стиль. Многие его суждения хрестоматийно известны. Стремление к предметности, вещности собственного стиля продиктовало критику Пушкиным «Моих пенатов»: «Главный порок в сем прелестном послании — есть слишком явное смешение древних обычаев мифологических с обычаями жителя подмосковной деревни». Сходны по типу замечания о «Послании г. В«елеурско»му». По поводу стиха «Как ландыш под серпом убийственным жнеца» («Выздоровление») замечено: «Не под серпом, а под косою. Ландыш растет в лугах и рощах — не на пашнях засеянных». Не понравился «Странствователь и домосед», которым Батюшков как раз очень дорожил. С восхищением разобраны стихотворения «Тень друга» («Прелесть и совершенство — какая гармония!»); «Таврида» («По чувству, по гармонии,

⁶⁷ На стр. 145 принадлежавшего Пушкину экземпляра «Опытов».

по роскоши и небрежности воображения — лучшая элегия Батюшкова»; «К другу» («Прелесть! Да и все — прелесть! звуки итальянские! Что за чудотворец этот Батюшков!»); «Радость» («вот батюшковская гармония»); «Вакханка» («Подражание Парни, но лучше подлинника, живее»); «Переход через Рейн» («Лучшее стихотворение поэта, сильнее и более всех обдуманное»); «Беседка муз» и «Привидение» («прелесть»). Одной из лучших элегий Батюшкова названо «Выздоровление». Самая строгость Пушкина — следствие глубокого проникновения в сущность новаторской поэтики Батюшкова. «Живость», динамичность одних стихотворений, внимательно отмечаемая Пушкиным, дает основание применить этот критерий и к другим и назвать их более «вялыми». Синтаксическая и фонетическая гармония, особенно характерная для Батюшкова, служит критерием для критики его же «неудачных оборотов». Точность поэтического словоупотребления, разработанная Батюшковым, дает основание для нескольких упреков ему же в «темноте» смысла. Стройность архитектоники в лучших созданиях («обдуманность», «полнота») — основание для упрека в нескольких других случаях в «растянутости». Как «собственно батюшковскую» Пушкин проницательно характеризует манеру изображать внутренние движения души через внешние признаки (позы, движения, состояния). Таков смысл замечания на полях текста «На развалинах замка в Швеции» («Вот стихи прелестные, собственно Батюшкова...» — по поводу стихов 69—72). В некоторых случаях Пушкин с экспериментальными целями, для себя, предлагает поправки к тексту Батюшкова («Точнее бы вера» — в конце стихотворения «Надежда») и т. д.

Разумеется, есть ряд случаев, когда мы вправе с замечаниями Пушкина не согласиться. К их числу можно

отнести отрицательную оценку «Умирающего Тасса», а также ставшее хрестоматийным замечание о ландышах, которые растут «не на пашнях засеянных» и потому погибают «не под серпом, а под косой»⁶⁸. В контексте батюшковского стихотворения слово «коса» (если бы в тексте стояло «под косою убийственной») неизбежно должно было обрести аллегорический смысл («коса смерти»), что глубоко, и не в лучшую сторону, сказалось бы на всем содержании стихотворения. В других случаях Пушкин протестует против синтаксических инверсий Батюшкова, в том числе и против изысканной инверсии в двух заключительных стихах «Пробуждения»: «Смысл выходит — холодными словами любви — запятая не поможет». Между тем затрудненность этой фразы семантически очень эффективна. Некоторая придиричливость Пушкина сказалась и в том, что он укоряет Батюшкова за стихи 104—105 «Элегии из Тибулла»; в них имеется в виду не Тифон, а Титий. Время, когда Пушкин делал свои замечания на полях «Опытов», точно не установлено. Отсутствие автографа затрудняет дело. В большом академическом издании замечания предположительно датируются 1830 г.; в малом — временем не ранее 1830 г.

Дополнительный свет для этого пока не решенного вопроса дает, как нам представляется, пушкинская запись об элегии «Умиравший Тасс». Она имеет свою историю. В 1834 г. (28 апреля) находившийся в крепости Кюхельбекер сделал в дневнике запись: «Fiat justitia et regeat mundus! Хотя жаль, а должно же наконец сказать, что Батюшков вовсе не заслуживает громких похвал за

⁶⁸ Вероятно, Пушкин помнил свое послание 1815 г. «К Батюшкову», где, перефразируя этот стих, употребил именно слово «коса».

«Умиряющего Тасса», какими кадили ему за это стихотворение, когда он еще здравствовал, и какими еще и поныне, например в «Телеграфе», кадят за оное его памяти. «Умиряющий Тасс» — перевод с французского; подлинник охотники могут отыскать в французском «Альманахе муз» 90-х годов; автор — женщина». Кюхельбекер ошибся⁶⁹. Но важно, что начало пушкинской записи является репликой на предыдущий текст: «Эта элегия, конечно (подчеркнуто мною. — И. С.), ниже своей славы. — Я не видал элегии, давшей Батюшкову повод к своему стихотворению, но сравните «Сетования Тасса» поэта Байрона с сим тощим произведением...» 12 февраля 1836 г., выйдя на поселение, Кюхельбекер после 12-летнего перерыва послал Пушкину первое письмо. 3 августа того же года он ответил на не дошедшее до нас письмо Пушкина, из которого следует, что Пушкин что-то писал ему о его дневнике, и Кюхельбекер дает объяснения («Еще одно: когда я начал дневник свой, то именно положил, чтоб он отнюдь не был исповедью...»⁷⁰ и т. д.). Пушкин, как известно, получал рукописи Кюхельбекера, и, по-видимому, также часть его дневника; это с несомненностью следует из письма Кюхельбекера. Указание на «источник» (мнимый) «Умиряющего Тасса» Кюхельбекер излагает как некое свое открытие. Не исключено, таким образом, что пушкинские заметки сделаны после 1834 г.⁷¹

⁶⁹ См. стр. 569.

⁷⁰ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 16-ти томах, т. 16. М., Изд-во АН СССР, 1949, стр. 147.

⁷¹ Косвенно это подтверждается еще одним суждением Пушкина, там же, об «Умиряющем Тассе»: «здесь, кроме славолюбия и добродушия (см. замечание) ничего не видно. Это — умирающий Василий Львович, а не Торквато». Когда в 1830 г. В. Л. Пушкин умер,

Отношение Пушкина к Батюшкову, по-видимому, не было стабильным. В наброске статьи 1824 г. («Причинами, замедлившими ход нашей словесности...») он писал: «... Батюшков, счастливый сподвижник Ломоносова, сделал для русского языка то же самое, что Петрарка для италиянского». Что было стимулом для нового, столь внимательного и придирчивого чтения Пушкиным «Опытов», остается все же неясным.

Батюшков, подобно Жуковскому, закрепил победу лирики нового типа. В этом — широком — смысле воздействии Батюшкова на русских поэтов никогда не прекращалось. В смысле более узком элегия Батюшкова и его антологический стих имели огромное значение для Пушкина. В дальнейшем приемы батюшковского «антологического» стиля были восприняты «антологической» поэзией 40—60-х годов (А. Майков, Щербина). Очень велико значение батюшковского гармонического стиха для поэзии Фета.

то племянник проводил его в могилу с грустью, словами о его литературной воинственности (Поли, собр. соч., в 10-ти томах, т. X, стр. 306). Лишь через несколько лет восприятие могло так сильно измениться. Многозначительное замечание о «добродушии» (т. е. в данном случае наивности) относится к стихам 66—69 «Умиравшего Тасса»: «Ни в хижине оратая простова — Ни под защитою Альфонсова дворца — ... не спас главы моей». По-видимому, эти строки были восприняты Пушкиным очень лично, с раздражением — после 1834 г. оно особенно сильно обуревало его под фиктивной и оскорбительной «защитой дворца».

ПРИМЕЧАНИЯ

Установление орфографического режима Батюшкова, значительную часть своих произведений написавшего в до-пушкинскую эпоху, имеет существенные сложности. Необходимо определить, какова орфографическая манера поэта и чем она оправдана. Орфография начала XIX в. — колеблющаяся, в том числе орфография официальная, журнальная. Писатели делились на тех, у кого орфография была устойчивой, совпадая или не совпадая с официальной, и на тех, кто писал то так, то иначе. Орфография Батюшкова — скорее устойчивая. Важно сохранить из нее то, что не было общепринятым. На одном полюсе орфографии его «Опытов» — слово «легкокрылы», образованное от имен. падежа множ. числа церковнославянской формы «криле» (это необходимо сохранить). На другом — «щастье», «катихизис», «соннет», «щет» и многие другие слова. Наш принцип — донести до читателя те батюшковские написания, которые имеют стилистическую функцию. Так, «крылья» и «криле» — слова с различной стилистической окраской; формы, производные от них, также стилистически различны. Батюшков употребляет их в разных контекстах и жанрах. То же относится к словам «лицо» и «лице», «олень» и «елень», «вожатый» и «вожатий», «алтарь» и «олтарь», «младой», «молодой» и «младый», «молодый»; а также к «седый», «иный», «передовой» и т. п. Характерно, что в контексте «домашнем» и шутовом Батюшков пишет иначе («человек пожилой и хворой»). Так же различия между «на земле» и «на земли». Даже «образцов» и «образцев» Батюшков стилистически дифференцирует: «образцом старого холостого человека», но «беспреостанное чтение сих образцев».

Указанные стилистические особенности свойственны как поэзии, так и прозе Батюшкова; текстологические

принципы в отношении них едины. Мы также учитываем моменты звукописи, для Батюшкова исключительно важные. Для стоящих рядом эпитетов он систематически употребляет одинаковые формы. Мы эту манеру сохраняем («ветхой и треногой», в рифме с «дорогой»), «живый и гибкий» и т. д.). Звукопись явственна в строках «от самой юности служитель оларей», «от наших оларей» и т. п. Сохраняем характерные для Батюшкова написания «приблизиться» (это уже стало традицией) и, вслед за Ас. 34, «сгарает», «догарал». В последнем случае у поэта были, возможно, ассоциации со словами именно этого корня («гарь» и т. п.). Не сохраняем написание «раждались», «раждаётся», хотя в подавляющем большинстве случаев Батюшков пишет именно так.

Для слов, стоящих в рифме, оставляем написание, соответствующее звучанию.

ОПЫТЫ В ПРОЗЕ

РЕЧЬ О ВЛИЯНИИ ЛЕГКОЙ ПОЭЗИИ НА ЯЗЫК

(стр. 8)

Написано в первой половине 1816 г. Впервые напечатано: *ГОЛРС*, 1814, т. VI, без авторских примечаний. На заседании «Общества» было прочитано (не самим Батюшковым, а Ф. Ф. Кокошкиным) ранее указанного в заглавии срока, 26 мая 1816 г. В собственном экземпляре «Опытов в прозе» Батюшков вычеркнул примечания к «Речи» и сделал несколько мелких поправок для ее перепечатки в качестве предисловия к задуманному им второму изданию «Опытов в стихах». «Речь» эта, таким образом, непосредственно относилась Батюшковым к его собственной поэзии и мотивировала значительность избранного им направления. В теоретическом отношении «Речь» имеет несколько планов. Общие рассуждения Батюшкова о словесном искусстве основаны на традиционной для классицизма иерархии жанров. Но особенно подчеркнута роль малых лирических жанров, с их небольшим стиховым пространством, в совершенствовании

поэтического языка как такового. Мысли о развитии национального языка и неизбежности происходящих в нем изменений были до Батюшкова высказаны карамзинистом П. И. Макаровым, утверждавшим, что язык развивается в соответствии с изменениями в «понятиях»: «Хотим сочинять фразы и производить слова как все нынешние просвещенные народы» («Критика на книгу под названием «Рассуждение о старом и новом слоге...» — «Московский Меркурий», ч. IV, 1803). Там же Макаров писал, что язык «следует всегда за науками, за художествами, за просвещением, за нравами, за обычаями». О воздействии *poésie fugitive* на язык говорил Э. Парни при вступлении во Французскую Академию (1803); его «Речь» Батюшков использовал и по форме и по существу. Еще один источник «Речи» Батюшкова — книга Жермены де Сталь «О литературе, рассматриваемой в связи с общественными установлениями» (1800). Батюшков был и лично знаком со Сталь, приехавшей в 1812 г. в Россию. В характеристиках отдельных поэтов заметно влияние мнений М. Н. Муравьева, известных Батюшкову из устных бесед с ним, а также из посмертного собрания сочинений Муравьева («Опыты истории, словесности и нравоучения», 1810). Это влияние сказывается также в выборе и характеристиках немецких и английских поэтов. Хвалебный тон в оценках русских поэтов-современников несколько выше в «Речи» Батюшкова, чем в его письмах. В особенности это относится к И. М. Долгорукову (см. ниже), стихи которого Батюшков ценил невысоко (ср. упоминания в письмах Н. И. Гнедичу от 6 сентября 1809 г. и П. А. Вяземскому от 26 августа 1811 г.), но должен был считаться с тем, что Долгоруков — почетный член того самого Общества, в которое вступал Батюшков. Жанр речи при вступлении вынуждал соблюдать условные формы литературного этикета. Н. И. Гнедичу Батюшков писал из Москвы 25 октября 1816 г., перефразируя стих из державинского «Памятника»: «Эта речь нашумела здесь. Ты не удивишься, прочитав ее:

Я истину ослам с улыбкой говорил».

- ¹ ...восхищались... тремя трагиками... — Три трагика — Эсхил (VI—V вв. до н. э.), Софокл (V в. до н. э.) и Еврипид (V в. до н. э.).
- ² ...велеречьем историков... — Имеется в виду «отец истории» Геродот (V в. до н. э.), прославившийся живостью повествования, и его младший современник Фукидид (V в. до н. э.), «История» которого считалась в эпоху античности образцовой по слогу.
- ³ Вион (Бион), Мосх (II в. до н. э.) — греческие поэты, разрабатывавшие буколический (пастушеский) жанр.
- ⁴ Симонид (VI—V вв. до н. э.) — греческий поэт, отличавшийся относительной простотой стиля.
- ⁵ Феокрит (IV—III вв. до н. э.) — греческий поэт, создатель жанра идиллии.
- ⁶ ...мудрец Феосский — Анакреон.
- ⁷ Кориолан (VI в. до н. э.) — знатный римлянин; будучи противником плебеев, в борьбе с ними перешел на сторону врагов Рима и был убит последними за то, что во время войны пощадил Рим.
- ⁸ По возрождению муз... — Имеется в виду эпоха, переходная от средневековья к Возрождению, когда началось деятельное собирание и комментирование античных текстов и освоение античного наследия.
- ⁹ Петрарка, немедленно шествуя за суровым Дантом... — Петрарка был одним из первых энтузиастов возрождения античных традиций, а также создателем лирики на итальянском языке, связанной с провансальской и сицилийской лирикой и школой «дольче стиль нуово».
- ¹⁰ Маро Клеман (1496—1544) — один из наиболее значительных деятелей раннего французского Возрождения, автор сатирических и прециозно-галантных стихов; Батюшков, судя по всему, знал Маро преимущественно как автора последних.
- ¹¹ ...народы, достигшие... — В «Опытах» опечатка: «не достигшие...»
- ¹² Валлер Эдмунд (1605—1687) — английский поэт, отличавшийся изяществом стиля; в его любовных стихах воспета под именем Захариссы дочь графа Лейчестера.
- ¹³ Гагедорн Фридрих (1708—1754) — немецкий поэт эпохи раннего Просвещения, автор «анакреонтических» стихов,

- ¹⁴ ... *творца* «Мессиады»... — немецкого поэта Ф.-Г. Клопштока (1724—1803).
- ¹⁵ ... *вдохновенный певец высоких истин*... — Здесь подразумевается, вероятно, строка из державинского «Памятника» (см. выше).
- ¹⁶ ... *сохранил... некоторую суровость и упрямство*... — Ср. известные суждения Батюшкова о русском языке в письме Н. И. Гнедичу от 28 ноября—5 декабря 1811 г.: «Отгадайте, на что я начинаю сердиться? На что? На русский язык и на наших писателей, которые с ним немилосердно поступают. И язык-то по себе плоховат, грубенец, пахнет татарщиной. Что за ы? Что за щ? Что за ш, ший, ший, при, тры?»
- ¹⁷ *Во время представления какой холодный зритель*... — Речь идет о триумфальных представлениях на петербургской сцене трагедии В. А. Озерова «Эдип в Афинах», где действующими лицами были фиванский царь Эдип и его сын Полиник. Батюшков положительно расценивал манеру Озерова, но, выбирая его трагедию в качестве примера несовершенства «слога», дал почувствовать также слабую обрисовку характеров. Многие современники объясняли впечатление от трагедий Озерова игрой Е. С. Семеновой, А. С. Яковлева, В. А. Каратыгина.
- ¹⁸ ... *со времен Ломоносова и Сумарокова*. — Следующий за этим краткий обзор истории русской поэзии интересно сравнить со схемой развития русской литературы в записной книжке Батюшкова 1817 г. (см. стр. 420—422) и с оценками, которые он дает тем же поэтам в стихотворении «Мои пенаты».
- ¹⁹ *Стихотворная повесть Богдановича*... — поэма «Душенька», 1778 (вольное переложение галантной повести Лафонтена «Любовь Психеи и Купидона», восходящей к «Метаморфозам» Апулея). Оказала сильное влияние на русскую поэзию конца XVIII и начала XIX в. вплоть до «Руслана и Людмилы» Пушкина.
- ²⁰ ... *цветами воображения*... — В «Опытах» опечатка: *цветами выражения*.
- ²¹ *Хемницер* Иван Иванович (1745—1784) — поэт, автор басен и стихотворных сказок, сочетавших дидактизм с чувствительностью.

- ²² ... *горацианские оды Капниста*... — «Подражания Горацию» В. В. Капниста (1758—1823).
- ²³ *Нелединский* — Нелединский-Мелецкий Юрий Александрович (1752—1829), поэт карамзинистского круга, автор популярных песен.
- ²⁴ *Мерзляков* Алексей Федорович (1778—1830) — поэт и критик, профессор Московского университета, автор песен в «русском стиле» и переложений античных поэтов.
- ²⁵ *Востоков* Александр Христофорович (1781—1864) — поэт и филолог, член «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств». Странник высоких жанров и торжественного стиля; в области метрики использовал русский народный стих.
- ²⁶ *Долгоруков* Иван Михайлович (1764—1823) — третьестепенный поэт, пользовавшийся в 1800-х гг. популярностью среди невзыскательной публики, автор сборника «Бытие моего сердца». Был членом «Общества...», для которого Батюшков написал свою «Речь».
- ²⁷ *Воейков* Александр Федорович (1779—1839) — поэт и журналист, был известен как автор литературных памфлетов.
- ²⁸ ... *послания... Пушкина*... — Василия Львовича Пушкина (1770—1830), дяди А. С. Пушкина.
- ²⁹ *Все роды хороши, кроме скучного*. — Цитата из предисловия Вольтера к его пьесе «Блудный сын».
- ³⁰ *Клопшток* Фридрих Готлиб (1724—1803) — немецкий поэт, автор эпической поэмы «Мессиада».
- ³¹ *В отважном мальчике грядущего поэта!* — Стих И. И. Дмитриева из «Послания от английского стихотворца Попа к доктору Арбуноту».
- ³² ... *все благоприятствовало дарованию в Университете московском*... — «Общество...», в которое вступал Батюшков, состояло при Московском университете; с этим связан экскурс Батюшкова в историю Университета и некоторая риторичность похвал.
- ³³ *Шувалов* Иван Иванович (1727—1797) — елизаветинский вельможа и государственный деятель; вместе с Ломоносовым основал Московский университет. Покровительствовал наукам и искусствам, поддерживал Ломоносова,

- ³⁴ ...творец «Россияды» посещал сии мирные убежища...— Имеется в виду директорство и кураторство М. М. Хераскова в Московском университете.
- ³⁵ Муравьев Михаил Никитич— был попечителем Московского университета. Преклонением перед Муравьевым проникнута специально посвященная ему статья Батюшкова «Письмо к И. М. М(уравьеву)-А(постолу) о сочинениях М. Н. Муравьева». См. прим. 1 к стр. 509.
- ³⁶ Храм Януса...— Янус (римск. миф)— бог-покровитель всяческих начинаний; ворота в его храм открывались во время войны и закрывались во время мира.
- ³⁷ ...в лице славного писателя...— Имеется в виду Н. М. Карамзин; его «Историю государства российского» Александр I распорядился печатать на казенный счет.
- ³⁸ Строганов Александр Сергеевич, граф (1733—1811)— покровитель и знаток искусств, в 1800—1811 гг.— президент Академии Художеств; ему посвящено стихотворение Державина «Песнь любителю художеств».
- ³⁹ Румянцев Николай Петрович, граф (1754—1826)— вельможа-меценат, оказывавший широкую поддержку художникам и ученым; основатель Румянцевского музея в Москве.
- ⁴⁰ Рихтер Вильгельм Михайлович (1767—1822)— медик, профессор Московского университета.
- ⁴¹ Буринский Захар Алексеевич (1780-е—1808)— ценный современниками, ныне малоизвестный поэт и переводчик, магистр и библиотекарь Московского университета.
- ⁴² ...кончину... генерала Глебова...— Имеется в виду Глебов-Стрешнев Петр Федорович (ум. 1807), участник военных действий 1807 г., отличавшийся храбростью и гуманностью.

НЕЧТО О ПОЭТЕ И ПОЭЗИИ

(стр. 20)

Написано в 1815 г. Впервые напечатано: *ВЕ*, 1816, ч. LXXXVII, № 10, под названием «О впечатлениях и жизни поэта». В письме к В. А. Жуковскому от середины декабря 1815 г. статья названа «Воспоминания

словесности». Мысль о благодетельности творческого уединения восходит еще к античной традиции (Гораций); в легкой поэзии XVIII в., западноевропейской и русской, это распространенный мотив. Батюшков, однако, развивает его не в гедонистическом плане, а, напротив, как условие творческой дисциплины. На первый взгляд призывы «удалиться от общества» противоречат «Речи о влиянии легкой поэзии на язык». Но дело в том, что здесь имеется в виду другая, противоположный тип поэзии — эпический («... история и эпопея требуют внимания постоянного и сей важности... которую общество... уничтожает совершенно»). Во многом отказываясь от рационализма, Батюшков в своей «пиитической диетике» к нему возвращается, распределяя соответственно литературным «жанрам» разные образы жизни. Только внутри этих замкнутых систем он требует романтического «всего человека» — «живи как содержишь, и пиши как живешь». Рассуждения Батюшкова о вдохновении, о том, что поэзия требует «всего человека», в основном соответствуют сентиментально-предромантической эстетике XVIII в. Характерно, что даже рационалиста Монтеня Батюшков переводит на язык сентиментальных общих мест (см. ниже). Большого внимания заслуживают попытки Батюшкова определить психофизиологическую природу вдохновения. Они напоминают позднейшие суждения А. С. Пушкина о вдохновении как «расположении души к живейшему принятию впечатлений...» в «Возражениях на статьи Кюхельбекера в «Мнемозине», и строки о вдохновении в стихотворении 1818 г. «Жуковскому» («... И твой восторг уразумел / Восторгом пламенным и ясным»).

¹ ... сказал известный стихотворец. — Батюшков имеет в виду высказывания Г. Р. Державина о вдохновении в его «Рассуждении о лирической поэзии» (1811).

² «Они не могут читать в моем сердце...», — говорил Монтань... — Батюшков очень неточно пересказывает предисловие М. Монтеня к его «Опытам», где говорится: «... они здесь могут найти некоторые черты моих обстоятельств и настроений и таким образом пополнят более глубоко и живо представление, которое имели обо мне».

³ ... самые бурные времена Франции... — Имеются

- в виду религиозные раздоры и войны между католиками и гугенотами в XVI в.; Монтень избегал участия в них. До 1570 г. он дважды избирался мэром г. Бордо; после этого целиком отдался работе над «Опытами».
- ⁴ ... *Аристотелевых правил...* — Имеется в виду «Поэтика» Аристотеля.
- ⁵ *Речь людей такова, какой была их жизнь.* — Изречение Сенеки (epist. 114, 1).
- ⁶ ... *обе фортуны...* — выражение, восходящее к античности; имеются в виду счастье и несчастье.
- ⁷ ... *Подобно Тассу, любить и страдать...* — Имеется в виду легенда о любви Т. Тассо, навлекшей на него гонения, к Элеоноре д'Эсте, сестре феррарского герцога Альфонса II д'Эсте. Подробнее об отношении Батюшкова к Т. Тассо см. в примеч. к статье «Ариост и Тасс».
- ⁸ ... *подобно Камюэнсу, сражаться за отчество...* — Португальский поэт Луис Камюэнс (1524 или 1525—1580) в результате придворных интриг был отправлен солдатом в Марокко и затем в Индию. В его эпической поэме «Лузиады» повествуется о плавании португальца Васко да Гамы в Индию, изображаются нравы различных народов.
- ⁹ ... *образ жизни действует сильно...* — Здесь заметно влияние книги Жермены де Сталь «О литературе» (см. примечание на стр. 524), где говорится о решающей роли в формировании каждой национальной литературы условий жизни данного народа, нравов, климата.
- ¹⁰ ... *красноречивая женщина нашего времени...* — Жермена де Сталь. Цитата — из второй части ее книги «О Германии» (1810).
- ¹¹ *Тибулл не обманывал ни себя, ни других...* — Батюшкову было неизвестно, что ситуации и персонажи в элегиях Тибулла зачастую вымышлены.
- ¹² ... *говоря покровителю своему, Мессале...* — Здесь пересказывается 3-я элегия из I книги Тибулла; Батюшков сделал также ее вольный перевод в стихах («Элегия из Тибулла»).
- ¹³ ... *опершись на скалу Воклюскую...* — многократно воспетая Ф. Петраркой скала в его поместье Воклюз;

- существует рисунок Петрарки, изображающий ее и поток Сорга.
- 14 *Под большой скалой...* — Стихи 92—96 Петрарки из канцонны СХХХV («Qual più diversa e nova...»).
- 15 *Шолье* Гийом Анфре (1639—1720) — французский поэт, сочетавший эпикурейские мотивы с меланхолическими; родился в г. Фонтене и пожелал быть похоронен там же.
- 16 *...Богданович жил в мире фантазии...* — Рассказ о «товарищах» Богдановича Батюшков слышал от М. Н. Муравьева.
- 17 *Державин... воспевал...* — в одах «Водопад» и «Бог».
- 18 *...Жуковский... оторванный Беллоною... писал вдохновенные стихи...* — Речь идет о «Певце во стане русских воинов», написанном в 1812 г. в ополчении. Беллона — богиня войны (римск. миф.).
- 19 *Ничто не может изгладить...* — Мысль о значении первых впечатлений в формировании мироощущения писателя Батюшков развил также в статье «О характере Ломоносова» и в «Послании И. М. М^уравьеву»-А^постолу» (в последнем эта мысль приписывается самому адресату).
- 20 *Утешно вспоминать под старость детски леты...* — цитата из сказки И. И. Дмитриева «Воздушные башни».
- 21 *Руссо помнил начало песни...* — Об этом говорится в первой части «Исповеди» Руссо.
- 22 *...рассказывая битву Мандрикара...* — Имеются в виду строфы LVIII—LXVI из XXIV песни поэмы Л. Ариосто «Неистовый Роланд».
- 23 *...поэт говорит о своей милой Мантуе...* — в эклоге IX, 21; «Георгиках» II, 198—199; «Энеиде», V, 415.
- 24 *...эрских бардов...* — т. е. ирландских (кельтских) певцов.
- 25 *...с бардом Морвена...* — т. е. с Оссианом (см. прим. 29 к стр. 507).
- 26 *Один Тасс ... мог описать...* — Смертоносная засуха описана в поэме Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим».
- 27 *Женгене* Пьер-Луи (1748—1816) — французский критик, автор пристально изучавшейся Батюшковым многотомной «Истории итальянской литературы», из которой и приводится рассуждение о Тассо.

- ²⁸ *Закрылись крайние пучиною леса...* — стихи Ломоносова из второй песни его незаконченной поэмы «Петр Великий».

О ХАРАКТЕРЕ ЛОМОНОСОВА

(стр. 29)

Написано во второй половине 1815 г. Впервые напечатано *ВЕ* 1816, ч. XXXIX, № 17—18. Восторженное отношение Батюшкова к Ломоносову сформировалось в карамзинско-муравьевском кругу и имело специфические черты просветительского патриотизма. В письме Н. И. Гнедичу от 7 ноября 1811 г. Батюшков называет в числе актуальных задач литературы «изобличение Шишкова, начертание жизни Ломоносова». Для Батюшкова Ломоносов — прямое следствие петровских преобразований (ср. «пророчества») о его появлении в «Вечере у Кантемира»), центральная фигура новой русской истории и культуры. Таким Ломоносов перейдет к Пушкину, вместе со свойственным Батюшкову интересом к характерам выдающихся деятелей русского XVIII в. Но в характере Ломоносова Батюшков не замечает личную и историческую специфику; представляет его в духе сентиментально-романтического идеала «гения и чувствительности» и соответственно интерпретирует эпизоды его жизни. Фактический материал и высказывания Ломоносова взяты из его «Биографии», написанной М. И. Веревкиным и предпосланной 1-му тому «Сочинений» Ломоносова (1784), из писем Ломоносова к И. И. Шувалову, а также из статьи М. Н. Муравьева «Заслуги Ломоносова в учености». Противопоставление Ломоносову Тредиаковского основано на традиционном в то время мнении о Тредиаковском; против принижения Тредиаковского выступали Радищев и позднее Пушкин.

¹ *По слогу можно узнать человека...* — афоризм французского естествоиспытателя Жоржа-Луи Леклерка Бюффона (1707—1788): «стиль — это человек».

² ... писатель, которого имя равно любезно музам и добродетели, — М. Н. Муравьев. Цитата из его статьи «Заслуги Ломоносова в учености».

³ *Бестужев* — Бестужев-Рюмин Алексей Петрович (1693—1766), граф, русский дипломат при нижне-

- саксонском дворе. Ломоносов находился в Саксонии в 1736—1741 гг. и там женился; в Петербург уехал один и позднее вызвал к себе жену.
- ⁴ ... забудем однофамильца Шувалова... — т. е. Андрея Петровича Шувалова, графа (1744—1789), автора дилетантских стихов, ездившего в Париж.
- ⁵ Парни Эварист Дезире де Форж (1753—1814) — французский поэт, автор «Эротических стихотворений»; реформировал любовную элегию, усилив подлинность переживания.
- ⁶ Мармонтель Жан Франсуа (1723—1799) — французский писатель, умеренный просветитель.
- ⁷ Лагарп Жан Франсуа (1739—1803) — французский теоретик литературы и драматург, канонизировавший правила классицизма.
- ⁸ Рихман Георг Вильгельм (1711—1753) — русский физик, немец по происхождению, живший в России с начала 30-х годов. Работал в Академии наук. Создал первый измерительный электрический прибор, при испытании которого погиб.
- ⁹ Штелин Якоб (1709—1785) — профессор, секретарь Академии наук.

ВЕЧЕР У КАНТЕМИРА

(стр. 34)

Написано в 1816 г. Впервые напечатано в «Опытах». В форме вымышленной дискуссии между подлинными историческими лицами Батюшков высказывает свои взгляды на культурный прогресс, достигнутый в результате петровских реформ. К французской культуре в целом Батюшков стал относиться после событий 1812—1814 гг. гораздо более критически, чем в свои ранние годы (см. «Письмо к И. М. Муравьеву»-А (постолу) о сочинениях г. Муравьева»). В «Вечере у Кантемира» заметно стремление продемонстрировать рационализм, как особенность французского склада ума.

- ¹ Кантемир Антиох Дмитриевич (1709—1744) — русский поэт и дипломат, апологет петровских преобразований; с 1731 г. посланник в Лондоне и с 1738 г. — в Париже, куда был назначен в качестве полномочного министра. Сын перешедшего на службу к Петру I

- молдавского господаря, известного ученого и писателя Дмитрия Кантемира. Знаток античных авторов, энтузиаст культурного прогресса в России и петровских реформ.
- ² «Счастлив — кто, довольствуясь малым...» — прозаическое переложение VI сатиры Кантемира (цитата оттуда же).
- ³ ... подобно мудрецу Сиракуз... — т. е. Архимеду.
- ⁴ Даламбер — Д'Аламбер Жан Лерои (1717—1783), французский математик и философ-просветитель.
- ⁵ ... сказано нашим Катуллом о нашем Бавии... — Наш Катулл — П. А. Вяземский, автор сатиры «К перу моему», стих из которой цитируется. Под именем бездарного стихотворца Бавия (литературного антагониста Катулла) в сатире Вяземского имеется, по-видимому, в виду А. С. Хвостов, постоянно подвергавшийся насмешкам за графоманство.
- ⁶ ... Сервантес не покидал пера своего. — Роман «Странствия Персилеса и Сихизмунды» был закончен Сервантесом во время его смертельной болезни.
- ⁷ Камознс писал «Лувияду» посреди племен диких. — См. прим. 8, стр. 501.
- ⁸ Тасс ... в ужасном заключении беседовал с музами. — См. прим. стр. 330—332.
- ⁹ Державин, за час пред смертью... — Имеется в виду последнее, не законченное Державиным стихотворение «На тленность»; его первую строфу Державин успел написать на грифельной доске за несколько дней до смерти («Река времен в своем теченье...»).
- ¹⁰ ... Монтестье и аббат В... — Действительное близкое знакомство Кантемира со знаменитым философом Шарлем Луи Монтестье (1689—1755) и расхождение их воззрений на культурный прогресс в России дали Батюшкову повод к написанию очерка. Батюшков именует Монтестье «президентом», имея в виду его должность советника в парламенте г. Бордо. Под аббатом В. подразумевается, по мнению М. П. Алексеева, М. Венутти, единомышленник Монтестье по многим вопросам («Монтестье и Кантемир». — «Вестник Ленинградского Университета», 1955, № 6).
- ¹¹ ... перечитывал начало послания своего... — Батюшков имеет в виду стихотворение «Письмо I. К князю

Никите Юрьевичу Трубецкому». Первые 8 стихов действительно принадлежат к лучшим у Кантемира:

Беллоны часто видел, не бледнея,
Уста кровавы и пламень суровый,
И чело многим покрыто имея
Листом победным; я чаял, ты новый
Начал род жизни; я чаял, ты спелый
Плод многовидных трудов собирая,
В покое правишь крайние пределы
Пространна царства, что вблизи Китая...

- Н. Ю. Трубецкой (1699—1767) — друг Кантемира, генерал-фельдмаршал, с 1740 г. сибирский губернатор.
- ¹² ...русские стихи. Это любопытно... — Рассуждения Монтескье о русских стихах и (далее) о сатирах Кантемира вымышлены.
- ¹³ Персий Флакк, Авл (I в. н. э.) — римский поэт-сатирик, подражавший Горацию и в свою очередь оказавший влияние на Ювенала.
- ¹⁴ Он то же в стихах, что Тацит в прозе. — Сочинениям римского историка Публия Корнелия Тацита (I—II вв. н. э.) была свойственна моралистическая, дидактическая установка. Упоминание о древнеримской сатире подготавливает дискуссию между действующими лицами о сатирах Кантемира.
- ¹⁵ Фонтенель Бернар (1657—1757) — французский писатель и ученый-популяризатор, автор «Бесед о множественности миров», «Разговоров в царстве мертвых», а также многочисленных пасторалей.
- ¹⁶ Пракситель (IV в. до н. э.) — древнегреческий скульптор.
- ¹⁷ ...я принялся за «Персидские письма». — Перевод А. Д. Кантемиром «Персидских писем» Монтескье утрачен.
- ¹⁸ ...гиперборейцы... — т. е. жители Севера (здесь имеются в виду русские).
- ¹⁹ ...как ветрены и малодушны обитатели берегов Сейны — т. е. Сены. В «Персидских письмах» с иронией изображались французские нравы, в форме переписки двух персов, посетивших Францию в начале XVIII в.

- ²⁰ ... и-жа *Жофрень*... — Жофрен Мария-Тереза (1699—1777), хозяйка знаменитого литературного салона в Париже, где особые дни отводились для литераторов, ученых, художников и постоянно бывали Монтескье, Мариво, Фонтенель, Гольбах, Даламбер, Гиббон. Получила от Екатерины II приглашение посетить Россию.
- ²¹ *В земле своей никто пророком не бывал.* — Измененная цитата из стихотворной сказки И. И. Дмитриева «Искателям фортуны» («На родине никто пророком не бывает»).
- ²² *Власть климата есть первая из властей.* — Эта идея Монтескье высказана в его книге «О духе законов», откуда Батюшковым взят материал для реплик обоих собеседников Кантемира.
- ²³ *Эпименид* — критский жрец (VII в. до н. э.), согласно легенде находившийся в очарованном сне в течение 57-ми лет.
- ²⁴ «*Они рубят секирами влажные вина*» — стих Вергилия из «Поэмы о земледелии» («Георгики»; III, 364).
- ²⁵ *Надобно содрать...* — Батюшков здесь перефразирует парадокс из «О духе законов» о большей впечатлительности южных народов по сравнению с северными.
- ²⁶ ... я — *представитель ... всемогущей его монархии...* — Кантемир был отправлен русским послом в Париж в царствование Анны Иоанновны и продолжал там оставаться при Елизавете.
- ²⁷ ... *Тацит описывал германцев...* — Жизнь и общественное устройство германских племен описаны в книге «Германия».
- ²⁸ *Паннония, Норик* — римские провинции в области древней Иллирии.
- ²⁹ ... *ученый шотландец Н. Н. ...* — В уста Кантемира Батюшков вкладывает собственное понимание «Песен Оссиана» шотландца Макферсона, появившихся гораздо позднее (1760) и представлявших собой талантливую стилизацию в духе средневекового кельтского фольклора.
- ³⁰ *Может быть ... на ... берегах Камы или ... Волги возникнут великие умы...* — Намек на Г. Р. Державина и И. И. Дмитриева (ср. аналогичное место в «Послании И. М. М^суравьеву»-А^постолу)).

- ³¹ ...великий гений...— М. В. Ломоносов.
- ³² ...русские взяли приступом Париж...— Намек Батюшкова на взятие Парижа русскими войсками в 1814 г.
- ³³ *Вобан Себастиан (1633—1707)* — французский маршал, военный инженер и писатель, возглавивший инженерное дело при Людовике XIV.
- ³⁴ *Впрочем, для чудес нет законов...*— Имеется в виду ироническая трактовка суеверий в книге Фонтенеля «История оракулов» (1687).
- ³⁵ ...с утраченными надеждами Астольфа.— В поэме Ариосто «Неистовый Роланд» Астольф находит утраченные надежды на луне.
- ³⁶ ...как можно быть персиянином?— Реплика парижанина в «Персидских письмах» Монтескье, иронически направленная автором против невежества и тщеславия самих парижан.
- ³⁷ *Частые перемены при дворе... скупость и расточительность невероятная...*— Именно этот пассаж, вероятно, тревожил Батюшкова с точки зрения прохождения очерка через цензуру (письмо Н. И. Гнедичу от 25 сентября 1816 г.).
- ³⁸ *Ученый Феофан* — Феофан Прокопович (1681—1736), церковный деятель и писатель, изучавший в Риме античную литературу, историю и философию. Поддерживал реформы Петра I. Его изобличающие невежество проповеди оказали влияние на сатиры Кантемира. В свою очередь Феофан и архимандрит Кролик посвятили I сатире Кантемира («На хулящих учения») восторженное стихотворение (см. ниже).
- ³⁹ ...архимандрит Кролик...— Феофил Кролик (ум. 1732), архимандрит Новоспасского и Чудова монастырей, сподвижник Феофана Прокоповича. Много переводил с немецкого, в частности исторические лексиконы и протестантский катехизис. Вместе с Феофаном написал стихи в похвалу I сатире Кантемира, который поместил их в вводной части своего сборника. Латинский текст стихов и их стихотворный русский перевод помещены в 1-м издании сатир Кантемира (1762):

... Язвлю тебя — молчи, ведь я не именую.
Кричишь — не я, да ты являешь совесть злую...

Русские силлабические стихи Феофила, обращенные к Кантемиру, см. в книге: *Антиох Кантемир. Собрание стихотворений*. Л., «Сов. писатель», 1956, стр. 444.

- ⁴⁰ *Гуаско* Октавиан — друг Кантемира и переводчик на французский язык его сатир; перевод издан в Лондоне в 1749 г., чему способствовал Монтескье. Батюшков использовал биографию Кантемира, написанную Гуаско и приложенную к этому изданию. Сохранилось письмо Монтескье к Гуаско с выражением сожаления о смерти Кантемира.

ПИСЬМО К И. М. МУРАВЬЕВУ-АПОСТОЛУ.

О СОЧИНЕНИЯХ г. МУРАВЬЕВА

(стр. 52)

Написано в 1814 г. Впервые напечатано: СО 1814, ч. 16, № XXXV. Дата проставлена в «Опытах». Адресат — Иван Матвеевич Муравьев-Апостол (1768—1851), двоюродный брат М. Н. Муравьева, литератор, любитель и знаток античности, автор «Путешествия по Тавриде» (1823).

Статья Батюшкова была приложена в качестве предисловия к 1-му тому «Полного собрания сочинений» М. Н. Муравьева, вышедшего в 3-х томах в 1819—20 гг.

- ¹ *Муравьев* Михаил Никитич (1757—1807) — писатель-сентименталист, предшественник Н. М. Карамзина. Двоюродный дядя Батюшкова, дружки его поддерживавший. Руководил обучением великих князей Константина и Александра (будущего императора). Впервые в русской литературе сделал основной акцент на нравственных проблемах. Был широко осведомлен в истории древних и западноевропейских литератур. Дружба с Муравьевым и беседы с ним оказали большое влияние на формирование мировоззрения и литературных вкусов Батюшкова (см., например, в «Речи о влиянии легкой поэзии на язык»). Стихи Муравьева — начало «легкой поэзии» в России; им свойственны изящество, серьезность, лиризм, новая образность и метрика, отличные от классицизма. Проза Муравьева, обильно цитируемая Батюшковым, архаич-

- нее стихов, чрезмерно сентиментальна и перифрастична.
- ² ... сочинениях г. Муравьева... — В «Письме» Батюшкова идет речь о сочинениях Муравьева, изданных в 1810 г. в 2-х частях Карамзиным, под названием «Опыты истории, словесности и нравоучения». На предисловии к этому изданию ссылается далее Батюшков.
- ³ После долгого отсутствия возвращаясь в отчизну... — Батюшков имеет в виду свое участие в военной кампании 1812—1814 гг.
- ⁴ ... г. Уваров, в письме к г. Капнисту... — Имеется в виду полемика между С. С. Уваровым (вместе с ним Батюшков позднее работал над «Антологией») и В. В. Капнистом о выборе стиха для перевода Гомера. Капнист советовал Гнедичу переводить «Илиаду» «коренным русским размером», т. е. русским народно-песенным стихом.
- ⁵ Талия — муза комедии (греч. миф.).
- ⁶ Фонтенель — см. прим. 15 к стр. 506.
- ⁷ ... как замечает Вольтер... — Вольтер подверг Фонтенеля критике в своей «Литературной смеси».
- ⁸ ... он заставляет разговаривать Игора и Ольгу ... выводит на сцену Карла Великого и Владимира... — В «Письмах обитателя предместья».
- ⁹ Лабозэ — Ла Бозэи Этьен (1530—1563), французский поэт и публицист, друг Монтеня; Батюшков цитирует строки о нем Монтеня из «Опытов» (книга I, глава XXVII).
- ¹⁰ ... Чувствую сердце мое... в объятия старца. — Приводится цитата из 7-го и 3-го писем «обитателя предместья».
- ¹¹ «Оскольд» — сентиментально-предромантическая повесть М. Н. Муравьева «Оскольд. Повесть, почерпнутая из отрывков древних готфских скальдов» (1780—1790-е гг., опубл. 1810). Повлияла на произведение в этом роде Н. М. Карамзина, Жуковского и самого Батюшкова («Предслава и Добрыня»).
- ¹² Биармия — по представлениям древних скандинавов, легендарная северная страна.
- ¹³ ... роскошное царство Михаила... — Византия.
- ¹⁴ Русское море — Белое море.

- ¹⁵ *Оден* — *Один*.
- ¹⁶ ... мы ходим по земле, обгаренной... — цитата из статьи М. Н. Муравьева «Рассеянные черты из землеописания российского».
- ¹⁷ *Любители истории и словесности ожидают с нетерпением...* — Речь идет об «Истории государства Российского» Карамзина.
- ¹⁸ ... Шиллер сказал о Маттисоне... — цитируется статья Шиллера «О стихотворениях Маттисона». Маттисон Фридрих (1761—1831) — немецкий поэт-предромантик; вольный перевод его стихотворения — «На развалинах замка в Швеции» Батюшкова.
- ¹⁹ ... любимец Августов... — Меценат.
- ²⁰ *Кольберт* — Кольбер Жан-Батист (1619—1683), генеральный контролер финансов при Людовике XIV. Провел ряд либеральных мер для развития французской экономики.
- ²¹ *Фенелон* Франсуа де (1651—1715) — французский писатель и богослов, автор философско-утопического романа «Приключения Телемака».
- ²² *Гезиод* — Гесиод, греческий поэт (предположительно — VIII или VII в. до н. э.), автор поэм «Труды и дни» и «Теогония».
- ²³ *Пиндар* (VI—V вв. до н. э.) — греческий поэт, создатель торжественных песнопений — гимнов, дифирамбов и т. д.
- ²⁴ *Тургенев* Иван Петрович (1752—1807) — известный своей образованностью университетский деятель (в 1797—1803 гг. директор Московского университета), масон, отец декабриста Николая Тургенева. Цитируется обращенная к нему «Эпистола» М. Н. Муравьева (1774).
- ²⁵ ... находим блестящее изображение Вольтера... — Далее цитируется «Послание о легком стихотворении» М. Н. Муравьева (1783).
- ²⁶ *шалбер* — шалопаи, повеса.
- ²⁷ *Дайте лилий...* — Цитата из «Энеиды» Вергилия (VI, 883—884).

ПРОГУЛКА В АКАДЕМИЮ ХУДОЖЕСТВ

(стр. 71)

Написано между июлем и декабрем 1814 г. Впервые напечатано: СО, 1814, №№ XLIX—LI. В очерке отражены впечатления от академической выставки 1814 г. Адресат («пустынник») — лицо, по-видимому, вымышленное, обусловленное эпистолярным жанром. Эпистолярная «прогулка» Батюшкова примыкает к традиции русской художественной критики начала XIX в. (М. Н. Муравьев, «Письмо» под названием «Художества российские»; Н. М. Карамзин, «О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств»). Искусствоведческие статьи печатал в 1804 г. «Северный вестник» (Фридман, 90, 92—93). Статья Батюшкова является шедевром этого жанра, а также первым опытом историко-культурного очерка в русской литературе. Русская история и культура, ее прошлое, настоящее и перспективы ее будущего показаны через развитие градостроительства и архитектуры (Петербург), изобразительных искусств, художественной жизни в России XVIII—начала XIX в. Очерк Батюшкова — классическое выражение наиболее глубоких и профессиональных воззрений на искусство, характерных для его времени. В художественной критике Батюшкова точкой отсчета является античность, понимаемая в духе так называемого «веймарского классицизма». Вкусы Батюшкова сформировались в кружке художников и поэтов, собиравшемся у А. Н. Оленина (см. прим. 1 к стр. 586). Б. В. Томашевский показал, что «Прогулка» отражает взгляды этого кружка, пропагандировавшего стиль «ампир» (Ст. 1948, стр. 8). Батюшков воспользовался также консультациями Оленина в своих теоретических положениях и в конкретных оценках. В написании очерка Оленин участия не принимал и «соавтором» ни в коей мере не был, хотя чрезвычайно чувствительный Батюшков писал Гнедичу в октябре 1816 г. по поводу включения своего «письма» в «Опыты»: «... надобно спросить у Оленина, можно ли его печатать? Канва его, а шелки мои». Вопрос этот связан не с соавторством Оленина, как склонны думать комментаторы (Фридман

91, Майков. М. П., 433—434), а с опасением в чем-то ошибиться или проявить нетактичность в суждениях о работах своих современников. Батюшков беспристрастен, точен в формулировках; снисходительный к работам, в которых находит «мысль» и «воображение», отрицательно относится к холодному академизму. Интерес к изобразительным искусствам органичен для поэтики Батюшкова, с ее чертами неоклассицизма; для его индивидуального стиля, питавшегося сюжетами и образами античных искусств, ориентированного на внешнюю изобразительность. Батюшковской манере художественной критики подражал Н. И. Гнедич в «Письме к Батюшкову» о статуе Мира...» (СО, 1817, ч. 37, № 14). Жанр письма-прогулки представлен у Батюшкова также «Прогулкой по Москве». По-видимому, существовал замысел «Прогулок по Петербургу», но никаких следов его реализации не сохранилось. «Прогулка в Академию художеств» оказала влияние на Пушкина, в особенности картина преобразования «топких болот» в «великолепный Петербург». Совпадают даже некоторые фразеологические обороты («Здесь будет город... сюда призову» и т. д.). В очерке отчетливо выражен просветительский патриотизм Батюшкова, соединение национальных надежд и гордости быстро достигнутыми успехами с преклонением перед мировой культурой. Оценки Батюшкова кратко прокомментированы А. Эфросом в книге: Рисунок поэта, 1933, стр. 94. О батюшковском понимании античности см.: М. Алпатов. Статьи и исследования. М., «Искусство», 1968, т. 2, стр. 69.

¹ Мурилло — Мурильо.

² Койпель — Кейп, Альберт (1620—1691), голландский живописец, или Куапель, Нозль (1628—1707), французский живописец, последователь Н. Пуссена.

³ Ализов — лицо, по-видимому, вымышленное (не значится ни в одном из справочников по истории живописи и истории Академии художеств). Это подтверждается и контекстом, в котором Ализов является персонажем комическим, служит оживлению рассказа. Между тем Батюшков в «Прогулке» проявляет крайнюю осторожность и тактичность в характеристиках художников.

- ⁴ Лосенков Антон Павлович (1737—1773) — портретист и исторический живописец; был особенно ценим М. Н. Муравьевым.
- ⁵ ... с Винкельманом в руке... — Вероятно, подразумевается «История искусства древности» немецкого историка искусства Иоганна Иоахима Винкельмана (1717—1768), одного из теоретиков «веймарского классицизма».
- ⁶ За ланью быстрой и рогатой... — стихи из драматической поэмы И. И. Дмитриева «Ермак».
- ⁷ ... на хижину великого монарха... — на первый (деревянный) домик Петра I на Выборгской стороне в Петербурге.
- ⁸ Часто малый желудь таит в себе огромный дуб! — Измененная цитата из поэмы французского поэта Жака Делиля (1738—1813) «Воображение» (VI, 32).
- ⁹ Нюсканц — Ниеншанц, крепость, отобранная в 1703 г. у шведов Петром I.
- ¹⁰ ... славный... 1703 год... — год основания Петербурга.
- ¹¹ ... приветствовал богиню Невы словами поэта... — Имеется в виду стихотворение М. Н. Муравьева «Богине Невы» (из него и стихотворная цитата).
- ¹² Томон Тома (1756—1814) — французский архитектор, с 1798 г. живший в России. Кроме упоминаемых Батюшковым ансамблей, им создано в Петербурге здание Большого театра и др.
- ¹³ Пальмира — город в древней Сирии, известный своей пышностью; северной Пальмирой называли Петербург.
- ¹⁴ ... мы подходили к Адмиралтейству. — Первоначально, при Петре I, Адмиралтейство было выстроено наподобие крепости и окружено каналами и бастионами; на их месте при перестройке был создан бульвар. Перестройкой всего архитектурного ансамбля Адмиралтейства, украшением фасада, главных ворот и т. п. руководил Андреян Дмитриевич Захаров (1761—1811).
- ¹⁵ Партеон — т. е. Парфенон, храм в древних Афинах, посвященный Афине Палладе.
- ¹⁶ ... мудрец херонейский... — Плутарх.
- ¹⁷ Придут, придут часы те скучны... — цитата из стихотворения Державина «К первому соседу».

- ¹⁸ Сахарова Мария Степановна (1762—1828) — талантливая драматическая актриса.
- ¹⁹ Семенова — см. примечание на стр. 571; сменила Сахарову на петербургской сцене.
- ²⁰ Бальбус — римский консул (III в. до н. э.).
- ²¹ ... славного коня Марка Аврелия. — Имеется в виду копия конной статуи в Риме.
- ²² Он скачет, как Россия! — Слова, предвосхищающие стихи из «Медного Всадника» (см. статью стр. 467).
- ²³ Ария и Петус — римляне, супруги (I в. н. э.); покончили с собой после заговора против императора Клавдия; Ария закололась первая, чтоб облегчить самоубийство своему более малодушному мужу.
- ²⁴ Кто манием бровей колеблет неба свод... — цитата из стихотворения И. И. Дмитриева «Подражание Го-рацию».
- ²⁵ ... Кесаря... — т. е. Юлия Цезаря.
- ²⁶ Наполнил грудь восторг священный... — цитата из стихотворения Державина «Песнь любителю художеств», посвященного А. С. Строганову.
- ²⁷ Я забываю вселенную... — цитата из «Истории искусства древности» Винкельмана.
- ²⁸ ... один из наших поэтов воскликнул... — В. Л. Пушкин в «Послании Дашкову».
- ²⁹ Егоров Алексей Егорович (1776—1851) — исторический живописец, представитель академического классицизма. Рассматривается его картина «Истязание Спасителя», еще резче оцениваемая Батюшковым в письме Н. И. Гнедичу от начала июля 1817 г.
- ³⁰ ... механическими приемами... — См. прим. 57, стр. 517.
- ³¹ ... вид окрестностей Шафгаузена... — Эта картина в настоящее время неизвестна. Сюжетом ее, судя по описанию Батюшкова, было вступление русских войск в швейцарский город (кантон) Шафгаузен в 1813 г. и радушный прием, оказанный Александру I местными жителями. Батюшков ассоциирует этот сюжет с греческим мифом о Филемоне и Бавкиде, дружелюбно угостивших Зевса и Гермеса.
- ³² ... празднование Пасхи в Париже... — картина М. Н. Воробьева (1787—1855), изображающая тор-

- жественный молебен русских войск в Париже в 1813 г.
- ³³ ... из шуточной поэмы *Майкова*... — Имеется в виду героикокомическая поэма «Елисей, или раздраженный Вакх» Василия Ивановича Майкова (1728—1778).
- ³⁴ «*Энеида, вывороченная наизнанку*» — трагестийная поэма Н. П. Осипова (1751—1799).
- ³⁵ ... *триумф государя, наподобие Рубенса*... — картина в настоящее время неизвестна. Батюшков, по-видимому, считает ее подражанием «Триумфу церкви» Рубенса.
- ³⁶ *Жирар де ла Нотте* — Гонтгорст Герард (1592—после 1662), голландский художник; его излюбленным сюжетом был яркий огонь в ночной тьме, что послужило основанием для прозвища *dalle notte*.
- ³⁷ *Альбан* — Альбани Франческо (1578—1660), итальянский художник, идиаллически разрабатывавший мифологические сюжеты.
- ³⁸ *Есаков* Алексей Екимович (1780-е гг.—1815) — скульптор и медальер.
- ³⁹ *Уткин* Николай Иванович (1780—1863) — известный гравер, побочный сын М. Н. Муравьева. Длительное время работал в Париже.
- ⁴⁰ ... *изображает святую фамилию*... — Имеется в виду картина итальянского художника *Гвидо Рени* (1575—1642) «Отдых на пути в Египет».
- ⁴¹ *Кипренский* Орест Адамович (1783—1836) — знаменитый портретист, ученик Левицкого; им созданы портреты русских писателей, в том числе Батюшкова.
- ⁴² *Прямым путем проходит*... — цитата из поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим» (XIX, LIX—LX).
- ⁴³ *Наш Фигнер*... — цитата из «Певца во стане русских воинов» Жуковского. *Фигнер* Александр Самойлович (1787—1813) — инициатор партизанских действий в войне 1812 г.
- ⁴⁴ *Недостает лишь*... — цитата из поэмы Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим» (XVI, II).
- ⁴⁵ *Вандик* — Ван Дейк.
- ⁴⁶ ... *московские виды*... — работы академика Ф. Я. Алексеева (1753—1824).

- ⁴⁷ *Продвигаюсь вперед...* — цитата из «Энеиды» Вергилия (III, 349—351).
- ⁴⁸ *Что матушки Москвы и краше и милее?* — цитата из стихотворной сказки И. И. Дмитриева «Причудница»
- ⁴⁹ *Я взглянул на него...* — В «Опытах» несомненная опечатка: «на них». Между тем Батюшков «с негодованием» смотрит не на «чудесные мозаики», а на Старжилова.
- ⁵⁰ *А. С. Строганов* — см. прим. 38 к стр. 499.
- ⁵¹ *Варник* — Варнек Александр Григорьевич (1788—1843), художник-портретист, ученик Левицкого.
- ⁵² *Мартос* Иван Петрович (1753—1835) — скульптор; одно время был ректором Академии художеств.
- ⁵³ *Екимов* Василий Петрович (1758—1837) — скульптор, специалист по отливке статуй.
- ⁵⁴ *Куртель* — французский художник, живший в России, с 1812 г. — академик.
- ⁵⁵ *Боргезский борец* — античная статуя воина, работы скульптора Агасиаса Эфесского, находившаяся на вилле Боргезе в Риме.
- ⁵⁶ *Давид* Жак-Луи (1748—1825) — художник-классицист, участник французской революции XVIII в., отобразивший в своих произведениях различные ее эпизоды. Возможно, Батюшков имеет в виду картины Давида «Смерть Марата» и «Леонид при Фермопилах».
- ⁵⁷ *... механический прием...* — Батюшков подчеркивает изобретенное им новое выражение, ставшее ныне общеупотребительным.
- ⁵⁸ *Менс* Антон-Рафаэль (1728—1779) — немецкий художник, сторонник эстетических идей Винкельмана, автор искусствоведческих работ.

ОТРЫВОК ИЗ ПИСЕМ
РУССКОГО ОФИЦЕРА О ФИНЛЯНДИИ

(стр. 95)

Написано во второй половине 1809 г. Дата в конце текста проставлена автором. Впервые напечатано: *ВЕ*, 1810, № 8 с заголовком: «Картина Финляндии. Отрывок из писем русского офицера». В составе русских войск

Батюшков находился в Финляндии с мая 1808 по май 1810. Не будучи осведомлен о мифологии финнов, Батюшков произвольно ассоциирует с финнами сведения о мифологии скандинавов и кельтов. Мифология последних ему была известна главным образом из поэтической стилизации в «Песнях Оссиана» Макферсона (XVIII в.). Ср. суждения о «северной» поэзии в «Вечере у Кантемира».

¹ ... Гиперборейскому морю... — Северному морю.

² ... в старой Финляндии... — имеется в виду Выборгская губерния.

³ ... руны, которые я видел в Финляндии и... Швеции... — буквы древнегерманского алфавита, которыми делались надписи на камнях, оружии и т. п., Батюшков видел в Швеции. Финские руны — названия эпических песен «Калевалы».

⁴ Артур — легендарный кельтский король, герой цикла средневековых романов о рыцарях Круглого Стола.

⁵ Гаральд Смелый (XI в.) — один из норвежских королей и скальд; приписываемую ему песню Батюшков перевел под названием «Песнь Гаральда Смелого».

⁶ В полночный час... — отрывок из стихотворения Батюшкова «Мечта».

ПУТЕШЕСТВИЕ В ЗАМОК СИРЕЙ

(стр. 104)

Написано в 1814—1815 гг. Впервые напечатано: *ВЕ*, 1816, ч. LXXXVI, № 6. В составе русских войск Батюшков после победы над Наполеоном находился за границей; посетил замок Сирé (в тексте — Сирей) 26 февраля 1814 г. и проставил эту дату в конце текста.

¹ г. Д. — Дашков Дмитрий Васильевич (1788—1839), литератор-карамзинист, один из основателей общества «Арзамас» и организаторов борьбы с «Беседой любителей русского слова»; знаток французской литературы и поклонник Вольтера.

² б. де Д. — барон Роже де Дамас, французский офицер, с конца XVIII в. служивший в русской армии и участвовавший в ее походах; внук маркизы дю Шатле (см. ниже).

- ³ 2. П. — Писарев Александр Александрович (1780—1848), офицер, литератор-дилетант, впоследствии генерал и сенатор. О его воинской храбрости Батюшков упоминает в записной книжке 1817 г. («Чужое — мое сокровище»).
- ⁴ ... *Вольтера и его приятельницы*. — Имеется в виду маркиза Эмилия дю Шатле (1706—1749), владелица замка Сирé, где, по ее приглашению, Вольтер провел годы гонений (1734—1745). Была весьма образованна, занималась науками.
- ⁵ *Многобашенный замок...* — Стихи из элегии Маттисона «В развалинах старого горного замка написано» (ее вольный перевод — стихотворение Батюшкова «На развалинах замка в Швеции»).
- ⁶ ... *красный колпак...* (фригийский) — головной убор якобинцев.
- ⁷ *Ленотр Андре* (1613—1700) — устроитель и декоратор парков в Версале.
- ⁸ ... *королю Прусскому...* — Фридриху II, в некоторые периоды оказывавшему Вольтеру покровительство. В 1750—1753 гг. Вольтер пребывал при дворе Фридриха II в чине камергера (см. далее в тексте Батюшкова). Фридрих вел с Вольтером переписку, прозаическую и стихотворную. Цитата — из 2-го послания Вольтера к Фридриху II (1738).
- ⁹ ... *и-же де Семан...* — племяннице Эмилии дю Шатле.
- ¹⁰ *Лебрюн* — Лебрен Экушар (1729—1807) — французский поэт классической ориентации, автор гражданственных од, в том числе «Оды Вольтеру», из которой Батюшков цитирует слова «утомил стогласную славу».
- ¹¹ *Попе* — английский поэт Александр Поп (1688—1744), основоположник английского классицизма, автор поэм, од, элегий и сатир.
- ¹² «*Заира*» — трагедия Вольтера (поставлена в 1732 г.).
- ¹³ *Кто б ни был ты...* — неточно приведенный перевод И. И. Дмитриевым стихотворения Вольтера «Inscription pour une statue de l'Amour dans les jardins de Sceaux» («Надпись для статуи Амура в садах Со»). По-видимому, в замке Сирé не находилась.
- ¹⁴ *Фернейский мудрец* — Вольтер (от названия приобретенного им имения Фернэ).

- ¹⁵ *Паллисот* — Палиссо Ш. де Монтенуа (1730—1814) — французский писатель, автор «Записок по истории французской литературы от Франциска I до наших дней», которые, вероятно, имеет в виду Батюшков.
- ¹⁶ *Шатобриан* Франсуа Рене (1768—1848) — французский писатель-романтик; о Вольтере говорится в его «Опыте о революциях...».
- ¹⁷ ... для коронованной сирены... — прозвище, данное Вольтером маркизе Помпадур.
- ¹⁸ *Урания* — здесь Эмилия дю-Шатле. Имеется в виду Афродита-Урания, богиня возвышенной любви (греч. миф.).
- ¹⁹ Там, где я обитаю, земной рай... — слова не из письма, а из стихотворения Вольтера «Светский человек» («Le mondain»).
- ²⁰ *С. Ламбер* — Сен-Ламбер Жан Франсуа (1716—1803), французский поэт, приятель Вольтера и близкий друг маркизы дю-Шатле.
- ²¹ ... чудо во Франции! — Так назвал Вольтер Эмилию дю Шатле в стихотворном письме 1738 г. к барону Кайзерлингу, посетившему незадолго перед тем замок Сирé по поручению наследного принца, будущего Фридриха II.
- ²² *Жанлис* Мадлен Фелисите (1746—1830), французская романистка сентиментального направления, и *Жоффруа* Ж.-Л. (1743—1814), французский театральный критик, резко выступали против просветительской философии XVIII в. и в частности против Вольтера и его друзей.
- ²³ ... певица Фелицы... — т. е. Державина, автора «Оды к Фелице», посвященной Екатерине II.
- ²⁴ С Севера теперь к нам приходит свет. — Неточная цитата из стихотворения Вольтера «Императрице России Екатерине II» (1771).
- ²⁵ ... рукописи, и библиотека Фернейские». — Библиотека Вольтера после его смерти была куплена Екатериной II; ныне находится в Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.
- ²⁶ ... о ссоре короля Прусского с своим камергером. — История отъезда Вольтера из Пруссии (1753) и возвращения Фридриху II камергерского ключа юмористически рассказана Пушкиным в статье «Вольтер».

- ²⁷ *Как мореплаватель...* — неточная цитата из «Чистилица» Данте (VIII, 1).
- ²⁸ *Поздно мы пустились в путь...* *Вот и месяц величавой...* — слова из баллады Жуковского «Людмила».
- ²⁹ *Орловский Александр Осипович (1777—1832)* — художник; имеется в виду его картина «Бивуак казаков».
- ³⁰ *Валленштейнов лагерь...* — «Лагерь Валленштейна», первая часть драматической трилогии Шиллера «Валленштейн».

ДВЕ АЛЛЕГОРИИ

(стр. 117)

Написано во второй половине 1815 г. Впервые напечатано: *ВЕ*, 1816, № 12.

- ¹ *Лахезиса (Лахезис)* — одна из Мойр, богинь судьбы (греч. миф).
- ² *Моро Жан Виктор (1763—1813)* — французский генерал времен французской революции; продолжал службу при Наполеоне, был им изгнан и приглашен Александром I в качестве советника союзных войск; смертельно ранен в сражении под Дрезденом, где, по рассказам, заслонил собою русского императора. Последнее обстоятельство имеет в виду Батюшков.
- ³ *Лас-Казас Варфоломей (1474—1566)* — испанский священник, епископ в Мексике, самоотверженно боровшийся против злоупотреблений и жестокостей колонизаторов.
- ⁴ *Еропкин Петр Дмитриевич (1736—1805)* — сенатор, генерал-аншеф, осуществлявший правительственные мероприятия в Москве по борьбе с чумой 1771 г.; проявил мужество и гуманность, отказался от награды в 4000 душ крепостных.
- ⁵ ... *Аполлона Дельфийского...* — Аполлона, убивающего чудовищного дракона Пифона (греч. миф.). На месте этого события был воздвигнут Дельфийский храм.
- ⁶ *Так плакал умирающий Рафаэль!* — По преданию, Рафаэль, умирая, плакал о своих неоконченных картинах.

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО СНУ

(стр. 122)

1-я редакция, в которой отсутствуют письмо редактору и предисловие и имеются разночтения в тексте, написана в 1809 г.; впервые напечатана: *ВЕ*, 1810, № 18. Публикуемая нами 2-я редакция относится к 1815— началу 1816 г.; впервые напечатана *ВЕ*, 1816, № 6. Юмористическая и сатирическая речь — традиционный жанр, восходящий к античности. В России использовался Крыловым («Похвальная речь в память моему дедушке...», «Похвальная речь науке убивать время» и др.). В устной форме характерна для «арзамасцев», как жанр литературы уже уходила в прошлое. Иронизирование над похвальными словами в «Письме к редактору» придает всему тексту дополнительное освещение; «невинный» юмор основной части текста (1809) дополнен и даже переосмыслен. Имя рассказчика — Дормидон — содержит игру слов: *dormire* — спать (франц.).

¹ ... то домик выстроят, то купят деревеньку. — Цитата из басни И. А. Крылова «Лисица и сурок».

² эпические поэмы, в честь Петра Великого написанные. — Подразумевается не только слабость авторов, но и архаичность самого жанра эпической героической поэмы («Петр Великий» в 6-ти песнях Р. Сладковского, Спб., 1803; «Петр Великий, лирическое песнопение в 8-ми песнях» С. А. Ширинского-Шихматова, Спб., 1810 и др.). Ср. эпиграммы Батюшкова «На поэмы Петру Великому» и «Совет эпическому стихотворцу». *Иссон* — низкий кустарник.

³ ... Ломоносов ... не успел... — Имеется в виду не оконченная Ломоносовым поэма «Петр Великий».

⁴ ... область Галии и ... Мельпомены... — комедия и трагедия.

⁵ «Аталиа» — трагедия Расина «Гофолия» («*Athalie*»).

⁶ «Российский феатр» — сборники «Российский феатр, или полное собрание всех российских феатральных сочинений», издававшиеся в Петербурге в 1786—1794.

⁷ Мы еще не любим отечественного. — В контексте эта фраза иронична и метит в «варягороссов», последователей А. С. Шишкова. К русской трагедии XVIII в. Батюшков относился критически.

- ⁸ *И все то благо, все добро!* — ироническая цитата из стихотворения Державина «Утро».
- ⁹ ... мы хвалили даже блох... — Речь идет об «Историческом и философическом рассуждении о блохах» А. Н. Нахимова (ВЕ, 1810, № 8).
- ¹⁰ Конде Людовик Бурбон (1621—1686) — герцог, знаменитый французский полководец.
- ¹¹ ... двенадцать бедных девушек... — по-видимому, шуточный намек на балладу В. А. Жуковского «Двенадцать спящих дев».
- ¹² Сядь, милый гость... — цитируется стихотворение Г. Р. Державина «Гостю».
- ¹³ Эрминия, Эндимион — персонажи поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим».
- ¹⁴ ... пишет прелестные басни и комедии... — Речь идет об И. А. Крылове. Об отношении к нему Батюшкова см. прим. 262 к стр. 580.
- ¹⁵ ... к богу лесов киммеринских. — Имеется в виду бог сна Морфей (греч. миф.).
- ¹⁶ Фокс Чарлз Джеймс (1749—1806) — английский политический деятель, вождь партии вигов; пытался договориться о мире с Наполеоном.
- ¹⁷ Питт Уильям, младший (1759—1806) — с 1783 г. премьер-министр Англии, тори, противник французской революции и Наполеона.
- ¹⁸ ... сады Армидины... — сады волшебницы Армиды (персонаж из поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим»).
- ¹⁹ Галатея — нимфа, отвергавшая любовь циклопа Полифема (греч. миф.).
- ²⁰ Цинтия — героиня элегий римского поэта Проперция.
- ²¹ Зиновия — Зенобия (III в. н. э.), прославившаяся добродетелью царица Пальмиры, города в древней Сирии.
- ²² Лаура — дама, воспетая Петраркой в «Канцоньере».
- ²³ ... сон заключит его в мягкие объятия... — перефразировка стиха из «Илиады» (XIV, 359).
- ²⁴ Злодей! Ты не будешь спать! — неточная цитата из трагедии Шекспира «Макбет» (II, 2).
- ²⁵ ... слова латинского стихотворца... — Цитируется сатира Персия Флакка (III, 39), находившегося в оппозиции к Нерону.

- ²⁶ ... быка Фаларидова... — Орудие пытки при акрагантском — (агригентском) тиране Фалариде (VI в. до н. э.).
- ²⁷ ... как говорит Расин... — Имеется в виду трагедия «Британник» (V, 6).
- ²⁸ Силла — Сулла, римский полководец II—I вв. до н. э.
- ²⁹ Я никогда не буду спать... — Цитата из басни Лафонтена «Сон жителя Моголии». Басня переведена Батюшковым («Сон могольца»).
- ³⁰ Досуг без занятий — смерть. — Слова римского философа и писателя I в. н. э. Луция Аннея Сенеки-младшего из эпистолы 82, 3.
- ³¹ Под тению древесной отдыхаю... Иль в мрачну, бурну ночь в объятиях драгой... — Цитата из стихотворения И. И. Дмитриева «Элегия. Подражание Тибуллу», вольного переложения элегии I из книги I Тибулла.

АРИОСТ И ТАСС

(стр. 138)

Написано во второй половине 1815 г. Впервые напечатано: *ВЕ*, 1816, № 6. Фактический материал очерка и некоторые оценки основаны на трудах П.-Л. Женгене («Литературная история Италии»), С. Сисмонди («О литературе южной Европы») и Вольтера («Философический словарь», статья «А»; впрочем, Вольтер называет здесь итальянский язык чрезмерно мелодичным, что оспаривается Батюшковым). Об исключительном благозвучии итальянского языка и отсутствии в нем суровой экспрессивности писала Ж. де Сталь в книге «О литературе...». Суждения Батюшкова противоположны и, возможно, полемичны по отношению к де Сталь. Вместе с тем Сталь, как и Сисмонди, считала Тассо (а также Шекспира и Кальдерона) предшественником романтизма, поэтом, которому свойственно исключительное разнообразие. Батюшков усматривает разнообразие не только в сюжетных мотивах и психологических ситуациях, но также в гибкости слога Т. Тассо. Весьма замечательны наблюдения Батюшкова над фоникой поэтического языка итальянских поэтов.

- ¹ *Медор, Анжелика, Альцина* — персонажи поэмы Ариосто «Неистовый Роланд», отличающейся яркостью красок и фантазией.
- ² *Ариост писал, что хотел, против пап.* — Имеется в виду II сатира Ариосто, направленная против римского духовенства.
- ³ *Виланд Христоф Мартин (1733—1813)* — немецкий прозаик и поэт, разработавший стиль «рококо», автор фантастической поэмы «Оберон» (1780).
- ⁴ *... в нежном поэте Валлакиузском.* — Имеется в виду Петрарка (от названия имения Петрарки Воклюз близ Авиньона).
- ⁵ *Призывает обитателей.* — Замечательное по фонетической экспрессии призывание сатаной злых духов в «Освобожденном Иерусалиме» Торквато Тассо: «*Chiama gli abitator de l'ombre eterne. Il rancio suon de la tartarea tromba.*» (IV, 3).
- ⁶ *Все места преисполнились убийством.* — Прозанческий перевод Батюшковым отрывка из «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо (XIX, 30).
- ⁷ *В столь прекрасном зрелище прекрасен даже ужас.* — Цитата из «Освобожденного Иерусалима» (XX, 30).
- ⁸ *Солнце проливает лучи свои на долину...* слова поэта имеют нечто блестящее... — Для того времени подобный подход к анализу поэтического текста был редкостью (ср. позднейшие наблюдения О. Мандельштама в «Разговоре о Данте»).
- ⁹ *Открылось великолепное и удивительное зрелище.* — Цитата из «Освобожденного Иерусалима» (XX, 28—29).
- ¹⁰ *Так ратовало воинство.* — цитата из «Освобожденного Иерусалима» (XX, 50—52).
- ¹¹ *Различным образом повержены тела.* — Цитируется рассказ Нарсима из 5-го действия трагедии Ломоносова «Тамира и Селим» о победе Дмитрия Донского в битве с Мамаем.
- ¹² *Тебя, родитель, тебя, сын.* — Цитата из «Освобожденного Иерусалима» (XI, 7).

ПЕТРАРКА

(стр. 149)

Написано во второй половине 1815 г. Впервые напечатано: *ВЕ*, 1816, № 7. Батюшков касается в своем очерке существенных для Петрарки моментов. Один из основоположников гуманизма Возрождения, Петрарка был страстным собирателем и комментатором рукописей древнеримских поэтов, энтузиастом республиканских доблестей античного Рима; национальное возрождение Италии представлял себе как возвращение к этим республиканским доблестям. Автор нескольких написанных поллатыни философских трактатов и поэм, Петрарка своими «Канцоньере» (книга сонетов и канцон на народном, тосканском наречии) сыграл решающую роль в истории итальянского литературного языка. Батюшков иногда называет канцоны «одами». Мету идеальной отрешенности Петрарки от «земного» Батюшков преувеличивает: Петрарке в «Канцоньере» свойственна трагическая рефлексия именно от сознания сладостности земной красоты и греховности стремления к ней, ее привлекательности и неизбежности ее смертного распада.

¹ *Что же я чувствую, если и это не любовь?* — Начало СXXXII сонета Петрарки.

² *М.у* — М. Н. Муравьеву.

³ *На тебя взирал я. . .* — стихи Тибулла из I элегии I книги.

⁴ *Она погасла, как лампада. . .* — Батюшков пересказывает стихи 160—172 из I главы «Триумфа смерти» — поэмы Петрарки, посвященной Лауре.

⁵ *Исчезла твоя слава, мир неблагоприятный! . .* — Перевод стихов 20—77 из CCLXVIII канцоны Петрарки («*Che debb'io far? che mi consigli; Amore? . .*»). В своем переводе Батюшков допускает стяжение некоторых строк и изменение образов («в землю превратились ее прелести» вместо «в землю превратилось ее прекрасное лицо»).

⁶ *. . . в Амброзианской библиотеке. . .* — одной из старинных библиотек в Милане.

⁷ *«Я знаю. . . как непостоянна и переменчива жизнь любовников. . .»* — перевод стихов 181—190 из III гл. «Триумфа любви» Петрарки.

- ⁸ *Альфieri* Витторио (1749—1803) — итальянский поэт и драматург. автор классических трагедий, будивших свободолюбие и национальную гордость.
- ⁹ ... *Тасс* повторил в своей поэме... — Свои сопоставления Батюшков приводит в примечаниях.
- ¹⁰ В одном из своих «Триумфов»... — Батюшков имеет в виду «Триумф любви», гл. III.
- ¹¹ «Я увидел Вергилия...» — далее следует сокращенный перевод стихов 19—81 из IV гл. «Триумфа любви» Петрарки.
- ¹² Чино да Пистойя (между 1265 и 1270—1336 или 1337) — итальянский поэт и юрист, автор сборника «Канцоньере», предвосхищающего лирику Петрарки; воспевал даму по имени Сельваджа.
- ¹³ Томасс, Сократ, Лелий — друзья Петрарки.
- ¹⁴ «Разбита высокая колонна и зеленый лавр» — начало CCLXIX сонета Петрарки. Имена Лауры и друга и покровителя Петрарки кардинала Джованни Колонна (умер от чумы 3 июля 1348) слиты в этом сонете с образами обрушившихся колонны и лавра.
- ¹⁵ «Мой ум занят сладкою и горестною мыслию...» — перевод из трактата Петрарки «Моя тайна...» («De secreto...»).
- ¹⁶ Ода, в которой поэт обращается к Риенци... — Батюшков имеет в виду канцону LIII, обращенную не к Кола ди Риенцо (1313—1354), вождю антифеодального восстания 1347 г. в Риме, а к какому-то римскому сенатору. Петрарка, борющийся за возвращение папского престола из Авиньона в Рим, одно время поддерживал Риенцо, красноречивого агитатора за воскрешение былого величия Рима. Вначале восстание Риенцо было бескровно. Риенцо короновался в Риме; последовавшее восстание против него знати было подавлено 20 ноября 1347 г.; в этот день погибли многие члены дома Колонна.
- ¹⁷ «Сии древние стены...» — перевод канцоны LIII (29—42).
- ¹⁸ «Я хотел прославить тебя...» — перевод из эпистолы VII Петрарки.
- ¹⁹ «Если глаза мои остановятся...» — перевод стихов 71—84 CXXVII канцоны Петрарки («In quella parte dov' Amor mi sprona...»). В переводе есть несколько

- стилистических отклонений (добавление эпитета «лилейной», уменьшительная форма «цветочки» вместо «цветы»).
- ²⁰ *Дорат* — Дорá К. Ж. (1734—1780), французский поэт, принадлежавший к направлению «легкой поэзии»; драматург.
- ²¹ *Светлые, свежие и сладкие воды* — 1-й стих СХХVI канцоны Петрарки. Вольтер подражал ей в «Опыте о нравах».
- ²² *То время года, когда небо быстро наклоняет* — 1-й стих L канцоны Петрарки.
- ²³ *Тоску и боль прошедшей жизни* — 11 стих L канцоны. Совпадает со стихом 8 из IV строфы III песни «Освобожденного Иерусалима».
- ²⁴ *Зефир возвращается и приводит прекрасное время года* — 1 стих СССХ сонета.
- ²⁵ *Зевес с радостью взирает на Киприду*. — У Петрарки речь идет о планетах Юпитере и Венере.
- ²⁶ *Каждое животное любить вновь располагает* — 8 стих СССХ сонета. Совпадает со стихом 4 из XVI строфы XVI песни «Освобожденного Иерусалима».

ГРИЗЕЛЬДА

(стр. 165)

Написано в конце 1816—начале (до марта) 1817 гг. Впервые напечатано в «Опытах». Перевод повести Дж. Боккаччо из «Декамерона» (последняя новелла десятого дня).

О ЛУЧШИХ СВОЙСТВАХ СЕРДЦА

(стр. 176)

Написано во второй половине 1815 г. Впервые напечатано: СО 1816, № 14.

- ¹ *Масье Жан* — ученик Сикара, ему принадлежит афоризм «благодарность — это память сердца». Батюшков многократно возвращался к этому выражению («Мой гений», «Мысли», «Путешествие в замок Сирей»).
- ² *Сикар* (1742—1822) — аббат, с успехом занимавшийся обучением глухонемых.

- ³ ... *женевский мизантроп*... — Имеется в виду Руссо, который восславил «естественного человека» и призывал предпочесть природу обществу, как источнику пороков и зла. Ср. суждения Батюшкова о Руссо и Ларошфуко в статье «Нечто о морали, основанной на философии и религии».
- ⁴ *Ларошфуко Франсуа* (1613—1680) — французский писатель-моралист, автор «Мемуаров» и «Размышлений, или <...> максим», в которых нравственная природа человека расценивается пессимистически и анализируются эгоистические импульсы поведения.
- ⁵ *Долгорукий Яков Федорович* (1659—1720); на посту председателя ревизион-коллегии проявил смелость, о которой ходили легенды.
- ⁶ *Говард Джон* (1726—1790) — английский филантроп, посвятивший жизнь обследованию и улучшению быта в европейских тюрьмах и больницах (в том числе и в России). Умер в Херсоне.
- ⁷ *Лас Казас*, Еропкин — см. прим. 3 и 4 к стр. 521.
- ⁸ *Монтань заметил справедливо*... — Имеются в виду «Опыты» Монтеня, кн. II, гл. XVI.
- ⁹ *В пустынном воздухе теряя запах свой!* — Стих из элегии Жуковского «Сельское кладбище».
- ¹⁰ *Мальзерб Кретьен Гийом* (1721—1794) — министр при Людовике XVI; остался верен королю во время революции и защищал его; был казнен якобинцами.

НЕЧТО О МОРАЛИ,
ОСНОВАННОЙ НА ФИЛОСОФИИ И РЕЛИГИИ
(стр. 182)

Написано во второй половине 1815 г. Впервые напечатано: *РМ* 1815, № 12, без подписи автора, с указанием «русское сочинение» и французским эпиграфом из Ж. Лабрюйера (даем в переводе): «Быть в течение своей жизни апостолом только одного человека — это не значит напрасно жить на земле или тщетно ее бременить». Статья сопровождается аннотацией издателя: «Автор скрывает имя свое, но и в прозе узнают поэта». В последующей публикации в *СО* 1816, № 9, статья также

была сопровождается хвалебным примечанием издателя. Для Батюшкова светская философия — это философия материалистическая; поэтому, отвергая сенсуалистов, стоиков, гедонистов, просветителей, он отвергает и философию как таковую. В это же самое время Жуковский увлекается немецкой идеалистической философией, о которой Батюшков мог знать только понаслышке и которой не симпатизировал. Религиозность Батюшкова, в отличие от Жуковского этого периода, сочетается с пессимизмом.

- ¹ ... еще новый житель мира сего... — у А. Д. Кантемира в VII сатире: «новый житель света».
- ² ... палицею железного человека... — Железный человек — персонаж социально-утопического романа французского писателя-руссоиста Л. С. Мерсье (1740—1814) «2440-й год».
- ³ ... им возбуждающее их... — в «Опытах» опечатка: «или возбуждающее».
- ⁴ Дюкло Шарль Пино (1704—1772) — французский писатель и историк, автор рационалистического «Размышления о нравах этого века»; как моралист был близок Лабрюйеру и Ларошфуко.
- ⁵ Ансильон Ж. П. (1767—1837) — французский писатель; в примечании Батюшкова имеется в виду его статья «Литераторы».
- ⁶ ... опровержение Монтаня системы Эпиктетовой... — В своих «Опытах» Монтень полемизировал с философией стоицизма и защищал гедонизм.
- ⁷ ... Паскалево опровержение Монтаня и Эпиктета. — Паскаль в «Мыслях» рассматривал человеческие страсти и желания как сферу греховности и зла. Религиозно-этическая система Паскаля развита в его «Мыслях», где доказывается двойственность человеческой природы (душа и тело), ничтожество человека перед лицом непостижимой вселенной и ее законов, эфемерность и своекорыстие человеческих страстей и желаний.
- ⁸ В недавнем времени в Германии воскресили... — Имеется в виду шеллингизм.
- ⁹ Наслаждение нас съедает... — слова из «Опытов» Монтеня (II, гл. XX).

- ¹⁰ *Служитель-мальчик...* — начало XXVII стихотворения Катулла, которое впоследствии было переведено Пушкиным («Мальчику» — «Пьяной горечью фалерна...»).
- ¹¹ *«Путешествие младшего Анахарсиса»* — «Путешествие молодого Анахарсиса по Греции», роман французского ученого и писателя аббата Ж.-Ж. Бартеlemi (1716—1795).
- ¹² *Лучшие из древнейших писателей...* — Со средних веков существовало представление о наличии элементов христианской мысли у Вергилия. Античный неоплатонизм был действительно одним из философских источников христианства.
- ¹³ *Руссо начал софизмами, кончил ужасною книгою...* — В своем раннем «Рассуждении об искусствах и науках» (1750) Руссо доказывал вред, причиняемый человечеству искусством и наукой. Из последнего, основного произведения Руссо («Исповедь») Батюшков цитирует отрывок из части 1-й, книги 6.
- ¹⁴ *Квинтилиан наших времен...* — Имеется в виду Шатобриан, ставший защитником легитимизма и религии после периода увлечения вольтерьянством. Квинтилиан (I в. н. э.) — римский писатель и педагог, прославившийся литературным «красноречием».
- ¹⁵ *Должно ли еще... напоминать весь ход... чудес...* — реплика Иудая в трагедии Расина «Гофолия» («Athalie», I, 1). Вероятно, изменена сознательно (следует: «Faut-il, Abner»).
- ¹⁶ *Должно ли приводить на память последние чудеса...* — Имеется в виду неудачная попытка Наполеона вернуть былое могущество («Сто дней» и Ватерлоо).
- ¹⁷ *... подобно светильникам эдмбургским...* — Речь, возможно, идет о «фосфористах», группе шведских писателей-романтиков, издававших в 1810—1813 гг. журнал «Фосфорос» («Светоч»). «Фосфористы» противопоставляли свое учение рационализму и эмпиризму XVIII в., но не впадали в крайности, свойственные немецкому романтизму. Батюшков мог узнать о «фосфористах» во время своего пребывания в Швеции, а также из английского журнала «Эдин-

бургское обозрение» «Edinburgh Review» и контаминировать «Фосфорос» и «Эдинбургское».

- ¹⁸ Нет в мире царства так пространна... — стихи Державина из оды «На рождение великого князя Михаила Павловича».

ОПЫТЫ В СТИХАХ

К ДРУЗЬЯМ

(стр. 200)

Написано в феврале 1817 г. Впервые напечатано в «Опытах» как посвящение стихотворной части. В автографе 1815 г. (БТ) озаглавлено: «Дмитрию Николаевичу Блудову».

- ⁴ Дедал — имя строителя легендарного лабиринта на о. Крит (греч. миф.); здесь употреблено в значении «лабиринт», «нагромождение».
- ¹⁸ Пафос — город на Кипре, где находился храм Афродиты; здесь — любовь.
- ¹⁸ Пинд — горный хребет в Греции, связывавшийся с именем Аполлона; здесь — поэзия.

ЭЛЕГИИ

НАДЕЖДА

(стр. 201)

Написано в 1815 г. Впервые напечатано в «Опытах». Для нового издания книги Батюшков изменил ст. 18 («Он нам источник...»). Мотивы сбрасывания земной оболочки («ризы»), надежды на божественное милосердие, перехода из «земной» жизни в «небесную» многократно варьируются во второй части «Канцоньере» Петрарки. Буквальных заимствований здесь нет, но в содержании и настроении много общего.

- ¹ ... доверенность к творцу! — слова Жуковского из «Певца во стане русских воинов».

НА РАЗВАЛИНАХ ЗАМКА В ШВЕЦИИ

(стр. 202)

Написано в июне или июле 1814 г. Впервые напечатано: *ПРП*, ч. 2. СПб., 1814. Для нового издания «Опытов» Батюшков изменил ст. 54 («Зри: дубы в пламени...») и 107 («...преданья на скалах»). Первоначальный вариант ст. 96 — «Иль слышен вой зверей» (исправляем по «Списку погрешностей и перемен» в «Опытах»). Вольный перевод элегии «На развалинах старого горного замка написано» немецкого поэта Фр. Маттисона. «Оссиановский» колорит у Батюшкова по сравнению с Маттисоном больше развит в плане психологическом. В составе русских войск Батюшков был в Швеции в 1814 г.

³⁴ Гела — вероятно, Хель, хозяйка царства мертвых в древнескандинавской мифологии.

⁴⁵ Нейстрия — западные области средневековой империи франков.

⁴⁶ Альбион — древнее название Англии.

⁵⁴ ... дубы в пламени... — ритуальное возжигание дубов у древних скандинавов.

ЭЛЕГИЯ ИЗ ТИБУЛЛА

(стр. 206)

Написано, предположительно, в 1814 г. Впервые напечатано: *ПРП* ч. IV, 1815 под названием «Тибуллова элегия (I, 3)». Вольный перевод 3-й элегии из I книги Тибулла. Для нового издания «Опытов» Батюшков внес изменения в ст. 69 («...не исковал мечей»). Стих 108 (было «Там с жаждой пламенной...») исправлен по списку «Погрешностей и перемен» в «Опытах».

¹ Месалла! Без меня ты мчишься по волнам... — Текст Тибулла начинается с сетования о том, что он не смог из-за болезни сопровождать далее в Азию своего покровителя, римского государственного деятеля, оратора и поэта Мессалу Корвина (64 до н. э. — 9 н. э.).

³ Феакия — древнее название острова Корфу, где Тибулл был вынужден остаться.

²⁷ ... день, отцу богов, Сатурну посвященный... — Празднества Сатурна (сатурналии) происходили

- 17—19 декабря и были связаны с памятью о «золотом веке».
- 31, 37 ... *Изиде приношенья... Богиня грозная...* — Культ египетской богини Изиды (Исиды) распространился в Риме с I в. до н. э.; сопровождался постом и траурными мистериями. Исида считалась покровительницей и утешительницей женщин.
- 44 ... *фарийских...* — египетских.
- 57 с *Сидонским багрецом...* — густой красной краской, производившейся в финикийском городе Сидоне.
- 99 *Тизифона* — одна из Эринний, богинь мщенья (греч. миф).
- 102 *Адский пес* — Цербер, охраняющий вход в Аид (греч. миф).
- 105 *Энкалад* — гигант, на которого во время битвы богов и гигантов Афина обрушила о-в Сицилию (греч. миф).
- 105 *Тифий* (Титий) — гигант, низвергнутый в Аид (греч. миф), где, согласно «Одиссее», коршуны терзали его печень.
- 107 *Иксион* — царь, убивший своего тестя, добивавшийся любви богини Геры; был прикован в Аиде к огненному колесу (греч. миф).
- 122 *И, тихо вретено кружа в руке своей...* — В подлиннике нет изображения идиллических занятий Делии в отсутствие Тибулла. Батюшков усиливает патриархальность также и лексическими средствами («пряслица», «сладки небылицы»).

ВОСПОМИНАНИЕ

(стр. 210)

Написано между июлем 1807 г. и ноябрем 1809 г. Впервые напечатано: *ВЕ*, 1809, № 21 под названием «Воспоминания 1807 года» (88 стихов). С прибавлением новых строк и изменениями *СРС*, 1811, ч. 5. В «Опытах» даны только первые 43 стиха. В последующих намекается на пребывание Батюшкова после ранения под Гейльсбергом в Восточной Пруссии у рижского negociанта Мюгеля и любовь к его дочери (см. прим. на стр. 538). Приводим эту часть текста по публикации Д. Д. Благого в *Ас*. 34.

Семейство мирное, ужель тебя забуду
И дружбе и любви неблагодарен буду?
Ах, мне ли позабыть гостеприимный кров,
 В сени домашних где богов
Усердный эскулап божественной наукой
Исторг из-под косы и дивно исцелил
Меня, борющегося уже с смертельной мукой!
Ужели я тебя, красавица, забыл,
Тебя, которую я зрел перед собою,
Как утешителя, как ангела небес!
На ложе горести и слез
Ты, Геба юная, лилейною рукою
Сосуд мне подала: «Пей здравье и любовь!»
Тогда, казалось, сама природа вновь

 Со мною воскресала
 И новой зеленью венчала
 Долины, холмы и леса.

Я помню утро то, как слабою рукою,
Склонясь на костыли, поддержанный тобою,
Я в первый раз узрел цветы и древеса...
Какое счастье с весной воскреснуть ясной!
(В глазах любви еще прелестнее весна).

 Я, восхищен природой красной,
Сказал Эмили: «Ты видишь, как она,
Расторгнув зимний мрак, с весною оживает,
С ручьем шумит в лугах и с розой расцветает;
Чтоб б было без весны?.. Подобно так и я
На утре дней моих увял бы без тебя!»
Тут, грудь ее кропя горячими слезами,

 Соединив уста с устами,

Всю чашу радости мы выпили до дна.
Увы, исчезло все, как прелесть сладка сна!
Куда девались восторги, лобызанья
И вы, таинственны во тьме ночной свиданья,
Где, заключа ее в объятиях моих,
Я не завидовал судьбе богов самих!..

 Теперь я, с нею разлученный,
Считаю скукой дни. цепь горестей влачу:
Воспоминания, лишь вами окрыленный,

 К ней мыслию лечу,
 И в час полуночи туманной,
 Мечтой очарованной,

Я слышу в ветерке, принесшем на крылах
Цветов благоуханье,
Эмилии дыханье;
Я вижу в облаках
Ее, текущую воздушною стезею. . .
Раскинуты власы красавицы волною
В небесной синеве,
Венок из белых роз блистает на главе,
И перси дышат под покровом. . .
«Души моей супруг!»
Мне шепчет горный дух,
«Там в тереме готовом
За светлую Двиной
Увижуся с тобой! . .
Теперь прости». . . И я, обманутый мечтой,
В восторге сладостном к ней руки простираю,
Касаюсь риз ее. . . и тень лишь обнимаю!

⁹ Аль — река в Пруссии.

ВОСПОМИНАНИЯ

(стр. 212)

Написано, предположительно, в 1815 г. Впервые напечатано в «Опытах». Отрывок большого стихотворения «Элегия», полный текст которого стал известен по рукописному сборнику, принадлежавшему В. А. Жуковскому (ГПБ). В тексте «Опытов» опущены заключительные 32 стиха. В них подразумевается неразделенная любовь Батюшкова к воспитаннице семьи Олениных — Анне Федоровне Фурман (1791—1850). Приводим опущенные стихи:

Исполненный всегда единственно тобой,
С какою радостью ступил на брег отчизны!
«Здесь будет, — я сказал, — душе моей покой,
Конец трудам, конец и страннической жизни».
Ах, как обманут я в мечтании моем!
Как снова счастье мне коварно изменило
В любви и дружестве. . . во всем,
Что сердцу сладко льстило,
Что было тайною надеждою всегда!
Есть странствиям конец — печалам никогда!

В твоём присутствии страдания и муки
 Я сердцем новые познал.
 Они ужаснее разлуки,
 Всего ужаснее! Я видел, я читал
 В твоём молчании, в прерывном разговоре,
 В твоём унылом взоре,
 В сей тайной горести потупленных очей,
 В улыбке и в самой веселости твоей
 Следы сердечного терзанья...
 Нет, нет! Мне время жизнь! Что в ней без
 упования
 Украсить жребий твой
 Любви и дружества прочнейшими цветами,
 Всем жертвовать тебе, гордиться лишь тобой,
 Блаженством дней твоих и милыми очами,
 Признательность твою и счастье находить
 В речах, в улыбке, в каждом взоре,
 Мир, славу, суеты протекшие и горе,
 Все, все у ног твоих, как тяжкий сон, забыть!
 Что в жизни без тебя? Что в ней без упования,
 Без дружбы, без любви — без идолов моих?..
 И муза, сетуя, без них
 Светильник гасит дарованья.

- ⁵ *Туда влечет меня осиротелый гений...* — Имеется в виду небытие, данное в пейзажном образе, восходящем к античным представлениям о царстве мертвых. Ср. сходный «пейзаж» в заключительных строках «Тибулловой элегии III».
- ¹² *... Как лотос, силою волшебной врачевали.* — По древнегреческой мифологии, отведавший цветов лотоса забывает прошлое.
- ³² *И в мире, и в войне, во всех земных краях...* — Подразумевается пребывание Батюшкова во Франции и Швеции в составе русских войск во время кампании 1813—1814 гг.
- ³⁶ *Жувизи (Жювизи)* — замок вблизи Парижа.
- ³⁹ *В столице роскоши...* — в Париже.
- ⁴³ *... В прохладных рощах Альбиона...* — Имеется в виду посещение Батюшковым Англии на обратном пути в Россию.
- ⁴⁵ *Ричмон (Ричмонд)* — город вблизи Лондона.
- ⁵⁵ *Троллетана* — водопад в Швеции.

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

(стр. 214)

Написано, вероятнее всего, между июнем 1807 г. и 1809 г. Впервые напечатано в «Опытах». Стихотворение обращено к молодой девушке, дочери рижского купца Мюгеля, в доме которого Батюшков находился в июне—июле 1807 г. после ранения, полученного под Гейльсбергом. Этот эпизод жизни Батюшкова отражен также в стихотворении «Воспоминание». Из дома Мюгеля Батюшков писал сестрам 17 июня 1807 г. (подлинник по-французски): «Его дочь прелестна, мать добра, как ангел, все это меня окружает, для меня музицируют». См. также в письме Гнедичу (июнь 1817): «Меня принимают в прекрасных покоях, кормят, поят из прекрасных рук: я на розах. Благодарность не велит писать. Довольно, я счастлив и не желаю Питера <...> Я пью из чаши радостей и наслаждаюсь».

⁵ *Эреб* — вечный мрак, по имени Эреба, брата — или супруга — богини Ночи (греч. миф.).

¹⁵ *Орк* — божество смерти, аналогичное греческому Аиду (римск. миф.).

¹⁹ *Мне сладок будет час и муки роковой* — перефразировка заключительного стиха Петрарки («et dolce incominciò farsi la morte» — «И сладкой начала становиться смерть») из CCCLII сонета («Spirto felice che sì dolcemente»).

МЩЕНИЕ

Из Парни

(стр. 215)

Написано предположительно в 1815 г. Впервые напечатано: *ВЕ*, 1816, № 19—20, где между ст. 36 и 37 есть стихи:

О, нега томная! Источник сладких слез!
При блесках молнии разгневанных небес

Вольный перевод 9-й элегии из книги «Эротические стихотворения» Э. Парни.

ПРИВИДЕНИЕ

(стр. 217)

Написано в феврале 1810 г.

Впервые напечатано: *ВЕ*, 1810, № 6. Вольный перевод одноименного стихотворения Парни. В переводе Батюшкова ослаблен элемент галантного острословия в начале стихотворения, введено античное понимание смерти и имя Зевса. Стилю придана некоторая патриархальность (вместо огней «факелов» — «в камельке»). Опущены детали описания пугающей «внешности» привидений. Отсутствует метафора «жизненного театра» («2-й акт комедии...»), вместо этого — «смерти мрачной занавеса».

¹⁴ В час полуночных явлений... — измененная строка из Жуковского (в балладе «Людмила» — видений).

ТИБУЛЛОВА ЭЛЕГИЯ III

Из III книги

(стр. 219)

Написано между сентябрем и декабрем 1809 г. Впервые напечатано: *ВЕ*, 1809, № 23. Для нового издания «Опытов» Батюшков изменил ст. 22 («...руны тирские...»), 27 («...мне радостна...»), 28 («тот кров соломенный Тибуллу золотой»), 32 («Утешит ли тогда сей Рим, сей пышный град»). Вольный перевод элегии псевдо-Тибуллы к Нэере из III книги элегий (приписывавшейся, но не принадлежащей Тибуллу, что во времена Батюшкова еще не было установлено). Батюшков интуитивно стремится усилить «тибулловский» колорит элегии, напр. заменяет имя героини (Нэера) на Делия (была воспета подлинным Тибуллом), вводит ситуацию разлуки (из действительно принадлежащей Тибуллу III элегии I книги). В подлиннике нет троекратного «напрасно» в начале элегии.

¹⁷ Тенер (Тенар) и Карист — местности в Греции, где в древности добывался порфир.

²⁰ ...священна тень от кедровых лесов? — Кедр в древней Греции считался священным деревом.

- ²¹ ... эритрские жемчужины... — добытые в Эритрейском море (ныне — Персидский залив).
- ²² ... волны тирские, багрянцем напоенны² — Дорогая пурпурной окраски шерсть, вырабатывавшаяся в финикийском городе Тире.
- ³³ Пактол — река в Малой Азии, богатая золотым песком.
- ³⁷ ... дочь Сатурнова... — Гера, супруга Зевса, богиня брака и супружеской любви.
- ³⁸ ... любви мать... — Афродита.

МОЙ ГЕНИЙ

(стр. 220)

Написано между июлем и августом 1815 г. Впервые напечатано: *СОСП*, ч. 5, СПб. 1816. Связано с любовью к А. Ф. Фурман (см. прим. на стр. 536). Переложено на музыку М. И. Глинкой.

ДРУЖЕСТВО

(стр. 221)

Написано в 1811 г. или в начале 1812 г. Впервые напечатано: *С.-П. В.*, 1812, № 2. Вольный перевод стихотворения Биона. Не исключено, что это стихотворение Батюшкова подсказало Жуковскому замысел его оригинальной баллады «Ахилл».

- ⁵ *Атридов сын* — Орест, сын Агамемнона, в изгнании нашедший друга в лице своего двоюродного брата *Пилада*.
- ⁷ *Ахилл, великодушный воин*... — Имеются в виду эпизоды, завершающие «Илиаду»: убийство Гектором Патрокла; месть Ахилла (убийство им Гектора, совершенное, несмотря на предсказание неизбежной после этого гибели); великодушный поступок Ахилла, который отдал Приаму, отцу Гектора, тело убитого сына.

ТЕНЬ ДРУГА

(стр. 222)

Написано в июне 1814 г. Впервые напечатано: *ВЕ*, 1816, № 17—18. Эпиграф — из элегии «Тень Цинтии» римского поэта Проперция (I в. до н. э.). Посвящено памяти И. А. Петина (см. примечание на стр. 591), убитого в 1813 г. под Лейпцигом, недалеко от реки Плейссы. Батюшков посетил его свежую могилу, о чем рассказал в прозаических «Воспоминаниях о Петине» (см. стр. 408). В своем экземпляре «Опытов» Батюшков в ст. 44 зачеркнул слово «исчез», превратив стих в 3-х стопный.

¹ *Я берег покидал туманный Альбиона.* — После кратковременного пребывания в Англии (первая половина июня 1814 г.) Батюшков на пакетботе отплыл в Швецию, откуда в июле 1814 г. возвратился в Россию. По сообщению П. А. Вяземского, «Тень друга» была написана во время этого плавания.

³ *Гальциона.* — Здесь — чайка, по имени женщины, согласно мифу, превращенной в морскую птицу, чтоб сопровождать утонувшего мужа.

ТИБУЛЛОВА ЭЛЕГИЯ XI

Из I книги

(стр. 224)

Написано между концом 1809 г. и мартом 1810 г. Впервые напечатано: *ВЕ*, 1810, № 8. Вольный перевод X (не XI) элегии из I книги Тибулла.

²⁷ *Еще скудельный был на пепелище их!* — Подразумевается, что статуэтка пената, стоявшая около домашнего очага, была простой, глиняной.

⁶⁷ *...дела давно протекших дней!* — Стих, использованный Пушкиным в «Руслане и Людмиле» («Дела давно минувших дней»).

ВЕСЕЛЫЙ ЧАС

(стр. 227)

Написано между началом 1806 г. и февралем 1810 г. Впервые напечатано: *ВЕ*, 1810, № 4 с подзаголовком «Посвящено друзьям». Первая редакция, сильно отличающаяся, — стихотворение «Совет друзьям» («Лицей», 1806, ч. I, кн. I). «Веселый час» — название одного из стихотворений Карамзина.

⁵² *Эрато* — муза любовной поэзии (греч. миф.).

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ Н.

(стр. 230)

Впервые напечатано: *ВЕ*, 1810, № 10. Адресат этого обращения не установлен.

ПРОБУЖДЕНИЕ

(стр. 230)

Написано, предположительно, во второй половине 1815 г. Впервые напечатано: *ВЕ*, 1816, № 11 с эпиграфом из ССХІХ сонета Петрарки: *Così mi sveglio a salutar l'auroga* «Так пробуждаюсь, чтоб приветствовать зарю». В списке «Погрешностей и исправлений» в «Опытах» изменен стих 11 (было «И *лай борзых...*»). Есть существенное сходство между этим стихотворением и несомненно известным Батюшкову СССХІІ сонетом Петрарки («*Né per sereno ciel ir vaghe stelle...*»). Приводим подстрочный перевод (ср. у Батюшкова стихи 5—13):

Ни по ясному небу движенье дивных звезд,
Ни по спокойному морю — судов просмоленных,
Ни по полям — рыцарей вооруженных,
Ни по прекрасным лесам — резвых и быстрых зверей,

Ни об ожидаемом новые вести,
Ни речи любви в стиле возвышенном и цветистом,
Ни меж светлыми родниками и зелеными лугами
Сладостное пение жен благородных и прелестных,
Ничто уж никогда сердца моего не достигнет...

РАЗЛУКА

(«Напрасно покидал страну моих отцов...»)

(стр. 231)

Впервые напечатано в «Опытах», где в списке «Погрешностей и исправлений» изменен стих 8 (было «Под мной...»). Для нового издания он был изменен еще раз («За мной...»). Подразумевается неразделенная любовь Батюшкова к Анне Фурман (ср. стихотворения «Воспоминания» — «Я чувствую, мой дар в поэзии погас...», «Мой гений», «Пробуждение», «Таврида»). Стихотворение написано в Каменце-Подольском, где Батюшков провел последний год перед уходом с военной службы.

¹⁵ *Тирас* — греческое название реки Днестр.

ТАВРИДА

(стр. 232)

Написано во второй половине 1815 г. Впервые напечатано в «Опытах». Для нового издания «Опытов» Батюшков снял в последнем стихе слово «стоит». В стихотворении, возможно, отразились надежды Батюшкова на брак с Анной Фурман и совместную поездку в Крым.

⁶ ... *Равны несчастием...* — Возможно, намек на сиротство Анны Фурман. Батюшков рано лишился матери.

²³ ... *Иль, урну хладную вращая, Водолей...* — Приближение Водолея, одного из 12-ти созвездий Зодиака, связывалось в античных представлениях с наступлением осенней поры.

СУДЬБА ОДИССЕЯ

(стр. 233)

Написано во второй половине 1814 г. Впервые напечатано в «Опытах». Вольный перевод стихотворения Ф. Шиллера «Одиссей», написанного гекзаметром. Батюшков обычно не следует классическим античным размерам. Здесь разностопный ямб придает тексту большую афористичность; описательные и обобщающие строки различаются метрически. В стихотворении под-

разумеается сходство судьбы Одиссея с собственной (военные походы, пребывание вне родины, возвращение). В письме к В. А. Жуковскому от 3 ноября 1814 г. Батюшков писал: «Два века мы прожили с того благополучного времени <...> В Париж я вошел с мечом в руке <...> Из Парижа в Лондон, из Лондона в Готенбург, в Стокгольм <...> в Петербург. Вот моя Одиссея, поистине Одиссея! Мы подобны теперь Гомеровым воинам, рассеянным по лицу земному. Каждого из нас гонит какой-нибудь мститель-бог...» Из своих огорчений по возвращении Батюшков в первую очередь имеет в виду смерть М. Н. Муравьева.

ПОСЛЕДНЯЯ ВЕСНА

(стр. 234)

Написано, предположительно, в 1815 г. Впервые напечатано: *ВЕ*, 1816, № 11. Переложение элегии французского поэта Ш. Ю. Мильвуа (1782—1816) «Падение листьев». В оригинале нет имени Делии.

³ ... яркий голос Филомелы... — Этот образ впоследствии заимствует Пушкин в стихотворении «Не дай мне бог сойти с ума» («яркий голос соловья»).

¹⁷ Эпидавра прорицанье... — Связано с греч. мифом о Телефе, которому прорицал судьбу прорицатель в г. Эпидавре.

К Г<НЕДИЧУ>

(стр. 236)

Написано в 1806 г. Впервые напечатано: *Т*, СПб., 1807, под названием «Послание Г**чу» и опущенными в «Опытах» четырьмя стихами в конце:

Нет, болтаючи с друзьями,
Славы я не соберу;
Чуть не весь ли и с стихами
Вопреки тебе умру.

К ДАШКОВУ

(стр. 237)

Написано в марте 1813 г. Впервые напечатано: С.-П. В., 1812, № 10. Об адресате послания см. прим. 1 к стр. 518. Написано под впечатлением народного бедствия, массовой эвакуации и разорения во время наступления наполеоновских войск на Москву, о чем говорится и в письме Гнедичу от октября 1812 г. И. З. Серман указал на заимствование в послании «К Дашкову» отдельных выражений из «Письма из Москвы в Нижний Новгород» И. М. Муравьева-Апостола («Ученые записки Ленинградского государственного университета», серия филологических наук. Л., 1939, вып. 3, стр. 254). Горечь от сознания невозвратимости прежнего облика Москвы выражена также в стихотворении «К другу» и во 2-й редакции «Похвального слова сну».

ИСТОЧНИК

(стр. 239)

Написано в первой половине 1810 г. Впервые напечатано: ВЕ, 1810, № 17, с подзаголовком «персидская идиллия». Стихотворное переложение одноименной прозаической «персидской идиллии» Парни («Le torrent»), стиль которой более описателен, в особенности в строках, соответствующих стихам 9—10, 21—22, 25—27, 35—36 («Это дикое место мне нравится <...> твое нежное тело опирается на мою вытянутую руку <...> это уединенное место знакомо только влюбленным горлицам...»).

⁶ Пальмы под тенью здесь роза цветет... — В подлиннике эта строка, придающая тексту восточный колорит, отсутствует.

¹⁹ ... Я к тебе прикасался. — В подлиннике это выражение (так же как «дева любви») отсутствует. Батюшков писал о нем В. А. Жуковскому 26 июля 1810 г.: «... Оно взято из Тибулла и, кажется, удачно» (имеется в виду элегия VI из книги I Тибулла).

Почти исчерпывающее сопоставление текстов Парни и Батюшкова см.: В. Н. Топоров. «Источник» Батюшкова в связи с «Le torrent» Парни. — «Труды по знаковым системам», IV. Тарту, 1969.

НА СМЕРТЬ СУПРУГИ Ф. Ф. К(ОКОШКИ)НА

(стр. 241)

Написано в апреле или мае 1811 г. Впервые напечатано: *СОСП*, ч. I, СПб., 1815. Эпиграф составлен из 1-го и неполного 5-го стихов ССLXXVIII сонета Петrarки. Стихотворение посвящено Варваре Ивановне Кокошкиной, умершей в 1811 г. в возрасте 25-ти лет. Федор Федорович Кокошкин (1773—1838) — страстный театрал, актер-любитель, переводчик мольеровского «Мизантропа», директор Московского театра. Батюшков был с Кокошкиными хорошо знаком. Отклик на смерть В. И., более зашифрованный, есть также в стихотворении «К другу» («Сияла Лила красотою...»).

ПЛЕННЫЙ

(стр. 242)

Написано, предположительно, в 1814 г. Впервые напечатано: *ПРП*, ч. 2, СПб., 1814. В стихотворении преобразены рассказы приятеля Батюшкова Л. В. Давыдова (брата поэта-партизана Д. В. Давыдова) о его пребывании в плену у французов, в частности использована повторяющаяся им в плену фраза «отдайте мне мои морозы». Теми же рассказами навеяно стихотворение П. А. Вяземского «Русский пленник в Париже».

ГЕЗИОД И ОМИР, СОПЕРНИКИ

(стр. 244)

Написано в конце 1816 г.—январе 1817 г. Впервые напечатано в «Опытах», где список «Погрешностей и перемен» дает более ранний вариант ст. 94 («Весну, веселую...»). Для нового издания «Опытов» стих был изменен еще раз («Весну зеленую —...»). Перевод элегии французского поэта Ш.-Ю. Мильвуа (1782—1816) «Бой Гомера и Гезиода». Текст у Батюшкова длиннее (126 строк вместо 104-х). В подлиннике — александрийский стих с сочетанием парной и перекрестной рифмы. Батюшков усложняет ритм и рифмовку, вводит амфибрахий и обхватную рифму. В переводе фигурируют только имена состязающихся певцов, у Мильвуа — также имена

царя и его отца, в честь которого проводится состязание. Римского Юпитера Батюшков заменил греческим Зевсом, Юнону-адскую (d'enfer) — Церерой и т. п. Стиль освобожден от перифраз и каламбуров (вместо «новые Автомедоны» — возницы и т. п.). Изменены финальные стихи; у Мильвуа они в подстрочном переводе читаются: «И оба, покидая эти неблагоприятные края, отправляются искать друзей, которых не обретут». Примечания Батюшков предполагал исключить из нового издания «Опытов». Интерес к Гомеру поддерживался в кругу А. Н. Оленина. Н. И. Гнедич еще в 1807 г. начал переводить «Илиаду». В 1816 г. Гнедичем написана поэма «Рождение Гомера», с которой Батюшков познакомился, уже написав свою элегию.

Гесиод — древнегреческий поэт VIII—VII вв. до н. э.; по античному преданию, состязался с Гомером в поэтическом искусстве.

¹ *Халкида* — город на острове Эвбея.

²⁹ *Певец Аскрея*... — Гесиод (Аскрея — его родной город).

³² *Ипокрена* — источник на горе Геликон в Греции, которая считалась местом обитания муз.

³³ *Камены* — музы.

³⁵⁻³⁶ ... *орел-громометатель от Мелеса*... — Одна из античных легенд о Гомере гласит, что он был унесен орлом (Зевсом-«громометателем») с берегов реки Мелес на Олимп. Далее в состязании певцов партия Гомера представляет собой прославление Зевса, партия Гесиода — прославление поэзии.

⁴⁰ *Темпейские долины* — местность, славившаяся в древней Греции плодородием.

⁴² ... *дочери суровой Мнемозины!* — Мнемозина — мать девяти муз, рожденных ею от Зевса; названа суровой, вероятно, потому, что считалась богиней памяти.

⁴⁴ *Эреб* — см. прим. 5 к стр. 538.

⁴⁷ ... *в сиянии Дианы*... — Диана считалась божеством луны.

⁵⁰ ... *напиток Гсбы рьяный*... — нектар и амврозия; богиня юности Геба подносила их обитателям Олимпа (греч. миф.).

⁵⁷ *Генар* — Генарский мыс в Лакедемоне; там, по поверьям древних, был вход в Аид.

- ⁵⁹ *Зевес Немейский*. — В Немейской долине в Арголиде находилось одно из святилищ Зевса.
- ⁶³ *Стримон* — река во Фракии.
- ⁶⁶ ... по прихоти царей... — Имеется в виду Троянская война и, далее, эпизоды «Илиады»: убийство Ахиллом сына Приама Гектора, приход Приама к Ахиллу с целью вымолить тело сына, обида Ахилла на греков, отдавших Агамемнону пленницу Бризеиду и т. д.
- ⁶⁹ ... быструю Обиду... — Здесь, по-видимому, Батюшков контаминирует образы гомеровского эпоса с образом «девы-обиды» из «Слова о полку Игореве».
- ⁷⁰ *Оры* — богини, следившие за сменой времен года (греч. миф.).
- ⁷⁴ *Гиადы* — нимфы, имя которых связывалось с началом периода дождей (греч. миф.).

К ДРУГУ

(стр. 250)

Написано в 1815 г. Впервые напечатано в «Опытах». Для нового издания книги Батюшков внес изменение в ст. 56 («Они безмолвьем отвечали»). Обращено к поэту П. А. Вяземскому (1792—1878), одному из ближайших друзей Батюшкова (ср. в письме от 14 января 1817: «Ты не знаешь, как я тебя люблю... Ты — первый человек, с которым я был чистосердечен»).

⁸ *Фалерн* — см. прим. 10 к стр. 531.

¹⁴ *Веспер* (Геспер) — одно из названий планеты Венера, по имени бога вечерней звезды.

¹⁸ *Богиня неги и пролады* — Венера.

²³ *Я сердцу в ней ищу отрады*. — Этот стих относится к слову «задумчивость».

²⁷ *На крыльях радости...* — стих Я. Б. Княжнина из романа «Наказанная неверность».

³⁰ ... *Сияла Лила красотою?* — Речь идет о В. И. Кошкиной (см. примечание на стр. 546).

⁵⁴ *Клио* — муза истории (греч. миф.).

⁵⁶ *Они безмолвны пребывали*. — Этот стих в батюшковском экземпляре «Опытов» переправлен на: «Они безмолвьем отвечали».

⁵⁷⁻⁵⁸ *Как в воздухе перо кружится здесь и там, Как в вихре тонкий прах летает...* — Здесь, по наблюде-

нию Пушкина в замечаниях на полях «Опытов», использованы стихи Ломоносова из «Вечернего размышления о божием величестве...» («Как в сильном вихре тонкий прах, в свирепом как перо огне»).

МЕЧТА

(стр. 253)

1-я редакция (1802 или 1803) ЛС, 1806, № 9; публикуемая окончательная редакция написана в 1817 г., впервые напечатана в «Опытах». Многократные промежуточные переделки рассмотрены Д. Д. Благим (АС 34, 473—486) и Н. В. Фридманом (ПССг. 314). Фридман указал на совпадение отдельных выражений со стихотворением М. Н. Муравьева «К музе». В окончательной редакции элегия разрослась с 89-ти стихов до 211-ти. Текст увеличился за счет развития эротических мотивов и — в особенности — скандинавской темы, которую Батюшков ошибочно трактует как «оссиановскую» и которая в 1-й редакции занимала всего 8 строк. Структурный принцип оставался неизменен: обращения к «мечте» с нанизыванием все большего количества эпизодов. В сходной композиции (полет мечты) «оссиановские» картины были введены Н. И. Гнедичем в его послание 1807 г. к Батюшкову («Когда придешь в мою ты хату»). В батюшковском употреблении слова «мечта», «мечтанье» имеют, в качестве дополнительного, значение «воображение», в чем был для Батюškova программный смысл, сближавший его с европейскими романтиками.

⁸ ... в муромских лесах... — намек на приключения героев в русских былинах (об Илье-Муромце).

¹⁴ Воклюз — см. прим. 13 к стр. 501.

²¹ ... любимца Аонид... — поэта (Аониды — музы).

²⁴ ... Сельмские леса... — леса, в которых происходили героические события в песнях Оссиана-Макферсона.

²⁶ Оскар — погибший в бою сын Оссиана.

³⁰ Кромла — священная гора у древних кельтов.

⁴⁴ Иснель — герой поэмы Э. Парни «Иснель и Аслега», написанной по «оссиановским» мотивам.

⁵⁴ Биармия — см. прим. 12 к стр. 510.

⁸³ Идет в Оденов дом... — За описанием Батюškova стоит представление о воинском «рае» — небесном чер-

- тоге Одина (Вальхалле), куда попадают павшие в сражении храбрые воины, где они пируют и веселятся, где мед им подносят воинственные девы Валькирии, подчиненные Одину. Батюшков называет их «дочерьми Веристы»; однако персонажа с таким именем в скандинавской мифологии нет.
- ¹⁴⁴ ... ленивы маки. — Выражение М. Н. Муравьева в стихотворении «К Феоне».
- ¹⁴⁹ Любовница Фаона — Сафо; по одной из античных легенд, она была влюблена в юношу Фаона; из-за его равнодушия покончила с собой, бросившись в море с Левкадской скалы.
- ¹⁵⁵ И смерть угрюмую цветами увенчал! — Подразумевается характерное для Горация сочетание эпикурейства и стоического отношения к смерти, а также, вероятно, его стихи о бессмертии поэта: знаменитый «Памятник» и ода XX из книги II, где говорится о победе поэта-лебедя над смертью.
- ¹⁵⁶ Тибур — город, близ которого было расположено имение Горация, полученное им в подарок от Мecenата.
- ¹⁵⁹ Глицерия — имя воспетой Горацием возлюбленной.

ПОСЛАНИЯ

МОИ ПЕНАТЫ

Послание к Жуковскому и Вяземскому

(стр. 260)

Написано во второй половине 1811 г. и первой половине 1812 г. Впервые напечатано: ПРП, ч. 1. СПб., 1814. Обращено к В. А. Жуковскому и П. А. Вяземскому. Первоначальное название — «К пенатам». Вольное подражание стихотворениям французских поэтов XVIII в. Ж.-Б.-Л. Грессе «La chartreuse» («Обитель») и Ж.-Ф. Дюси «К моим пенатам». В автографе (ГПБ) — эпиграф из «La chartreuse» (приводим в подстрочном переводе): «Счастливы покой! Уединенный досуг! Когда наслаждаются твоей сладостью, какое логовище не понравится? Какая пещера покажется чужой, если в ней

находят счастье?» и следующие зачеркнутые стихи после ст. 200:

Всегда внушенный чувством,
Умел он позлатить
Оратора искусством
Повествованья нить
И в слоге плавном слить
Всю силу Робертсона
И сладость Ксенофона;
Аттической пчелы,
Волшебной...

В рукописных сборниках А. Н. Афанасьева (ныне местонахождение неизвестно), П. А. Ефремова (ПД), «Тургеневской тетради» (ПД) имеются варианты:

ст. 131—141:

О Лила, друг мой милый,
Душа души моей!
Тобою век унылый,
Средь шума и людей,
Среди уединенья,
Средь дебрей и лесов,
Средь скучного томленья
Печали и трудов,
Тобой, богиня, ясен!
И этот уголок
Не будет одиноч!

ст. 164—170:

Спускайтесь ко мне!
Пусть тени и призраки
Любимых мне певцов,
Разрушив тлен и мраки
Эреба и гробов,
Как жители эфирны,
Воздушною стезей

ст. 189—196:

Пером из крыльев Леля
Здесь пишет Карамзин,
Преемник Мармонтеля,

В таблицах Мнемозин
Любовны приключенья
Девуц и светских дам
И сладки откровенья
Чувствительным сердцам.

Текст стихотворения у Батюшкова вдвое больше, чем у Дюси, за счет расширения мотивов гедонистической философии. «Обителью» Грессе подсказаны противопоставление сельского уединения и городской суеты, литературная полемика и сцена явления теней писателей. Новшеством Батюшкова было включение в «список» его молодых современников. Стихотворение Батюшкова вызвало множество подражаний, в частности «Городок» лиценста-Пушкина.

- ²⁰ *Богини пермесские, пьериды* (см. ниже) — музы.
- ¹⁵⁵ ... *В Аонии прелестной*... — Аония — местность у подножья Геликона (горы, где, по греческой мифологии, обитали музы).
- ¹⁷⁶ *Парнасский исполин* — Державин; далее подразумевается стихотворение Державина «Лебедь» — вольное подражание оде XX книги II Горация.
- ¹⁸³⁻¹⁸⁶ ... *Наш Пиндар, наш Гораций*... *Как Суна средь степей*... — Эта характеристика Державина заимствована из посвящения Державину трагедии В. А. Озерова «Эдип в Афинах», где Державин назван поэтом, «который с парением Пиндара согласил философию Горация... коего стихотворство шумно, быстро и чудесно, как водопад Суны».
- ¹⁸⁶ *Суна* — река в Карелии, где находится водопад Кивач, воспетый Державиным в оде «Водопад».
- ¹⁹² ... *пленяет Карамзин*... — Имеется в виду очерк Н. М. Карамзина «Афинская жизнь»; там изображен друг Платона, драматург Агатон, а также ужин в «храме наслажденья» — доме афинянина Гиппия.
- ²⁰¹ ... *ильф прекрасный*... — поэт И. Ф. Богданович (1743—1803), автор поэмы «Душенька».
- ²⁰⁵ *Мелецкий* — см. прим. 23 к стр. 498.
- ²¹¹ *Федр* — латинский баснописец I в. н. э.
- ²¹¹ *Пильпай* (Бидпай) — древний индийский баснописец.
- ²⁵³⁻²⁵⁴ *Сложи печалей время, Жуковский*... — Вероятно, намек на трагически сложившиеся к этому времени отношения Жуковского с М. А. Протасовой.

- ²⁶⁶ *Аристиппов внук* — П. А. Вяземский. Аристипп (V—IV в. до н. э.) — древнегреческий философ-гедонист, считавший целью жизни разумное наслаждение. Свою перифразу, которую Вяземский критиковал, Батюшков шутовски мотивировал в письме к нему от 19 декабря 1811: «Твои замечания справедливы. Но почему не назвать тебя внуком Аристиппа, внуком Анакреона или чорта, если хочешь... это значит то, что ты, то есть, имеешь качества, как будто нечто свойственное... Ну, понял ли, понял ли, Анакреонович?»
- ²⁸¹ *Пока бежит за нами...* — образ бегущего старца наваян, по-видимому, Ариосто (см. Р. М. Горохова. Из истории восприятия Ариосто в России. В кн.: Эпоха романтизма. Л., Наука, 1975, стр. 245).

ПОСЛАНИЕ Г(РАФУ) В(ЕЛЕУРСКО)МУ

(стр. 270)

Написано в конце декабря 1809 г. Впервые напечатано: *ПРП*, ч. 4, СПб., 1815. Фамилию адресата послания, графа М. Ю. Вельгорского (1788—1856), известного в свое время композитора-дилетанта, Батюшков, как и многие другие современники, произносил на польский лад.

- ⁴ *Когда нас, юношей, увидела Двина!* — Здесь и далее имеется в виду знакомство с Вельгорским в 1807 г. в Риге, ранение Батюшкова и его пребывание в семье Мюгеля (см. примечание на стр. 538).
- ³¹ *Еще отдай стихам потерянные права...* — Речь идет о сочетании стиха и музыкальной мелодии (сопровождения на музыкальном инструменте); именно таковы, по мифу, который подразумевается в стихотворении, были песни Орфея, двигавшие камни и деревья.

ПОСЛАНИЕ К Т(УРГЕНЕ)ВУ

(стр. 271)

Написано 14 октября 1816 г. Впервые напечатано: *ПРП*, ч. 6, СПб., 1815. под заглавием «К другу». Для нового издания «Опытов» Батюшков изменил ст. 20 («Они очутятся с сергами»).

- ²⁵ ...ов — Попов, офицер. Комментарий к этому стихотворению дан самим Батюшковым в письме к А. И. Тургеневу от 14 октября 1816 г., к которому оно было приложено: «Вдова Попова, урожденная Молчанова, подала прошение в сословие призрения разоренных неприятелем». За Попову, разоренную войной 1812 г., Батюшкова просила Анна Львовна Пушкина (тетка А. С. Пушкина); сам он, видимо, с этим семейством знаком не был. Ходатайство Тургенева было успешным. Батюшков писал П. А. Вяземскому 9 марта 1817: «Благодарю за Попову. Слава богу! В первый раз рифмы у меня послужили на доброе дело: это лучшее поощрение писать, и буду писать».

ОТВЕТ Г<НЕДИ>ЧУ

(стр. 274)

Написано между концом июля и февралем 1810 г. Впервые напечатано: *ВЕ*, 1810, № 3, где стихотворение помещено вслед за посланием Н. И. Гнедича «К Батюшкову» (1807):

Когда придешь в мою ты хату,
Где бедность в простоте живет?
Когда поклонись пенату,
Который дни мои блюдет?..

и т. д.

Единственная конкретная «реплика» на послание Гнедича — «Там глиняны свои пенаты» («Когда поклонись пенату» у Гнедича).

¹² *Сабинский домик* — поместье Горация в Сабинах, им воспетое.

¹⁶ *А дни мечтой позолотим.* — Перефразировка выражения В. В. Капниста из стихотворения «В память береста»: «Мечтами / Не все ль златятся наши дни?»

К Ж(УКОВСКО)МУ

(стр. 275)

Написано в июне 1812 г. Впервые напечатано: ПРП, ч. 2, 1814, с ошибкой в датировке (1811). Послано при письме к Жуковскому от июня 1812 г. из Петербурга, где стихи 19—51 читаются:

Под сению свободы,
Достойные природы
И юныя весны!
Тебе — одна лишь радость,
Мне — горести даны!
Как сон проходит младость
И счастье прежних дней!
Все сердцу изменило:
Здоровье легкокрыло
И друг души моей.

² *Белева мирный житель.* — Жуковский жил в это время в имении Буниных около г. Белева Тульской губернии. Этот стих применил позднее к Жуковскому П. А. Вяземский в своем послании «К Батюшкову» (1816).

³⁰ *Амальтеи рог* — рог изобилия.

⁶⁶ *... Как древле Громобою...* — Имеется в виду эпизод из баллады Жуковского «Громобой» (1-я часть «Двенадцати спящих дев»).

⁷⁶ *Свистов — Хвостов* (см. прим. 126 к стр. 583).

⁷⁸ *Его покорный бес...* — Намек на басню А. Е. Измайлова «Стихотворец и черт», где черт выступает единственным слушателем Хвостова. Имеется в виду основанное в 1811 г. общество «Беседа любителей русского слова».

ОТВЕТ Т(УРГЕНЕ)ВУ

(стр. 277)

Написано, предположительно, в первой половине 1812 г. Впервые напечатано в «Опытах».

⁶ *Армида* — волшебница в поэме Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим».

³³ *... Как Дафна к богу пеня...* — Имеется в виду греч. миф о нимфе Дафне, отвергнувшей любовь Аполлона.

³⁹ *Любовник строгой Лоры...* — Петrarка.

⁴⁴ *... Душеньки певец...* — И. Ф. Богданович.

⁵¹ *Лесбосская певица* — Сафо.

К П(ЕТИ)НУ

(стр. 279)

Написано в первой половине 1810 г. Впервые напечатано в «Опытах». Из нового издания «Опытов» Батюшков предполагал это стихотворение исключить. Об И. А. Петине см. примечание на стр. 591. В стихотворении подразумевается один из эпизодов шведской кампании — бой у финской деревни Иденсальми, когда Батюшков находился в резерве и непосредственного участия в сражении не принимал. Об этом же сражении он писал Гнедичу 1 ноября 1808 из Иденсальми, сожалея о понесенных потерях. Бросается в глаза трансформация этих событий в поэтическом тексте.

ПОСЛАНИЕ

И. М. М(УРАВЬЕВУ)-А(ПОСТОЛУ)

(стр. 281)

Написано между июлем 1814 г. и 24 мая 1815 г. Впервые напечатано: *ПРП*, ч. 6, СПб, 1815. Об адресате см. примечание на стр. 509. Сходные с этим посланием мысли — в статьях Батюшкова «Нечто о поэте и поэзии» и «О характере Ломоносова».

²¹ *... новый мир житель...* — перефразировка выражения Кантемира. На это указал сам Батюшков, еще раз употребивший его в статье «Нечто о морали...» (см. прим. 1 к стр. 530).

²⁶ *Мантуя* (Мантуя) — родина Вергилия; *Минций* — р. Минчио.

³² *Титир* — пастух, персонаж из эклог Вергилия.

³⁷ *И в Севере любимец муз не дремлет...* — ср. в очерках «Вечер у Кантемира» и «О характере Ломоносова».

⁴⁹ *Наш Пиндар...* — Ломоносов.

⁶⁹ *Дрожащий, хладный блеск...* — строки из незаконченной поэмы Ломоносова «Петр Великий».

⁷⁵ Отцизны сладкий дым... — Ср. выражение Державина в стихотворении «Арфа»: «Отечества и дым нам сладок и приятен».

⁷⁹ ... струи царицы светлых вод... — Волги.

⁸¹ ... сибирского Пизарра... — Имеется в виду Ермак, о котором И. И. Дмитриев написал одноименную драматическую поэму. Пизарро Хуансиско (1475—1541) — испанец, возглавлявший завоевание Перу.

СМЕСЬ

ХОР ДЛЯ ВЫПУСКА БЛАГОРОДНЫХ ДЕВИЦ СМОЛЬНОГО МОНАСТЫРЯ

(стр. 285)

Написано в январе или феврале 1812 г. Впервые напечатано в «Опытах».

¹³ *Виновица счастливых дней...* — вдовствующая императрица Мария Федоровна, мать Александра I; была покровительницей дворянского женского учебного заведения (пансиона) в Смольном монастыре в Петербурге. «Хор» написан по заказу для исполнения выпускницами на торжественном акте.

ПЕСНЬ ГАРАЛЬДА СМЕЛОГО

(стр. 287)

Написано между февралем и 17 июля 1816 г. Впервые напечатано: *ВЕ*, 1816, № 16. Вольный перевод песни, автором которой средневековое предание называло одного из норвежских королей, известного скальда Гаральда по прозванию Смелый (XI в.). Установлено, однако, что песня эта Гаральду не принадлежит и написана от его имени не ранее первой половины XIII в. Ее текст сохранился в сочинении известного исландского политического деятеля и ученого XIII в. Снорри Стурлусона «Круг земной» (о деяниях норвежских королей). Содержание песни связано с любовью Гаральда к его будущей жене — русской княжне Елизавете (дочери Ярослава Мудрого). Значительный интерес к этой песне возник в XVIII в.; ее перелагали поэты. Во Фран-

ции Э. Парни включил свободное переложение «песни» в поэму «Иснель и Аслега». В России в XVIII в. ее перевели И. Ф. Богданович, Н. А. Львов; последний свой перевод «Песни...» народным русским стихом («Песнь норвежского витязя Гаральда Храброго») опубликовал отдельным изданием, с приложением французского подстрочника. «Песней» Гаральда интересовался Державин, усматривавший в ней сходство с мотивами «Слова о полку Игореве» («Рассуждение о трагической поэзии»). В «Истории государства Российского» Карамзин писал об отношениях Гаральда и Елизаветы, комментируя знаменитую «Песнь»: «Елизавета не презирала его: он следовал единственно обыкновению тогдашних нежных рыцарей, которые всегда жаловались на мнимую жестокость своих любовниц... Гаральд женился на Елизавете в 1045 году... Она скоро умерла, оставив двух дочерей, Ингигерду и Марию...». Для Батюшкова толчком к переложению «Песни» было знакомство с сочинением Л.-А. Маршанжи «Поэтическая Галлия, или история Франции в ее отношении к поэзии, красноречию и изящным искусствам». Поэт писал об этом П. А. Вяземскому в письме от февраля 1816 г., в шуточных экспромтах травестируя возвышенный образ своего героя.

¹¹ Дронггейм — Тронхейм, область на севере Норвегии. Гела — см. прим. 34 к стр. 533.

ВАКХАНКА

(стр. 288)

Написано, предположительно, в 1815 г. Впервые напечатано в «Опытах». Свободное переложение 9-го эпизода из поэмы Парни «Переодевания Венеры». Принципиальное отличие от Парни — в отказе от орнаментальности и условной галантности стиля. У Батюшкова светски-игровой элемент преобразен в ритуальное любовное преследование «на празднике Эригоны»; у Парни героем является галантный пастушок Миртис. Сопоставление текстов Парни и Батюшкова см.: Г. А. Гуковский. Пушкин и русские романтики. М., Гослитиздат, 1965,

стр. 102—103. И. М. Семенко. Поэты пушкинской поры. М., «Худож. л-ра», 1970, стр. 34—37, 55—56.

⁹ Эвры. — Эвр — теплый юго-восточный ветер.

СОН ВОИНОВ

(стр. 290)

Написано между 1808 г. и февралем 1811 г. Впервые напечатано: *ВЕ*, 1811, № 3 под названием: «Сон ратников». Вольный перевод из 3-й песни поэмы Э. Парни «Иснель и Аслега, поэма, подражание скандинавам». В тексте «Опытов» опущены следующие 24 стиха из редакции, опубликованной в *ВЕ*:

Все спят у тлеющих костров,
Все спят; один Эрик несчастный
Поет, и в мраке гул ужасный
От скал горам передает:
«Сижу на бреге шумных вод,
Все спит кругом; лишь воют рощи,
И Гелы тень во мгле ревет:
Не страшны мне призраки ночи,
Мой меч скользит по влаге вод!
Сижу на бреге ярых вод.
Страшися, враг, беги стрелою!
Ни меч, ни щит уж не спасет
Тебя с восставшею зарею...
Мой меч скользит по влаге вод!
Сижу на бреге ярых вод.
Мне ревность сердце раздирает.
Супруга, бойся! День придет,
И меч отмщенья заблестает!..
Сижу на бреге шумных вод.
Все спит кругом: лишь воют рощи,
Лишь Гелы тень во мгле ревет:
Не страшны мне призраки ночи,
Мой меч скользит по влаге вод!

Возражая Гнедичу, которому перевод Батюшкова резко не понравился, Батюшков писал ему 13 марта 1811: «Кажется, перевод мой не хуже подлинника, «гаснет пепел черных пней» — взято с натуры, живописно и очень

нравится Жуковскому и всем, у кого есть вкус». Противник буквализма в переводе, Батюшков отстаивает в этом письме верность духу («тону») подлинника, имея в виду не только Парни, но — и это главное — скандинавскую поэзию, под которую стилизовался Парни. Приводим стихи оригинала и перевода, сопоставляемые в указ. письме самим Батюшковым:

Les feux mourants décroissent et pâlisent
Et de la nuit les voiles s'épaississent. . .
Viens, doux sommeil, descends sur les heros.
Des songes vains agitent leur repos.

Подстрочный перевод:

Огни умирающие уменьшаются и бледнеют
И ночи покровы густеют. . .
Приди, сладкий сон, опустишь на героев.
Ложные сновидения смущают их отдых.

У Батюшкова этому соответствуют стихи 1—4.

Перевод освобожден от декоративности и некоторой риторичности оригинала; вместо иносказаний — прямое описание, с детализацией («гаснет пепел черных пней») и романтическим настроением. Батюшков контаминирует с «северными» античные мотивы (ср. прим. 69 к стр. 548), добавляет выразительные стихи 13—16, навеянные, по его словам, поэзией Вергилия. Также добавлены финальные строки 45—49 (у Парни эпизод кончается словами о войне, который «узнает свою ошибку и улыбається»). «Это все в тоне северной поэзии, которую, конечно, отличать должно от греческой. . .» — писал Батюшков в указ. письме. Тем не менее, он предполагал исключить «Сон воинов» из нового издания «Опытов».

РАЗЛУКА

(стр. 292)

Написано, предположительно, между сентябрем 1812 г. и январем 1813 г. Впервые напечатано: ПРП, ч. 2. СПб., 1814. Написано по мотивам «гусарской» поэзии Д. Давыдова.

ЛОЖНЫЙ СТРАХ

(стр. 293)

Написано, предположительно, в 1810 г. Впервые напечатано: *ВЕ*, 1810, № 11, без подписи. Перевод стихотворения Э. Парни «Страх». Стилю придана патриархальность с национально-русским оттенком («вечерком» вместо «вечером» и т. д.). «Восточное крыльцо» — добавление Батюшкова. Перевод освобожден от части перифраз.

¹⁶ ... *И амуры на часах.* — Как указал Пушкин в Замечаниях на полях «Опытов», это стих М. Н. Муравьева из стихотворения «Богине Невы».

СОН МОГОЛЬЦА

(стр. 295)

Написано, предположительно, в 1808 г. Впервые напечатано: *ДВ*, 1808, ч. V, под названием «Сон могольца, аполог из Лафонтена». Вольный перевод басни Лафонтена «Сон жителя Моголии» (Моголия — мусульманское государство на территории Индии). Еще более свободное переложение того же сюжета есть у Жуковского, также под названием «Сон могольца» (1806). Сюжет басни был взят Лафонтеном из произведения персидского писателя XIII в. Саади «Гулистан»; заключительные 20 стихов — из II книги «Поэмы о земледелии» («Георгики») Вергилия. Из нового издания «Опытов» Батюшков предполагал стихотворение исключить.

ЛЮБОВЬ В ЧЕЛНОКЕ

(стр. 297)

Написано, вероятнее всего, в 1810 г. Впервые напечатано: *ПРП*, ч. 4, 1815. Некоторую аналогию с батюшковским стихотворением представляет стихотворение Ломоносова «Из Анакреона» («Ночною темнотою покрылись небеса...»). Ритм стихотворения и черты пейзажа имеют соответствие в балладе Жуковского «Адельстан» (1813).

СЧАСТЛИВЕЦ
Подражание Касты
(стр. 299)

Написано, предположительно, в 1810 г. Впервые напечатано: *ВЕ*, 1810, № 17, с эпиграфом: «*Odi le rapide / guote sonanti*» («Слушай быстрые колеса, звенящие») и дополнительным четверостишием после строфы X:

Сердцем спит и нем душою,
Тратит жизнь на суеты,
Днем не ведает покою,
Ночью — страшные мечты!

Свободное переложение стихотворения итальянского поэта Джан Баттиста Касты (1724—1803) из цикла «Анакреонтических стихотворений».

⁴⁵⁻⁴⁸ *Сердце наше кладезь мрачной... Крокодил... — слова, заимствованные из романа Шатобриана «Атала».*

РАДОСТЬ
Подражание Касты
(стр. 301)

Написано, предположительно, около 1810 г. Впервые напечатано в «Опытах». Вольный перевод одноименного стихотворения Касты («*Le contento*»). О Касты см. предыдущее примечание. Батюшков здесь самостоятельно придает колорит простодушия и некоторой дикости изображению любовной страсти у человека древности. Подготавливая новое издание «Опытов», Батюшков зачеркнул подзаголовок.

⁹ *Лиры Тиисская* — по имени Тийи, возлюбленной Аполлона (греч. миф.).

К НИКИТЕ
(стр. 303)

Написано в июне или начале июля 1817 г. Впервые напечатано в «Опытах». Для нового издания книги Батюшков поменял местами ст. 33 и 34 и изменил ст. 44 («*Хвалите господа...*»). Обращено к троюродному брату

Батюшкова, сыну писателя, будущему декабристу Никите Михайловичу Муравьеву (1796—1843). Является репликой на выражавшееся адресатом — молодым офицером — сожаление о том, что он, в отличие от Батюшкова, «не входил во Францию» с русской армией. В стихотворении использована сирвента провансальского трубадура Гийома де Сент-Грегори (перестроена в духе гусарской поэзии Д. Давыдова). Батюшков относился к Н. Муравьеву с большой любовью, хотя последний был к поэту из-за его политической лояльности холоднее и испещрил 1-й том «Опытов» уничтожающими замечаниями (приведены М II, 443—445, 451, 526—528).

ЭПИГРАММЫ, НАДПИСИ И ПРОЧЕЕ

(стр. 305)

I

Написано, предположительно, между 1809 и 1812 гг. Впервые напечатано в «Опытах». Перевод эпиграммы французского поэта Экушара Лебрена (1729—1807) «O, la modite compagnie» («О, проклятая компания»). Так же, как II, IV, V, направлено против литературных архаистов.

² *Балдус* — принятое в карамзинском кругу прозвище А. С. Шишкова и его последователей.

II

Написано в июле или августе 1809 г. Впервые напечатано: *ЦВ*. 1809, № 9.

¹ *Бибрис* — принятое в карамзинском кругу каламбурное прозвище поэта-архаиста С. С. Боброва, по созвучию его имени с латинским словом *bibere* (пить).

III

Написано, предположительно, в 1815 г. Впервые напечатано: *РМ*, 1815, № 9.

IV

Совет эпическому стихотворцу

Написано, предположительно, в 1810 г. Впервые напечатано в «Опытах». Направлено против эпической

поэмы С. А. Ширинского-Шихматова «Петр Великий, лирическое песнопение в 8 песнях» (опубл. 1810).

V

Мадригал новой Сафе

Написано, предположительно, в 1811 г. Впервые напечатано: *Дв.* 1809 № 9 под названием «Хлое-сочинительнице». Адресовано, по-видимому, А. П. Буниной, близкой к шишковистским кругам. Майков (М I, 322) вслед за Я. К. Гротом связывает эпиграмму с влюбленностью поэтессы в И. И. Дмитриева.

VI

Надпись к портрету Н. Н.

Написано, предположительно, в 1811 г. Впервые напечатано: *СРС*, 1811, ч. 5 под названием «К портрету — вой».

VII

К цветам нашего Горация

Написано, предположительно, в 1816 г. Впервые напечатано в «Опытах». Обращено к поэту И. И. Дмитриеву и, по воспоминаниям его племянника, М. А. Дмитриева, было послано адресату вместе с семенами цветов (комплиментарное сопоставление Дмитриева с Горацием основано на их любви к садоводству). В «Моих пенатах» «нашим Горацием» назван Державин.

VIII

Надпись к портрету Жуковского

Написано в начале 1817 г. Впервые напечатано: *ВЕ*, 1817, № 3. Помещено также под портретом В. А. Жуковского (гравюра А. Флорова с оригинала П. Соколова) в 5-й части его «Переводов в прозе» (1817), изданных редактором *ВЕ* М. Т. Каченовским; по заказу последнего и было написано.

¹⁻² ...*пред падшею столицей, Он храбрым гимны пел...* — имеется в виду стихотворение Жуковского «Певец во стане русских воинов», написанное в 1812 г. в ополчении, еще до взятия Москвы Наполеоном.

- ² *Тиртей* (вторая половина VII в. до н. э.) — греческий поэт, призывавший к военной и гражданской доблести.
- ³ ... *новый Грей*... — Жуковский, автор прославленного в то время перевода элегии Томаса Грея (1716—1771) «Сельское кладбище».

IX

Надпись к портрету графа Эммануила Сен-При

Написано в декабре 1815 г. Впервые напечатано: *СО*, 1816, № 12 под названием «Надпись к портрету графа Сен-Приеста».

Сен-При Э. (1776—1814) — французский эмигрант на русской службе, генерал, участник войны с Наполеоном. Умер от раны, полученной под Реймсом. Батюшков писал Жуковскому в письме от середины декабря 1815 из Каменца: «Граф Сен-При, здешний губернатор, просил меня сделать надпись к портрету его брата <...> которого я знал и любил издавна».

- ² ... *лилиям отцов*... — Эмблема на гербе королевского рода Бурбонов, к которому принадлежал Сен-При.
- ⁴ *Баярд* — Баяр П. дю Терайль (1476—1524), французский полководец, прославившийся рыцарством и храбростью; его имя стало нарицательным.
- ⁴ *Дюгесклин* Бертран (1314—1380) — французский полководец, известный своей храбростью.

X

Надпись на гробе пастушки

Написано, предположительно, в 1810 г. Впервые напечатано: *ВЕ*, 1810, № 14 под названием «Надпись на гробе молодой пастушки» с подзаголовком «Этот гроб находился на лугу, на котором собирались плясать пастухи и пастушки». Текст использован П. И. Чайковским в «Пиковой даме» (романс Полины). Б. В. Томашевский впервые указал (Ст. 1948, стр. 302) на связь стихотворения с картиной французского художника XVII в. Н. Пуссена «Аркадские пастухи», где изображено надгробие с надписью «И я (жил) в Аркадии», окруженное пастухами и пастушками. Для нового издания «Опытов» Батюшков внес изменение в стих 7 («... в сих радостных местах»).

XI

Мадригал Мелине, которая называла себя нимфою

Написано в июле или августе 1809 г. Впервые напечатано в «Опытах».

² *После превращения.* — Нимфа Ио, возлюбленная Зевса, была превращена его женой Герой в корову (греч. миф.).

XII

На книгу под названием «Смесь»

Написано, предположительно, в 1817 г. Впервые напечатано в «Опытах». О какой книге идет речь — точно не установлено. По предположению Майкова (М. I, 312) имеется в виду журнал «Russische Miscellanea» («Русская смесь»), издававшийся в Лейпциге в 1803—1804 гг. и в 1805 г. подвергшийся строгому разбору в «Северном вестнике».

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ И ДОМОСЕД

(стр. 308)

Написано между июлем 1814 г. и 10 января 1815 г. Впервые напечатано: *Амф.*, 1815, № 6, с вариантами стихов:

ст. 124—125:

И снова мудрости искать
Меж греков просвещенных!
Сказал и сделал так
Наш ветреный чудак.

ст. 300—313:

Так точно весь народ толпился и шумел
Пред кафедрой бродяги,
Который в первый раз блеснуть умом хотел,
Но зайкнулся, покраснел
И побледнел,
Как белый лист бумаги.
В собранье завсегда народ нетерпелив.

Для нового издания «Опытов» Батюшков внес изменения в ст. 365 («...взбирался») и 366 («...ша-

тался»). Сказка неоднократно упоминается в неопубликованных письмах к П. А. Вяземскому от 10 января, 17 февраля и марта—июня 1815 (ЦГАЛИ), впервые введенных в научный оборот Д. Д. Благим (Ас. 34, стр. 517—520). В указ. письмах говорится об автобиографичности сюжета, задуманного в Лондоне незадолго до возвращения поэта в Россию из заграничного похода 1813—1814 гг. Готовя к печати «Опыты», Батюшков просил Н. И. Гнедича и И. А. Крылова присылать на сказку замечания, которые и были им использованы.

¹⁸ *Гарпагон* — персонаж из комедии Мольера «Скупой», олицетворение скупости.

²⁰ *Мина* — мера веса серебра у древних греков.

⁶¹ *Алкивиад* (V в. до н. э.) — греческий полководец и государственный деятель, красавец и законодатель мод, кумир афинских женщин.

⁷¹ *Гликерия* — красавица в древних Афинах.

⁷⁸ *Кратес* (IV—III вв. до н. э.) — философ — последователь Диогена; отказавшись от всякого имущества, оставил себе один плащ.

⁸⁷ *Пирей* — гавань в Афинах.

^{97—98} *Тритоны, Нереиды, Оксаниды* — свита Нептуна.

¹²⁶ *Кротона* (Кротон) — город, в котором жили философы-пифагорейцы.

¹²⁷ *Агатон* — см. прим. 192 к стр. 552.

¹⁶¹ *Эмпедокл* (V в. до н. э.) — греческий философ и поэт; согласно легенде, бросился в кратер Этны, желая создать представление о том, что стал богом; на краю кратера оставил свою сандалию.

²⁶² *Керамик* — предместье Афин.

²⁷² ... *Фонтанку, этот дом...* — Имеется в виду дом вдовы М. Н. Муравьева, Е. Ф. Муравьевой, на углу Фонтанки и Невского проспекта.

²⁹¹ *Фрина* — древнегреческая гетера, любовница скульптора Праксителя (IV в. до н. э.).

²⁹⁹ ... *северный Амур...* — Имеется в виду прозвание «Les amours du Nord», данное французами калмыкам и башкирам, находившимся в русской армии и вооруженным луками.

³¹⁸ ... *чем мертвецы баллады.* — Возможно, дружеская шутка по поводу популярных баллад Жуковского.

³³⁶ ... *как старика Эней...* — Имеется в виду эпизод из

- «Энеиды» Вергилия, в котором Эней выносит своего отца из объятаго пожаром Трои.
³⁵² Гимет — область гор в древней Греции.

ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ РЕЙН

1814

(стр. 320)

Написано в 1816 г.—феврале 1817 г. Впервые напечатано: *РВ*, 1817, № 5 и 6. В заглавии проставлен год перехода русских войск через Рейн (совершился 2 января 1814 г.). Вступление на французскую территорию, после событий 1812—1813 гг., осмыслено Батюшковым как факт огромной исторической и моральной значимости также и в его письмах (о переходе через Рейн говорится в письме к Н. И. Гнедичу от января 1814). Обращение к жанру монументальной исторической элегии характерно для мироощущения и художественных исканий Батюшкова с 1814 г. (к тому же жанру относится стихотворение «На развалинах замка в Швеции»).

- ²⁰ Герман — Арминий (17 до н. э.—21 н. э.), вождь древних германцев.
²² Здесь Кесарь бился... — имеются в виду войны Юлия Цезаря.
⁴³ ... смолкли их волшебны лики — хоры.
⁵⁴ ... Аттилы нового... — Наполеона.
⁶⁹ Улея (Улео) — река в Финляндии.
⁷⁷ ... Где ангел мирный, светозарной... — Речь идет об императрице Елизавете Алексеевне (жене Александра I), урожденной баденской принцессе.
¹¹⁵ Маккавеи — библейские тираноборцы; здесь имеются в виду русские войска.

УМИРАЮЩИЙ ТАСС

(стр. 325)

Написано в феврале—мае 1817 г. Впервые напечатано в «Опытах». Для нового издания книги были изменены ст. 38 («... граждан вселенны») и 40 («... Кончине обреченный»). Эпиграф — из V акта трагедии

Т. Тассо «Торрисмондо». Поскольку работа над стихотворением не была завершена к моменту окончательного формирования тома стихов, оно не попало в раздел элегий; между тем Батюшков предполагал открыть им этот раздел (см. в письме Н. И. Гнедичу от 2-й половины февраля 1817 г.). Элегия упоминается также в письмах Гнедичу от 27 февраля, конца февраля—начала марта, от мая и — наиболее подробно — от начала июля 1817 г.; В. А. Жуковскому от июня 1817 г.; П. А. Вяземскому от 23 июня и от 4 марта 1817 г., где читаем: «Кажется, это лучшее мое произведение... пожелаю, чтобы хорошо кончил. Перечитал все, что писано о несчастном Тассе, напился «Иерусалимом» (т. е. поэмой Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим»). Батюшков выражал желание, чтоб смерть Тассо была задана как сюжет для живописцев Академии художеств. «Умиравший Тасс — истинно богатый предмет для живописи. Не говори только, что это моя мысль: припишут моему самолюбию. Нет, это совсем иное! Я желал бы соорудить памятник моему полуденному человеку, моему Тассу» (письмо Н. И. Гнедичу от начала июля 1817 г.). Майков (М I, 409) указал на ошибку Кюхельбекера, предполагавшего, что эта элегия — перевод с французского. Поэзия и трагическая судьба Тассо привлекали Батюшкова издавна. В 1808 г. он написал большое стихотворное послание «К Тассу». В том же году перевел отрывки из I и X песен «Освобожденного Иерусалима». В 1817 г. переведено письмо отца Т. Тассо к его матери («Письмо Бернарда Тасса к Порции о воспитании детей»). В 1815 г. написана прозаическая статья «Ариост и Тасс». В 1821 г., уже в состоянии, близком к помешательству, Батюшков уничтожил какое-то свое произведение о Тассо (М I, статья, 293—294). Образ Тассо все болезненнее тревожил Батюшкова и сливался с его собственной личностью; внутреннее самоотжествление с героем несомненно. Содержание элегии основано на легенде о том, что Тассо умер в день, назначенный для увенчания его лавровым венком в Капитолии. Фактический материал взят преимущественно из книг С. де-Сисмонди («О литературе южной Европы», т. II) и П.-Л. Женгене («История итальянской литературы», т. V).

¹² Апостолов наместник — папа римский.

- ³² ... *квиритов пепелище*. — Квиритами назывались граждане древнего Рима.
- ⁵⁴ ... как *трепетный Асканий*. . . — Имеется в виду герой «Энеиды» Вергилия, в младенчестве вынесенный отцом из объятаго пожаром Трои (намек на скитания Т. Тассо вместе с его отцом, изгнанным из Неаполитанского королевства).
- ⁶⁷ ... *Альфонсова дворца*. . . — дворец феррарского герцога Альфонса II д'Эсте (Т. Тассо был его придворным поэтом).
- ⁹⁵⁻⁹⁷ *Годфред, Ринальд* — герои поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим».
- ¹³⁷ *Земное гибнет все... и слава, и венец... но там все вечное...* — Эти строки близки стихотворению Батюшкова 1815 г. «К другу» («Что вечно чисто, непорочно...» и т. д.).
- ¹⁴⁸ *Элеонора* — Элеонора Д'Эсте, сестра герцога Феррарского, в которую, согласно легенде, был влюблен Тассо.
- ¹ *Т. Тасс приписал...* — Имеется в виду посвящение поэмы.

БЕСЕДКА МУЗ

(стр. 333)

Написано в мае 1817 г. Впервые напечатано: СО, 1817, № 28. Было послано Н. И. Гнедичу из деревни при письме от мая 1817 г., где говорится: «Я убрал в саду беседку по моему вкусу, в первый раз в жизни. Это меня так веселит, что я не отхожу от письменного столика, и веришь ли? целые часы, целые сутки просиживаю, руки сложа накрест». Готовя стихотворение к печати, Гнедич предложил несколько поправок, большая часть которых была Батюшковым принята (рассмотрены Д. Д. Благим, *Ас.* 34, стр. 526).

- ¹⁵⁻¹⁶ *Ему отважный путь за стаю орлов* — Как пчелке, невозможен, — В этих стихах, по наблюдению Н. В. Фридмана (*ПСС* т. 313), использованы сравнения из стихотворения В. В. Капниста «Ломоносов».

ДОПОЛНЕНИЯ

ЭЛЕГИИ, ПЕРЕВОДЫ, ПЕРЕЛОЖЕНИЯ, ЭПИТАФИИ, НЕ ВОШЕДШИЕ В «ОПЫТЫ»

ЭЛЕГИЯ

(стр. 337)

Написано в 1804 г. или 1805 г. Впервые напечатано: *СВ*, 1805, № 3. Вольный перевод стихотворения Э. Парни «Que le bonheur arrive lentement...».

СТИХИ г. СЕМЕНОВОЙ

(стр. 338)

Написано 6 сентября 1809 г. Впервые *Цв.*, 1809, № 9. Знаменитая *Е. С. Семенова* (1786—1849) в значительной мере способствовала успеху трагедий *В. А. Озерова*. Стихотворение было приложено при письме Батюшкова (от 6 сентября 1809 г.) к другу и учителю Семеновой — *Н. И. Гнедичу*.

² *Антигона* — героиня трагедии Озерова «*Эдип в Афинах*» (1804), одна из наиболее прославленных ролей Семеновой.

³ ...несчастливого слепца... — лишенного престола царя Эдипа, отца Антигоны.

⁷ *Мошна* — героиня трагедии Озерова «*Фингал*» (1805).

¹⁴ *Ксения* — героиня трагедии Озерова «*Димитрий Донской*» (поставлена в 1807 г.).

НА СМЕРТЬ ЛАУРЫ

(стр. 339)

Написано, предположительно, в 1810 г. Впервые напечатано: *ВЕ*, 1810, № 17. Вольный перевод *СCLXIX* сонета Петрарки («*Rotta è l'alta colonna e l'verde lauro*»). Форма сонета Батюшковым не соблюдена. Стиль перестроен в романтически-кладбищенском и сентиментальном духе.

- ¹ Колонна и лавр — слова-символы величия и славы в стихах Петрарки, основанные на созвучии с именами умерших в 1348 г. Джованни Колонна и Лауры.

ВЕЧЕР

Подражание Петрарке

(стр. 340)

Написано, предположительно, в 1810 г. Впервые напечатано: *ВЕ*, 1810, № 21. После этой первой публикации стихотворение перерабатывалось Батюшковым, что зафиксировано в *БТ*, по тексту которой его печатаем вслед за *Ас. 34*. Подражание *L* канцоне Петрарки («*Ne la stagion che'l ciel rapido inchina*»). Используя ее общую схему и тематические мотивы (конец дня приносит отдых и успокоение дряхлой пилигримке, пастуху, мореплавателю, но поэту не дает забыть от любовных страданий), Батюшков полностью меняет стилистику и образы, в особенности благодаря привнесению романтического колорита «северной» поэзии.

- ³⁴ *О песнопений мать, в вертепах отдаленных...* — Этому стиху соответствует у Петрарки совершенно несхожее обращение к канцоне («*Canzon, se l'esser meco...*»).
- ⁴⁰ *И надо мною тень Лауры пролетит!* — Стих, также не имеющий соответствия в подлиннике.

ЭЛИЗИЙ

(стр. 341)

Написано, предположительно, в 1810 г. Впервые напечатано в *Изд. 1834*, без участия большого Батюшкова, под названием «Отрывок из элегии». Предпочтение названия «Элизий», указанного в собственноручном авторском перечне (1810) и явно относящегося к данному тексту, мотивировано Н. В. Фридманом (*ПССт.* 282).

- ⁹⁻¹⁰ *То, как лозы винограда...* — Эти стихи навеяны XV эподом Горация к Нэере («...Теснее, чем плющем высокий обвивается дуб / Обнимая гибкими руками...»).

ПЕРЕХОД РУССКИХ ВОЙСК ЧЕРЕЗ НЕМАН

1 января 1813 года

(стр. 343)

Написано, предположительно, в 1813 г. Впервые: Сл., 1830, № 3. Отрывок не дошедшего до нас большого стихотворения. События отражены по рассказам, а не по личным впечатлениям, так как переход через Неман состоялся до поступления Батюшкова в армию.

ИЗ ГРЕЧЕСКОЙ АНТОЛОГИИ

(стр. 344)

Написано между маем 1817 г. и началом 1818 г. Впервые напечатано в составе брошюры «О греческой антологии» (СПб., 1820), изданной Д. В. Дашковым в количестве 70-ти экземпляров. Переводы Батюшкова приводились здесь в качестве иллюстраций к статье С. С. Уварова «О греческой антологии». По-видимому, статья была написана при участии Батюшкова; со своей стороны Батюшков, не знавший греческого языка, пользовался консультациями Уварова и его переводами греческих текстов (их стихотворные переводы на французский язык, выполненные Уваровым, опубликованы в этой же брошюре). Статья и переводы были первоначально предназначены для неосуществившегося журнала литературного общества «Арзамас», что сказалось в шуточном «арзамасском» стиле предисловия от издателей. Арзамасскими прозвищами подписались и Уваров (Ст. — «Старушка»), и Батюшков (А. — «Ахилл»). Авторы греческих подлинников: стихотворения 1 — Мелеагр (конец II в. до н. э.); 2 — Асклепиад Самосский (III в. до н. э.); 3 — Гедил (III в. до н. э.), 4 и 5 — Антипатр Сидонский (III в. до н. э.); 6 — анонимный автор; 7—8 — Павел Силенциарий (VI в. н. э.). Автор оригинала стихотворения 13 (не входит в «Греческую антологию») неизвестен. В пометке на собственном экземпляре «Опытов» Батюшков распорядился включить этот цикл переводов во 2-е издание книги («прибавить переводы из антологии, уже напечатанные»).

¹ Где слава, где краса, источник зол твоих? — Стихотворение, как разъяснял С. С. Уваров, написано от лица нерейд, сетующих на развалинах Коринфа. Один из значительнейших городов-государств древней Греции, Коринф стал центром сопротивления ахейского союза римскому владычеству и был разрушен до основания римским консулом Луцием Меммием в 146 г. до н. э.

⁴ Мусия — мозаика.

⁸ И стонет Алкион один в дали туманной! — Этот стих неточно передает подлинник, где имеется в виду Алкиона (Гальциона — см. прим. 3 к стр. 541) в сложной метафоре: «мы — Алкионы твоей горести».

* * *

(«Ты пробуждаешься, о Байя, из гробницы...»)

(стр. 349)

Написано в мае или июне 1819 г. Впервые напечатано: *Совр.*, 1857, т. 62. В редакторском примечании названо «отрывком из неизвестного стихотворения» Батюшкова. Д. Д. Благой опроверг это мнение, которого придерживался и Майков (*М I*, 439), указав на художественную цельность и органичность текста (*Ас.* 34, стр. 543). Байя — небольшой город близ Неаполя; в древности был роскошным курортом, излюбленным римской аристократией. Батюшков посетил его в 1819 г. Фигурирует в стихах Проперция.

* * *

(«Есть наслаждение и в дикости лесов...»)

(стр. 349)

Написано в июле или августе 1819 г. Впервые напечатано: *СЦ*, 1828, без стихов — 13—16, позднее опубликованных в *Совр.*, 1857, т. 62, № 3—4. П. А. Вяземский дополнил текст еще одной строкой, следующей в его публикации за ст. 16: «Трудися; созидай громады кораблей» (*П. А. Вяземский. Поли. собр. соч.*, т. 9. СПб.,

1894, стр. 86). Стихотворение является незавершенным переводом 178-й и 179-й строк IV песни поэмы Байрона «Странствования Чайльд Гарольда». Стихи 13—16 считаем целесообразным ввести в основной текст, поскольку они являются прямым и вполне обработанным продолжением предыдущей строфы. Строку, которую припомнил Вяземский, не вводим в текст, как придающую ему незавершенность. Пушкин вписал первые 12 стихов в свой экземпляр «Опытов» по публикации в СД, 1828. Тот же текст списан Пушкиным отдельно, под заглавием «Элегия». С поэзией Байрона Батюшков познакомился по итальянским переводам во время своего пребывания в Неаполе.

НАДПИСЬ ДЛЯ ГРОБНИЦЫ ДОЧЕРИ МАЛЫШЕВОЙ

(стр. 350)

Написано в январе 1820 г. Впервые напечатано с ошибками: СО, 1820, № 35 под названием «Надгробие русскому младенцу, умершему в Неаполе». В СО, № 36 текст был опубликован более исправно в составе анонимного письма, написанного Д. Н. Блудовым (которым это стихотворение было привезено из Италии). Первая, неисправная, публикация, сделанная А. Ф. Воейковым, послужила причиной журнальной полемики. Воейков был задет выражением Блудова «безграмотные переписчики» и ответил грубой репликой в СО, № 37. Батюшков выразил недовольство и самим фактом публикации (без его ведома), и полемикой в письме к Гнедичу от 26 августа 1821 г. В свой экземпляр 2-й части «Опытов» он вписал это стихотворение для предполагавшегося 2-го издания. Стихотворение написано по просьбе Малышевой, с которой Батюшков был знаком в Неаполе.

ПОДРАЖАНИЕ АРИОСТУ

(стр. 350)

Написано, предположительно, в 1821 г. Впервые напечатано в СД, 1826 г. Сокращенный перевод 42-й октавы из I песни «Неистового Роланда» Л. Ариосто; в качестве эпиграфа взят ее 1-й стих.

ПОДРАЖАНИЯ ДРЕВНИМ

(стр. 351)

Написано в 1821 г. Впервые с ошибками напечатано: «Русь», 1883, № 23. Вслед за ПССт печатаем по автографу ГПБ. Называя эти стихотворения «подражаниями», Батюшков, по-видимому, имеет в виду их антологический стиль, а не наличие определенных образцов.

1

- ³ *Лазурной царь пустыни.* — Во всех советских изданиях этот стих до сих пор печатался ошибочно: «лазурный царь...», что бессмысленно по отношению к солнцу. Эта текстологическая ошибка возникла в связи с переводом на новую орфографию прилагательных со старинной формой окончания именительного падежа.

2

- ¹ *Скалы чувствительны к свирели...* — О подразумеваемых здесь образах античной и арабской поэзии см. в статье (стр. 453—454).

5

- ⁶ *Сципион Старший* (ок. 235—183 до н. э.) — римский полководец, победитель Карфагена; согласно римским историкам, проявил милосердие к побежденным.

6

- ⁴ ... *На дно, где крокодил зияет под водою.* — Ср. прим. 45—48 к стр. 562.

* * *

(«Ты знаешь, что изрек...»)

(стр. 353)

Написано в 1821 г. или 1823—1824 гг. Впервые напечатано: БЧТ, 1834, т. IV, под названием «Изречение Мельхиседека»; в этой публикации 6-я строка читается: «Зачем он шел дорогой скорбной слез». Вслед за Ас. 34 печатаем по тексту альбома, принадлежавшего П. Н. Батюшкову, единокровному брату поэта. Какое-либо «изречение» Мельхиседека — священнослужителя, упоминаемого в Библии, неизвестно. Н. В. Фридман

сближает батюшковского Мельхиседека с апокрифическими сказаниями о Мельхиседеке, упоминаемом в одном из посланий апостола Павла (ПССт. 322), однако Мельхиседек этих сказаний не имеет ничего общего с батюшковским, полностью отрицающим смысл жизни. Он, напротив того, бессмертен, не имеет «конца жизни, уподобляясь сыну божию, пребывает священником навсегда». Таким образом, остается неясным, почему библейский Мельхиседек является у Батюшкова в роли мудреца, проповедующего бессмысленность человеческой жизни. Стихотворение напоминает афоризмы из библейской «Книги Экклесиаста»: «Суета сует, сказал Экклесиаст, суета сует, — все суета! Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем?» (глава 1). «Как вышел он нагим из утробы матери своей, таким и отходит, каким пришел, и ничего не возьмет от труда своего» (глава 5). «Потому что все дни его — скорби, и его труды — беспокойство, <...> и это — суета!» (глава 2). «Человек не может постигнуть всех дел, которые делаются под солнцем. Сколько бы человек ни трудился в исследовании, он все-таки не постигнет этого» (глава 8). Нельзя исключить возможность слияния двух библейских персонажей в некий собирательный образ, в особенности в период начинавшейся душевной болезни.

САТИРЫ, ЭПИГРАММЫ, НАДПИСИ,
ДРУЖЕСКИЕ ПОСЛАНИЯ,
НЕ ВОШЕДШИЕ В «ОПЫТЫ»

ВИДЕНИЕ НА БЕРЕГАХ ЛЕТЫ

(стр. 354)

Написано в 1809 г. Впервые напечатано: *РБ*, т. I, 1841. В 1810-х годах имело широкое распространение в списках. Печатаем вслед за *Ас. 34* и *ПССт* по *БТ*, в которую было вписано в 1814 г. Батюшков продолжал дорабатывать «Видение» и делать вставки уже после того как рукопись была им послана из деревни в Петербург Н. И. Гнедичу. Ему же Батюшков писал в конце ноября 1809 г.: «... Я прибавил: 1-е, из Москвы — ша-

ликовщину; 2-е, русских повивальных Саф, которые пути не знают к морю. В каком расположении духа ни будь, а их падение тебя насмешит». Ср. в другом месте: «Падение в реку сочинительницы Густава и еще какой-то Извековой меня самого до слез насмешили. Желал бы напечатать в лицах все это маранье: для рисовщика карриатур пространное поле» (письмо А. Н. Оленину от 23 ноября 1809). Печатать эту свою сатиру в «Опытах» Батюшков решительно отказался, несмотря на возможные материальные выгоды: «Лету ни за миллион не напечатано; в этом стою непоколебимо, пока у меня будет совесть, рассудок и сердце. Глинка умирает с голоду; Мерзляков мне приятель, или то, что мы зовем приятелем; Шаликов в нужде; Языков <Д. И.> питается пылью, а ты хочешь, чтоб я их дурачил перед светом. Нет, лучше умереть!» (письмо Гнедичу от начала августа 1816).

Первоначальные варианты «Видения», судя по спискам, были написаны более «по-домашнему». Некоторое тематическое и сюжетное сходство «Видение» имеет с сатирами французских поэтов А. Пирона (1689—1773) «Данше в Елисейских полях» и Ж.-Ф. де Лагарпа (1739—1803) «Тень Дюкло». В русской традиции сатирическое изображение литературной среды находим до Батюшкова в стихотворной сатире А. А. Шаховского «Разговор цензора и его друга», а также в «Послании к князю С. Н. Долгорукову» Д. П. Горчакова. Батюшков высмеял и эпигонов Карамзина, однако это у него составляет лишь небольшой эпизод и в основном сатира заострена против писателей, враждебных или чуждых карамзинизму. Новое литературное летосчисление в «Видении» Батюшков начинает с Богдановича, Карамзина и Дмитриева. «Карамзина топить не смею, ибо его почитаю,» — пишет Батюшков Гнедичу в письме от конца ноября 1809 г., в ответ на предложение включить Карамзина в сатирическую панораму «Видения». «Видение» пользовалось широким признанием в арзамасских кругах, вызвало неудовольствие шишковистов и, по дошедшим до Батюшкова слухам, Державина (письмо Гнедичу от 23 марта и 1 апреля 1810 г.). «Видению» подражали Жуковский, Пушкин, Баратынский и другие поэты.

- ¹ ... *Бобровым утомленный*... — Имеется в виду специфическая затрудненность безрифменных стихов С. С. Боброва (о нем см. прим. 1 к стр. 563).
- ³⁵ *Певец прелестных мечты*... — И. Ф. Богданович.
- ⁴¹ ... *Отец стихов «Тилемахиды»*... — Речь идет о В. К. Тредиаковском (о несправедливом отношении к нему Батюшкова ср. прим. на стр. 503).
- ⁴³ *Барков Иван Семенович (1732—1768)* — автор порнографических стихов.
- ⁵⁶ ... *Майнин сын*... — Гермес, сын Зевса и Майи (Земли); вестник богов; сопровождал в Аид души умерших.
Верзляков — поэт А. Ф. Мерзляков; далее имеются в виду его переводы из древних поэтов и стихотворение «Тень Кукова на острове Овги-ги».
- ¹¹⁵ *Писать... все прозой, без сров.* — Намек на литератора Д. И. Языкова (1772—1845), не употреблявшего твердых знаков.
- ^{123–135} *Из белокаменной Москвы... для женщин милых*... — насмешка над эпигонами сентиментализма.
- ¹⁴⁰ ... *тупей*... — прическа со взбитым хохлом в волосах.
- ¹⁴¹ *Поэт присяжный, князь вралея*... — князь П. И. Шаликов (1767—1852), осмеивавшийся за чрезмерную сентиментальность.
- ¹⁵⁰ *Вот мой баран, моя Аглая*... — насмешка над сентиментально-пасторальными темами Шаликова.
- ^{156–162} *Я русский и поэт*. — Имеется в виду С. Н. Глинка (1775—1847), издатель патриотического «Русского вестника»; назван *Жан-Жаком* (Руссо) как его поклонник, *Расином* — как автор «классических» трагедий, *Юнгом* — как переводчик «Ночей» этого английского поэта, *Локком* — как автор статьи о воспитании в духе английского философа Локка.
- ¹⁶⁹ ... *Сафы русские печальны*... — Е. И. Титова, опубликовавшая драму «Густав Ваза, или торжествующая невинность», А. П. Бунина (см. прим. на стр. 564), М. Е. Извекова (1794—1830).
- ¹⁸⁹ ... *Виноносный гений*... — С. С. Бобров (ср. эпиграмму «Как трудно Бибрису со славою ужиться»). Далее Батюшков пародирует стиль Боброва.

- ¹⁹³ *Глазунов Иван Петрович (1762—1831)* — книгопродавец.
- ²⁰¹ *Эгида.* — Здесь — Афина.
- ^{212–241} *Призра́к чудесный и великий... Аз есмь зело славенофил...* — имеются в виду А. С. Шишков и его последователи. Этот пассаж позднее стал классическим образцом пародирования «арзамасцами» поэтов-архаистов, членов «Беседы любителей русского слова».
- Курганов Николай Гаврилович (1726—1796)* — автор книги «Письмовник», пособия по русской грамматике и фразеологии с текстами анекдотов.
- И топят старца Гермогена.* — Намек на поэму С. Шихматова «Пожарский, Минин, Гермоген, или спасенная Россия».
- ²⁴⁵ *Певец любовныхъ езды...* — В. К. Тредиаковский, переводчик в стихах прозаического романа французского писателя П. Тальмана (1642—1712) «Езда в остров любви». «Деидамия» — классицистическая трагедия Тредиаковского. Батюшков осмеивает ее незаслуженно. А. С. Пушкин в послании 1814 г. «К Батюшкову» по этому поводу писал: «Но Тредьяковского оставь / В столь часто рушимом покое».
- ²⁵⁷ *Один, один славенофил...* — В этих стихах речь идет не столько о литературной, сколько о государственной деятельности адмирала А. С. Шишкова, о заслуженной им репутации независимости.
- ²⁶² *Тут тень к Миносу подошла...* — Здесь дан образ И. А. Крылова, в соответствии с условно-литературным представлением о баснописце-мудреце, ни во что не ставящем царящую в мире суету; в какой-то мере — с шутивным преувеличением черт «бытового» Крылова. См. также характеристику Крылова в «Похвальном слове сну» и в «Певце в беседе любителей русского слова».
- ²⁷³ «Почта» — сатирический журнал Крылова «Почта духов», издававшийся в 1789 г. в форме переписки с арабским волшебником духов, попавших в Петербург.

КНИГИ И ЖУРНАЛИСТ

(стр. 363)

Написано в июле или августе 1809 г. Впервые напечатано: *Цв.* 1809. Вслед за *Ас. 34* и *ПССт.* печатаем по *БТ.* Свободное подражание эпиграмме французского поэта А. Пирона (1689—1773) на противника Вольтера писателя П. Дефонтена («Э! уничтожь свои глупые писания!»). Батюшков ввел в эпиграмму басенных зверей (крот и мышь).

ИЗ АНТОЛОГИИ

(стр. 364)

Написано, предположительно, в 1810 г. Впервые напечатано: *ВЕ*, 1810, № 14, с цензурным вариантом последней строки («Когда не волк его, Алкид изволит съесть?»). Вслед за *Ас. 34* и *ПССт.* печатаем по тексту *БТ.* Перевод эпиграммы греческого поэта Антипатра Фессалоникского (I в. до н. э. — I в. н. э.), сделанный с французского перевода Вольтера («На жертвоприношения Гераклу»).

² *Маин сын* — Гермес.

³ *Алкид* — Геракл, рожденный Алкменой от Зевса.

ИСТИННЫЙ ПАТРИОТ

(стр. 364)

Написано, предположительно, в 1810 г. Впервые — *Цв.*, 1810, № 6, под названием «Рыцарь нашего времени». Было вынута автором из 2-го тома «Опытов» уже после его отпечатания; большая часть тиража была для этого разброшюрована и сброшюрована заново. Сохранились экземпляры 2-го тома в первоначальном виде, где эпиграмма помещена на стр. 199. Следуя этому тексту, печатаем во 2-м стихе *остатки*, вместо принятого в *Ас. 34* и *ПССт.* «останки». Направлено против пишковых и одновременно против светской галломании (ср. прим. на стр. 578).

¹ *Прадед Филарет!* — По всей вероятности здесь некий собирательный образ духовного лица допетровской эпохи.

НА ПОЭМЫ ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ

(стр. 365)

Написано, предположительно, в 1812 г. Впервые напечатано: *ПРП*, 1815, ч. 4. О многочисленных «петриадах» и отношении к ним Батюшкова см. прим. 2 к стр. 522.

ПЕВЕЦ В БЕСЕДЕ ЛЮБИТЕЛЕЙ РУССКОГО СЛОВА

(стр. 365)

Написано в первой половине марта 1813 г. Впервые напечатано: *Совр.*, 1856, № 5 под заглавием «Певец в беседе славянороссов». Воспроизводим текст *Ас. 34*, подготовленный Д. Д. Благим по списку А. М. Горчакова (по-видимому, середины 1810-х годов). Майков привел данные об участии баснописца А. Е. Измайлова в сочинении «Певца» (*М I*, 376). В рукописном сборнике А. Е. Измайлова (*ГПБ*) есть варианты, возможно, ему и принадлежащие. В сатире использован жанр, ритм, строфика и фразеология лирико-героического стихотворения В. А. Жуковского «Певец во стане русских воинов», с целью высмеять литературную воинственность писателей-архаистов, членов «Беседы любителей русского слова», стремившихся сохранить в неприкосновенности национальную старину. Так же как «Видение на берегах Леты», «Певец...» пользовался огромной популярностью в «арзамасской» среде, ему подражал Пушкин-лицеист в стихотворении «Пирующие студенты». Были взяты на вооружение меткие пародийные характеристики писателей-шишковцев. Их сатирическое сближение с незаслуженно осмеянным по тогдашней традиции Тредиаковским есть также в «Видении на берегах Леты». «Певец...» написан в более язвительном тоне, чем «Видение на берегах Леты».

³⁰ ... *С Ролленем за плечами!* — Имеется в виду переведенная Тредиаковским десятитомная «Древняя история» французского историка Шарля Роллена.

⁵⁴ *Шихматов* — см. прим. 212 к стр. 580.

⁶⁹ *Николев* Николай Петрович (1758—1815) — автор классицистических трагедий.

- ⁷⁰ ... *прах календарей*... — Имеются в виду дешевые неприязнительные справочники, популярные в XVIII в.
- ⁷²⁻¹⁰² «*Беседы*» *царь... седой дед*... — А. С. Шишков. Стихи были особенно нецензурны, так как в них имитируются строки об Александре I из «*Певца*...» Жуковского.
- ¹⁰⁶ *Потемкин* Сергей Павлович, граф (1787—1858) — поэт и театрал, член «Беседы».
- ¹⁰⁷ *Жихарев* Степан Петрович (1788—1860) — драматург и переводчик, участник заседаний «Беседы», автор «Записок», в которых юмористически рассказывается о заседаниях «Беседы». После прекращения в 1815 г. деятельности «Беседы» стал членом общества «Арзамас». Осмеивается его поэма «Барды».
- ¹¹⁷ *Шаховской* Александр Александрович, князь (1777—1846) — драматург, театральный деятель, автор героикокомической поэмы «Расхищенные шубы» и, позднее, комедии «Урок кокеткам, или Липецкие воды», где пародировался Жуковский и его баллады.
- ¹²⁰ *Ежова* Екатерина Ивановна (1787—1837) — актриса, с которой Шаховской был близок.
- ¹²⁴ *Карабанов* Петр Матвеевич (1765—1829) — переводчик «Альзиры» Вольтера.
- ¹²⁶ *Хвостов* Дмитрий Иванович, граф (1757—1835) — поэт, снискавший в свое время репутацию графомана, автор множества стихов и басен с абсурдными словосочетаниями. Имел слабость везде носить с собой и читать свои произведения. К нему пародийно применены стихи из «*Певца*...» Жуковского об атамане Платове.
- ¹³⁸ *Захаров* Иван Семенович (1754—1816) — переводчик и чтец в «Беседе».
- ¹⁴¹ *Львов* Павел Юрьевич (1770—1825) — писатель из лагеря архаистов.
- ¹⁴³⁻¹⁴⁴ *Палицын* Александр Александрович (ум. 1816) — поэт-дилетант, преданный Шишкову. *Поповка* — его деревня.
- ¹⁴⁵ *Наш пасмурный Гервей*... — Евстафий Иванович Станевич (1775—1835), подражатель английского писателя Д. Гервея (1714—1758); подвергся резкой критике в журнале «Вестник Европы».

- ¹⁴⁸ Анастасевич Василий Григорьевич (1775—1845) — библиограф и переводчик, часто употреблявший полонизмы; Батюшков намекает на его усердие в «Беседе», членом которой он был.
- ¹⁵⁰ Соколов — лицо, выступавшее в «Беседе» в качестве чтеца.
- ¹⁵⁸ Политковский Гавриил Герасимович (ок. 1770— после 1824) — писатель-дилетант.
- ¹⁶⁷ Кто пишет так, как говорит... — Речь идет о карамзинистах. Ср. примечание на стр. 578.
- ¹⁷⁹ Пролог — популярный в допетровской Руси сборник житий святых, поучений и назидательных рассказов о монашеских подвигах.
- ¹⁹⁴ Чу... петухи пропели. — Мотив, часто фигурирующий в балладах Жуковского в сценах, когда на утренней заре разбегается нечистая сила.

ЗАПРОС АРЗАМАСУ

(стр. 373)

Написано 4 марта 1817 г. Впервые напечатано: *МIII*, 431 в составе письма Батюшкова к П. А. Вяземскому от 4 марта 1817 г. Подражание стихотворению Вольтера «Три Бернара».

Три Пушкина — В. Л. Пушкин (1766—1830), поэт, дядя А. С. Пушкина; А. М. Пушкин (1769—1825), дальний родственник обоих, писатель, театрал, переводчик Мольера, известный остроумец и вольтерьянец; под третьим, вероятнее всего, подразумевается А. С. Пушкин (см. Благой, *Ас.* 34, стр. 573). Упоминание о Москве этому не противоречит, так как А. С. Пушкин был москвичом по рождению и ближайшим родственным связям. По предположению Н. В. Фридмана, под третьим Пушкиным подразумевается Н. С. Бобрищев-Пушкин (1800—1871), будущий декабрист, опубликовавший в 1817 г. несколько слабых стихотворений в *ВЕ*. Основанием для этого предположения служит, в сущности, только тот факт, что в последней строке «Запроса» имеется в виду эта публикация Бобрищева (установлено Майковым, *III*, 740). Однако отождествление с ним третьего Пушкина противоречит ироническому смыслу и

каламбурной форме «Запроса», в котором проводится синонимия слов *поэт* и *Пушкин*; характерно и контрастное размещение Пушкиных-поэтов в 1-й строке и Бобрисцева в последней. Смысл стихотворения в том, что тот, кто Бобрисцев, тот не поэт (плохой поэт).

Смысл этим не исчерпывается. В стихотворении Вольтера, подражанием которому является «Запрос», под «тремя Бернарами» подразумеваются разные стороны литературной деятельности одного и того же поэта. Батюшков использовал этот прием, но семантически его усложнил. В отличие от Вольтера, у которого под тремя Бернарами подразумевается исключительно одно лицо, у Батюшкова парадокс заключается в том, что речь идет одновременно о трех разных поэтах-Пушкиных (ср. строку «Талантом, может быть, они и не равны») и об одном в трех лицах, причем этим одним выступает В. Л. Пушкин, оказываясь, таким образом, Бобрисцевым, т. е. плохим поэтом. Достигается это каламбурными характеристиками, каждая из которых одновременно является и характеристикой какого-либо Пушкина из трех, и характеристикой одного и того же В. Л. Пушкина. Так, «*один живет с женой*» — относится к женатому (на Е. Г. Воейковой) А. М. Пушкину, но относится и к В. Л. Пушкину, так как он состоял в гражданском браке (с А. Н. Ворожейкиной) и имел от нее двоих детей. Вместе с тем, В. Л. Пушкин «*живет и без жены*», так как второй брак его не оформлен официально, а с первой женой (К. М. Вышеславцевой) он давно в разводе. Стих «*А третий о жене и весточки не слышит*» относится и к юному А. С. Пушкину, но одновременно и к В. Л. Пушкину, разведенному еще с 1806 г. с первой женой и отнюдь не собиравшемуся оформлять свое «незаконное» сожителство. Слова «*плут*», «*прямо в ад ему дорога*» относятся к необузданному юному А. С. Пушкину, но опять же и к семейной ситуации В. Л., живущего в грехе, без церковного благословения. Остроумный замысел Батюшкова приоткрыт в ироническом стихе «*все одни имеют леты*», поскольку между тремя Пушкиными на самом деле была большая разница в возрасте. Правильность нашей версии подтверждается тем, что в период написания «Запроса» простодушно-самолюбивый В. Л. Пушкин дей-

ствительно считал еще себя единственным полномочным представителем Пушкиных в поэзии (это, как и семейная ситуация В. Л., обсуждалось и вышучивалось его друзьями-литераторами). П. А. Вяземский в «Записных книжках» иронически сообщает, что В. Л. Пушкин с комической важностью отказывал А. М. Пушкину в праве именоваться поэтом. К своему племяннику А. С. Пушкину, как известно, В. Л. относился в это время еще покровительственно. Это и дало Батюшкову повод пошутить над его слабостями.

В указанном выше письме, при котором был послан «Запрос», есть характерная приписка с намеком на «арзамасский» парадоксальный смысл стихотворения и одновременно с опасением обидеть именно В. Л.: «Успокой мою душу. Я в страшном недоумении. Задай это Арзамасу на разрешение. Прочитай это Сонцеву <М. М., родственник Пушкиных> и более никому. В худой час Василий Львович рассердится: у него бывают такие минуты, как и у меня грешного».

НАДПИСЬ К ПОРТРЕТУ П. А. ВЯЗЕМСКОГО

(стр. 373)

Написано 9 марта 1817 г. Впервые напечатано: *МIII*, 437, в составе письма к Вяземскому от 9 марта 1817 г., из которого следует, что надпись относится к его портрету, висящему у Батюшкова «на стене». Текст надписи весьма подходит к портрету Вяземского работы К. Я. Рейхеля (1817).

ПОСЛАНИЕ К А. И. ТУРГЕНЕВУ

(стр. 374)

Написано между октябрем 1817 г. и ноябрем 1818. Впервые напечатано: *ПОМ* на 1827 г. СПб., 1827, под названием «Послание к А. И. Т-ву». Напоминает стихотворение М. Н. Муравьева «К Феоне».

¹ ... дача за Невой — Приютино, имение президента Академии художеств А. Н. Оленина, где собирались художники и поэты, составлявшие «оленинский кружок». После Батюшкова было воспето Н. И. Гнедичем («Приютино», 1820).

- ⁷ ... добрая Элиза... — жена Оленина, Елизавета Марковна, урожд. Полторацкая.
- ²¹ Поэт, лентяй, счастливее... — Характеристика И. А. Крылова здесь не выходит за рамки условного образа баснописца (ср. прим. 262 к стр. 580). В письме к Н. И. Гнедичу от 1 ноября 1809 г. Батюшков писал: «Крылов родился чудачком. Но этот человек загадка, и великая!.. Играть и не проигрывать, скупость уметь соединить с дарованиями и редкими...»
- ³¹ Кипренский — см. прим. 41 к стр. 516; создал галерею портретов русских писателей, в том числе три портрета Батюшкова.
Тягислов — имя бездарного поэта, персонажа комедии И. А. Крылова «Проказники». По свидетельству Я. К. Грота (М I 420), Батюшков имел в виду П. М. Карабанова (о нем см. прим. 124 к стр. 583).
- ⁴² Балдусы — см. прим. 2 к стр. 563.

С. С. УВАРОВУ,

(стр. 375)

Написано во второй половине 1817 г. Впервые напечатано: СЦ на 1827 г. (под названием «К NN»), где текст имеет форму прямого обращения к адресату («Ты не утратил нежный вкус» и т. д.). В изд. Майкова, во всех советских изданиях, в том числе в настоящем, печатается не по этому источнику, а по тексту публикации М. П. Погодина (Москв., 1841, № 29), которая была сделана по автографу — дарственной надписи Уварову на экземпляре «Опытов» (экземпляр не сохранился). Совместно с любителем и знатоком древности, членом «Арзамаса» поэтом-дилетантом С. С. Уваровым (1786—1855) Батюшков в это время готовил статью «О греческой Антологии» (см. примечание на стр. 573). В 1830 г. Уваров выдвинулся на государственной службе, стал крайним консерватором, врагом Пушкина.

⁷ Аполлонов конь — Пегас.

⁸ Цитера — область в древней Греции, иносказательно — область любви.

¹¹ Солим — Иерусалим.

КНЯЗЮ П. И. ШАЛИКОВУ

(стр. 376)

Написано 11 сентября 1818 г. Впервые напечатано: *НРЛ* 1822 кн. 2, по инициативе Шаликова (о нем см. прим. 141 к стр. 579), для которого послание Батюшкова было лестным знаком внимания. В подзаголовке имеется в виду изданный в 1818 г. Шаликовым перевод «Новых повестей» французской писательницы С.-Ф.-Д. Жанлис. Любезный тон послания Батюшкова — дань вежливости, но в нем есть и искренняя сердечность: Батюшков очень грустил, собираясь надолго покинуть Россию для дипломатической службы в Неаполе, и даже в прощании с Шаликовым, привычным предметом его насмешек, есть нота сожаления. Стихотворение, как и письма Батюшкова этого времени, характеризует его настроение перед отъездом; ср. в письме А. И. Тургеневу от 10 сентября 1818 г.: «Я знаю Италию, не побывав в ней. Там не найду счастья: его нигде нет...»

В картузе с козырьком, с небритыми усами — стих В. Л. Пушкина из поэмы «Опасный сосед».

К ТВОРЦУ «ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО»

(стр. 378)

Написано между июлем и сентябрем 1818 г. Впервые напечатано: *ПЗ*, 1824. I—VIII тома «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина вышли в свет в начале 1818 г. Частично Батюшков был знаком с этим трудом и ранее: в 1811 г. он присутствовал на авторском чтении отрывков. Эпизод чтения Геродотом его «Истории греко-персидских войн» в присутствии Фукидида, будущего автора «Истории Пелопоннесской войны», взят Батюшковым из «Эмилиевых писем» М. Н. Муравьева. Можно предположить, что с Фукидидом Батюшков сопоставляет себя как участника и возможного будущего историографа новейших военных событий (1812—1814), не отраженных в «Истории» Карамзина.

¹² *Надежда крови благородной!* — Фукидид был сторонником умеренной олигархии в Афинах, противником демократии.

ПРОГУЛКА ПО МОСКВЕ

(стр. 379)

Написано во второй половине 1811 г. — первой половине 1812 г. Впервые напечатано: *РА*, 1869, стр. 1191—1208. Заглавие дано первым публикатором П. И. Бартеневым (авторское отсутствует) по образцу заключительной фразы батюшковского текста («Прости, до будущей прогулки»). Принято Л. Н. Майковым и Д. Д. Благим (в *Ас.* 34). Мотивировку Майкова (*II*, 386) подкрепляет батюшковский замысел «прогулок по Петербургу» (см. прим. к «Прогулке в Академию Художеств»). Большую историческую ценность представляет в очерке картина допожарной Москвы.

- ¹ *Корнеты, чепчики, мужья и сундуки* — неточная цитата из стихотворного послания И. И. Дмитриева «К А. Г. Ссеверино» («Картон, ящички, мужья и сундуки»).
...протянули руки и выи для принятия оков гнуснейшего рабства. — Германские государства находились в это время в полной зависимости от Наполеона.
- ² *Дурачься, смертных род! В луне рассудок твой!* — стих Батюшкова из перевода отрывка XXXIV песни поэмы Ариосто «Неистовый Роланд». Речь идет о том, что у Ариосто сын Роланда Астольф находит на Луне рассудок своего отца.
Гион — Гюйон Жанна-Мария (1648—1717) — французская писательница, основательница квиетизма во Франции.
- ³ *Секвана* — римское название реки Сены.
- ⁴ *Кратес* (IV—III вв. до н. э.) — греческий философ, последователь Диогена.
- ⁵ *Прибавьте немножко вашей бесполезности...* — стихи из послания Вольтера к м-м Дені.
- ⁶ *Карусель, который стоил столько издержек...* — празднество, устроенное по инициативе правительства в июле 1811 г. в Москве, у Калужской заставы.
- ⁷ *Жорж, мадмуазель* — Маргарита Жозефина Веммер (1786—1867), знаменитая французская актриса, игравшая на московской сцене в 1809—1811 гг.

- ⁸ *Издатель «Русского вестника»* — С. Н. Глинка, из патриотических побуждений печатавший сдержанные отзывы об игре Жорж.
- ⁹ *Налейте мне еще шампанского стакан...* — стихи самого Батюшкова.
- ¹⁰ *Но французские актеры не лучше русских.* — Речь идет о московской французской труппе (оперной и комической), участвовавшей в спектаклях классических трагедий с Жорж в главной роли.
- ¹¹ *Хин-Хилла* — увечный капитан, герой романа французского писателя А.-Р. Лесажа «История Жиль Блаза из Сантьяны».
- ¹² *Увы, быстротекущие...* — слова Горация из стихотворения «К Постуму».

МЫСЛИ

(стр. 394)

Написано в первой половине 1810 г. Впервые напечатано: *ВЕ*, 1810, № 13. Относится к жанру «максим» (афоризмов), характерных для французской литературы XVII—XVIII вв. Об этих своих афоризмах Батюшков писал 26 июня 1810 г. Жуковскому, редактировавшему тогда при поддержке М. Т. Каченовского «Вестник Европы»: «О прозе не говори Каченовскому, что я — ее сочинитель, ибо я не хочу, ибо я марал это от чистой души, ибо я не желаю, чтобы знали посторонние моих мыслей и ересей».

- ¹ *Великие мысли истекают из сердца.* — Афоризм из книги французского писателя Л. де Вовенарга (1715—1747) «Максимы».
- ² *Кондильяк Этьен (1715—1780)* — французский философ; Батюшков имеет в виду фразу из его книги «искусство рассуждать».

ВОСПОМИНАНИЕ МЕСТ, СРАЖЕНИЙ
И ПУТЕШЕСТВИЙ

(стр. 395)

Написано во второй половине 1816 г. Впервые напечатано: *Москва*, 1851, ч. II.

- ¹ *Здесь, в Каменце...* — В Каменце-Подольском Батюшков служил в свите генерала Бахметьева с июля по декабрь 1815 г.
- ² *Руисдаль* — Рейсдаль Якоб (1628 или 1629—1682) — голландский живописец, в своих пейзажах изображавший величественную и мощную природу.
- ³ *Воверман* — Воуверман Филипс (1619—1668), голландский живописец, эффектно изображавший группы всадников.
- ⁴ *Тирас* — греческое название р. Днестра.
- ⁵ *Мое воображение хозяин в доме...* — Батюшков перефразирует ставшее крылатым французское выражение «L'imagination est la folle du logis» («Воображение — это помешанная в доме»), которое связывают с именами Мальбранша, Вольтера и Монтеня.
- ⁶ *... в шалаше моего Петина...* — ср. «Воспоминание о Петине».
- ⁷ *... кусок черствого хлеба, parca mensa...* — Имеются в виду слова из «Анналов» Тацита: «progrgia et parciore mensa» («за столом, по чину умеренным»).

ВОСПОМИНАНИЕ О ПЕТИНЕ

(стр. 398)

Написано в 1815 г. (авторская помета «9 ноября»). Впервые напечатано: *Москва*, 1851, ч. II. Петин Иван Александрович (1789—1813) — воспитанник Московского университетского благородного пансиона, где учился несколькими годами позже Жуковского и Александра И. Тургенева; с обоими был хорошо знаком. В юности написал и напечатал несколько стихотворений и басен. По-видимому, нелюбезное мнение, высказанное о его стихах Батюшковым, побудило Петина оставить литературу. В 1809 г. Жуковский предлагал ему сотрудничать в *ВЕ*, но Петин ответил письмом со стихами:

От Феба в чистую отставку я уволси
И больше с музами знакомства не веду.

В качестве профессионального военного участвовал в «Военном журнале». Библиография: *МП*, 476—477.

Был убит в сражении под Лейпцигом. Ему посвящено одно из лучших произведений Батюшкова «Тень друга», а также послание «К Петину». Батюшков хлопотал о памятнике на могиле Петина и в письме к его матери писал 13 ноября 1814 г.: «Мы уважали в нем редкие его качества: неустрашимость в опасности, постоянную кротость, любовь к товарищам, снисхождение к подчиненным, добродушие и откровенность в обществе, светлый ум и прекрасную душу...» Много позднее, уже будучи душевнобольным, Батюшков часто рисовал могилу Петина (М II, 477).

- ¹ ...послание «О выгодах умереть в молодости...» — По-видимому, имеется в виду одно из посланий С. С. Уварова (см. примечание на стр. 587), написанных по-французски.
- ² ...красноречивый римлянин... — Цицерон в трактате «О старости» («De senectute»).
- ³ В 1807 году... Речь идет о походе в Пруссию в составе ополчения (милиции).
- ⁴ Фридланд — город в Восточной Пруссии, где русские войска были разбиты Наполеоном.
- ⁵ Уже не придут в сонм друзей... — Цитата из «Певца во стане русских воинов» В. А. Жуковского.

ЧУЖОЕ — МОЕ СОКРОВИЩЕ

Из записной книжки 1817 г.

(стр. 410)

Написано летом 1817 г. Впервые напечатано: М. II, 288—367. Еще одна сохранившаяся записная книжка Батюшкова («Разные замечания») частично опубликована Н. В. Фридманом (Известия Академии наук СССР, Отделение литературы и языка, 1955, т. XIV, вып. IV). По-видимому, существовали и другие, в частности с записями 1813—1814 гг. Записная книжка 1817 г. имеет заголовок «Чужое — мое сокровище!». Открывается замечками на обратной стороне переплета (приводим с сокращениями):

«Что писать в прозе.

Опыт об открытии Исландии <...>

О сочинении Радищева.

Что-нибудь об искусствах, например, опыт о русском ландшафте <...> О баталиях. О рисунке карандашом и проч.

О войне и баталиях относительно к живописи и поэзии.

Что-нибудь о немецкой литературе <...>

Записная книжка имеет эпиграф: «Во множестве старейшин ставай, и аще кто премудр тому прилепися: всяку повесть божественную восхожи слышати, и притчи разума да не убежат тебе! Аще узриши разумна, утренюй к нему и степени дверей его да треть нога твоя. Иисуса сына Сирахова». Далее следуют обширные выписки из философов, поэтов, критиков (русских, немецких, французских, итальянских, античных), зачастую с обширными комментариями Батюшкова.

- ¹ *Будущее... для меня очень тягостно с некоторого времени!*.. — Намек на разрыв с А. Ф. Фурман (см. примечание на стр. 536).
- ² *И вот как пишут историю!* — Стих из комедии Вольтера «Шарло».
- ³ *Раевский Николай Николаевич (1771—1829)* — генерал, один из выдающихся участников войны 1812 года; отец друзей Пушкина Александра и Николая Раевских. Батюшков рассказывает о сражении под Дашковкой, близ Могилева; во время кампании 1813—1814 гг. Батюшков служил при Раевском адъютантом.
- ⁴ *Милорадович Михаил Андреевич, граф (1771—1825)* — генерал, в 1812 г. командовавший авангардом главной армии.
- ⁵ *Витгенштейн Петр Христианович, граф (1768—1842)* — фельдмаршал; после смерти Кутузова некоторое время был главнокомандующим.
- ⁶ *Фабий — Фабий Максим (Кунктатор, ум. 203 до н. э.)* — римский государственный деятель и полководец, придерживавшийся тактики затягивания войны.
- ⁷ *Твой приятель (Жуковский) воспел в стихах.* — Имеются в виду стихи из «Певца во стане русских воинов»:

Раевский, слава наших дней,
Хвала! перед рядами
Он первый, грудь против мечей,
С отважными сынами.

- ⁸ Писарев — см. прим. 3 к стр. 518.
- ⁹ Давыдов — Лев Васильевич, брат поэта Дениса Давыдова, адъютант генерала Н. Н. Раевского.
- ¹⁰ У меня нет больше крови, которая дала мне жизнь... — Цитата из трагедии Вольтера «Эрифилла» (II, 1).
- ¹¹ Сен-Ламбер — см. прим. 20 к стр. 520.
- ¹² Воронцов Михаил Семенович, граф (1782—1856) — участник Отечественной войны, впоследствии новороссийский генерал-губернатор, недруг Пушкина.
- ¹³ ...тихий нрав в крови. — Неточная цитата из стихотворения Державина «Праздник воспитанниц Девичьего монастыря»; следует: «хлад бесстрастия в крови».
- ¹⁴ Д.—Р. де Дамас (см. прим. 2 к стр. 518).
- ¹⁵ «Paul et Virginie» («Поль и Виргиния») — сентиментальный роман французского писателя конца XVIII в. Бернардена де Сен-Пьера (1737—1814).
- ¹⁶ Он памятник себе воздвиг чудесный, вечный. — У Державина «Я памятник...» (стихотворение «Памятник»).
- ¹⁷ Княжнин. Взгляд на театр вообще... — Ср. суждения о влиянии климата на искусство в «Вечере у Кантемира» и «О характере Ломоносова».
- ¹⁸ Муравьев. Книги его изданы недавно. — См. примечание на стр. 509.
- ¹⁹ Переводы Кострова и Гнедича. — Е. И. Костров (в конце XVIII в.) переводил «Илиаду» александрийским стихом; Н. И. Гнедич — гекзаметрами. Батюшков подразумевает преимущество перевода Гнедича, хотя в собственных переложениях античных поэтов не придерживался размеров подлинника.
- ²⁰ Пушкин — В. Л. Пушкин, староста общества «Арзамас», дядя А. С. Пушкина.
- ²¹ Сумароков Панкратий Платонович (1765—1814) — второстепенный поэт из окружения Карамзина; Батюшков относился к нему снисходительно.
- ²² ...издание Жуковского и потом Кавелина. — Жуковский в 1810—1811 гг. издал в Москве «Собрание

- русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских и из многих русских журналов», в 5-ти частях. Вокруг этого издания разгорелись споры; Батюшков его одобрял. Дополнительный, 6-й том был издан в 1815 г. приятелем Жуковского Д. А. Кавелиным.
- ²³ *Письма И. М. из Нижнего.* — Имеются в виду изданные в 1813 г. «Письма из Москвы в Нижний-Новгород» И. М. Муравьева-Апостола, осуждающие «французоманию» в русском обществе и варварство наполеоновских войск.
- ²⁴ *Макаров* — см. примечание на стр. 495,
- ²⁵ *Дашков* — см. прим. 1 к стр. 518.
- ²⁶ *Никольский Павел Александрович (1790—1816)* — издатель, критик и переводчик, на которого его друзья возлагали большие надежды; был лично хорошо знаком Батюшкову.
- ²⁷ ... *Карамзин оставил Вестник.* — В 1809—1810 гг. журнал «Вестник Европы», издававшийся ранее Карамзиным, редактировался Жуковским, с 1811 г. — профессором Московского университета М. Т. Каченовским. Несмотря на архаизирующие тенденции Каченовского-критика, Батюшков относился к его эрудиции и мнениям с уважением.
- ²⁸ *Беницкий Александр Петрович (1780—1809)* — журналист, поэт и переводчик, автор «восточных» повестей; его не вполне реализованные способности Батюшков высоко ценил.
- ²⁹ *Колычев Василий Петрович (ум. 1797)* — драматург и поэт.
- ³⁰ *Батте Шарль (1713—1780)* и *Бутервек Фридрих (1766—1822)* — авторы печатных курсов по истории литературы; канонизировали эстетические нормы классицизма. Бутервек читал лекции в Геттингенском университете, где у него были и русские слушатели.
- ³¹ *Миллер Иоганн Мартин (1750—1814)* — немецкий писатель сентиментального направления.
- ³² *На светлоголубом эфире...* — У Державина в стихотворении «Видение Мурзы»: «На темноголубом эфире».
- ³³ *Как бедный часовой тот жалок...* — Цитата из стихотворения Державина «Приглашение к обеду».

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА К. Н. БАТЮШКОВА

- 1787 18 (29) мая в Вологде, в семье Николая Львовича Батюшкова и его жены Александры Григорьевны, урожд. Бердяевой, родился Константин Николаевич Батюшков.
- 1787—1797. Живет в родовом имении Батюшковых, сельце Даниловском Бежецкого уезда Тверской губернии.
1795. Смерть матери.
- 1797—1800. Пребывание во французском пансионе Жакино в Петербурге.
- 1801—1802. Пребывание в пансионе итальянца Триполи в Петербурге.
1802. Первое известное стихотворение «Мечта».
- 1802—1806. Живет в доме своего двоюродного дяди, писателя М. Н. Муравьева; служит в его канцелярии в Министерстве народного просвещения «письмоводителем по Московскому университету». Сближается с поэтом И. П. Пниним, Н. А. Радищевым (сыном А. Н. Радищева) и семьей знатока древности, будущего президента Академии художеств, А. Н. Оленина.
1805. Первое выступление в печати: в журнале «Новости литературы» опубликовано «Послание к стихам моим». Печатается в «Северном вестнике» и в «Журнале российской словесности». Принят в члены «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств».
1807. Записывается в ополчение (милицию), участвует в походе в Пруссию. Ранен (в ногу) под Гейльсбер-

- гом. Лечится в Риге в доме купца Мюгеля. Увлечение его дочерью. Перевод в гвардию. Жизнь в Петербурге и в доставшемся от матери сельце Хантоново Новгородской губернии.
1808. Участие в войне со Швецией. Во время похода в Финляндию написано послание «К Тассу» и переведен отрывок из поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим».
1809. В первой половине года находится в Швеции, затем получает отпуск и живет в Хантонове. Написаны «Видение на берегах Леты», «Воспоминания».
1810. Уходит в отставку в чине подпоручика. В Москве переводит Парни и Петрарку. Знакомится с Н. М. Карамзиным, завязывает дружбу с В. А. Жуковским, П. А. Вяземским, В. Л. Пушкиным. Вторую половину года живет в Хантонове.
1811. Первая половина года в Москве. Написаны «Мои пенаты».
1812. С начала года — в Петербурге. Служба в Публичной библиотеке помощником хранителя манускриптов. За несколько дней до Бородинской битвы приезжает в Москву и сопровождает вдову писателя Е. Ф. Муравьеву с детьми в Нижний Новгород.
1813. Приезд в Петербург. Увлечение воспитанницей Олениных Анной Фурман. Стихотворения «К Дашкову» и «Певец в беседе любителей русского слова». Снова зачисляется на военную службу. Едет в действующую армию, в Дрезден (Саксония) в качестве адъютанта генерала Н. Н. Раевского. Участвует в сражении под Лейпцигом.
1814. Участвует в боях во Франции и в осаде Парижа. Посещает замок Сирé, где жил Вольтер. Живет в Париже, посещает театры, Лувр, присутствует на собрании Академии. Получает отпуск и через Англию и Швецию возвращается в Россию. Написаны очерки «Прогулка в Академию Художеств», «Тень друга», «На развалинах замка в Швеции».
1815. Возвращается из отпуска в Каменец-Подольский, где находится его воинская часть. Заочно принят

- в карамзинистское общество «Арзамас». Написаны элегии: «Мой гений», «Разлука», «Таврида», «Надежда», «К другу», «Пробуждение», «Последняя весна» и ряд прозаических произведений.
1816. Приезжает в Москву. Переведен в гвардию, но решает выйти в отставку. Принят в «Московское общество любителей словесности». «Речь о влиянии легкой поэзии на язык». Готовит первый том «Опытов» (прозу) к печати. Написаны «Вечер у Кантемира» и стихотворения «Песнь Гаральда Смелого», «Гезиод и Омир, соперники». В конце года переезжает в Хантоново.
1817. Живет в Хантонове. Готовит второй том «Опытов» (стихи). Летом переезжает в Петербург. Участвует в заседаниях «Арзамаса». Написаны «Переход через Рейн», «Умиравший Тасс», «Беседка муз», часть стихотворений цикла «Из греческой антологии»; выходят два тома «Опытов», благожелательно оцененных критикой. Задуман ряд неосуществленных произведений (сказка «Бальядера», поэмы «Русалка» и «Рурик», курс по истории русской литературы).
1818. В начале года приезжает в Петербург и хлопочет о поступлении на дипломатическую службу. Выезжает лечиться в Крым, где увлекается археологией. После проводов в Петербурге и прощания с «арзамасцами» отбывает 19 ноября в Италию. В 1817—1818 создает цикл переводов из греческой антологии.
- 1819—1820. В начале года живет в Риме, затем в Неаполе, где поселяет у себя художника С. Щедрина и покровительствует колонии русских художников. Увлекается Байроном, которого читает в итальянских переводах. Переводит отрывок из «Чайльд-Гарольда», пишет стихотворение «Ты пробуждаешься, о Байя, из гробницы».
1820. Продолжает дипломатическую службу в Италии.
1821. Получает по состоянию здоровья бессрочный отпуск. Лечится на водах в Теплице. Пишет «Подражания древним». Задумывает новое издание своих стихотворений. Недоразумение с публикацией в СО элегии П. А. Плетнева «Б...», в из Рима», которую расценивает как враждебный выпад. В сентябре пере-

- езжает в Дрезден. Пишет «Изречение Мельхиседека» и сжигает все, что написал в Италии.
1822. Возвращается в Петербург, затем лечится на кавказских минеральных водах. Живет в Симферополе. Усиливающееся душевное расстройство.
1823. Сжигает свою библиотеку. Трижды покушается на самоубийство.
1824. Сестра увозит его в психиатрическую лечебницу в Зонненштейн (Саксония).
- 1824—1827. Безрезультатное лечение в Зонненштейне.
- 1828—1832. Живет у родственников в Москве.
- 1833—1855. Увольняется в отставку с назначением, по ходатайству В. А. Жуковского, пенсии. Живет у родственников в Вологде.
1855. 7 (19) июля умирает от тифа.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Титульный лист первого издания «Опытов» (1-я часть).* Рисунок И. А. Иванова, по наброскам А. Н. Оленина. Гравировал И. Ческий 7
- К. Н. Батюшков. Автопортрет.* Рисунок карандашом. 1810-е годы 128—129
- К. Н. Батюшков. Портрет маслом О. Кипренского.* Около 1815 г. 128—129
- К. Н. Батюшков. Гравюра Галактионова по рисунку О. Кипренского.* 1812 г. 128—129
- К. Н. Батюшков. Автозарисовка пером.* 1807 г. 128—129
- Вид Яузского моста и дома Шапкина в Москве.* Гравюра де ла Барта. 1797 г. 128—129
- Вид Кремлевского строения и его окружностей в Москве.* Гравюра де ла Барта. Конец XVIII в. 128—129
- Вид Моховой и дома Пашкова в Москве.* Гравюра де ла Барта. Конец XVIII в. 128—129
- Здание Академии Художеств в Петербурге.* Гравюра. Изд. А. Плюшара. 1820-е гг. 128—129
- Автограф письма Батюшкова к А. Н. Батюшковой из Неаполя 1 апреля (20 марта) 1819 г.* 157
- Титульный лист первого издания «Опытов» (2-я часть).* Рисунок И. А. Иванова по наброскам А. Н. Оленина. Гравировал И. Ческий 199

СОДЕРЖАНИЕ

ОПЫТЫ В СТИХАХ И ПРОЗЕ

Часть I

ПРОЗА

	Текст	Варианты	Прим.
I. Речь о влиянии легкой поэзии на язык, читанная при вступлении в «Общество любителей русской словесности» в Москве. Июль ... 1816	8		494
II. Нечто о поэте и поэзии . . .	20		499
III. О характере Ломоносова . . .	29		503
IV. Вечер у Кантемира	34		504
V. Письмо к И. М. М ^у равьеву ^А (постолу). О сочинениях г. Муравьева	52		509
VI. Прогулка в Академию художеств. Письмо старого московского жителя к приятелю, в деревню его Н.	71		512
VII. Отрывок из писем русского офицера о Финляндии	95		517
VIII. Путешествие в замок Сирей. Письмо из Франции к г. Д. ¹ .	104		518
IX. Две аллегорий			
I.	117		521
II.	119		

	Текст	Варианты	Прим.
X. Похвальное слово сну. Письмо к редактору «Вестника Европы»	122		522
Предисловие	124		
Похвальное слово сну	129		
XI. Ариост и Тасс	138		524
XII. Петрарка	149		526
XIII. Гризельда. Повесть из Боккаччо	165		528
XIV. О лучших свойствах сердца	176		528
XV. Нечто о морали, основанной на философии и религии	182		529

Часть II

СТИХИ

К друзьям	200		532
---------------------	-----	--	-----

ЭЛЕГИИ

Надежда	201		532
На развалинах замка в Швеции	202		533
Элегия из Тибулла. Вольный перевод	206		533
Воспоминание	210	535	534
Воспоминания. Отрывок	212	536	536
Выздоровление	214		538
Мщение. Из Парни	215	538	538
Привидение. Из Парни	217		539
Тибуллова элегия III. Из III книги	219		539
Мой гений	220		540
Дружество	221		540
Тень друга	222		541
Тибуллова элегия XI из I книги.			
Вольный перевод	224		541
Веселый час	227		542
В день рождения N , , , ,	230		542

	Текст	Варианты	Прим
Пробуждение	230		542
Разлука («Напрасно покидал...») . . .	231		543
Таврида	232		543
Судьба Одиссея	233		543
Последняя весна	234		544
К Г<недичу>	236	544	544
К Д<ашкову>	237		545
Источник	239		545
На смерть супруги Ф. Ф. К<оош-кин>а	241		546
Пленный	242		546
Гезиод и Омир, соперники	244		546
Примечание к элегии «Гезиод и Омир»	249		
К другу	250		548
Мечта	253		549

ПОСЛАНИЯ

Мои пенаты. Послание к Ж<уковскому> и В<яземскому>	260	551	550
Послание г<рафу> В<елеурско>му	270		553
Послание к Т<ургене>ву	271		553
Ответ Г<недичу>	274		554
К Ж<уковско>му	275	555	555
Ответ Т<ургене>ву	277		555
К П<ети>ну	279		556
Послание И. М. М<уравьеву>-А<постолу>	281		556

СМЕСЬ

Хор для выпуска благородных девиц Смольного монастыря	285		557
Песнь Гаральда Смелого	287		557
Вакханка	288		558

	Текст	Варианты	Прим.
Сон воинов. Из поэмы «Аснель и Аслега»	290	559	559
Разлука	292		560
Ложный страх. Подражание Парни	293		561
Сон могольца. Баснь	295		561
Любовь в челноке	297		561
Счастливец. Подражание Касты	299	562	562
Радость. Подражание Касты	301		562
К Никите	303		562
Эпиграммы, надписи и прочее	305		563
I. («Всегдашний гость, мучитель мой...»)	305		563
II. («Как трудно Бибрису со славою ужиться...»)	305		563
III. («Памфил забавен за столом...»)	305		563
IV. Совет эпическому стихотворцу	305		563
V. Мадригал новой Сафе	306		564
VI. Надпись к портрету Н. Н.	306		564
VII. К цветам нашего Горация	306		564
VIII. Надпись к портрету Жуковского	306		564
IX. Надпись к портрету графа Эммануила Сен-При	306		565
X. Надпись на гробе пастушки	307		565
XI. Мадригал Мелине, которая называла себя нимфою	307		566
XII. На книгу под названием «Смеель»	307		566
Странствователь и домосед	308	566	566
Переход через Рейн 1814	320		568
Умиравший Тасс	325		568
Примечание к элегии «Умиравший Тасс»	330		
Беседка муз	333		570

Текст Вари-
анты Прим.

ДОПОЛНЕНИЯ

ЭЛЕГИИ, ПЕРЕВОДЫ, ПЕРЕЛОЖЕНИЯ,
ЭПИТАФИИ, НЕ ВОШЕДШИЕ В «ОПЫТЫ»

Элегия	337	571
Стихи г. Семеновой	338	571
На смерть Лауры. Из Петрарки ^{1*}	339	571
Вечер. Подражание Петрарке . . .	340	572
Элизий	341	572
Переход русских войск через Неман 1 января 1813 года. Отрывок из большого стихотворения	343	573
Из греческой антологии	344	573
1. («В обители ничтожества уны- лой...»)	344	
2. («Свидетели любви и горести моей»)	344	
3. («Свершилось: Никагор и пла- менный Эрот...»)	345	
4. Явор к прохожему	345	
5. («Где слава, где краса, источ- ник зол твоих?...»)	345	
6. («Куда красавица?» — «За де- лом, не узнаешь...»)	346	
7. («Сокроем навсегда от зависти людей...»)	346	
8. («В Лаисе нравится улыбка на устах...»)	346	
9. («Тебе ль оплакивать утрату юных дней...»)	347	
10. («Увы! глаза, потухшие в сле- зах...»)	347	
11. («Улыбка страстная и взор красноречивый...»)	348	
12. («Изнемогает жизнь в груди моей остылой...»)	348	

	Текст	Варианты	Прим.
13. («С отвагой на челе и с пламенем в крови...»)	348		
*** («Ты пробуждаешься, о Байя, из гробницы...»)	349		574
*** («Есть наслаждение и в дикости лесов...»)	349		574
Надпись для гробницы дочери Малышевой	350		575
Подражание Ариосту	350		575
Подражания древним	351		576
1. («Без смерти жизнь не жизнь: и что она? сосуд...»)	351		576
2. («Скалы чувствительны к свирели...»)	351		576
3. («Взгляни: сей кипарис, как наша степь, бесплоден...»)	351		
4. («Когда в страдании девица отойдет...»)	352		
5. («О смертный! хочешь ли бедно перейти...»)	352		576
6. («Ты хочешь меду, сын? — так жала не страшись...»)	352		576
*** («Ты знаешь, что изрек...»)	353		576

САТИРЫ, ЭПИГРАММЫ, НАДПИСИ,
ДРУЖЕСКИЕ ПОСЛАНИЯ,
НЕ ВОШЕДШИЕ В «ОПЫТЫ»

Видение на берегах Леты	354	577
Книги и журналист	363	581
Из антологии	364	581
Истинный патриот	364	581
На поэмы Петру Великому	365	582
Певец в беседе любителей русского слова	365	582

	Текст	Варианты	Прим.
Запрос «Арзамасу»	373		584
Надпись к портрету П. А. Вяземского	373		586
Послание к А. И. Тургеневу	374		586
«С. С. Уварову»	375		587
Князю П. И. Шаликову (при получении от него в подарок книги, им переведенной)	376		588
К творцу «Истории государства Российского»	378		588

ПРОЗА,
НЕ ВОШЕДШАЯ В «ОПЫТЫ»

Прогулка по Москве	379		589
Мысли	394		590
Воспоминание мест, сражений и путешествий	395		590
Воспоминание о Петине	398		591
Чужое — мое сокровище. «Из записной книжки 1817 г.»	410		592
Мысли о литературе	422		

ПРИЛОЖЕНИЯ

Список сокращений	431		
И. М. Семенко. Батюшков и его «Опыты»	433		
Примечания (Сост. И. М. Семенко)	493		
Основные даты жизни и творчества К. Н. Батюшкова (Сост. И. М. Семенко)	596		
Список иллюстраций	600		

К. Н. БАТЮШКОВ
ОПЫТЫ В СТИХАХ И ПРОЗЕ

*

*Утверждено к печати
Редколлекцией серии
„Литературные памятники“*

*

Редактор издательства *О. К. Логинова*
Художник *Е. М. Дробязин*
Художественный редактор *Т. П. Поленова*
Технический редактор *О. М. Гуськова*
Корректоры *Л. С. Азапова, И. Р. Бурт-Яшина*

*

Сдано в набор 8/Х 1976 г. Подписано к печати 26/IV 1977 г.
Формат 70×90^{1/32}. Бумага № 1. Усл. печ. л. 22,2.
Уч.-изд. л. 26,5. Тираж 50000. Тип. зак. 1589.
Цена 3 р. 50 коп.

Издательство „Наука“
117485, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 94а

1-я типография издательства „Наука“
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»